

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия История.
Международные отношения

2020

Том 20

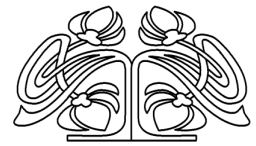
Выпуск 1

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2020 Том 20

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)
Издается с 2005 года

Серия История. Международные отношения, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Тотфалушин В. П.** М. Б. Барклай де Толли в советской художественной литературе первой половины XX века 4
- Тарасов О. А.** Учреждение Рязанской губернской тюремной инспекции и деятельность ее руководителей в 1912–1916 годах 9
- Дёмин Ю. А.** Советская политика в отношении бывших царских концессий в Иране (1921–1927 гг.): региональный и международный контексты 14
- Матиев Т. Х.** Особенности организации противотанковой обороны в ходе Малгобекской оборонительной операции 22
- Мякшев А. П.** Распад СССР и создание новой системы межэтнических отношений в Российской Федерации в 1990-е годы 27

Всеобщая история и международные отношения

- Репина Л. П.** Память о событиях в измерениях пространства и времени 34
- Кирюхин Д. В.** Образы власти в политических предсказаниях и астрономии: «Книга астрологии» Генриха VII как визуальный источник 41
- Булаева М. Н.** Социальный облик Лондона XIV века через призму завещаний 47
- Мосолкина Т. В.** Повседневная реальность Англии в художественной литературе и исторических источниках XIV–XV веков 58
- Болдырева О. Н.** Попытки Китая заключить военный союз с Калмыцким ханством в начале XVIII века 64
- Желобцов Ф. Ф.** Хроника событий 50-х годов XX века на Ближнем Востоке в отражении турецкого журнала «Акис» 69
- Насибова А. С.** Азербайджано-турецкое экономическое сотрудничество: становление и основные направления развития (1992–2010 годы) 75

Региональная история и краеведение

- Рабинович Я. Н.** «Новая Саратовская летопись» о событиях 1641–1650 гг. в Саратове 80
- Фортун А. А.** Выборы в волостные земства в Саратовской губернии 91
- Антощенко А. В.** Последний приезд Г. П. Федотова в Саратов 96
- Лёвин С. В.** Повстанческое движение в Балашовском уезде Саратовской губернии в годы Гражданской войны на страницах местных газет 102
- Клейтман А. Л.** История Нижнего Поволжья в трудах П. Г. Любомирова 107
- Котельников В. А.** Повседневная жизнь саратовской деревни в ходе хлебозаготовительной кампании 1929 г.: накануне «Великого перелома» 115
- Яковлева Ж. В.** Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье: на примере борьбы с православием (конец 1920 – начало 1940-х годов) 119
- Чолахян В. А.** Иностранцы-специалисты на промышленных предприятиях Нижнего Поволжья в 1920–1930-е годы 128
- Сушко М. Ю.** Язык как фактор сохранения исторической национальной самоидентичности жителей Саратовской области (по итогам переписи 2010 года) 134

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76642 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 07.00.02 – отечественная история, 07.00.03 – всеобщая история (соответствующего периода), 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования, 07.00.15 – история международных отношений и внешней политики)

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36018, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Батищева Татьяна Федоровна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Кочкаева Инна Анатольевна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Подписано в печать 25.03.20.
Подписано в свет 31.03.20.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 16,04 (17,25).
Тираж 500 экз. Заказ 8-Т.
Цена свободная

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2020

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методологические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области всеобщей и отечественной истории, региональной истории и краеведения, международных отношений, источниковедения и историографии, рецензии и хронику.

К рассмотрению принимаются статьи, написанные докторами и кандидатами наук, аспирантами, соискателями. Статьи, написанные в соавторстве (кроме тех случаев, когда оба автора – доктора наук), к рассмотрению не принимаются.

Объем статей должен составлять 20–40 тыс. знаков через полуторный интервал в формате MS Word для Windows и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем сообщений и рецензий – 10–20 тыс. знаков и до 2 рисунков и таблиц. Рецензии оформляются так же, как статьи.

Статья должна быть оформлена строго в соответствии с правилами и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова (5–10), текст статьи, благодарности и ссылки на гранты (если есть); примечания (концевые автоматические сноски);

– на английском языке: название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (имя, инициал отчества, фамилия, ORCID, место работы, почтовый адрес организации (с указанием индекса), e-mail), аннотация, ключевые слова.

Отдельным файлом оформляются сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail, телефон.

Требования к аннотации:

– должна отражать краткое содержание статьи; оптимальный объем 300–500 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

В примечаниях (концевых автоматических сносках) нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://imo.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: larisachernova@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Totfalushin V. P.** M. B. Barclay de Tolly in the Soviet Fiction of the First Half of the 20th Century 4
- Tarasov O. A.** Establishment of the Ryazan Provincial Prison Inspectorate and the Activities of its Leaders in 1912–1916 9
- Demin Iu. A.** The Soviet Policy Towards the Former Tsarist Concessions in Iran (1921–1927): Regional and International Contexts 14
- Matiev T. H.** Peculiarities of Organization of Anti-Tank Defense in the Malgobek Defense Operation 22
- Myakshov A. P.** The Collapse of the USSR and the Creation of a New System of Interethnic Relations in the Russian Federation in the 1990s 27

World History and International Relations

- Repina L. P.** Memory of Events in Measurements of Space and Time 34
- Kiryukhin D. V.** Images of Power in Political Prophecies and Astronomy: Henry VII's "The Book of Astrology" as a Visual Source 41
- Bulaeva M. N.** Social Image of London of the 14th Century through the Wills 47
- Mosolkina T. V.** Everyday Life of England in Fiction and Historical Sources of the XIV–XV Centuries 58
- Boldyreva O. N.** China's Attempts to Form a Military Alliance with the Kalmyk Khanate in the Early XVIII Century 64
- Zhelobtsov F. F.** Chronicle of the Events of the 50s of the XX Century in the Middle East in Reflection of the Turkish Magazine «Akis» 69
- Nasibova A. S.** Azerbaijani-Turkish Economic Cooperation: Formation and Main Directions of Development (1992–2010) 75

Regional History and Local Studies

- Rabinovich Ya. N.** «New Saratov Chronicle» about the Events of 1641–1650 in Saratov 80
- Fortun A. A.** The Election to Volost Zemsto in the Saratov Province 91
- Antoshchenko A. V.** George Fedotov's Last Visit to Saratov 96
- Lyovin S. V.** The Rebel Movement in Balashov Uyezd of Saratov Gubernia During the Years of the Civil War on the Pages of Local Newspapers 102
- Kleitman A. L.** History of the Low Volga Region in the Works by P. G. Lubimirov 107
- Kotel'nikov V. A.** Daily Life During the Grain Campaign of 1929: on the Eve of the «Great Turning» 115
- Yakovleva Zh. V.** Anti-religious Campaign in the Saratov Volga Region: on the Example of the Fight Against Orthodoxy (the End of the 1920s – the Beginning of the 1940s) 119
- Cholakhian V. A.** Foreign Specialists at the Industrial Enterprises of the Lower Volga Region in the 1920s–1930s 128
- Sushko M. Y.** Language as a Factor of Preservation of Historical National Self-Identity of Inhabitants of the Saratov Region (Based on the Results of the 2010 Population Census) 134

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Барабанов Олег Николаевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Дённингхаус Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор ист. наук, профессор (Оренбург, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел-Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Тисье Мишель, доктор истории, доцент (Ренн, Франция)

Федоров Сергей Егорович, доктор ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Oleg N. Barabanov (Moscow, Russia)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Dönningkhaus (Lüneburg, Germany)

Pyotr S. Kabytov (Samara, Russia)

Sergey V. Lyubichankovsky (Orenburg, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Sergey Yu. Monakhov (Saratov, Russia)

Donald J. Raleigh (Chapel Hill, USA)

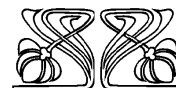
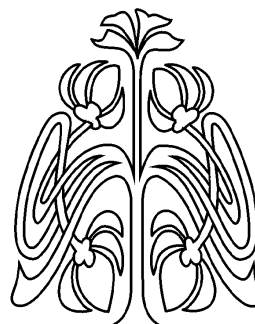
Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Michel Tissier (Rennes, France)

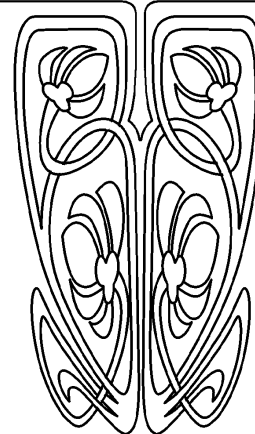
Sergey E. Fyodorov (St. Petersburg, Russia)

Susanna K. Tsaturova (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 821.161.1.09|19|+929 Барклай де Толли

М. Б. Барклай де Толли в советской художественной литературе первой половины XX века

В. П. Тотфалушин

Тотфалушин Виктор Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, TotfalushinVP@info.sgu.ru

В статье предпринята попытка дать обзор советской художественной литературы первой половины XX в. и выявить, как в ней оценена роль полководца М. Б. Барклая де Толли в эпоху Двенадцатого года. Автору удалось установить, что взгляды советских писателей синхронно повторяют все «изгибы» советской историографии: от полупризнания полководческих качеств Барклая и его заслуг в деле спасения армии (и объективно страны) до огульного шельмования.

Ключевые слова: М. Б. Барклай де Толли, М. И. Кутузов, советская литература первой половины XX в., Отечественная война 1812 года, историография.

M. B. Barclay de Tolly in the Soviet Fiction of the First Half of the 20th Century

V. P. Totfalushin

Viktor P. Totfalushin, <https://orcid.org/0000-0002-9598-0691>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, TotfalushinVP@info.sgu.ru

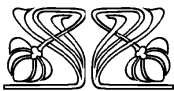
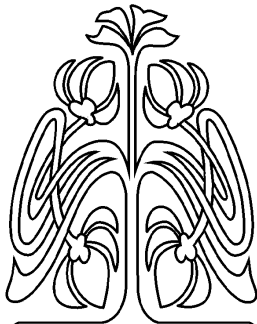
In this article an attempt to review the Soviet fiction of the first half of the 20th century to reveal how the role of the commander M. B. Barclay de Tolly is estimated there at the epoch of the Twelfth year is made. As a result of the analysis of literary works of that time it is possible to state that views of the Soviet writers synchronously reflect all the aspects of the Soviet historiography: from semi-recognition of qualities of a military leader Barclay and his merits in rescuing army (and objectively the country) to groundless defamation.

Keywords: M. B. Barclay de Tolly, M. I. Kutuzov, Soviet literature of the first half of the 20th century, Patriotic war of 1812, historiography.

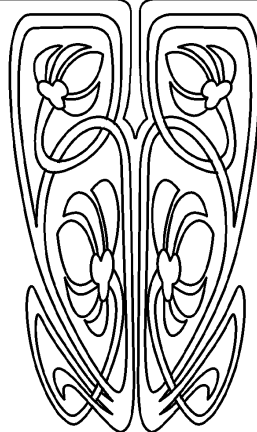
DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-4-8>

Опала, постигшая М. Б. Барклая де Толли в 1812 г., бросила тень на всю его оставшуюся жизнь и наложила тяжелую печать на посмертное восприятие облика полководца. Вероятно, ни один другой выдающийся русский военачальник нового времени не был окружен таким количеством пристрастных слухов и документально не подтвержденных суждений, иногда чисто легендарного свойства, не изжитых в общественном сознании и по сию пору. Это вызвало повышенный интерес исследователей к судьбе и боевому пути Барклая, которым посвящено не одно историческое сочинение в дореформенную¹, пореформенную², советскую³ и постсоветскую эпоху⁴.

Одновременно небывалый подъем национального самосознания в эпоху Отечественной войны и в последующие столетия привел к созданию большого пласта художественных произведений, отражающих ту героическую эпоху. Автор статьи уже предпринял обзор русской литературы первой половины XIX в. с целью выявить, как в ней отразилась и была оценена роль М. Б. Барклая де Толли⁵. В настоящей работе поставлена задача рассмотреть оценку, данную полководцу в советской беллетристике.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

По нашим наблюдениям, аналогичных попыток в историографии еще не предпринималось. Лишь к 150-летию Отечественной войны 1812 г. появились две небольшие заметки обзорного характера: в первой автор представил шесть художественных книг о войне, «которые учитель может рекомендовать учащимся для внеклассного чтения...»⁶, во второй – четыре пьесы 1940-х гг., посетовав, что «эпопея «1812 год» еще ждет своего сценического воплощения»⁷. При этом Барклай в этих заметках только упоминается.

Специальных научных работ о событиях 1812 г., а тем более о М. Б. Барклае де Толли, в ранней советской историографии длительное время не было. Лишь Постановление ЦК ВКП (б) и СНК 1934 г. «О преподавании истории в школе», возросший интерес к отечественной истории, 125-летний юбилей Отечественной войны 1812 г., а также 125-летие со дня смерти М. И. Кутузова изменили положение и способствовали публикации в 1937–1938 гг. первых серьезных исследований о победе России над Наполеоном М. С. Свечникова⁸, Н. А. Левицкого⁹ и Е. В. Тарле¹⁰. Примерно в это же время появляется ряд художественных произведений, посвященных Наполеоновским войнам, но только в двух из них М. Б. Барклаю де Толли отведено достаточно много места. Так, в повести В. П. Аристова дан следующий портрет Барклая: это «лысый и невзрачный генерал» с «белесыми, ничего не выражавшими глазами», который ходит «как-то странно, точно связанный», и роняет голову «бессильно, по-старчески», на грудь. Но этот невзрачный полководец противостоит штабным честолюбцам, которые «мечтают об отличиях», не понимая, что «неприятельская армия, продолжая наступление, растает среди русских пространств»¹¹.

Более подробно рассказывает о ситуации, сложившейся вокруг Барклая к моменту прибытия в войска М. И. Кутузова, В. А. Соловьев (историческая хроника написана в 1938–1939 гг.): «Все в злобе на него: и войско, и друзья»¹². Багратион называет его «изменником» и «трусом», а новый главнокомандующий, признавая спасительность стратегии своего предшественника, постоянно упрекает его сдачей Смоленска¹³.

Ситуация меняется на Бородинском поле, где «смерти ищет он (Барклай. – В. Т.), иль презирает смерть!» Багратион признает: «Я перед ним не прав... Он храбр и честен...»¹⁴, а Кутузов в Тарутино при расставании с Барклаем якобы говорит: «Прощай, Барклай! Быть может, через год // Иль чрез 10 лет, но верь – в моей Отчизне // Твой мудрый замысел оценит весь народ...»¹⁵.

Любопытно, что сам Соловьев, очевидно, не очень верит в примирение полководцев, вкладывая в уста Барклая следующие слова: «Старик лукавый // Сумел меня и здесь от дела отделить // Он и моей, как видно, славы // Ни с кем не хочет разделить»¹⁶.

Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., наряду с исследовательскими работами, выходили многочисленные пропагандистские статьи и брошюры на исторические темы¹⁷, а также широко публиковались художественные произведения о войне с Наполеоном. В них одним из излюбленных сюжетов была партизанская война, где Барклаю не находилось места, другим – прославленные полководцы той эпохи. Но если у В. М. Саянова (повесть написана в 1941 г.) Барклай лишь включен в «наш круг знаменитый» вместе с генералами Кульневым, Раевским и Тучковым¹⁸, то на страницах произведений других авторов ему отведено немало места. Так, в романе С. Н. Голубова (1943 г.) правдиво переданы взаимоотношения П. И. Багратиона и М. Б. Барклая де Толли с начала кампании 1812 г. и до Бородинской битвы. Их споры представлены автором как столкновение двух концепций военной мысли: наступательной и отступательной, образ Барклая, его роль и судьба раскрываются в духе пушкинской трактовки. В изображении Голубова этот скромный, благородный, умный, образованный, храбрый и энергичный военачальник с независимым характером и безукоризненной честностью¹⁹, который «так бережно и заботливо относился к русскому солдату», как «редкий русский генерал»²⁰, был «малообщителен и некрасноречив»²¹, «был плохим царедворцем и не умел плести интриги»²².

В начале кампании Барклай является «всего лишь точным исполнителем воли царя» и «ничего не знает» о его планах²³. Выведя войска из укрепленного лагеря при Дриссе и освободившись от опеки, генерал стал следовать своей линии: «уничтожить неприятеля его собственными силами, заставить его удалиться от своих источников и тем погубить»²⁴. После соединения армий в Смоленске «крайняя опасность наступательных операций была ему совершенно ясна»²⁵, и дальнейшие поиски позиций для сражения тоже носили формальный характер, «т. к. Барклай по-прежнему уклонялся от встречи с Наполеоном»²⁶.

Хотя отступательная стратегия в тех условиях была единственно верной и себя оправдала, но в результате «тридцать лет боевой дружбы с русским солдатом [по] шли насмарку. Клевета и народное презрение были единственной платой за верность и преданность»²⁷. Однако Барклай «не хотел отказаться от трудной роли, которую назначила ему судьба: спасти Россию»²⁸.

При Бородине он искал смерти, одновременно «вовремя подкреплял [резервами] слабые пункты»²⁹, и заслужил от Багратиона «два слова моих: спасибо... и виноват!»³⁰ Что касается М. И. Кутузова, то, по мнению С. Н. Голубова, «отстранив от главного командования генерала Барклая, он будет продолжать его линию...»³¹.

У Г. Д. Мдивани (драма написана в 1944 г.) Барклай де Толли появляется уже в прологе, еще

до начала боевых действий, когда читает Александру I записку князя Багратиона о наступательной войне³². Автор подробно описывает его малопривлекательную внешность: генерал «прямой и неподвижный, как мумия», его «сухой рот с тонкими, как будто мертвыми губами», «высокий лысый лоб бледен»³³.

Мдивани вспоминает прошлые заслуги полководца: «...Он со многими кавалериями и георгиями даже. Ходил на Наполеона, ходил на шведов...», «хороший генерал», но вровень с Багратионом его не ставит³⁴. Писатель вкладывает в уста Наполеона такую оценку Баркляя: «У него есть разум полководца, но не сердце полководца. ... И вообще он более похож на вдову великого человека, чем на великого человека. Впрочем, у меня он был бы хорошим маршалом»³⁵.

Оценивая действия Баркляя на первом этапе войны, Мдивани отказывает генералу в наличии обдуманного плана отступления. Командующий 1-й армии у него говорит: «И я веду армию назад, не зная предела отступления и часа боя...»³⁶. Правда, оговаривается автор, «здесь не так виноват Барклай, как негодный план обороны прусского генерала герр Пфуля»³⁷.

Несмотря на отступление, Багратион у Мдивани считает Баркляя честным человеком: «Предателем он не был и быть не может», а в распуски слухов об измене винит цесаревича Константина Павловича³⁸. Сам Кутузов на совещании перед Бородинской битвой говорит Баркляю: «Пока неприятель может хвалиться только территориями занятыми, а не победами. И это можно отнести к славе вашей... За заслуги эти история увенчает вас...»³⁹. Однако, проводив своего предшественника, Кутузов произносит: «Трудно самолюбие честного, но в делах несчастливому человека облегчать лживой улыбкой и лицемерием»⁴⁰.

На страницах пьесы К. А. Тренёва М. Б. Барклай де Толли появляется лишь в канун Бородинской битвы, в которой «о себе ... вовсе не заботится»⁴¹. Вообще мысль о поисках опальным полководцем смерти красной нитью проходит через все произведение писателя⁴². Характеризуя действия Михаила Богдановича на Бородинском поле, Тренёв, с одной стороны, подробно воспроизводит эпизод с визитом Вольцогена к Кутузову, во время которого главнокомандующий по-чапаевски упрекает Баркляя: «Впереди всех? Это еще не лучший генерал. А солдат своих он плохо знает, если позволяет говорить об их бегстве»⁴³, но с другой – признает, что именно командующий 1-й Западной армией, а не Кутузов прислал Багратиону подкрепления в трудную минуту⁴⁴. Последний говорит: «Передайте Баркляю, я его глубоко уважаю. На него великая надежда сейчас...»⁴⁵.

Главным утешителем опального генерала у Тренёва, как и у Мдивани, выступает сам Кутузов: «Мне тоже бросают камни в стекла. А

после смерти портреты наши за стекло заведут, чтобы пылинки на них не упало»⁴⁶. Михаил Илларионович изображен в пьесе продолжателем стратегической линии Баркляя. В ответ на слова последнего: «Ни один человек не сказал, что я правильно делал, отступая перед врагом», полководец отвечает: «Я могу вам этого не говорить, потому что сам отступаю»⁴⁷. И все же главный герой пьесы Тренёва, конечно же, Кутузов. Барклай перед отъездом из армии говорит ему: «Сейчас спасение отечества только в вашей голове <...>. Дело ваше поднять некому <...>. Вас заменить нельзя»⁴⁸.

Таким образом, советская художественная литература 1930–1940-х гг. (так же, как и научная) оценивала действия М. Б. Баркляя де Толли в 1812 г. достаточно высоко и ставила его в один ряд с Кутузовым, хотя и явно после него. В главную заслугу генералу ставилось своевременное отступление армии вопреки общественному мнению и сопротивлению Багратиона и ее спасение.

После знаменитого письма И. В. Сталина полковнику Е. А. Разину⁴⁹ центральной фигурой в советской историографии 1950-х гг. становится М. И. Кутузов, которому начали приписывать все заслуги по разгрому Наполеона. Что же касается Баркляя, то началось его противопоставление фельдмаршалу, причем роль первого изображалась крайне тенденциозно. Эта концепция получила яркое отражение в монографиях П. А. Жилина⁵⁰, Л. Г. Бескровного⁵¹ и особенно Н. Ф. Гарнича⁵². Все это не могло не наложить отпечаток и на историческую прозу того периода.

Например, книга Н. В. Попова лаконична, по сути в ней два героя – Кутузов и Наполеон. Что касается Баркляя, то автор признает необходимость отступления и, более того, считает, что «Кутузов одобрял отвод Барклаем де Толли армии к Смоленску и дальше»⁵³. Он даже вкладывает в уста фельдмаршала слова, адресованные своему предшественнику: «...Я тебя ценю...», «Я очень понимаю тебя...»⁵⁴.

Однако на Бородинском поле ситуация меняется: здесь именно Кутузов перебрасывает подкрепления⁵⁵, а Барклай лишь получает упрек в том, что «не понял..., нет, не понял», что сражение выиграно⁵⁶. Да и в целом только Михаил Илларионович видит, как в народе разгораются вражда и жажда мести неприятелю⁵⁷.

С оглядкой на руководящие указания рисует портрет Баркляя и Н. А. Задонский. Относя его к «лучшим генералам русской армии»⁵⁸, автор тут же оговаривается, что «Барклай, конечно, не обладал такими знаниями, как Суворов и Кутузов»⁵⁹, а в деле развертывания партизанского движения не мог взять «на себя смелость разрешить вопрос»⁶⁰.

Не менее противоречив облик Баркляя в романе Л. В. Никулина (1950 г.). С одной стороны, это «храбрый, опытный, честный» военачаль-

ник⁶¹, который, став главнокомандующим 1-й Западной армией, «со всей своей добросовестностью и обстоятельностью взялся за дело», и «армия почувствовала руку испытанного полководца...»⁶². Автор считает, что «Барклай лучше, чем оголтелый и глупый Беннигсен или ленивый Витгенштейн»⁶³. Однако, словно спохватившись, Никулин пишет, что это был «безвольный», «трепещущий при одном взгляде» царя⁶⁴ генерал, который «не знал ... русского солдата...» и «ни в чем не перечил императору»⁶⁵.

Л. В. Рубинштейн пошел еще дальше. Описывая внешний облик Барклая, он заключает: «От самой его фигуры веяло несчастьем»⁶⁶. По мнению писателя, этот слуга императора имел кабинетную остроту зрения⁶⁷, у него не было «никакого плана кампании...»⁶⁸ Барклай не знал «ни Россию, ни армии, ни народа», ни даже «языка русского»⁶⁹, для него и «Москва не больше, чем позиция»⁷⁰, поэтому Барклай не смел «обратиться к стране»⁷¹ и «оказался не в состоянии создать народное сопротивление»⁷². «Нет, не так, совсем не так следует воевать за Родину!»⁷³, – восклицает Рубинштейн.

В этой ситуации спасти Россию мог «только русский человек и патриот»⁷⁴, которым, как видно из контекста, Барклай (в отличие от Кутузова) не являлся. Будучи заменен Кутузовым, «он не понимал, за что его лишили главнокомандования»⁷⁵. При Бородине генерал лишь искал смерти, а войска 1-й армии (по Рубинштейну) приказывал отправить на левый фланг уже сам Кутузов⁷⁶.

Таким образом, взгляд советских писателей на личность М. Б. Барклая де Толли и его роль в 1812 г. синхронно повторял все «изгибы» советской историографии: от полупризнания его полководческих качеств и заслуг в деле спасения армии (и объективно страны) до огульного шельмования.

Примечания

- 1 См.: *Тотфалушин В. П.* М. Б. Барклай де Толли в дворянской историографии Отечественной войны 1812 года // *Историограф. сб.* Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1989. Вып. 14. С. 35–49.
- 2 См.: *Тотфалушин В. П.* М. Б. Барклай де Толли в отечественной историографии 1861–1917 годов // *Историограф. сб.* Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1998. Вып. 17. С. 69–79.
- 3 См.: *Тотфалушин В. П.* М. Б. Барклай де Толли в Отечественной войне 1812 года : (советская историография темы) // *Историограф. сб.* Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1984. Вып. 11. С. 100–122.
- 4 См.: *Тотфалушин В. П.* М. Б. Барклай де Толли в современной российской историографии // *Бородино в истории и культуре : материалы междунар. науч. конф. (7–10 сент. 2009 г.)*. Можайск : Тип. ЗАО «Бородино», 2010. С. 217–236.

- 5 См.: *Тотфалушин В. П.* М. Б. Барклай де Толли в русской литературе первой половины XIX века // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения.* 2017. Т. 17. Вып. 3. С. 296–300. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-296-300
- 6 *Каргалов В. В.* Отечественная война 1812 года в советской прозе // *Литература в школе.* 1962. № 5. С. 89.
- 7 *Н. С.* День Бородина // *Театр.* 1962. № 9. С. 153–154.
- 8 См.: *Свечников М. С.* Война 1812 г. Бородино. М. : Воениздат, 1937.
- 9 См.: *Левцкий Н. А.* Война 1812 г. М. : Гос. воен. изд-во, 1938.
- 10 См.: *Тарле Е. В.* Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М. : Соцэргиз, 1938.
- 11 См.: *Аристов В. П.* Дело подполковника Энгельгардта : повесть. Смоленск : Запгиз, 1937. С. 14–15.
- 12 *Соловьев В. А.* Фельдмаршал Кутузов : ист. хроника в 5 актах, 10 картинах // *Соловьев В. А.* Исторические драмы. М. : Искусство, 1960. С. 120.
- 13 Там же. С. 116, 117–118, 120, 138, 141.
- 14 Там же. С. 135, 138.
- 15 Там же. С. 165.
- 16 Там же. С. 163–164.
- 17 См. об этом: *Бурдей Г. Д.* Историк и война, 1941–1945. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1991.
- 18 *Саянов В. М.* Повесть о Кульневе // *Саянов В. М.* Повести о русских воинах. М. : Сов. писатель, 1944. С. 52.
- 19 См.: *Голубов С. Н.* Багратион. М. : Гослитиздат, 1962. С. 90, 134, 135, 233.
- 20 Там же. С. 108.
- 21 Там же. С. 93.
- 22 Там же. С. 224.
- 23 Там же. С. 33, 28.
- 24 Там же. С. 192.
- 25 Там же. С. 144.
- 26 Там же. С. 208.
- 27 Там же. С. 211.
- 28 Там же. С. 135.
- 29 Там же. С. 298–299.
- 30 Там же. С. 317.
- 31 Там же. С. 248.
- 32 *Мдивани Г. Д.* Петр Багратион : ист. драма в 5 актах. М. ; Л. : Искусство, 1949. С. 5–8.
- 33 Там же. С. 44, 73.
- 34 Там же. С. 15.
- 35 Там же. С. 60.
- 36 Там же. С. 51, 55.
- 37 Там же. С. 36.
- 38 Там же. С. 22, 40.
- 39 Там же. С. 77.
- 40 Там же. С. 139.
- 41 *Тренёв К. А.* Полководец : пьеса в 4 действиях, 11 картинах с эпилогом. М. ; Л. : Искусство, 1945. С. 15.
- 42 Там же. С. 8, 15, 71.
- 43 Там же. С. 26.
- 44 Там же. С. 15, 18.
- 45 Там же. С. 18.

- ⁴⁶ Тренёв К. А. Полководец : пьеса в 4 действиях, 11 картинах с эпилогом. С. 71.
- ⁴⁷ Там же. С. 72–73.
- ⁴⁸ Там же. С. 73–74.
- ⁴⁹ Сталин И. В. Ответ на письмо Е. А. Разина // Большевик. 1947. №. 3. С. 4–8.
- ⁵⁰ Жилин П. А. Контрнаступление Кутузова в 1812 г. М. : Воен. изд-во, 1950.
- ⁵¹ Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 г. и контрнаступление Кутузова. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951.
- ⁵² Гарнич Н. Ф. 1812 год. М. : Госкультпросветиздат, 1952.
- ⁵³ Попов Н. В. Бородинское сражение. М. ; Л. : Изд. и ф-ка дет. книги Детгиза в М., 1947. С. 6.
- ⁵⁴ Там же. С. 76.
- ⁵⁵ Там же. С. 64, 65.
- ⁵⁶ Там же. С. 134.
- ⁵⁷ Там же. С. 7.
- ⁵⁸ Задонский Н. А. Денис Давыдов : ист. хроника. Куйбышев : Куйбышев. обл. гос. изд-во, 1952. С. 116, 183, 213, 219.
- ⁵⁹ Там же. С. 252.
- ⁶⁰ Там же. С. 256.
- ⁶¹ Никулин Л. В. России верные сыны. М. : Воен. изд-во, 1952. С. 12, 175, 255.
- ⁶² Там же. С. 174.
- ⁶³ Там же. С. 24.
- ⁶⁴ Там же. С. 12.
- ⁶⁵ Там же. С. 174, 175.
- ⁶⁶ Рубинштейн Л. В. Дорога победы. М. ; Л. : Детгиз, 1954. С. 376.
- ⁶⁷ Там же. С. 354, 377.
- ⁶⁸ Там же. С. 352.
- ⁶⁹ Там же. С. 355.
- ⁷⁰ Там же. С. 460.
- ⁷¹ Там же. С. 354.
- ⁷² Там же. С. 385.
- ⁷³ Там же. С. 355.
- ⁷⁴ Там же. С. 361.
- ⁷⁵ Там же. С. 396.
- ⁷⁶ Там же. С. 420.

Образец для цитирования:

Totfalushin V. P. М. В. Барклай де Толли в советской художественной литературе первой половины XX века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 4–8. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-4-8>

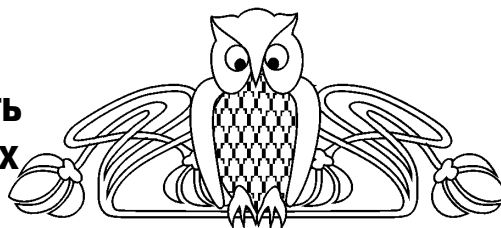
Cite this article as:

Totfalushin V. P. M. V. Barclay de Tolly in the Soviet Fiction of the First Half of the 20th Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 4–8 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-4-8>

УДК 94(47)

Учреждение Рязанской губернской тюремной инспекции и деятельность ее руководителей в 1912–1916 годах

О. А. Тарасов

Тарасов Олег Александрович, кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры философии и истории, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, г. Рязань, socratia@yandex.ru

В статье на основе архивных материалов рассматривается процесс введения в Рязанской губернии института губернской тюремной инспекции. Обозначены причины и условия ее учреждения. Предоставлена информация о личных качествах и служебной деятельности рязанских губернских тюремных инспекторов. Выделены основные направления и итоги их работы по организации штатной структуры инспекции, налаживанию взаимодействия с региональными местами лишения свободы и совершенствованию кадрового состава. Прослежены этапы личной карьеры губернских тюремных инспекторов.

Ключевые слова: история уголовно-исполнительной системы, Главное тюремное управление, Рязанская губерния, рязанская губернская тюремная инспекция, места лишения свободы, арестантские работы.

Establishment of the Ryazan Provincial Prison Inspectorate and the Activities of its Leaders in 1912–1916

O. A. Tarasov

Oleg A. Tarasov, <https://orcid.org/0000-0002-5806-6542>, Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia, 1 Senaya St., Ryazan 390000, Russia, socratia@yandex.ru

The article considers the process of introduction of the Institute of provincial prison inspection in the Ryazan province based on archival materials. The reasons and conditions of its establishment are shown. Some information about personal qualities and professional activities of the Ryazan province prison inspectors is given. The main directions and results of their work on the organization of staff structure of inspection, interaction with regional detention facilities, development of prisoners' work and improvement of personnel are highlighted. The stages of their personal career are traced.

Keywords: history of the penal system, the Main prison administration, Ryazan province, Ryazan provincial prison inspection, places of imprisonment, prison work.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-9-13>

В России 140 лет назад – 27 февраля 1879 г. – был дан старт давно ожидаемым и подготовляемым пенитенциарным реформам. В этот день в составе Министерства внутренних дел был образован новый орган – Главное тюремное управление (ГТУ), на который и возлагалась задача дальнейшего «приведения в действие тюремного преобразования на основании главных начал, утверждение коих последует в законодательном порядке»¹.

Одной из первоочередных задач ГТУ стала реорганизация местного тюремного управления и формирование в местах заключения корпуса служащих, хорошо подготовленных и способных добросовестно и профессионально исполнять свои трудные и ответственные обязанности. Как отмечал классик отечественной пенитенциаристики И. Я. Фойницкий, «все тюрьмы государства суть места исполнения наказания, назначаемого по общему правилу закона; необходимо, чтобы во всех пунктах государства закон исполнялся по возможности одинаково»². Поэтому одним из важнейших в этом направлении решений стало учреждение губернских тюремных инспекций в качестве местных органов центрального управления пенитенциарной системы.

В 1881 г. в отчете ГТУ о деятельности за первый год его существования обращалось внимание на то, что на текущий момент все дела по тюремной части осуществлялись в тюремных отделениях губернских правлений, а высшее управление арестантскими учреждениями в губерниях было сосредоточено в руках губернаторов. Однако они, «будучи обременены многосложными и важными обязанностями», несомненно, лишены возможности «посвящать свои заботы всецело тюремному делу и вникать во все его мелочи» и поэтому не могут рассматриваться в качестве фигур, способных направлять преобразования на местах «к наиболее правильному и однообразному ведению дела». Ясно осознавая это, чиновники ГТУ считали, что все начинания по улучшению тюремной жизни в губерниях будут встречать неизбежные затруднения до тех пор, пока не будут учреждены на местах специальные органы, которые, находясь в составе губернской администрации и в ведении губернаторов, объединили бы в своих руках управление и заведование всеми местами заключения в рамках губернии. Считалось, что только при таких условиях пенитенциарная реформа «пойдет путем не слишком может быть быстрым, но твердым и уверенным»³.

Рязанская губернская тюремная инспекция была образована относительно поздно в ходе одного из последних этапов формирования подобных структур в Российской империи. Впервые законом от 21 марта 1890 г. существовавшие на тот момент в нескольких губерниях тюремные отделения были выведены из состава губернских правлений и на их основе создавались особые

тюремные инспекции, возглавляемые губернскими тюремными инспекторами, которым под непосредственным руководством и контролем губернаторов поручалось «заведование всеми вообще делами губернии, касающимися тюремно-арестантской части, пересылки арестантов и исполнения судебных приговоров»⁴.

Постепенно, в течение 1890–1895 гг., тюремные инспекции были учреждены в 24 губерниях. На 1896 г. планировалось открытие новых еще в 5 губерниях и местностях, «в коих предпочтительнее перед другими представляется ныне более желательным введение губернской тюремной инспекции». Среди них была и Рязанская губерния. По мнению руководителей ГТУ и МВД, «при нахождении в Рязани исправительного арестантского отделения Рязанская губерния нуждается в таком преобразовании в интересах как хозяйственных, так и административных, в особенности ввиду того значения, которое представляет эта губерния по движению партий ссыльных на Рязань и водой по Оке от Рязани»⁵.

Однако в 1895 г. в связи с передачей тюремного ведомства из Министерства внутренних дел в Министерство юстиции выполнение первоначального плана повсеместного введения губернской тюремной инспекции было приостановлено, «так как возникло предположение о переустройстве этой части на иных началах, более приуроченных к общему строю судебного ведомства»⁶. Министерство юстиции планировало в ближайшем будущем упразднить тюремные инспекции, так как они несли отпечаток двойственного подчинения, сохранив через ответственность перед губернаторами связь с конкурентом – Министерством внутренних дел. Выполнение всех функций по управлению пенитенциарными учреждениями на местах предполагалось передать региональным структурам прокурорского надзора, подчинявшимся напрямую Министерству юстиции.

Развитие революционных событий 1905–1907 гг. привело к тому, что места заключения многих губерний «пришли в полное расстройство». Последствия этих социально-политических потрясений и достигшее крайних пределов переполнение мест заключения в такой степени усложнили задачи управления ими, что некоторые губернаторы категорически заявляли руководству ГТУ «о невозможности поддержать надлежащий порядок в тюрьмах при отсутствии на месте должностных лиц, специально предназначенных для заведования тюремной частью в губернии на правах губернского тюремного инспектора»⁷. Все это вынудило в 1907 г. Совет министров и Министерство юстиции продолжить создание тюремных инспекций на прежних основаниях. Результатом стал закон от 7 июня 1909 г. об учреждении таковых еще в девяти губерниях⁸. Таким образом, процесс последовательного создания сети губернских тюремных инспекций

на прежних основаниях до введения их на всей территории Российской империи возобновился через 14 лет. В Рязанской губернии тюремная инспекция была учреждена 1 июля 1912 г.⁹

Исполнять должность губернского тюремного инспектора с 1 сентября 1912 г. был назначен надворный советник Павел Васильевич Тихомиров¹⁰. Он родился в г. Владимире 19 ноября 1866 г. в семье православного священника. После окончания четырех классов Владимирской духовной семинарии в 1886 г. поступил на гражданскую службу в канцелярию Владимирского губернатора, в которой достиг должности младшего помощника правителя губернской канцелярии¹¹. В 1894 г. в чине губернского секретаря был принят на должность старшего помощника правителя канцелярии Симбирского губернатора. В этой должности по распоряжению губернатора был назначен заведующим делопроизводством Симбирского губернского по фабричным делам присутствия. В 1897 г. в качестве делопроизводителя Симбирской губернской переписной комиссии принял участие в проведении первой всеобщей переписи населения Российской империи. В 1898 г. ему было поручено заведование делопроизводством губернского продовольственного совещания, образованного для организации мероприятий по обеспечению продовольствием населения Симбирской губернии, пострадавшего от неурожая 1898 г.

На всех должностях П. В. Тихомиров проявил себя исключительно с положительной стороны, был награжден орденом Св. Станислава III степени и благодарностью императрицы Александры Федоровны. В 1899 г. в чине титулярного советника занял должность правителя канцелярии Симбирского губернатора, а затем, в 1901 г., – советника и старшего советника губернского правления¹².

Он впервые тесно соприкоснулся с тюремными вопросами в том же году, 9 августа был утвержден в звании директора Симбирского губернского комитета Общества попечительного о тюрьмах. С 1903 по 1910 г. работал министром юстиции в качестве попечителя Симбирского исправительного арестантского отделения. Многолетняя деятельность на этом поприще привела П. В. Тихомирова к мысли о начале карьеры в тюремном ведомстве. 16 сентября 1910 г. по личному прошению он был переведен на службу в Министерство юстиции с откомандированием в Главное тюремное управление, где в чине коллежского советника прошел стажировку в должности второго помощника Московского губернского тюремного инспектора, заняв впоследствии вакантную должность помощника губернского инспектора. С этой должности он и прибыл в Рязань исполнять обязанности местного губернского тюремного инспектора¹³.

Одним из первых мероприятий стало формирование аппарата губернской тюремной ин-

спекции и налаживание связей с руководством мест заключения. Всего в штате инспекции состояло 11 человек: инспектор, его помощник, два секретаря инспектора и 7 канцелярских служащих, большая часть из которых ранее служили в тюремном отделении губернского правления¹⁴. Для работы инспекции было выделено отдельное здание – одноэтажный деревянный дом Голиковой на улице Соборной. Туда же из здания губернского правления были переведены все общественно-казенные структуры, так или иначе связанные с тюремной частью – Рязанский губернский комитет общества попечительного о тюрьмах и Попечительство над Рязанским исправительным арестантским отделением¹⁵.

К моменту учреждения губернской тюремной инспекции в Рязанской губернии региональная система мест лишения свободы была типичной для центральных губерний. В губернском городе Рязани действовали три учреждения: на улице Конюшенной располагалось здание Рязанского исправительного арестантского отделения, которое предназначалось для арестантов-мужчин, осужденных к лишению свободы на различные сроки; у Московской заставы стояла Рязанская губернская тюрьма (мужская), в которой содержались как подследственные, так и осужденные; на Соборной площади отдельно от корпуса губернской тюрьмы находилось ее женское отделение¹⁶. В каждом уездном городе располагались 11 уездных тюрем, в которых также содержались как следственные, так и срочные арестанты. Кроме того, два учреждения – Рязанская губернская и Ряжская уездная тюрьмы использовались как пересыльные пункты, находившиеся на перекрестках этапных маршрутов. К концу 1912 г. тюремное население, которым заведовали чиновники губернской тюремной инспекции, составляло 2100 человек: 1985 мужчин и 115 женщин, среди них: 530 подследственных арестантов, 1476 срочных, 71 пересыльный, а также 23 содержащихся по распоряжению административных властей и должников¹⁷.

Проведя необходимые мероприятия по первичной организации работы губернской тюремной инспекции, П. В. Тихомиров был переведен в Томск на ту же должность, а в Рязани 13 января 1914 г. его сменил статский советник Г. Н. Гриневский¹⁸.

Г. Н. Гриневский родился 12 августа 1865 г. Представитель обедневшего рода потомственных дворян-католиков Минской губернии, он связал всю свою жизнь с военной и государственной службой. Окончив полный курс Орловского кадетского корпуса Бахтина и юнкером в 1881 г. поступив в Николаевское кавалерийское училище, начал карьеру профессионального военного. Успешно завершив обучение в 1883 г., был произведен в корнеты 5-го лейб-драгунского Курляндского Его Величества Императора Александра III полка. В 1894 г. в звании ротмистра

Г. Н. Гриневский был командирован в офицерскую кавалерийскую школу для прохождения курса эскадронных командиров. В 1896 г., окончив курс офицерской кавалерийской школы, возвратился в полк и был назначен командиром 5-го эскадрона. В 1901 г. был произведен в подполковники и переведен в 7-й драгунский Новороссийский Его Императорского Высочества Великого князя Владимира Александровича полк, а затем, в том же году – в 8-й драгунский Смоленский Императора Александра III полк. В 1905 г. назначен помощником командира полка по строевой части, кроме того неоднократно временно исполнял должности помощника командира полка по хозяйственной части и командира полка. В 1908 г. в звании полковника завершил военную службу и был уволен «по домашним обстоятельствам с мундиром и пенсией»¹⁹.

Сразу после окончания военной карьеры, имея за плечами богатый административный опыт, Г. Н. Гриневский поступил на гражданскую службу по тюремному ведомству. 21 июля 1908 г. он был назначен на должность помощника Екатеринославского губернского тюремного инспектора в чине коллежского советника. В июле 1909 г. был направлен исправляющим должность Тобольского губернского тюремного инспектора, 1 января 1911 г. был утвержден в этой должности. 12 декабря 1911 г. был назначен сверх штата состоящим за обер-прокурорским столом 2-го Департамента Правительствующего Сената, а 1 января 1912 г. командирован для исполнения обязанностей Областного войска Донского тюремного инспектора. 18 февраля 1912 г. был утвержден в этой должности, произведен в чин статского советника, и прослужил в г. Новочеркасске до начала 1914 г.²⁰

24 февраля 1914 г., после назначения в г. Рязань на новую должность, Г. Н. Гриневский, «прибыв к месту служения, вступил в отправление служебных обязанностей», о чем было объявлено через местную прессу²¹. В возрасте 49 лет он стал вторым и, как оказалось, последним рязанским губернским тюремным инспектором.

Без промедления в день приезда новый руководитель собрал весь аппарат губернской тюремной инспекции, который состоял всего из 10 сотрудников и в личной беседе сообщил им свои служебные требования. На следующий день эти требования в форме циркулярного письма были направлены начальникам всех мест лишения свободы Рязанской губернии: исправительного арестантского отделения, губернской тюрьмы и 11 уездных тюрем. Этот циркуляр является своеобразной личной программой развития региональной тюремной системы, сформулированной Г. Н. Гриневским, скорее всего, в ходе серьезных предварительных раздумий и исходя из личного административного опыта, накопленного как на военной службе, так и в тюремном ведомстве. Его служебные требования свидетельствовали

об активной позиции руководителя, обращавшего прежде всего внимание на поддержание дисциплины и соблюдение законных предписаний. От чинов тюремной администрации и надзора он требовал «строгого, но справедливого отношения к заключенным», обращая внимание на то, что «ни один проступок арестанта не должен остаться без взыскания», Н. Г. Гриневский запрещал «кулачные расправы», объявив, что «виновные в допущении таковой будут привлекаться к судебной ответственности». Сторонник соблюдения строгой дисциплины в тюрьме, он был убежденным противником жестокости, считая, что «рукоприкладство, для насаждения порядка, ведет только к озлоблению заключенных»²².

Такого же принципиального подхода в отношении своих подчиненных новый губернский тюремный инспектор потребовал и от начальников мест заключения, которым предложил обратиться самое строгое внимание «на поддержание среди надзора строгой дисциплины, выправки, опрятности в одежде, знания службы, исправности оружия и знания правил его употребления»²³.

Подбор и воспитание кадрового состава Г. Н. Гриневский считал важнейшей задачей всех руководителей мест заключения. Он обращал внимание своих подчиненных на «ежегодное сравнительно значительное количество» надзирателей, погибающих от руки арестантов, ясно свидетельствующее о том, что «служба их небезопасна и тяжела, а потому заслуживает уважения и требует воспитания в них высоких нравственных качеств»²⁴. На личные и профессиональные качества служащих он предлагал обращать более пристальное внимание, распорядившись замещать вакантные надзирательские должности отставными военными, привыкшими к дисциплинарным требованиям и тяготам службы. В повседневной деятельности он настаивал на проведении кропотливой, постоянной работы с подчиненными, «дабы воспитать в них преданных, толковых и знающих служащих, способных в случае надобности на высокий подвиг самопожертвования и беззаветного мужества»²⁵.

Предъявляя высокие дисциплинарные требования к своим подчиненным, новый руководитель демонстрировал и свою персональную приверженность им. Объявляя, что служебные вопросы ставит выше личных, он предписывал обо всех чрезвычайных происшествиях и в экстренных случаях докладывать лично ему «во всякое время».

В качестве позитивной части своей программы развития Г. Н. Гриневский избрал широкое развитие арестантских работ. Будучи убежденным в том, что «труд более всего способствует исправлению» он требовал от начальников мест заключения обязательной организации внешних и внутренних работ, невзирая на то, «как бы ни была мала тюрьма и как бы ни было малочисленно ее население». Именно по этому критерию

новый тюремный инспектор намеревался оценивать служебные способности начальников мест заключения²⁶.

В течение следующего месяца, «чтобы быть в курсе повседневной жизни мест заключения г. Рязани» Г. Н. Гриневский организовал новый порядок взаимодействия с их начальниками, предписав им издавать ежедневные письменные приказы и ежедневно же представлять их ему без всяких препроводительных бумаг, а также еженедельно по пятницам являться к нему лично на совещания «с докладами по текущим делам»²⁷.

Придерживаясь своего курса на развитие арестантских работ, Г. Н. Гриневский не изменил ему и после вступления России в Первую мировую войну и последовавших за тем социально-экономических трудностей. По свидетельству губернского руководства «выдающийся служебный такт и особая трудоспособность», присущие Г. Н. Гриневскому, «дали возможность ему при громадной убыли штатных начальников тюрем, их помощников, делопроизводителей и других служащих, призванных в войска по обстоятельствам военного времени, сохранить во всех учреждениях тюремного ведомства в губернии полный порядок и должное направление дел»²⁸.

О первых результатах своей деятельности, выразившейся «в значительном увеличении суммы, заработанной арестантами в 1914 г.», «несмотря на сложившиеся крайне неблагоприятные условия военного времени», Г. Н. Гриневский доложил 9 сентября 1915 г. рязанскому губернатору Н. Н. Кисель-Загорянскому²⁹.

Результаты действительно были, и уже через год 9 октября 1916 г. рязанский губернатор ходатайствовал перед руководством ГТУ о награждении Г. Н. Гриневского чином действительного статского советника за «выдающуюся отлично-усердную и полезную службу»³⁰, который «умелым распоряжением, настойчивостью и выдающейся энергией способствовал прекрасной постановке тюремного дела в губернии, достигнув благоустройства тюрем, установления в них прочного внутреннего порядка и широкого развития арестантских работ». Особого внимания, по мнению губернатора, заслуживали старания Гриневского «направить и приспособить арестантский труд на нужды армии», когда «все мастерские губерnskих мест заключения и даже прачечные трудятся на оборону, а за тюремную ограду заключенные отпускаются преимущественно только на такого рода работы, которые также связаны с обороной»³¹.

Таким образом, к концу 1916 г. рязанский губернский тюремный инспектор Г. Н. Гриневский ожидал вполне заслуженного повышения, однако нарастающий общенациональный кризис поставил крест и на личной карьере и на результатах его работы. Последовавшие события 1917 г. стали для него временем серьезных испытаний.

Смена власти и переход к новой региональной структуре управления завершились 10 июля 1918 г., когда был образован губернский карательный отдел рязанского губернского комиссариата юстиции, а ранее существовавшие тюремная инспекция и тюремный отдел были упразднены как «не отвечающие современным требованиям»³². Все функции упраздненных структур по управлению тюремной системой в губернии передавались карательному отделу. В этой новой структуре не нашлось места старорегимному чиновнику Н. Г. Гриневскому.

Примечания

- ¹ Полное собрание законов Российской Империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 2-е (1825–1881) : в 55 т. СПб., 1881. Т. 54, ч. 1 (1879). С. 96 (№ 59360).
- ² Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием. СПб., 1889. С. 427.
- ³ Лучинский Н. Краткий очерк деятельности Главного Тюремного Управления за первые XXXV лет его существования (1879–1914 гг.) // Тюремный вестник. 1914. № 2. С. 314.
- ⁴ ПСЗРИ. Собр. 3-е (1881–1913) : в 33 т. СПб., 1893. Т. 10, ч. 1 (1890). С. 243 (№ 6653).
- ⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 122. Оп. 4. Д. 229. Л. 1 об.
- ⁶ Из Отчета по Главному Тюремному Управлению за 1908 год. СПб., 1910. С. 12.
- ⁷ Отчет по Главному Тюремному Управлению за 1909 год. СПб., 1911. С. 2.
- ⁸ См.: ПСЗРИ. Собр. 3-е (1881–1913). СПб., 1912. Т. 29, ч. 1 (1909). С. 423 (№ 32006).
- ⁹ Там же. Пг., 1915. Т. 32, ч. 1 (1912). С. 988 (№ 37563).
- ¹⁰ См.: Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). Ф. 220. Оп. 1. Д. 17. Л. 15.
- ¹¹ Там же. Л. 2.
- ¹² Там же. Л. 3–8.
- ¹³ Там же. Л. 9–10.
- ¹⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 655. Д. 766. Л. 41.
- ¹⁵ См.: Памятная книжка Рязанской губернии. Изд. 1914 г. Рязань, 1914. С. 55–57.
- ¹⁶ См.: Рязанский адрес-календарь 1912 г. Рязань, 1912. С. 113–114.
- ¹⁷ См.: ГАРО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 7. Л. 18.
- ¹⁸ Там же. Д. 23. Л. 18.
- ¹⁹ Там же. Л. 3–8.
- ²⁰ Там же. Л. 9–12.
- ²¹ Там же. Л. 19.
- ²² Там же. Д. 2. Л. 20.
- ²³ Там же. Л. 20 об.
- ²⁴ Там же. Л. 21.
- ²⁵ Там же. Л. 20 об.
- ²⁶ Там же. Л. 20.
- ²⁷ Там же. Л. 28.
- ²⁸ Там же. Д. 23. Л. 65.
- ²⁹ Там же. Л. 53.
- ³⁰ Там же. Л. 56.
- ³¹ Там же. Д. 2. Л. 65.
- ³² Там же. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 366. Л. 37.

Образец для цитирования:

Тарасов О. А. Учреждение Рязанской губернской тюремной инспекции и деятельность ее руководителей в 1912–1916 годах // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 9–13. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-9-13>

Cite this article as:

Tarasov O. A. Establishment of the Ryazan Provincial Prison Inspectorate and the Activities of its Leaders in 1912–1916. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 9–13 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-9-13>

УДК 327(470:55)

Советская политика в отношении бывших царских концессий в Иране (1921–1927 гг.): региональный и международный контексты

Ю. А. Дёмин

Дёмин Юрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-экономических дисциплин, Педагогический институт Иркутского государственного университета, yademin1980@yandex.ru

В статье исследуется политика Советского государства в отношении бывших царских концессий в Иране в 1921–1927 гг. Несмотря на отказ от данных концессий, советское руководство на практике ограничивало действия Тегерана. Анализ документальных источников по проблеме свидетельствует о том, что в основе данной политики лежали стратегические интересы, связанные с обеспечением безопасности южных границ Советского государства, прежде всего в Каспийском регионе. При этом Москва была готова разрешить деятельность зарубежных предпринимателей у своих южных границ в обмен на перспективу улучшения международного положения Советского государства. На позицию советского руководства оказывали влияние политические процессы в Иране и в самом СССР. В связи с этим советская политика в отношении бывших царских концессий после заключения советско-иранского договора 1921 г. эволюционировала от отрицания требований Тегерана до поиска взаимоприемлемых решений.

Ключевые слова: Иран, СССР, советско-иранские отношения, концессии, советская дипломатия, советская концессионная политика, Каспийский регион.

The Soviet Policy Towards the Former Tsarist Concessions in Iran (1921–1927): Regional and International Contexts

Iu. A. Demin

Iurii A. Demin, <https://orcid.org/0000-0002-4335-9983>, Irkutsk State University, 9 Suhje-Bator St., Irkutsk 664011, Russia, yademin1980@yandex.ru

The article deals with the Soviet policy towards the former tsarist concessions in Iran in 1921–27. Despite the renunciation of the former tsarist concessions in Iran, the Soviet leadership de facto tried to control the disposal of the strategically most important of them: either through legal instruments or by force. The analysis of the existing sources on the problem demonstrates that at the heart of the policy there were the strategic interests of the Soviet state. The interests were related to the security of the Soviet southern borders, primarily in the Caspian region. The author points out that Moscow was ready to allow the activities of foreign entrepreneurs near its southern borders in exchange for the prospect of improving the international position of the Soviet state. Moscow's position was influenced by political processes in Iran and the USSR itself. Accordingly, the Soviet policy towards the former tsarist concessions after the conclusion of the Soviet-Iranian treaty of 1921 has evolved from denying Tehran's demands to seeking mutually acceptable solutions.

Keywords: Iran, USSR, Soviet-Iranian relations, concessions, Soviet diplomacy, Soviet concession policy, Caspian region.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-14-21>

Каспийский регион с древнейших времен является одним из центров международной политики, где сталкиваются интересы мировых держав. Его стратегическая важность осознавалась руководством Российской империи, стремившимся закрепить свое преобладающее влияние на Каспии, в том числе и в северных регионах соседнего Ирана. Для достижения данной цели использовались различные методы, включая и получение концессий российским частным и государственным капиталом. Крушение империи привело к резкому сокращению российского влияния в данном регионе, а пришедшие к власти большевики публично заявили о своем отказе от царской политики. Вместе с тем после победы в Гражданской войне большевики на практике во многом отказались от своих первоначальных идеалистических и идеологизированных деклараций и вернулись к политике, направленной на защиту стратегической безопасности советского государства в Каспийском регионе.

Проблемы советской концессионной политики в Иране затрагиваются в работах многих отечественных и зарубежных исследователей. Отечественные авторы советского периода, прежде всего С. Л. Агаев¹, М. С. Иванов², А. И. Демин и В. В. Трубецкой³, сосредоточивали свое внимание преимущественно на начальном этапе советской концессионной политики в Иране, связанной с отказом Москвы от бывших царских концессий. Позиция советских авторов определялась существовавшими идеологическими и теоретическими установками, касавшимися неразрывной связи между внешней политикой и социальным строем, классового характера конкретного государства. В связи с этим советская концессионная политика характеризовалась как составная часть миролюбивой внешней политики рабоче-крестьянского государства.

Отметим, что выведение советской внешней политики из внутренних характеристик режима может приводить и к противоположным выводам. Так, М. А. Персиц⁴, С. В. Мошкин⁵, Н. С. Фатеми⁶, Н. Азими Добахшари⁷, К. Байат⁸ и М. Дабири⁹ связывают ввод советских войск на территорию Ирана весной 1920 г. и последовавшие события (гилянская революция) главным образом с радикальной идеологией и экспансионистскими замыслами большевиков.

Более методологически обоснованным, на наш взгляд, является изучение советской концессионной политики в контексте соперничества

великих держав. Среди отечественных и зарубежных авторов, придерживающихся данного подхода, следует отметить З. А. Арабаджяна¹⁰, М. И. Володарского¹¹, Х. Капура¹², Г. Мирфендерески¹³, Дж. Ленчовски¹⁴, И. В. Турицына¹⁵, А. А. Кочешкова¹⁶, Н. Джахан Ара¹⁷, М. Тахерахмади¹⁸, М. Фатеха¹⁹. Указанные ученые делали меньший акцент на идеологии и уделяли большее внимание стратегическим интересам Москвы и англо-советскому соперничеству в Иране. Наиболее изученной проблемой советской концессионной политики в рамках данного подхода является проблема борьбы великих держав за разработку нефтяных месторождений севера Ирана. Также следует отметить изучение отдельных аспектов, связанных с бывшей концессией Лианозовых.

Существующие исследования касаются отдельных аспектов советской политики в отношении бывших царских концессий в Иране. В свою очередь автор настоящего исследования, основываясь на анализе неопубликованных документов из российских архивов (АВПРФ, РГА-СПИ, ГАРФ и РГАЭ), попытался дать целостную картину данной политики, отмечая ее гибкость, прагматизм и нацеленность на обеспечение безопасности Советского государства. При этом концессионная политика рассматривалась в региональном и международном контекстах в связи с тем, что, с одной стороны, многие силовые и ограничивающие суверенитет Ирана действия Москвы диктовались ее стратегическими интересами в Каспийском регионе. С другой стороны, международное положение Советской России и политические процессы в самом Иране стимулировали большевиков к выбору определенной политической линии и методов, поиску партнеров как внутри самого Ирана, так и за его пределами.

Правовые основы советской концессионной политики в Иране были заложены советско-иранским договором от 26 февраля 1921 г. Его содержание подробно изучено в научной литературе, поэтому отметим лишь отдельные моменты. В соответствии со ст. X и XII договора Москва безвозмездно отказалась от бывших царских государственных и частных концессий и транспортной инфраструктуры на севере Ирана, а также обязала Тегеран заключить с РСФСР договор об эксплуатации рыбных промыслов Южного Каспия – бывшей концессии Лианозовых (ст. XIV). Вместе с тем, передавая значительное (и имеющее стратегическую важность) недвижимое имущество и концессионные права, Москва ст. XIII обязывала Тегеран не передавать данное имущество и концессии никакому третьему государству или его гражданам. Данная статья, как и ст. VI, предоставившая Москве право на односторонний ввод войск на территорию Ирана, отражала прежде всего желание Москвы обеспечить безопасность своих южных границ, в частности бакинских нефтепромыслов. Именно

с севера Ирана в годы Гражданской войны была осуществлена британская интервенция в Закавказье и Среднюю Азию. И даже после вывода британских войск с иранской территории (май 1921 г.) в руках Лондона оставались значительные финансово-экономические рычаги влияния на внутривосточную жизнь страны. Обеспечение Москвы обеспечением стратегической безопасности Каспийского региона стала лейтмотивом советской концессионной политики рассматриваемого периода в Иране.

Выделение вопроса о рыбных промыслах в отдельную статью не случайно, так как отражает особую значимость для Москвы концессии Лианозовых. При этом ее ценность объяснялась не только экономическими интересами, но в большей степени вопросами безопасности: продовольственной (во время голода начала 1920-х гг.) и военно-стратегической.

Напомним, что еще в 1873 г. С. М. Лианозов получил от Насер ад-Дин Шаха фирман на монопольное право рыбной ловли в устьях рек персидского побережья Каспия. Первая мировая война и Гражданская война в России привели к банкротству и ликвидации компании и аннулированию концессии Тегераном (1919 г.). Новая история промыслов началась летом 1920 г. после высадки советского десанта в Энзели и национализации промыслов представителями Главного управления госрыбпрома РСФСР²⁰. 12 ноября 1920 г. уполномоченный народного комиссариата внешней торговли (далее – НКВТ) РСФСР И. П. Бабкин и Эхсанулла-хан, возглавлявший правительство так называемой Персидской советской республики (провинция Гилян), подписали проект договора, по которому советская сторона получала иранские прибрежные воды (от р. Атрек до р. Астары) в аренду на 35 лет²¹. Позже в Москве на совещаниях представителей народных комиссариатов НКВТ, продовольствия (Наркомпрод) и финансов (НКФ), Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) и Реввоенсовета (РВС) республики проект договора был одобрен²², однако установление официальных советско-иранских дипломатических отношений сделало невозможным его реализацию.

Необходимость правового урегулирования вопроса о промыслах была обусловлена ст. XIV договора, и в сентябре 1921 г., незадолго до краха республики в Гиляне, Москва предоставила полномочия на ведение переговоров полпреду Ф. А. Ротштейну и руководителю торговой делегации НКВТ В. П. Бельгову²³. Однако переговоры вскоре зашли в тупик ввиду полного несовпадения позиций сторон. В то время как Тегеран настаивал на совместной эксплуатации промыслов, Москва стремилась к единоличной деятельности в обмен на определенный процент от чистой прибыли²⁴. В декабре 1921 г. иранское правительство согласилось на исключительную

аренду промыслов²⁵, однако согласие не было реализовано ввиду последующей смены кабинетов и негативного настроения депутатов меджлиса. Дело осложнили и требования наследников бывшего торгового дома Лианозовых, приведшие к предоставлению им Тегераном новой 15-летней концессии (ноябрь 1922 г.)²⁶.

Еще в ноябре 1921 г. полпред РСФСР в Закавказских республиках Б. В. Легран указывал Г. В. Чичерину, что после падения республики в Гиляне Москва, вероятно, будет поставлена перед необходимостью «открытой силой» поддерживать некоторые свои требования к Тегерану²⁷. В итоге, оказавшись в ситуации отсутствия договора, Москва продолжила эксплуатацию промыслов явочным порядком, не отказываясь и от силовых методов защиты своих интересов. Так, в мае 1924 г. советский десант воспрепятствовал иранским солдатам занять рыбные промыслы в Хасан Кияде (Сефидруд, провинция Гилян)²⁸. Планы Тегерана передать разрешение на лов рыбы частным лицам, готовым платить больше, чем Москва, были нейтрализованы советским запретом на покупку рыбы и икры у частных иранских рыбопромышленников²⁹. Более того, советская сторона выкупила долю главного наследника торгового дома Лианозовых, Мартына Лианозова, создав юридическое прикрытие своего присутствия на промыслах (легальность которого отрицалась Тегераном)³⁰.

Подобная настойчивость Москвы объяснялась не только экономическими перспективами промыслов. Первоначально советские хозяйственники, в частности из НКВТ, рассчитывали на полную окупаемость расходов по эксплуатации промыслов только за счет продажи за границу черной икры³¹. Однако подобные расчеты оказались, очевидно, завышенными, а перевод советских организаций на хозрасчет способствовал тому, что на рубеже 1923–1924 гг. Госрыбпром РСФСР стал высказываться в пользу временного прекращения их фактической деятельности³². Позиция советских рыбопромышленников вскоре изменилась, однако правовая неопределенность и система хозрасчета вынудили администрацию промыслов сократить территорию деятельности и сосредоточиться на добыче осетровых. Так, если в 1920–1921 гг. на промыслах было добыто 281,344 пудов рыбы (из них 38,181 осетровых) и 4,466 пудов икры; в 1921–1922 гг. – 310,135 пудов рыбы (из них 38,725 осетровых) и 4,141 пудов икры; в 1922–1923 гг. – 317,465 пудов рыбы (из них 37,599 осетровых) и 4,521 пудов икры; то в 1923–1924 гг. только 35,000 пудов рыбы (весь объем – осетровые) и 5,365 пудов икры³³.

Если советских рыбопромышленников беспокоили соображения экономического характера, то военные и дипломаты исходили из стратегических соображений. Так, РВС республики считал, что потеря промыслов приведет к необхо-

димости выделения средств на укрепление Баку и создание военных сил на Каспии³⁴. В октябре 1926 г. советский полпред в Иране К. К. Юренев указывал на первостепенную важность промыслов, обладание которыми, по его мнению, позволяло СССР контролировать южное побережье Каспия и создавало барьер на пути английской экспансии³⁵.

В 1923 г., после вступления на пост премьер-министра Реза-хана, расцениваемого в Москве как одного из лидеров иранских националистов, советские дипломаты с новой силой приступили к переговорам с Тегераном. К этому подталкивало и иранское общественное мнение. Даже в союзной СССР социалистической партии («Хезб-е сосйалист») неоднозначно оценивали концессионную политику Москвы. Так, один из органов партии – газета «Сетаре-йе Иран» («Звезда Ирана») – указывал на способность Ирана как независимого государства самостоятельно решить вопрос с принадлежностью южнокаспийских рыбных промыслов³⁶. Другой орган партии – газета «Шафаг-е сорх» («Красная заря») – открыто говорил о невыполнении Москвой взятых на себя по договору 1921 г. обязательств (в частности, силовом удержании порта Энзели, о чем речь пойдет ниже), советских вмешательствах во внутренние дела Ирана и критиковал иранские правительства за слабость и отсутствие настойчивости в защите прав иранцев³⁷. Национализм становился влиятельным элементом общественно-политической жизни Ирана и не мог не оказывать влияния на позицию Тегерана в вопросе об условиях предоставления концессий иностранцам.

7 октября 1924 г. полпред Б. З. Шумяцкий и министр общественных работ Сердар Мо'аззам (Теймурташ) подписали соглашение о создании акционерной советско-иранской компании сроком на 25 лет с равным распределением долей в основном капитале, прибыли и правлении³⁸. Соглашение было одобрено Политбюро³⁹ и утверждено Совнаркомом СССР⁴⁰. Однако оппозиция внутри Ирана (прежде всего со стороны депутатов меджлиса и американского финансового советника А. Милльспо) помешала его ратификации. Ограничение иранского экспорта, введенное Москвой в 1926 г., вызвало кризис в северных провинциях Ирана и простимулировало Тегеран приступить к переговорам. В итоге 1 октября 1927 г. в Москве было подписано соглашение о совместной эксплуатации рыбных промыслов на паритетных началах сроком на 25 лет (вместе с договором о гарантии и нейтралитете, обменом нотами о порте Пехлеви и таможенной конвенцией). Данное соглашение отражало стремление советского руководства не допустить нежелательного иностранного проникновения на юг Каспия и помогло Москве удерживать там свое присутствие вплоть до национализации промыслов Тегераном в 1953 г.

Подобное стремление Москвы видно и в ситуации вокруг другой бывшей российской концессии – порта Энзели (Пехлеви). После занятия Энзели советским десантом порт был подчинен российскому Управлению транспортом Каспийского моря, а требование правительства персидской республики (27 июня 1920 г.) о передаче Решту управления портом было проигнорировано его комиссаром⁴¹. Впоследствии, вплоть до 1927 г., несмотря на ст. X советско-иранского договора, порт де-факто оставался в руках советской стороны. Помимо своего стратегического значения, с военной точки зрения, энзелийский порт играл важную роль для растущей советско-иранской торговли. В итоге заходящие в порт суда обслуживались советскими лоцманами, советские служащие вносили соответствующие сборы, а находившийся в порту советский миноносец удерживал шахские власти от опрометчивых действий⁴². В 1924 г. полпред Шумяцкий предложил Москве создать смешанное советско-иранское общество по управлению портом на паритетных началах сроком на 25 лет⁴³. Данное предложение было поддержано Высшим советом народного хозяйства (далее – ВСНХ) и наркоматами путей сообщений и внешней торговли⁴⁴. В январе 1925 г. соответствующий проект соглашения был одобрен Политбюро⁴⁵. Однако в данном случае легальных инструментов для принуждения Тегерана к совместному управлению портом не было, и по соглашению от 1 октября 1927 г. Москва передала контроль над ним иранской стороне. Вместе с тем советское руководство отчасти сумело добиться своей стратегической цели, обязав Тегеран поддерживать функционирование порта и в течение 25 лет не допускать к работе в нем неперсидских подданных⁴⁶.

Иную тактику, но с той же стратегической целью Москва применила в вопросе о северо-иранской нефти. Напомним, что нефтяными месторождениями на юге Ирана монопольно владела Англо-персидская нефтяная компания (АПНК), контрольный пакет акций которой принадлежал Лондону. Права компании основывались на концессии д'Арси, покрывавшей большую часть территории Ирана, за исключением пяти северных провинций: Азербайджана, Астрабада, Гиляна, Мазендерана и Хорасана – сфере влияния Российской империи. Крах царской России открыл север Ирана для внешних игроков, прежде всего Великобритании и США.

Лондон основывал свои притязания на факте приобретения в 1919 г. акций грузинского дворянина А. М. Хоштария, имевшего шахский фирман на добычу нефти в Семнани и Дамгане. Вместе с тем Тегеран после падения правительства Восуг од-Доуле (июнь 1920 г.) вернулся к политике привлечения «третьей силы» и заключил концессионное соглашение с американской компанией Стандарт ойл оф Нью-Джерси, которое было утверждено межджисом в ноябре 1921 г.

Советская дипломатия первоначально резко протестовала против вышеуказанного соглашения, ссылаясь на ст. XIII советско-иранского договора. Но, столкнувшись с решимостью Тегерана, указывавшего на нелегальность концессии Хоштария как не утвержденной межджисом, и иранским общественным мнением в пользу американцев, советское руководство изменило свой подход к данной проблеме и допустило возможность эксплуатации северной нефти «нейтральной» иностранной компанией. При этом первоначально в Москве не было единства мнений относительно «национальной» принадлежности подобной компании. В пользу допуска к нефти американцев выступил глава НКВТ Л. Б. Красин, считая это более выгодным с политической точки зрения⁴⁷. Руководство Народного комиссариата иностранных дел (НКИД) первоначально склонялось к созданию советско-германской компании⁴⁸, в пользу чего свидетельствовали интенсивные советско-германские экономические и политические контакты. В то же время Москва не могла не учитывать предпочтения иранских политических кругов и общественности и то международное положение, которое США обрели после окончания Первой мировой войны.

Тем временем Стандарт ойл, столкнувшись с протестами и предложениями о сотрудничестве британской стороны, решила создать совместную с АПНК компанию по добыче нефти на севере Ирана. Данное решение нарушало условия концессии и вызвало негативную реакцию в Тегеране. Сотрудничество Стандарт ойл с АПНК не устраивало и советское руководство, которое в 1922 г. начало переговоры с другой американской компанией – Синклер, также проявившей интерес к североиранской нефти.

На стороне Москвы были географический фактор и неразвитость транспортной инфраструктуры Ирана, допускавшие транспортировку нефти с севера Ирана или через территорию СССР (Кавказ), или через территории, контролируемые англичанами. Учитывая антибританские настроения в Иране и содержание концессионного закона, американский консул Бернард Готтлиб признавал, что получившая концессию компания будет вынуждена прийти к соглашению с большевиками⁴⁹. И компания Синклер согласилась на сотрудничество с СССР в нефтяном деле. Еще в январе 1922 г. Синклер и правительство Дальневосточной республики подписали договор о добыче нефти на севере Сахалина, а в июле 1922 г. в Москве глава компании Г. Синклер начал переговоры о создании смешанного общества для добычи и продажи советской нефти⁵⁰. Представители компании согласились и на сотрудничество в вопросе транспортировки продукции будущих североиранских нефтяных промыслов⁵¹. Такое сотрудничество рассматривалось в более широком международном контексте: возможного использования компании для нормализации со-

ветско-американских отношений. С этой целью 16 июля 1923 г. Политбюро поручило председателю Главконцесскома Г. Л. Пятакову указать в письме Синклеру, что договор с компанией может быть заключен лишь по установлении «более нормальных» советско-американских отношений⁵². Позже, в январе 1924 г., во время расследования комиссией сената США скандала вокруг нефтяного месторождения в Вайоминге юриконсульт данной компании указывал, что Г. Синклер принял условие Москвы, по которому концессия на сахалинскую нефть не будет иметь юридической силы до тех пор, пока правительство США не признает советское правительство⁵³. Отсюда следовало, что фактически Синклер соглашался способствовать изменению официальной американской политики непризнания СССР.

Тем временем в июне 1922 г. иранский меджлис внес поправки в закон о концессии на северную нефть, которые открывали для Синклера возможность ее получения. После рассмотрения комиссией меджлиса предложений компаний Стандарт ойл и Синклер и выдвижения иранской стороной новых, более выгодных для Ирана условий, которые устроили Синклера, иранское правительство 20 декабря 1923 г. заключило с последней соглашение на добычу нефти в четырех северных провинциях Ирана⁵⁴. 16 июля 1924 г. соглашение было одобрено концессионным комитетом меджлиса⁵⁵. Советские дипломаты в Тегеране оказывали поддержку Синклеру, проводя соответствующие переговоры с иранскими политическими деятелями⁵⁶.

Таким образом, советское руководство продемонстрировало достаточную гибкость и готовность допустить крупный иностранный капитал к своим южным границам в обмен на перспективу улучшения международного положения СССР. Поэтому утверждение некоторых исследователей, что политика СССР в 1920–1930-е гг. в отношении североиранской нефти сводилась к недопущению проникновения западного капитала к Каспийскому побережью Ирана, кажется нам односторонним⁵⁷.

Отметим, что, заключив соглашение с Синклером, Москва оставила себе «руки свободными» и официально продолжала придерживаться позиции непризнания за Тегераном права передачи иностранцам бывших российских концессий⁵⁸. Поэтому, когда советское руководство узнало о состоявшемся соглашении между компанией Синклер, позиция которой оказалась подорвана разразившимся в США скандалом, и Стандарт ойл (и, соответственно, англичанами), то в ответ против Синклера была применена ст. XIII договора 1921 г.

В итоге Москва попыталась принять самостоятельное участие в нефтяном деле на севере Ирана. Через посредничество Хоштария советская сторона еще в сентябре 1924 г. приобре-

ла фирманы на добычу полезных ископаемых (медь, свинец, каменный уголь и нефть) в Семнанае и Дамгане⁵⁹. В следующем году было принято решение о создании акционерного общества «Кевир-Хуриан Лимитед», юридическое оформление которого было закончено к июню 1926 г.⁶⁰ К участию в делах общества были привлечены и представители иранских правящих кругов: 10 % акций получили иранские частные вкладчики, среди которых были Реза-шах, Теймурташ и Давер⁶¹. Часть акций получил поддерживаемый шахом «Пехлеви банк»⁶². Более того, Маншур-горгани указывал на имевшие место дорогостоящие советские подарки Реза-шаху, сумма которых, возможно, достигала 1 млн туман⁶³.

Последующая эксплуатация показала высокую затратность данного предприятия. В юридически подвешенном состоянии оказался и вопрос о площади эксплуатации и праве на строительство современной нефтедобывающей инфраструктуры⁶⁴. В самом СССР был взят курс на форсированную индустриализацию, что требовало сокращения всех второстепенных расходов. Еще в конце 1925 г. президиумы ВСНХ и НКФ СССР выступили за экономию средств и сокращение советского участия в нефтяном деле на севере Ирана⁶⁵. Политбюро также колебалось и в апреле 1926 г. постановило ограничить финансовые расходы на концессию, а позже привлечь иностранный капитал⁶⁶.

Аналогичные решения принимались и в отношении других советских концессионных предприятий в Иране, в частности, лесной концессии в Гиляне, общества «Автоиран»⁶⁷. Вместе с тем попытки привлечь к участию в нефтяном деле французский и бельгийский капитал окончились неудачей, и продолжение существования общества до марта 1951 г. может быть объяснено, прежде всего, политическими соображениями.

Существуют и иные версии развития ситуации с обществом «Кевир-Хуриан Лимитед». Так, например, И. В. Турицын, анализируя воспоминания и деятельность в Иране перебежчика Г. Агабекова, утверждает, что «гипотеза об особой роли английских спецслужб в провале в 20-е годы советского нефтяного проекта в Персии» имеет полное право на существование⁶⁸. По нашему мнению, гораздо большее значение в данном вопросе играли собственно иранские и советские внутривнутриполитические и экономические процессы, о которых говорилось выше.

Изучая советскую концессионную политику, необходимо отметить ее прагматизм и стратегический расчет. Публичный отказ от бывших царских концессий не привел к фактическому отказу Москвы от попыток установления прямого или косвенного контроля над наиболее важными из них. При этом советская сторона активно использовала, в том числе и для прикрытия, частных лиц или смешанные компании с участием частных лиц. Наиболее ярким примером

является сотрудничество с бывшим российским предпринимателем А. М. Хоштария. Поддержав требования Хоштария к иранскому правительству по поводу конфискованного имущества, советская сторона приобрела участие в лесной концессии и железной дороге (около селения Пир Базар) в гилянской провинции, а также недвижимое имущество в городах Энзели, Решт и Казвин⁶⁹. В этой связи следует упомянуть и создание компании «Кевир-Хуриан Лимитед».

Советская сторона пыталась поддержать и концессионные инициативы иранских частных лиц. Так, начиная с 1922 г., после нарушения Стандарт ойл концессионного соглашения, иранские предприниматели стали претендовать на свое участие в добыче нефти в провинциях Мазандеран и Гилян и вносить в меджлис соответствующие проекты (итогом подобных выступлений стало резервирование Тегераном Гиляна для отечественного бизнеса)⁷⁰. В пользу допуска отечественных предпринимателей к добыче нефти на севере Ирана стала выступать часть депутатов меджлиса, в том числе социалисты во главе с Сулейман Мирзой. Иранский исследователь И. Варфи Нежад связывает изменение позиции депутатов-социалистов с внутривнутриполитическими причинами: борьбой с кабинетом Кавам эс-Салтане и большинством меджлиса во главе с Носрет од-Доуле⁷¹. Полпред Шумяцкий поддержал данную инициативу и связался с группой предпринимателей во главе с крупным тегеранским купцом, землевладельцем и депутатом Хаджи Моин от-Тоджар Бушери, пообещав им кадровую и техническую поддержку. Данная группа образовала общество гилянской нефти и не без участия советской стороны, разработала проект соответствующей концессии⁷². 12 марта 1924 г. данный проект был подписан премьер-министром Реза-ханом⁷³ и вскоре представлен на рассмотрение в меджлис⁷⁴. Планы общества так и не были реализованы, однако подобным сотрудничеством советская дипломатия привлекала симпатии иранских деловых кругов и противопоставляла их иностранным концессионерам.

Еще раз отметим, что в концессионной политике СССР рассматриваемого периода идеологические установки играли второстепенную роль, уступая место необходимости обеспечения стратегической безопасности южных рубежей советского государства. При этом Москва не только пыталась не допустить проникновение на север Ирана, прежде всего в Каспийский регион, «враждебного» иностранного капитала, но и стремилась использовать свой транзитный потенциал для улучшения международного положения СССР. Это, в частности, демонстрирует попытка сотрудничества с компанией Синклер. Аналогично Москва использовала свой торгово-транзитный потенциал на севере Ирана для закрепления сотрудничества с Германией и немецким бизнесом (смешанные советско-германские

общества «Русстранзит» и «Русгерторг»).

В своей концессионной политике Москва проявила достаточную гибкость и использовала различные методы воздействия на Тегеран. И если в начале 1920-х гг. советская сторона в принципе отвергала возможность равноправного с Тегераном участия в стратегически важных концессионных предприятиях (что хорошо видно на примере рыбных промыслов), то уже с середины 1920-х гг., с учетом происходящих в Иране внутривнутриполитических изменений (рост националистических настроений) Москва изменила свой подход в пользу равно с иранской стороны участия в концессиях. Дополнительными стимулами в данном направлении стали начавшаяся в СССР политика индустриализации и курс на построение социализма в одной стране. Необходимость экономии государственных средств не могла не подталкивать Москву к компромиссу с Тегераном и урегулированию ситуации с бывшими царскими концессиями в обмен на определенные гарантии с иранской стороны. Итогом этого стало подписание в 1927 г. ряда межгосударственных соглашений, закрепивших нейтралитет Ирана и урегулировавших положение с рыбными промыслами и портом Энзели.

Примечания

- 1 См.: Агаев С. Л. Иран в период политического кризиса 1920–1925 гг. (Вопросы внешней политики). М.: Наука, 1970. С. 41–42, 61–62, 135.
- 2 См.: Иванов М. С. Новейшая история Ирана. М.: Мысль, 1965. С. 27–28, 42–43.
- 3 См.: Демин А. И., Трубецкой В. В. Внутренняя и внешняя политика монархии Пехлеви в 1925–1928 гг. // Иран: Очерки новейшей истории. М.: Наука, 1976. С. 37–39.
- 4 См.: Персиц М. А. Застенчивая интервенция. М.: АИРО-XX, 1996. С. 10–16.
- 5 См.: Мошкин С. В. Революция извне: Историко-политологические очерки. Екатеринбург: ИФИПР, 1997. С. 24–33, 36–46, 94–112.
- 6 Fatemi N. S. Diplomatic history of Persia, 1917–1923. Anglo-Russian power-politics in Iran. N. Y., 1952. P. 150–157, 191–197.
- 7 لگنج بالقن و شبنج زاون یت یاور ن. یرش خوبودی می طع : ۱۲۱، ۹۶-۹۷، ص. ۱۳۹۴، نارهت
- 8 زاق فق زار فربان افوت . ک ت ای ب : انج ای ابر ذآ ای ای پروم ج وناری ای ای اوقطن مت ابس انم هبی هاگن ، ۱۹۲۱ – ۱۹۱۷ الالقن مت اتس خن رود ر دن اتس چرگ ون اتس نجر ا . ۳۲۵-۳۲۱، ۳۰۷-۳۰۶، ص. ۱۳۸۰، نارهت
- 9 ۱۹۲۲ – ۱۹۱۹ ناری ارد هی سور و ناتس لگن . م یری ب د ادمتس اطم ج زان آزی ای ای یارب شالت و ان اطم لس زای ای امول ج . ۱۱۶-۱۱۵، ۲۰-۱۹، ص. ۱۳۸۶، نارهت
- 10 См.: Арабаджян З. А. Иран: Противостояние империям (1918–1941). М.: ИВ РАН, 1996. С. 51–53, 56–57, 66–71, 113–114, 125–126.
- 11 См.: Володарский М. И. Советы и их южные соседи Иран и Афганистан (1917–33 гг.). Л., 1985. С. 80–81, 90–94, 102–105.

- ¹² Kapur H. Soviet Russia and Asia 1917–1927. A Study of Soviet Policy towards Turkey, Iran and Afghanistan. Geneve, 1966. P. 182–184, 209–211.
- ¹³ Mirfendereski G. A Diplomatic History of the Caspian Sea / treaties, diaries and other stories. New York ; Basingstoke, 2001. P. 119–129.
- ¹⁴ Lenczowski G. Russia and the west in Iran, 1918–48. N. Y., 1949. P. 81–84.
- ¹⁵ См.: Турицын И. В. Великие державы в борьбе за иранскую нефть (1920–1954 гг.) // Современная научная мысль. 2014. № 4. С. 61–65.
- ¹⁶ См.: Кочешков А. А. Североиранская нефть : из истории дипломатических баталий // Международная жизнь. 2010. № 14. URL: <http://interaffairs.ru/paged/show/lukoil/sixteen> (дата обращения: 05.07.2019).
- ¹⁷ بالقرن ازا يوروش و نارای یراجت طباور خیرات ن اران اهج ۱۱۵-۵۲، ۴۴، ۱۳۹۰، لمأ. هاش اضر طوقس ات ربتکا ۱۱۷.
- ¹⁸ نارعت. هاش اضر هرود رد يوروش و نارای طباور م یدم جار هاط ۱۳۸۴، ص ۱۸، ۳۰-۳۱.
- ¹⁹ ۳۳۱-۳۴۲، ص ۱۳۵۸، نارعت. نارای تفنن لاس هاجنپ م حتاف.
- ²⁰ См.: Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 9262. Оп 1. Д. 50. Л. 1–3.
- ²¹ См.: Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВПРФ). Ф. 094. Оп. 5. Пап. 105. Д. 26. Л. 16, 18–19.
- ²² См.: АВПРФ. Ф. 094. Оп. 5. Пап. 105. Д. 26. Л. 16об.–17, 20.
- ²³ См.: АВПРФ. Ф. 04. Оп. 18. Пап. 109. Д. 50643. Л. 16.
- ²⁴ См.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 2198 Л. 96, 101.
- ²⁵ См.: АВПРФ. Ф. 04. Оп. 18. Пап. 112. Д. 50691. Л. 34.
- ²⁶ Mirfenderesky G. Op. cit. P. 126.
- ²⁷ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. С / Персия. Д. 96. Л. 6 об.
- ²⁸ АВПРФ. Ф. 028. Оп. 12. Пап. 32. Д. 2. Л. 181–183.
- ²⁹ Там же. Ф. 028. Оп. 10. Пап. 31. Д. 9. Л. 60–61, 197.
- ³⁰ АВПРФ. Ф. 04. Пап. 118. Д. 50769. Л. 71–72 ; Д. 50767. Л. 149.
- ³¹ АВПРФ. Ф. 094. Оп. 5. Пап. 105. Д. 26. Л. 16об.
- ³² АВПРФ. Ф. 04. Оп. 18. Пап. 151. Д. 586. Л. 52.
- ³³ РГАЭ. Ф. 9262. Оп 1. Д. 50. Л. 4–11.
- ³⁴ АВПРФ. Ф. 04. Оп. 18. Пап. 151. Д. 586. Л. 52.
- ³⁵ Там же. Ф. 04. Оп. 18. Пап. 127. Д. 227. Л. 6.
- ³⁶ ۱-۲. ص. ربم اون ۳۰، ۱۹۲۲. نارای هراتس // افغوزان ایل
- ³⁷ ۱؛ ص. هی یوژ ۵، ۱۹۲۲. خرس قفش // یراجت تابسانم هی یوژ ۷، ۱۹۲۲. خرس قفش // هی سور و ام یراجت تابسانم ۳۰، ۱۹۲۳. خرس قفش // یراجت تابسانم و اه من یباک ؛ ص ۱
- ³⁸ См.: АВПРФ. Ф. 04. Пап. 118. Д. 5071. Л. 10-15.
- ³⁹ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 459. Л. 19.
- ⁴⁰ См.: АВПРФ. Ф. 04. Оп. 18. Пап. 119. Д. 50778 (141). Л. 66.
- ⁴¹ См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р–5402. Оп. 1. Д. 503. Л. 1.
- ⁴² См.: АВПРФ. Ф. 04. Оп. 18. Пап. 127. Д. 226. Л. 182.
- ⁴³ См.: Там же. Ф. 04. Пап. 118. Д. 50770. Л. 88–89 об.
- ⁴⁴ См.: АВПРФ. Ф. 028. Оп. 10. Пап. 31. Д. 9. Л. 6.
- ⁴⁵ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 485. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=65395> (дата обращения: 05.07.2019).
- ⁴⁶ Нота Л. М. Карахана Али Голи Хану Ансари, 01 октября 1927 г. // Документы внешней политики СССР : в 21 т. М. : Госполитиздат, 1965. Т. X. С. 429.
- ⁴⁷ См.: РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 5577. Л. 40.
- ⁴⁸ См.: АВПРФ. Ф. 04. Оп. 18. Пап. 112. Д. 50691. Л. 34.
- ⁴⁹ The Consul at Tehran to the Secretary of State. June 27, 1923 // Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1923, Vol. II. Washington, 2018. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1923v02/d606> (дата обращения: 05.07.2019).
- ⁵⁰ См.: Отчет о беседе Г. Л. Пятакова с Синклером и Фоллом, 14 июля 1922 г. // Россия и США : экономические отношения 1917–1933 : сборник документов. М. : Наука, 1997. С. 58–60.
- ⁵¹ См.: АВПРФ. Ф. 04. Пап. 118. Д. 50769. Л. 85–90.
- ⁵² См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 348. Л. 5–5 об.
- ⁵³ Mr. Chilton to Mr. MacDonald. February 8, 1924 // British Documents on Foreign affairs : reports and papers from the Foreign Office confidential print. Pt. II, From the First to the Second World War., Ser. B Turkey, Iran and the Middle East, 1918–1939, Vol. 19, Persia IV. Frederick, Md., 1990. P. 185.
- ⁵⁴ The Persian Minister to the Secretary of State. February 21, 1924 // Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1924, Vol. II. Washington, 2018. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1924v02/d469> (дата обращения: 06.07.19).
- ⁵⁵ Mirfenderesky G. Op. cit. P. 122–123.
- ⁵⁶ См.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 828. Л. 21 ; Ф. 495. Оп. 90. Д. 103. Л. 73.
- ⁵⁷ См.: Кочешков А. А. Нефть и охлаждение советско-иранских отношений на раннем этапе «холодной войны» 40–50 гг. XX в. // Вестник РУДН. Сер. Всеобщая история. 2009. № 3. С. 66.
- ⁵⁸ См.: АВПРФ. Ф. 04. Оп. 18. Пап. 140. Д. 438. Л. 14 ; Ф. 04. Пап. 118. Д. 50768. Л. 16.
- ⁵⁹ См.: АВПРФ. Ф. 04. Пап. 118. Д. 50770. Л. 22–23.
- ⁶⁰ См.: Кочешков А. А. Североиранская нефть. URL: <http://interaffairs.ru/paged/show/lukoil/sixteen> (дата обращения: 05.07.2019).
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² АВПРФ. Ф. 04. Оп. 18. Пап. 127. Д. 226. Л. 151.
- ⁶³ ات ۱۲۹۶ زان ارای ارد يوروش تلوودتس ایس م یناگرگروشنم ۲۳۴-۲۳۵، ص ۱۳۲۶، نارعت. لوادل ج ۱۳۰۶.
- ⁶⁴ См.: Кочешков А. А. Североиранская нефть. URL: <http://interaffairs.ru/paged/show/lukoil/sixteen> (дата обращения: 05.07.2019).
- ⁶⁵ См.: АВПРФ. Ф. 04. Оп. 18. Пап. 140. Д. 438. Л. 61–63, 67–68.
- ⁶⁶ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 558. Л. 29 ; Д. 585. Л. 20–22 ; Д. 598. Л. 9–10.
- ⁶⁷ См.: Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 635–2. Л. 4 ; Д. 643. Л. 2, 7 ; Д. 648. Л. 2–3.
- ⁶⁸ Турицын И. В. Указ. соч. С. 64.
- ⁶⁹ См.: АВПРФ. Ф. 04. Оп. 18. Пап. 140. Д. 437. Л. 28–29 ; Ф. 04. Пап. 118. Д. 50770. Л. 20–21.

⁷⁰ میناگرگروشنم .اج نام.ه ص. ۱۷۰، ۱۷۶.

⁷¹ تفن هلئسم و یردنکسا ازریمنامیلس .یا داژنیفرو
ن اوژپ خیرات ممان // لامش
۱۳۸۸. ش. ۱۷. ص. ۱۴۷-۱۴۸، ۱۵۴.

⁷² См.: АВПРФ. Ф. 04. Оп. 18. Пап. 140. Д. 438. Л. 38–
38 об., 56–57; Ф. 04. Пап. 118. Д. 50769. Л. 69–71.

⁷³ Intelligence Summary № 11 for Week ending March 15,

1924. // Foreign Office 416/74. P. 136. URL: http://www-larchivesdirect-lamdigital-lco-luk-1008decmr0002.erf.sbb.spk-berlin.de/Documents/Details/FO_416_74 (дата обращения: 22.09.2019).

⁷⁴ Sir P. Loraine to Mr. A. Chamberlain. May 22, 1925 // Iran political diaries, 1881–1965. Vol. 7 : 1924–1926. Oxford, 1997. P. 208.

Образец для цитирования:

Дёмин Ю. А. Советская политика в отношении бывших царских концессий в Иране (1921–1927 гг.): региональный и международный контексты // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 14–21. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-14-21>

Cite this article as:

Demin Yu. A. The Soviet Policy Towards the Former Tsarist Concessions in Iran (1921–1927): Regional and International Contexts. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 14–21 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-14-21>

УДК 94(47).084.3

Особенности организации противотанковой обороны в ходе Малгобекской оборонительной операции

Т. Х. Матиев

Матиев Тимур Хусенович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Ингушский государственный университет, Магас, tmt_77@list.ru

В статье анализируются предпосылки, основные механизмы, итоги и последствия действий советской противотанковой обороны в ходе Малгобекской оборонительной операции 1942 г. Широкое использование в ходе Малгобекской оборонительной операции противником танковых и моторизованных соединений на направлении главного удара ставило на повестку дня необходимость скорейшей максимально эффективной организации противотанковой обороны. Свой вклад в формирование структуры эффективной противотанковой обороны внесли различные рода и виды советских вооруженных сил: пехота, танки, артиллерия, инженерно-саперные войска. Большую роль играло преодоление среди личного состава боязни танков. В этом смысле особое значение имела организация различных учебных занятий по борьбе с танками, с использованием оружия пехоты (противотанковые ружья, гранаты, бутылки с горючей смесью), а также грамотное использование противотанковой артиллерии. В итоге сочетание различных форм и методов противотанковой обороны позволило советским войскам достичь больших успехов в борьбе с танками противника в ходе Малгобекской оборонительной операции, что имело важнейшее значение в ее ходе и исходе.

Ключевые слова: Малгобекская операция, противотанковая оборона, пехота, танки, гранаты, танковые засады, мины.

Peculiarities of Organization of Anti-Tank Defense in the Malgobek Defense Operation

T. H. Matiev

Timur H. Matiev, <https://orcid.org/0000-0002-0703-185X>, Ingush State University, 7 Zyazikov Ave., Magas 386001, Ingushetia, Russia, tmt_77@list.ru

The article is devoted to the analysis of the prerequisites, the main mechanisms, the results and the consequences of the Soviet anti-tank defense actions during the Malgobek defensive operation in 1942. The article indicates that the widespread use of tank and motorized formations in the direction of the main strike during the Malgobek defensive operation put the need for the speediest possible effective organization of anti-tank defense on the agenda. Various kinds and types of the Soviet armed forces contributed to the formation of the structure of effective anti-tank defense: infantry, tanks, artillery, engineer-sapper troops. A big role was played by the fear of tanks among the personnel. In this sense, the organization of various training sessions on fighting tanks, using infantry weapons (anti-tank rifles, grenades, and bottles with a combustible mixture) was of particular importance. Special importance was the competent use of anti-tank artillery. As a result, the combination of various forms and methods of anti-tank defense allowed Soviet troops to achieve great success in fighting enemy tanks during the Malgobek defensive operation, which was of great importance in its course and outcome.

Keywords: Malgobek operation, anti-tank defense, infantry, tanks, grenades, tank ambushes, mines.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-22-26>

Битва за Кавказ (25 июля 1942 г. – 9 октября 1943 г.) стала одной из самых значимых страниц Великой Отечественной войны. Особое место в истории битвы за Кавказ занимает Малгобекская оборонительная операция, проходившая в сентябре – октябре 1942 г. и ознаменовавшая срыв планов противника молниеносным броском выйти к Грозному и Баку. Учитывая роль, которую играли в действиях обеих сторон танковые войска, представляется важным проанализировать особенности организации противотанковой обороны в ходе Малгобекской оборонительной операции.

Вопросы, связанные с историей изучения Малгобекской оборонительной операции осени 1942 г., так или иначе затрагивались в ряде научных трудов советских и российских авторов. Но, как правило, они рассматривались прежде всего в контексте битвы за Кавказ в целом и не выделялись в предмет самостоятельного изучения.

В отечественной историографии относительно немного работ, которые сколько-нибудь полно раскрывали бы подробности происходивших в тот период под Малгобеком военных событий. Одним из редких исключений является работа А. А. Гречко «Битва за Кавказ»¹. В ней автор подробно и глубоко анализирует ход основных событий и этапов военных операций на Северном Кавказе в 1942–1943 гг., в которых он сам принимал непосредственное участие.

Труд А. А. Гречко, впервые вышедший в свет в 1969 г., выдержал ряд переизданий и на протяжении долгого времени оставался наиболее фундаментальной и многоплановой исследовательской работой, посвященной истории битвы за Кавказ. В силу своего военного опыта (автор лично принимал участие в битве за Кавказ, на протяжении 1942–1943 гг. командуя 12-й, 47-й, 18-й и 56-й армиями), а также должностного положения (в 1967–1976 гг. он занимал пост министра обороны СССР) Гречко мог оперировать большим объемом фактически данных, цифр и прочего важного исторического материала, имея неограниченный доступ к архивам. В книге А. А. Гречко дается хотя и отрывочный, но ценный анализ организации противотанковой обороны советскими силами в ходе боев за Малгобек. В частности,

подробно описана организация противотанковых рубежей в районе Сагопшина в ходе отражения попытки прорыва дивизии СС «Викинг» к Малгобеку с запада 26–28 сентября 1942 г.

В современных отечественных исследованиях отдельные аспекты изучаемой темы освещены М. Коломийцем², И. Мощанским³, А. Исаевым⁴ и др.

В новейшей отечественной историографии труды А. В. Исаева, без сомнения, являются одними из самых интересных и заслуживающих внимания исторических исследований, посвященных теме Второй мировой войны. Его работы, написанные живым, ярким слогом, в то же время опирающиеся на солидную источниковедческую базу, включающую как советские, так и зарубежные архивные источники, представляют несомненный интерес как для специалистов, так и для широкой читательской аудитории, выполняющая важную функцию популяризации истории Великой Отечественной войны.

В книге А. В. Исаева, посвященной событиям кампании 1942 г., много места отводится изучению битвы за Кавказ. Автор справедливо указывает на важность кавказского направления в плане «Блау», а также анализирует военно-экономический и военно-стратегический аспект борьбы на кавказском направлении. Отдельный раздел посвящен боям в районе Малгобека, который ученый по традиции позднесоветских исторических работ именует «Моздок-Малгобекской оборонительной операцией», и определяет ее хронологические рамки в соответствии с той же традицией в промежутке между 1 и 28 сентября 1942 г. В разделе, освещающем сражения в районе Малгобека (в книге он занимает не более страницы), относительно больше внимания в сравнении с предыдущими работами отведено организации противотанковых действий советских войск, включая применение в оборонительных боях танковых соединений (прежде всего 5-й гвардейской и 52-й танковых бригад).

Огромную ценность как с точки зрения исторической мемуаристики, так и с позиции исследователя, представляет труд Вильгельма Тике, оставившего весьма детальное описание тех событий на основе собственных личных наблюдений, воспоминаний своих соратников, документов и материалов немецкой стороны⁵.

Работа Вильгельма Тике, вышедшая в ФРГ еще в 70-е гг., на русский язык переведена сравнительно недавно. Отличительной особенностью данной работы, выделяющей ее в ряду других немецких изданий, посвященных сражениям в предгорьях Главного Кавказского хребта в 1942–1943 гг., является ее претензия на всеохватность и масштаб передаваемых автором событий. Несмотря на то, что Тике уделяет немало места истории участия в битве за Кавказ отдельных немецких соединений, он пытается (и, как представляется, не без успеха) дать широкую панораму грандиозной битвы, развернувшейся с

июля 1942 г. на огромном фронте от Азовского моря до калмыцких степей и от среднего течения Дона до транскавказских перевалов.

Из работ по данной проблематике, вышедших в последние годы, особо следует выделить весьма информативное и добротное научное исследование И. Мощанского, посвященное истории оборонительного периода битвы за Кавказ (июль – декабрь 1942 г.). Можно утверждать, что эта книга на данный момент является одним из исследований, наиболее полно раскрывших военно-историческую сторону рассматриваемых событий. В то же время в работе Мощанского Малгобекская оборонительная операция освещается в рамках обзора всего оборонительного периода битвы за Кавказ (июль – декабрь 1942 г.). К тому же автор придерживается традиционной для советской и российской историографии точки зрения на хронологические рамки Малгобекской оборонительной операции, определяя их между 1 и 28 сентября 1942 г.

Несомненную ценность для всякого исследователя Малгобекской оборонительной операции представляют мемуары Героя Советского Союза, генерала И. П. Рослого, который в дни сражения за Малгобек командовал 11-м гвардейским стрелковым корпусом⁶. Именно части этого соединения приняли на себя первый удар врага на южном берегу Терека в первые судьбоносные дни сражения – в начале сентября 1942 г. И в дальнейшем бригады 11-го стрелкового корпуса принимали активнейшее участие в ходе операции на протяжении сентября – октября 1942 г. Мемуары И. П. Рослого отличают подробное описание событий, пристальное внимание к деталям. В частности, в них содержатся ценные сведения о составе и оснащении советских сил под Малгобеком, характерных приемах боя и способах организации обороны, присущих военным действиям с советской стороны в районе Малгобека в рассматриваемый период, в том числе и противотанковой обороной.

Ценным источником является историко-мемуарная работа Эвальда Клапдора, вышедшая еще в 70-е гг. в ФРГ и неоднократно переиздававшаяся. К сожалению, она до сих пор не переведена на русский язык. Автор книги в период рассматриваемых событий воевавшей под Малгобеком в чине унтерштурмфюрера СС и командовавший взводом в танковом батальоне дивизии «Викинг», много места уделяет событиям под Малгобеком. Он опирается как на личные впечатления от участия в боях на малгобекском направлении осенью 1942 г., так и на документальные источники – воспоминания других участников боев с немецкой стороны, отчеты частей и соединений, боевые сводки и донесения. В труде Эвальда Клапдора также находят достойное отражение такие аспекты, как организация противотанковой обороны советской стороны и действия немцев по организации ее прорыва, потери немецких танков в этих попытках⁷.

В ряду мемуарных работ немецких участников событий стоит также выделить воспоминания Э. фон Маккензена, командовавшего 3-м танковым корпусом вермахта, части которого также принимали участие в боях за Малгобек⁸.

Малгобек располагается в северной части Ингушетии, которая, как и прилегающие районы Чечни, Ставрополя, Кабардино-Балкарии отличается степным, преимущественно безлесным ландшафтом. Именно такой тип местности оптимально подходил для ведения наступательных действий с использованием танковых и моторизованных соединений, которые являлись движущей силой гитлеровского блицкрига. Широкое использование танков и мотопехоты в тесном взаимодействии с авиацией было залогом успехов нацистской военной машины на протяжении всех предшествующих лет Второй мировой войны. В этом на собственном горьком опыте пришлось убедиться командованию и войскам РККА в кампании предыдущего 1941 г. – первом опыте противостояния первоклассной высокотехнологичной машине вермахта, так дорого обошедшемся Советскому Союзу и его Вооруженным Силам. В этом убедили советское командование и советские войска и во вторую летнюю кампанию Великой Отечественной войны. Генеральное наступление вермахта на южном крыле советско-германского фронта развивалось столь успешно также в основном за счет умелого использования в причерноморских и придонских степях массированных действий танков, моторизованных частей и авиации.

И СССР, и Германия стянули к Малгобеку довольно сильные группировки танковых сил. При этом на протяжении всего сражения немцы обладали численным превосходством в танках. Из шести немецких дивизий, так или иначе задействованных в этих событиях, три, т. е. половина, были танковыми (3-я, 13-я, 23-я). Четвертая – моторизованная дивизия СС «Викинг» (уже в следующем 1943 г. она также будет преобразована в танковую дивизию) имела в своем составе мощную танковую единицу в виде танкового батальона дивизии⁹.

Перед началом летней кампании 1942 г., основной целью которой было овладение Кавказом, по приказу Гитлера именно танковые дивизии, действовавшие в составе группы армий «Юг» (которую после начала летнего наступления разделили на две группы армий – «А» и «Б»), комплектовались боевой техникой и личным составом на 100 %, тогда как аналогичные дивизии в группах армий «Север» и «Центр» соответственно на 50 и 55 %¹⁰. Это было вызвано тем, что противник, понеся большие потери в танках в ходе предыдущей кампании осени–зимы 1941–1942 гг., не мог поддерживать полную комплектацию всех действовавших на востоке танковых дивизий. Но наступавшие на главном стратегическом направлении танковые соединения не

должны были ни в чем нуждаться (даже за счет своих сотоварищей на других участках фронта).

Такое насыщение боевых порядков наступающих немецких войск танковыми и моторизованными соединениями было предопределено характером действий вермахта в летне-осенней кампании 1942 г. вообще и в боях под Малгобеком в частности. Танки и мотопехота выполняли роль тарана, призванного обеспечить быстрый и решительный успех грандиозного наступления. В непосредственной близости от главной цели кампании это значение данного рода войск неизмеримо возрастало. В то же время советские танковые соединения, противостоявшие здесь врагу (в основном в виде отдельных танковых бригад и батальонов), выполняли прежде всего оборонительные задачи, поддерживая пехоту и артиллерию, зарывшиеся в землю, своим маневром и огневой мощью. А. А. Гречко писал: «Большую помощь пехоте в оборонительных боях на малгобекском направлении оказали танки. В большинстве своем они использовались для проведения контратак, действуя вместе с пехотой»¹¹.

Численное превосходство противника советские танкисты стремились компенсировать все еще сохранявшимся (хотя в условиях модернизации основных типов немецких танков уже не столь безусловным, как в первый год войны) качественным превосходством советской бронетанковой техники (прежде всего танков Т-34 и КВ), а также возросшим индивидуальным мастерством экипажей и оперативным талантом командиров. Можно с уверенностью сказать, что именно последние из названных факторов в основном способствовали успеху действий советских танковых сил под Малгобеком. Этот успех ценен тем, что он был достигнут в противостоянии с самой сильной составляющей панцерваффе – немецкими танковыми силами на советско-германском фронте, а именно танковыми дивизиями немецкого южного крыла.

Дивизии панцерваффе, действовавшие под Малгобеком, выгодно отличались от танковых соединений вермахта, сражавшихся на других направлениях, не только полностью (или почти полностью) укомплектованными штатами, но и качеством стоящих на их вооружении боевых машин. Производимые немецкой промышленностью с 1941 г., танки новых модификаций с усиленными пушками и броней (в частности, новый вариант основного немецкого тяжелого танка Pz-IVAusf. F2 с усиленным бронированием и более мощной длинноствольной 75-миллиметровой пушкой)¹² шли в первую очередь именно в их подразделения.

Борьба с танками стала «вопросом» в организации советской обороны вокруг Малгобека. Методы и средства борьбы с танками разрабатывались советской стороной с самого начала военных действий против фашистской Германии и ее союзников летом 1941 г. Несмотря на достигнутые в этом направлении успехи, в целом эффективная противотанковая оборона

как стройная система была проблемой и летом 1942 г. Как отмечалось в отчетах советских войск по итогам активной фазы битвы за Малгобек, «ПТР (противотанковые ружья – Авт.) и 45-миллиметровые пушки оказывались неэффективными против танков противника, так как действовавшие на этом участке танки имели, видимо, усиленную броню»¹³. В связи с этим было дано указание вести огонь по гусеницам.

В то же время выдержка и мастерство расчетов позволяли вести эффективную борьбу с танками даже при помощи «сорокапятков». Правда, для этого требовалось немалое мастерство, а главное – выдержка и хладнокровие. Так, при отражении танковой атаки немцев на Вознесенскую 4 сентября командир батареи 45-миллиметровых пушек старший лейтенант Мильчаков дал команду на открытие огня только при подходе танков на дальность 300 м¹⁴. В результате атака противника была отбита с большими потерями для него, а занимаемый рубеж – прочно удержан.

Не меньшее значение имела и организация противотанковой обороны под Малгобеком. На танкоопасных направлениях плотность противотанковых орудий составляла: на вознесенском – 14 орудий на км фронта, сагопшинском – 33, на эльхотовском – 16¹⁵.

То, что борьба с танками составит основное содержание будущего сражения, и от ее успеха будет в конечном счете зависеть исход битвы за Малгобек, понимали и советские бойцы, и командиры еще накануне описываемых в настоящей работе событий. Методам борьбы с танками, например, во многом было посвящено совещание комсостава 11-го гвардейского корпуса состоявшееся в штабе генерала И. Рослого накануне переправы немецких войск через Терек. «Свою задачу мы видели и в том, чтобы усилить борьбу с танкобоязнью»¹⁶, – пишет Рослый в своих мемуарах.

Нехватку противотанковой артиллерии предлагалось восполнять огнем ПТР, широким использованием противотанковых гранат и бутылок КС (зажигательная смесь, широко применявшаяся советскими войсками с 1941 г. – Т. М.), для чего в каждом взводе надо было иметь одну – две группы истребителей танков.

В ходе боев под Малгобеком среди советских противотанкистов широкое распространение получила практика проведения своего рода «семинаров по обмену опытом», своеобразных слетов, самый крупный из которых состоялся 20 сентября 1942 г., т. е. в самый разгар сражения, в районе Вознесенской. На «слет истребителей танков», в котором приняли участие такие высокие гости, как командующий 9-й армией генерал-майор К. А. Коротеев, член Военного совета дивизионный комиссар С. Е. Колонин, командир 11-го Гвардейского стрелкового корпуса генерал-майор И. П. Рослый и другие, присутствовало 99 истребителей танков: бронебойщиков, артиллеристов, гранатометчиков, минометчиков¹⁷.

Судя по тому, как вели борьбу с танками противника советские пехотинцы под Малгобеком, такие семинары не проходили даром.

Весьма трудно определить, какие советские противотанковые средства были наиболее эффективны в борьбе с танками противника. Возьмем для примера действия советской противотанковой обороны (ПТО) в первый день участия в боях на малгобекском направлении дивизии СС «Викинг» – 26 сентября 1942 г.

Танковый батальон дивизии, перейдя в наступление в районе Нижнего Курпа, атаковал противника с 1-й танковой ротой во главе. Рота в течение очень непродолжительного времени потеряла два танка на советских минах, один – от огня артиллерии, и, таким образом, лишилась 40 % своего состава (далее атаковали только 5 танков 1-й роты). Спустя некоторое время в тот же день уже в глубине советских боевых порядков еще один танк был подожжен бутылкой с горючей смесью – тут уже поработала советская пехота¹⁸. Таким образом, в течение нескольких часов авангардная рота дивизии «Викинг» понесла тяжелые потери (лишилась половины материальной части) от действий сразу трех родов войск Красной Армии – саперов, артиллерии и пехоты.

Действия советских пехотинцев против танков дивизии «Викинг» также не свидетельствуют о большой «танкобоязни» среди советских бойцов. Немецкие танки поражались как огнем ПТР, для чего требовалось подпустить танк на довольно близкое расстояние (до 300–500 м), так и противотанковыми гранатами, бутылками с горючей смесью и даже подбрасываемыми под днища танков минами¹⁹, для чего, разумеется, требовались хорошие знания слабых мест танка и огромное самообладание.

Несомненно, преодолению пресловутой «танкобоязни» способствовали и различные формы занятий по ее изживанию среди бойцов и командиров вроде упомянутых семинаров, которые организовывались командованием сражавшихся за Малгобек частей и соединений. Методы индивидуальной борьбы с танками отрабатывались на протяжении всего сражения. Помимо вышеназванных семинаров по изучению опыта противотанковой борьбы, проводимых бойцами-ветеранами, для этих целей создавались импровизированные полигоны в ближних тыловых районах, обычно на пустырях и полях, прилегающих к местам расположения подразделений.

По оценке А. А. Гречко, только части советской 9-й армии в августе – сентябре 1942 г. уничтожили 180 танков и 9 бронемашин, из них 63 танка – огнем противотанковых ружей, а 14 – гранатами и бутылками с горючей смесью²⁰.

При всей высокой эффективности противотанковых средств советской пехоты основная заслуга в борьбе с танками противника принадлежала все же не пехотинцам и даже не танкистам, а противотанковой артиллерии РККА. В районе

Малгобека, прежде всего на наиболее танкоопасных направлениях (дорога Моздок – Вознесенская, район к западу от Сагопшина и к северу от линии Кескем – Пседах, линия узкоколейной железной дороги Моздок – Вознесенская) были оборудованы многочисленные противотанковые опорные пункты (ПТОП). Предсказуемость танкодоступных маршрутов, по которым развивалось немецкое наступление, и их ограниченность позволяли заранее разместить группировки противотанковой артиллерии, создавая прочный заслон немецкому бронированному кулаку. Эффективным средством борьбы с танками были и советские полевые орудия калибра 76-мм и 152-мм, по своей скорострельности превосходившие аналогичные немецкие орудия и позволявшие вести противоборство с бронетехникой противника порой не менее успешно, чем орудия ПТО²¹.

Некоторые расчеты противотанковой артиллерии ставили настоящие рекорды при отражении вражеских танковых атак. Например, расчет орудия 59-й стрелковой бригады под командой сержанта В. Демина 14 сентября при отражении танковой атаки противника вывел из строя 5 немецких танков, а на следующий день – еще 7²².

Безусловно, такими высокими результатами мог похвастаться далеко не каждый расчет. Тем не менее это говорит о высоком потенциале советской противотанковой артиллерии в борьбе с немецкими танками, сохранившемся даже на второй год войны, когда противник уже усилил защищенность своих танков и продолжал работу в этом направлении.

Таким образом, в целом в ходе битвы за Малгобек советские войска продемонстрировали высокую стойкость и эффективность организованной на северных склонах Терского хребта и прежде всего на малгобекском направлении противотанковой обороны. При этом большую роль сыграли как приобретение опыта организации ПТО за предшествовавший год войны с нацистской Германией и ее союзниками, так и творческое развитие инициативы в войсках, поддержанное усилиями советского военного командования. Особенности организации обороны заключались в том, что успешно задействуя благоприятный для ПТО рельеф местности, маневрируя силами противотанковой артиллерии, широко используя возможности немногочисленных танковых подразделений (действовавших преимущественно из засад), силы Северной группы войск смогли за короткий срок организовать долж-

ным образом прочную противотанковую оборону, ставшую непреодолимым заслоном на пути неприятеля, не позволившую ему достичь главных целей кампании на Кавказе.

Примечания

- 1 См.: Гречко А. А. Битва за Кавказ. М. : Воениздат, 1969.
- 2 См.: Коломиец М., Мощанский И. Танки «VALENTINE» в частях Красной Армии // М-Хобби. 1999. № 6.
- 3 См.: Мощанский И. Б. Оборона Кавказа. Великое отступление 25 июля – 31 декабря 1942 г. М. : Яуза-Эксмо, 2010.
- 4 См.: Исаев А. В. Когда внезапности уже не было. История ВОВ, которую мы не знали. М. : Яуза-Эксмо, 2006.
- 5 См.: Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть. М. : Эксмо, 2005.
- 6 См.: Рослый И. П. Последний привал – в Берлине. М. : Воениздат, 1983.
- 7 Klapdor E. Viking Panzers : the German 5th SS Tank Regiment in the East in World War II. Mechanicsburg : PA, Stackpole Books, 2011.
- 8 См.: Гейер Г., Маккензен Э. фон. От Буга до Кавказа. М. : Транзиткнига, 2006.
- 9 См.: Хоффман Т. Дивизия СС «Викинг». Гитлеровский интернационал. М. : Пресс, 2009. С. 26.
- 10 См.: Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск : Русич, 1998. С. 218.
- 11 Гречко А. А. Указ. соч. С. 113.
- 12 См.: Барятинский М. Немецкие танки в бою. М. : Яуза-Эксмо, 2009. С. 181.
- 13 Рапорт о проведении оборонительных боев 9-й стрелковой бригадой с 14 по 19.10.1942 г.// Центральный Архив Министерства Обороны. Ф. 399. Оп. 9385. Ед. хр. 15. Л. 14.
- 14 См.: Савельев В. П. Боевые будни штаба. М. : Воениздат, 1986. С. 11.
- 15 См.: Гречко А. А. Указ. соч. С. 114.
- 16 Рослый И. П. Указ. соч. С. 105.
- 17 См.: Гучмазов А., Траскунов М., Цкитишвили К. Закавказский фронт Великой Отечественной войны. Тбилиси : Изд-во ЦК КП Грузии, 1971. С. 145.
- 18 См.: Тике В. Указ. соч. С. 215–216.
- 19 Там же.
- 20 См.: Гречко А. А. Указ. соч. С. 110.
- 21 См.: Савин В. Разгадка 1941 г. Причины катастрофы. М. : Яуза-Эксмо, 2010. С. 11.
- 22 См.: Гучмазов А., Траскунов М., Цкитишвили К. Указ. соч. С. 146.

Образец для цитирования:

Матиев Т. Х. Особенности организации противотанковой обороны в ходе Малгобекской оборонительной операции // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 22–26. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-22-26>

Cite this article as:

Matiev T. H. Peculiarities of Organization of Anti-Tank Defense in the Malgobek Defense Operation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 22–26 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-22-26>

УДК [94+323.1](47+57)|1991/2000|

Распад СССР и создание новой системы межэтнических отношений в Российской Федерации в 1990-е годы

А. П. Мякшев

Мякшев Анатолий Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, myakshev@mail.ru

В статье анализируется специфика межэтнических отношений в России после распада СССР в 1990-е гг. Исследуется процесс институционализации национальной политики РФ. Рассматриваются основные направления реформирования «асимметричной федерации». Изучается вопрос о формировании гражданской нации «российский народ».

Ключевые слова: национальные элиты, межэтнические отношения, национальная политика, асимметричная федерация, гражданская нация, национализм, этноконфликты.

The Collapse of the USSR and the Creation of a New System of Interethnic Relations in the Russian Federation in the 1990s

A. P. Myakshev

Anatoly P. Myakshev, <https://orcid.org/0000-0002-2997-2618>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, myakshev@mail.ru

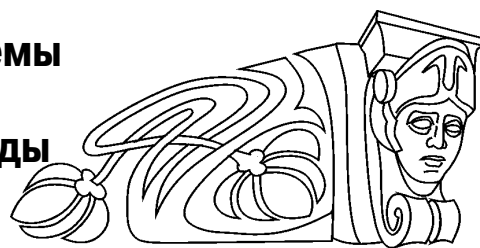
The article analyzes the specifics of interethnic relations in Russia after the collapse of the USSR in the 1990s. The process of institutionalization of the national policy of the Russian Federation is investigated. The main directions of reforming the «Asymmetric Federation» are considered. The question of formation of the civil nation «the Russian people» is studied.

Keywords: national elites, interethnic relations, national policy, asymmetric federation, civil nation, nationalism, ethnic conflicts.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-27-33>

Распаду СССР, сущности и специфике механизма взаимодействия власти и этносов, нарастанию кризиса межэтнического доверия, причинах краха советской системы межнациональных отношений автор посвятил большинство своих научных трудов¹.

Одной из причин написания данной статьи явилось сильное разочарование от нереализованной возможности построения глубоко научной, отвечающей в полной мере интересам всех проживающих в России этносов новой, кардинально отличающейся от советской, модели межэтнических отношений в полиэтничной стране. Целью настоящей публикации является анализ инноваций в сфере управления этноконфессиональной областью социальных отношений в России

1990-х гг., а также попытка ответить на вопрос: почему, в конечном счете, возникшая в результате драматических, зачастую трагических, событий новая система межэтнических отношений в основных своих чертах повторила старую, советскую модель?

Дезинтеграционные процессы, приведшие к распаду СССР и образованию 15 независимых государств на ставшей к тому времени бывшей его территории, имели среди прочего и своеобразное объяснение в сфере межнациональных отношений: конструировать новое цивилизационное пространство предлагалось исключительно на этнических принципах. Государственный суверенитет мыслился как самоопределение наций либо как решающий этап нациестроительства. Примечательно в связи с этим откровение М. Ш. Шаймиева, которым он поделился спустя 20 лет после провозглашения независимости Татарстана. «Все началось, – вспоминал Шаймиев, – с того, что 6 августа 1990 года Председатель Верховного Совета Российской Федерации, тогда еще не Президент, Борис Николаевич Ельцин приехал в Татарстан». Отмечая, что «без Ельцина невозможны были бы все эти процессы», первый президент Республики Татарстан утверждал, что «те знаменитые слова он сказал не для эффекта»: «Мы тогда весь день без обеда ходили. Вечером уже в УНИКСе встречались с общественностью, это была не организованная публика. Вот тогда он и сказал: «Берите суверенитета столько, сколько сможете освоить»². Менее известным стало другое откровенное высказывание российского лидера, явно не сомневавшегося к тому времени в политическом эффекте всех своих проектов и рекомендаций: «Во время встречи в Союзе писателей с интеллигенцией ему задали вопрос: «Борис Николаевич, если бы Вы были татарин, что бы Вы делали?». Он тогда сказал: «Я бы боролся за самостоятельность Татарстана»³. Безусловно, национальные элиты, раскалывающие и дробящие советское государственное пространство, в сепаратизме видели главное и самое грозное оружие в процессе конвертации власти в собственность.

Логичным и закономерным представляется в связи с этим развернувшийся в 1990-е гг. на постсоветском пространстве процесс трансформации советской модели межнационального взаимодействия в систему межгосударственных отношений по типу Европейского Союза. В распадавшемся СССР подобные настроения превалировали. К

примеру, председатель Совета Республик, правопреемник Совета Национальностей Верховного Совета СССР, А. Т. Алимжанов полагал незадолго до Беловежского соглашения: «Каждый из нас представляет свои суверенные государства, свои республики, защищает интересы. Мы хотим выйти за рамки этих интересов и защищаем или обосновываем интересы будущего содружества. Это будет или конфедерация, или сообщество государств»⁴. А. А. Собчак, рассуждая о будущем распадающегося Союза, был более прямолинеен и откровенен: «Будущему сообществу потребуются представительный орган по типу Европарламента»⁵.

Деятельность в 1990-е гг. СНГ, призванного, по мысли его создателей, сохранить существующие экономические связи и актуализировать интеграционные перспективы, однако, не стало свидетельством устремленности получивших власть в республиках элит титульных этносов к построению общественной модели на принципах межэтнического доверия, равноправия и солидарности. Наоборот, национальные элиты, рекрутированные в основном из старой партгосноменклатуры и частично из представителей национальной интеллигенции, сразу же принялись наполнять и укреплять обрушившийся на большинство из них неожиданно и стремительно суверенитет реальным содержанием. При этом приоритетное значение на всем постсоветском пространстве, кроме, пожалуй, русских областей России, сразу же приобрели процессы этнической мобилизации и поляризации. Ряд исследователей при этом сразу же отметили, что немаловажным аргументом «выяснения отношений» в борьбе за социальные приоритеты для своей национальности стало соотношение численности титульного и нетитульного населения в каждой отдельно взятой республике⁶.

Собственно, феномен СНГ в 1990-е доказывал очевидное: Советский Союз не исчерпал интеграционный потенциал, национальные элиты в своих эгоистических устремлениях трансформировали советскую интегрирующую идеологию в откровенные этнократические конструкции. Определяющим фактором этнонационального самоопределения на постсоветском пространстве стала политическая целесообразность в ущерб правовым подходам. «При этом, расставаясь с СССР, новые независимые государства явно не желали отказываться от такого наследия «империи Кремля», как проведенное ею территориальное размежевание и доставшиеся в наследство от «проклятого прошлого» границы. Получался парадокс: власти и влияния Москвы новые образования не желали, а «построенную» с помощью союзного центра территорию были готовы принять, но без выработки принципиально новых (не советских и не имперских) механизмов обеспечения целостности и национального единства»⁷.

Формирование новых государственных образований и политических наций на территории распавшегося СССР происходило вопреки

утвердившемуся в историографии мнению не мирным, а конфликтным, зачастую – кровавым, путем. На наш взгляд, сравнение с «югославским сценарием» может считаться корректным и уместным. По данным Центра этнополитических исследований, на начало 1993 г. на территории постсоветского пространства было зафиксировано 153 очага этнической напряженности и конфликта: в России – 71, в Закавказье – 23, на Украине – 17 (в том числе попытка создания Донецко-Криворожской республики), в Средней Азии – 16, в Казахстане – 8, в Прибалтике – 8, в Молдове – 7, в Беларуси – 3⁸. Этнополитические конфликты в Молдавии, Грузии, Азербайджане, России способствовали разобщению СНГ и дезинтеграции постсоветского пространства и в конечном счете привели к появлению непризнанных государств – Приднестровью, Абхазии, Южной Осетии, Нагорного Карабаха, Ичкерии (1996–1999). Представляется, что конфликты между кланами и региональными элитами на Украине, в Киргизии, Таджикистане неуклонно приводили к тем же последствиям.

Следует признать, что национальные элиты большинства входивших в СНГ стран показали свое нежелание и полную неспособность к урегулированию межэтнических конфликтов собственными силами. Отсутствие подобных механизмов продемонстрировало и само Содружество Независимых Государств, что, собственно, демонстрирует несостоятельность позиции, согласно которой СНГ является «неоимперским пространством»⁹. Межэтнические конфликты в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии, Карабахе, в Таджикистане были «купированы» силами российской армии и усилиями российской дипломатии.

Внутренняя нестабильность и межэтнические конфликты привели к массовой эмиграции русской и русскоязычной части населения из большинства стран Содружества в Россию и послужили основным мотивом к не менее массовой трудовой миграции молдаван, украинцев, таджиков, узбеков преимущественно в Россию. За 1990-е гг. из 25-миллионной русской диаспоры в Россию переместились около 5 млн чел.

Таким образом, распад единого государства повлек за собой и разрушение советского народа как новой исторической общности (В. А. Тишков признает как факт наличия «общесоветской идентичности», так и реальность феномена «советский народ», «фактически существовавшей гражданской нации»¹⁰), который, «несмотря на свою противоречивость и незавершенность», обладал «признаками, позволявшими рассматривать его как уникальную общность, не имеющую аналогов в мировой истории»¹¹. Идеологию советского патриотизма и доктрину единого советского народа в возникших на постсоветских просторах республиках в 1990-е гг. заменил этнический национализм, а концепцию «гражданской нации» вытеснило (точнее, не дало

родиться) понятие «этнонация». В. А. Тишков прямо указывает, что этнонационализм в постсоветских государствах, «особенно от имени так называемых титульных наций», служит «средством политической мобилизации, обеспечения приоритетного доступа к власти и ресурсам»¹².

Пришедшие к власти в России элиты (в основном переродившаяся партгосноменклатура, маркером которой как раз и стал отказ от советских ценностей: советского патриотизма, социальной справедливости, межэтнического доверия, коллективизма и т. д.) оказались в крайне сложном, с точки зрения общественных и идеологических приоритетов, положении. Поддерживать сепаратизм прошедших стадию мобилизации элит национальных республик стало невозможно по простой причине – оружие, эффективно примененное «новой-старой» российской элитой в борьбе с советским Центром, грозило быть повернутым против нее самой. Обещания предоставить титульным этносам максимум суверенитета (под способностью «переварить» обещанный суверенитет прозрачно просматривался вероятный сценарий выхода из состава России «самостоятельно» поднявших свой статус до уровня союзных бывших российских автономных республик) натолкнулись на суровую реальность чеченских и татарских притязаний на полную самостоятельность и независимость от ставшего российским Центра.

Ворвавшееся в политический лексикон понятие «гражданская нация» (как средство и метод консолидации согражданства при абстрагировании от этнического как такового или его умаления) сразу же стало рассматриваться национальными активистами и политическими лидерами в республиках как отказ власти от сохранения коллективной культурной самобытности нерусских этносов, как реальная угроза ассимиляции и превращения населения Российской Федерации в «российский народ». Так, в период «взбунтовавшейся этничности» многозначное использование понятия «нация» поставило в тупик молодых реформаторов, полагавших, что национальный фактор априори не может стать препятствием к разделу собственности в рамках существенно сузившегося государственного пространства. Этнический национализм, выступивший грозным оружием в борьбе с «советским» Кремлем, теперь грозил резко ограничить доступ ставшего «российским» Кремля к ресурсам, значительная часть которых как раз располагалась в национальных анклавах.

Реформаторы никогда не скрывали, что для них национальные сюжеты ограничиваются всего лишь дележом ресурсов. Министр экономики в 1992–1993 гг. А. А. Нечаев (П. О. Авен уверял, что Нечаев был государственным «точно больше, чем я и Кох»¹³) считал, что единство России он сохранил «изыщным» решением: «Раньше татарские 28 млн. тонн нефти делились на 5 млн.

татарских тонн и 23 млн. союзных тонн, а теперь мы сговорились делить на 12 и 16. И всё. В этом и заключался весь «суверенитет», если отбросить все реверансы и демагогию». «Таким образом, – ёрничал бывший министр, – за 7 млн. тонн нефти ... мы сохранили единство России»¹⁴. Собственно, тем же методом («татарским вариантом») Нечаев предлагал решать вопрос с Чечней. Причем уверял, что «страна бы даже не заметила» этих «чеченских 3–4 млн. тонн»¹⁵. Национальная политика в полиэтничном государстве, таким образом, сводилась к разрешению споров вокруг прибыли от продажи ее ресурсов за рубеж между вновь возникшими российскими «федеральными» и национальными «республиканскими» элитами.

Конфликты с Татарстаном и Чечней все же принудили российское руководство частично пересмотреть старую советскую формулу «классы первичны, а нации вторичны» (в современном варианте эта дефиниция «звучала» как «собственность первична, а нации вторичны») и обратить внимание на сложность и драматизм национальных проблем в стране. Актуализация «проклятого национального вопроса» выразилась в институционализации национальной политики.

В СССР специального органа государственной власти, отвечающего за проведение национальной политики, в послевоенный период его развития не было. На излете перестройки в ЦК КПСС появился отдел по межнациональным отношениям, с 1988 г. деятельность нового Совета Национальностей Верховного Совета СССР, до того сводившаяся к дублированию деятельности Совета Союза, сосредоточилась на разрешении конфликтных ситуаций в межэтнических отношениях. Подобный орган был создан и в Верховном Совете РСФСР. Возглавил российский Совет Национальностей историк по образованию, доктор философских наук Р. Г. Абдулатипов, работавший короткое время консультантом Отдела национальных отношений ЦК КПСС. Заняв должность председателя Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР 13 июня 1990 г., руководил им вплоть до его разгона осенью 1993 г.

В марте 1990 г. был создан и Государственный комитет РСФСР по вопросам национальностей. Осуществлять практическое руководство этническими процессами в Россию поначалу были призваны представители партийной элиты. Первым председателем Госкомнаца стал бывший первый секретарь Бурятского обкома КПСС А. М. Беляков, с декабря 1990 г. – бывший первый секретарь Чебоксарского горкома КПСС и предсовмина Чувашской АССР Л. П. Прокопьев. Вероятно, изменившаяся политическая ситуация после распада СССР и резкое обострение положения в национальной сфере заставило Ельцина отказаться от услуг бывших партийных чиновников и обратиться к профессионалам.

5 марта 1992 г. председателем Государственного комитета РФ по национальной политике – ми-

нистром РФ стал выпускник истфака МГУ, доктор исторических наук В. А. Тишков, прошедший путь от декана истфака Магаданского госпединститута до директора Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. По всей видимости, позиция авторитетного ученого-министра, полагавшего, что большого бюджета и штата Госкомнацу не нужно, поскольку оно призвано решать «многие самостоятельные задачи, а также выполнять экспертные функции при решении государственных вопросов, затрагивающих проблемы сохранения этнокультурного многообразия и межэтнических отношений»¹⁶, Б. Н. Ельцина не устраивало. В январе 1994 г. министром был назначен выпускник юридического факультета МГУ С. М. Шахрай, имевший опыт написания кандидатской диссертации по федеративным отношениям, что не помешало ему стать вдохновителем epochального события – роспуска советской федерации. По словам М. С. Горбачева, именно С. М. Шахрай и Г. Э. Бурбулис уговаривали Б. Н. Ельцина распустить СССР: «Республики нам не нужны, они все равно к нам приползут, сто миллиардов, которые идут трансфертами, останутся в России»¹⁷. Именно Шахрай с Бурбулисом представляли российское руководство на переговорах с Татарстаном о разделе полномочий. С. М. Шахрай руководил российской делегацией на переговорах с Украиной о статусе Черноморского флота, являлся главой временной администрации в районе межнационального конфликта в Северной Осетии и Ингушетии в ноябре – декабре 1992 г., автором плана свержения Дудаева под прикрытием оппозиции.

С. М. Шахрай продолжал курировать национальную политику на посту вице-премьера и после того как оставил пост министра. В мае 1994 г. Министерство по делам национальностей и региональной политике возглавил Н. Д. Егоров, бывший глава администрации Краснодарского края, этническими проблемами никогда не занимавшийся, в конечном счете, признавший, что под его руководством «Миннац оказался не готовым к работе в кризисных ситуациях»¹⁸.

Неудачи в Чечне заставили Б. Н. Ельцина вновь обратиться к опыту управленцев, обладавших профессиональными знаниями в сфере теории и истории межнациональных отношений. Доктор исторических наук, профессор, бывший заведующий отделом ЦК по межнациональным отношениям В. А. Михайлов, возглавивший в 1995 г. Министерство РФ по делам национальностей и федеративным отношениям, являлся одним из тех руководителей государства, которые разрабатывали и осуществляли национальную политику во второй половине 1990-х гг. Поработав в июне 1998 г. – мае 1999 г. первым заместителем секретаря Совбеза РФ В. В. Путина, В. А. Михайлов занимал пост министра РФ по делам национальностей и региональной политике в правительстве С. В. Степашина в 1999 г., а с августа 1999 г. по 14 января 2000 г. был министром РФ по

делам федерации и национальностей в правительстве В. В. Путина. Твердый сторонник «переговорного» метода урегулирования чеченского конфликта, он поочередно возглавлял создаваемые комиссии по мирному урегулированию в Чеченской Республике, сыграл важную роль в разработке проекта договора о разграничении предметов ведения и полномочий между органами власти Российской Федерации и Чечни.

На наш взгляд, в разрешении «чеченского кризиса» главную роль сыграли кадровые решения Б. Н. Ельцина. Не случайно в сентябре 1996 г. советником Президента РФ по национальным вопросам являлся блестящий специалист в области этноконфликтологии, кандидат исторических наук Э. А. Паин, сменивший на этой должности Н. Д. Егорова. Именно Паин, выдвигавший план «одна Чечня – две системы», с марта 1996 г. руководил рабочей группой при Президенте РФ по завершению боевых действий и урегулированию ситуации в этой Республике.

Из трех советников Президента Э. А. Паин находился на этой должности дольше других, до февраля 1999 г. В июле 1991 г. – ноябре 1992 г. советником Президента по вопросам национальной политики являлась кандидат исторических наук Г. В. Старовойтова, активно ратовавшая за предоставление Нагорному Карабаху права на самоопределение, что, естественно, противоречило позиции руководства СССР и Азербайджана. Во время осетино-ингушского конфликта октября – ноября 1992 г. Старовойтова предлагала изменить границы между Северной Осетией и Ингушетией, выступала против введения чрезвычайного положения на территории этих национальных анклавов, за что и была отправлена Ельциным 4 ноября 1992 г. в отставку. Представляется, что Ельцина не устраивали взгляды либерального политика-ученого, считавшего русский народ «народом с искаженным, болезненным, извращенным этническим самосознанием» и полагавшего «не может быть свободным народ, угнетающий другие народы»¹⁹.

Впрочем, научные взгляды и концептуальные предпочтения руководителей национальной политики не являлись для Б. Н. Ельцина самым важным критерием кадрового отбора. Национальная политика определялась в 1990-е гг. сугубо прагматичными соображениями, зачастую политическими сиюминутными задачами. Об этом красноречиво свидетельствует факт назначения в 1994 г. на должность заместителя Председателя Правительства РФ по национальным вопросам, вопросам развития Федерации и местного самоуправления, а затем, в сентябре 1998 г. – мае 1999 г. министром национальной политики РФ Р. Г. Абдулатипова, по мнению В. А. Тишкова, «яркого российского политика, но слабого ученого», постоянно напоминающего об «опасных для страны и для ее народов заблуждениях» самого Тишкова и его «призывах «забыть нации»²⁰. Сам же Р. Г. Абду-

лагипов сожалел, что многие государственные структуры, созданные в Российском государстве в ходе ее постсоветской трансформации, в значительной степени носят формальный характер и таковым считал Государственный комитет по делам национальностей²¹. Напротив, министр региональной и национальной политики РФ в правительстве С. В. Кириенко (8 мая – 22 сентября 1998 г.) доктор экономических наук, профессор, зав. Пермским отделом Института экономики Уральского отделения АН СССР Е. С. Сапиро, известный своим твердым убеждением в том, что Россия должна быть поделена на губернии, отозвавшийся в 1994 г. своей подписью под договором об общественном согласии в знак протеста против предоставления широких экономических прав Татарстану и Башкортостану, считал, что Миннац по своей специфике ближе к МИДУ, поэтому сотрудники Миннаца должны быть дипломатами.

Национальная проблематика в 1990-е гг. оказалась в центре внимания и законодательной ветви власти. Первым председателем Комитета Госдумы первого созыва по делам национальностей стал дипломированный учитель истории, кандидат политических наук Б. Б. Жамсуев, а соответствующую должность в Госдуме второго созыва (1995–1999 гг.) – В. Ю. Зорин, защитивший в 2000 г. диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Национальный вопрос в III Государственной Думе России 1907–1912 гг.». Первым председателем Комитета Госдумы по делам СНГ и связям с соотечественниками (1993–1995 гг.) был К. Ф. Загулин, закончивший истфак МГУ, в 1996 г. создавший и возглавивший Институт диаспоры и интеграции, более известный как Институт стран СНГ.

Следует заключить, что в 1990-е гг., столкнувшись с непонятной и непредсказуемой «бунтующей этничностью», власть предпочла обратиться к помощи профессиональной научной экспертизы. Спор В. А. Тишкова, проповедовавшего идею «российской нации» и настоявшего на отмене графы «национальность» в паспортах, и Р. Г. Абдулатипова, которого Валерий Александрович называл «главным радетелем вечности и святости наций», не помешал ученым-политикам не только аргументированно, изобретательно и упорно отстаивать курс на мирное разрешение межэтнических конфликтов, но и признать целесообразность строительства асимметричной федерации как главного средства спасения России от повторения судьбы СССР.

Следует отметить заслуги историков-политиков как в разрешении межэтнических конфликтов, так и разработке новых подходов в государственно-национальном строительстве. Так, в 1990-е гг. историки возглавили и ряд национальных движений за самоопределение и государственную независимость: доктор исторических наук, профессор Л. А. Чибиров в 1993–1996 гг. возглавлял Верховный Совет, а в 1996–2001 гг. являлся Президентом

Республики Южная Осетия, а первый заместитель Председателя Верховного Совета Южной Осетии с 1989 по 1992 г. А. Р. Чочиев в 1998 г. в Институте этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН защитил докторскую диссертацию по теме «Социальная история осетин в догосударственный период». Председателем Верховного Совета Абхазской ССР с 1990 г., президентом Абхазии с 1994 по 2004 г. был доктор исторических наук, известный исследователь хеттской культуры В. Г. Ардзинба. Среди авторов татарской модели суверенитета можно выделить доктора исторических наук, декана истфака КГУ И. Р. Тагирова, директора созданного в 1996 г. Института истории имени Марджани Академии наук Республики Татарстан, доктора исторических наук Р. С. Хакимова.

Главное противоречие внутреннего строения советской федерации заключалось в строго выстроенной и неукоснительно соблюдаемой иерархии национально-государственных образований: союзные республики имели больше прав, нежели автономные, которые, в свою очередь, обладали существенными приоритетами и преимуществами перед автономными областями и округами. Этнотипы, соответственно, были выстроены в столь же последовательно «неравном» порядке. Русский этнос в этой иерархии занимал специфическое место, определяемое им самим как «неравноправное», всеми остальными этносами расцениваемое как «метропольно-приоритетное» в советской империи. Следует признать, что данное противоречие не только не было устранено в первое десятилетие после обретения Россией «независимости», но и закреплено в форме «асимметричной федерации», в которой разные ее части стали обладать своим собственным арсеналом прав и обязанностей по отношению друг к другу, а также и прежде всего к федеральному Центру. Степень независимости Республики Татарстана и Чеченской республики в 1990-е гг. многократно превосходила прежний статус и положение союзных республик в бывшем СССР, а нефтяные ресурсы позволяли сократить зависимость от Москвы в большей степени, чем это могли сделать некоторые члены СНГ.

15 июня 1996 г. Президент России утвердил «Концепцию государственной национальной политики Российской Федерации», в основу которой были положены 5 приоритетных направлений: развитие федеративных отношений, обеспечивающих гармоничное сочетание субъектов РФ и целостности Российского государства; развитие национальных культур и языков народов России, укрепление духовной общности россиян; обеспечение политической и правовой защищенности малочисленных народов и национальных меньшинств; достижение и поддержка стабильного, прочного межнационального мира и согласия на Северном Кавказе; поддержка соотечественников, проживающих в странах СНГ и Балтии. Следует признать, что сама Концепция не стала действенным ориентиром для органов государственной власти в решении этно-

политических проблем. Этот документ носил в основном констатирующий характер и не являлся превентивной и целостной, предвидящей и предусматривающей решение сложных этнополитических задач программой. В нем не нашел отражение вопрос о будущем этносов. Не давал ответа на данный вопрос, на наш взгляд, и наиболее важный из всех принятых в исследуемой сфере в 1990-е гг. федеральный закон от 17 июня 1996 г. «О национально-культурной автономии». По сути данный Закон закреплял старую советскую формулу: «Большим народам – республики, малым – культурную автономию». Российское законодательство продолжало сложившуюся во времена СССР традицию защиты интересов малочисленных народов Севера. В 1996 г. был принят Закон «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера», в 1998 г. Российская Федерация ратифицировала Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств, подписанную 1 февраля 1995 г. Советом Европы, в 1999 г. вступил в силу федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», а в 2000 г. – Федеральный закон «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока». Характерным признаком национальной политики 1990-х гг. стала реализация ряда федеральных целевых программ, направленных на осуществление государственной поддержки культуры возрождения и развития отдельных народов России: «Развитие социально-экономической и культурной базы возрождения российских немцев на 1997–2006 годы», «Социально-экономическое развитие республики Калмыкия и национально-культурное возрождение калмыцкого народа на 1997–2002 годы». В мае 1999 г. был принят Закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». Соотечественниками признавались лица, родившиеся в одном государстве, проживавшие в нем и обладавшие признаками общности языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев. Языковую сферу регулировал Закон РСФСР «О языках народов Российской Федерации» (действовал с октября 1991 г. как закон РСФСР, название было изменено в 1998 г.), позволивший всем республикам (кроме Карелии) установить свои дополнительные государственные языки.

Представляется, что законодательство в сфере национальной политики наиболее точно отражает ее приоритеты, сложившиеся после распада СССР в 1990-е гг.: задача укрепления национальной идентичности превалировала и рассматривалась как более важная, нежели формирование гражданской идентичности – «российской нации». Не случайно на организованной Правительством и Федеральным Собранием в мае 1994 г. конференции «Федерализм и межнациональные отношения в современной России» (более известной под названием «Сенежский форум») основной доклад,

который делал заместитель Председателя Совета Федерации Р. Г. Абдулатипов, отражал данную тенденцию своим названием – «Россия: национальное возрождение и межнациональное сотрудничество: приоритеты национальной политики»²². Именно в этом докладе и было сформулировано основное кредо национальной политики России в 1990-е гг.: «Надо исходить из многообразия, поливариантности решения национальных вопросов в разных регионах, с разным национальным составом. К примеру, в имперской России имела место политика особых подходов, например, к Финляндии, Польше, в чем-то к северянам, украинцам, среднеазиатским ханствам, вплоть до предоставления особых прав и статуса ряду национальных образований»²³. На наш взгляд, на Сенежском форуме окончательно утвердился «этнический принцип нашего федеративного устройства»²⁴, а понимание федерации как «территориальной формы демократии» было квалифицировано как «американский подход, который ориентирует Россию на мнимофедеративные отношения»²⁵. «Большевистский» подход возобладал и по вопросу о «Русской республике», вариант ее образования был назван «верхом лжепатриотической глупости»²⁶.

На наш взгляд, при внешней хаотичности становления правового поля и несбалансированности законов в России 1990-х гг. превалирующая идея «национального возрождения», которую так активно проповедовали местные национальные элиты, была хорошо продуманным и просчитанным средством перераспределения власти и собственности в «новой России». В сложившейся ситуации Федеративный договор и, прежде всего, договоры о разграничении полномочий между Центром и республиками, в частности Договор между Татарстаном и Российской Федерацией, безусловно, нарушавшие принцип равноправия субъектов федерации, являлись одновременно оптимальным вариантом торможения и остановки процесса дезинтеграции российского государственного пространства. «Договорный процесс нейтрализует вызовы, поддерживает баланс децентрализации и централизации государственной власти на необходимом для стабильности и устойчивости уровне»²⁷. Возникающее при этом неравенство может быть оправдано и «теоретически»: «С точки зрения теории федерализма отдельные договоры центра с субъектами не являются аномалией, от чего нужно избавляться, напротив, если они оправданы по существу, то становятся стабилизирующим фактором, если даже создают элементы асимметрии»²⁸.

Представляется, что «чеченский» вариант «национального возрождения», в силу различных причин «превратившийся» в трагедию для Российского государства и чеченского этноса, изначально преследовал те же цели, что и «татарская» модель – перераспределение власти в государстве в его новой форме под названием «асимметричная федерация». Заменив собой советскую «иерархическую федерацию», такая форма взаимоотношений Цен-

тра и субъектов федерации многократно усиливала неравенство между этносами и «ставила» их жизнеобеспечение не только в зависимость от уровня национального самоопределения, но и от способности и умения национальных элит договориться о своих собственных предпочтениях с Центром. Собственно, в этом и состояла специфика системы межэтнических отношений в России 1990-х гг.

Примечания

- 1 См.: Мякшев А. П. Межнациональные отношения в СССР (1985–1991 годы) : от кризиса межэтнического доверия к распаду единого государства. Саратов : Саратовский источник, 2018 ; *Он же*. Межнациональные отношения в СССР (1945–1985 годы) : от общей Победы к кризису межэтнического доверия. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2017 ; *Он же*. Власть и национальный вопрос в новейшей истории России. XX – начало XXI века. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015 ; *Он же*. Власть и национальный вопрос : Межнациональные отношения и Совет Национальностей Верховного Совета СССР (1945–1991). Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2004 и др. О взглядах автора см.: Вдовин А. И. Рецензия на книгу : Мякшев А. П. Межнациональные отношения в СССР (1945–1985 гг.) : от общей Победы к кризису межэтнического доверия. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2017. 196 с. // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 129–131.
- 2 «Круглый стол», приуроченный к 20-летию подписания Договора Российской Федерации и Республики Татарстан «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами власти Республики Татарстан» 14 февраля 2014 года. Стенографический отчет. Казань : Госсовет Республики Татарстан, 2014. С. 35.
- 3 Там же. С. 35.
- 4 Мякшев А. П. Межнациональные отношения в СССР (1985–1991 годы) : от кризиса межэтнического доверия к распаду единого государства. Саратов : Саратовский источник, 2018. С. 185.
- 5 Мякшев А. П. Власть и национальный вопрос : Межнациональные отношения и Совет Национальностей Верховного Совета СССР (1945–1991). Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2004. С. 344.
- 6 См.: Лебедева Н. М. Новая русская диаспора : Социально-психологический анализ. М. : ИЭА, 1995 ; Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М. : Смысл, 1998.
- 7 Маркедонов С. Постсоветское пространство : прощание с дефиницией? // Эволюция постсоветского пространства : прошлое, настоящее, будущее : хрестоматия. М. : НП РСМД, 2017. С. 379.
- 8 См.: Сикевич З. В. Этносоциология : национальные отношения и межнациональные конфликты. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994. С. 103.
- 9 Каганский В. Л. Советское пространство : конструкция и деструкция. М. : Аргус, 1995. С. 27.
- 10 Тишков В. А. Этнология и политика. Научная публицистика. М. : Наука, 2001. С. 238.
- 11 Вдовин А. И. Указ. соч.
- 12 Тишков В. А. Этнология и политика. Научная публицистика. М. : Наука, 2001. С. 238.
- 13 Нечаев А. «Неприлично во всех грехах обвинять прежнюю власть» // Авен П. Революция Гайдара : История реформ 90-х из первых рук. М. : АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР, 2013. С. 144.
- 14 Там же. С. 160.
- 15 Там же. С. 161.
- 16 Цит. по: Зенькович Н. А. Национальная политика : творцы и исполнители. М. : ЗАО ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 479.
- 17 Цит. по: Там же. С. 539.
- 18 Цит. по: Там же. С. 145.
- 19 Цит. по: Там же. С. 462.
- 20 Тишков В. А. Этнология и политика. Научная публицистика. М. : Наука, 2001. С. 238.
- 21 См.: Абдулатипов Р. Г. Парадоксы суверенитета : Перспективы человека, нации, государства. М. : Славянский диалог, 1995. С. 75.
- 22 Абдулатипов Р. Г. Россия : национальное возрождение и межнациональное сотрудничество : приоритеты национальной политики. М. : Известия, 1994. 47 с.
- 23 Там же. С. 44.
- 24 Там же. С. 11.
- 25 Там же. С. 12.
- 26 Там же. С. 12.
- 27 Аринин А. Н., Губогло М. Н. Федерализм власти и власть федерализма. М. : ТОО «ИнтелТех», 1997. С. 42.
- 28 Хакимов Р. С. Российский федерализм в условиях социально-политической трансформации. Казань : Институт истории Академии наук Республики Татарстан, 2009. С. 129.

Образец для цитирования:

Мякшев А. П. Распад СССР и создание новой системы межэтнических отношений в Российской Федерации в 1990-е годы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 27–33. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-27-33>

Cite this article as:

Myakshv A. P. The Collapse of the USSR and the Creation of a New System of Interethnic Relations in the Russian Federation in the 1990s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 27–33 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-27-33>

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 9(930.1)

Память о событиях в измерениях пространства и времени

Л. П. Репина

Репина Лорина Петровна, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, руководитель Центра интеллектуальной истории и Отдела историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН, заведующий кафедрой теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета, Москва, lorinarepina@yandex.ru

«Культурный поворот» в социально-гуманитарном знании привел к интенсивному анализу коллективных представлений, в том числе представлений о прошлом. В свою очередь, «мемориальный поворот» актуализировал дискуссии вокруг такой аналитической категории, как событие, которая на рубеже XX–XXI вв. обрела особый эпистемологический статус. В «мемориальных исследованиях» принципиальной познавательной установкой является учет социально-исторического контекста и его пространственно-временной динамики, вероятностного характера событий и субъективности действующих лиц. В статье обсуждаются проблемы интеграции идей культурного, мемориального, темпорального и пространственного «поворотов» в новой событийной истории.

Ключевые слова: историческое время, социокультурное пространство, хронотоп, событие, историческая память, категории исторической науки.

Memory of Events in Measurements of Space and Time

L. P. Repina

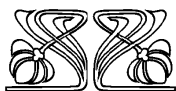
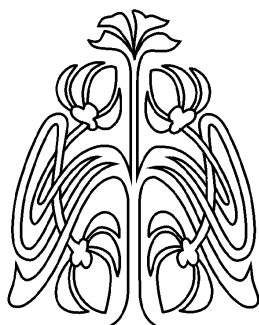
Lorina P. Repina, <https://orcid.org/0000-0002-8008-9388>, Institute of World History, 32A Leninsky Av., Moscow 119991, Russia, lorinarepina@yandex.ru

The “cultural turn” in socio-humanitarian knowledge led to an intensive analysis of collective representations, including ideas about the past, and at the border of the 20th and 21st centuries the “memorial turn” emphasized the need of the discussions about such analytical category as *an event*, which acquired a special epistemological status. In “memorial studies”, the principal cognitive attitude is to take into account the socio-historical context and its spatio-temporal dynamics, the probabilistic nature of events and the subjectivity of the actors. The article discusses the problems of integrating the ideas of cultural, memorial, temporal and spatial “turns” in the new event history.

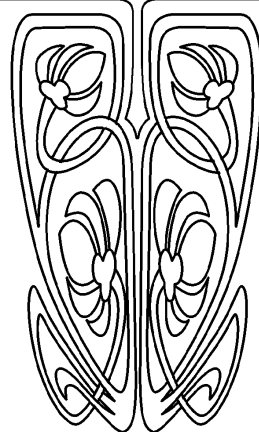
Keywords: historical time, sociocultural space, chronotope, event, historical memory, categories of historical science.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-34-40>

На рубеже XX–XXI вв., казалось бы, вполне привычные для исторической науки понятия времени и пространства оказались в фокусе внимания ученых, прежде всего в контексте прочно захватившей важные позиции в исследовательской проблематике и дискуссионной повестке дня истории концептов, или *Begriffsgeschichte*, а также в так называемой истории темпоральностей¹ и в различных моделях «спациальных исследований». Теоретик «спациологии» (spatiology) Анри Лефевр, наиболее влиятельный протагонист идей, которые привели к «пространственному повороту», стимулировал обращение ученых к культурно-ориентированным исследованиям «пространственной

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

триады): «репрезентаций пространства», «пространств репрезентаций» (жизненных пространств) и «пространственных практик»².

Историчность определяется уникальными пространственно-временными координатами. Исходя из принципа неразрывной связи пространственных и временных отношений, М. М. Бахтин, собственно, и ввел понятие «хронотоп» как концептуализированное этой неразрывности³. Все человеческое существование и всякая деятельность совершаются во времени и пространстве, в эмпирической реальности их совмещения и изменения, структуры и ритма, историк всегда изучает явления в фиксированном пространственно-временном диапазоне» (в рамках определенного хронотопа), а пространственно-временная организация исторического действия требует соответствующей формы его презентации. В философской мысли XVIII–XIX вв. всемирная история понималась как темпоральная тотальность, охватывающая прошлое, настоящее и будущее человечества в его различающихся и изменяющихся формах. С конца XVIII в. понятие *история* стало охватывать «сплетение всех социально-политических отношений по всей территории и во всех временных пространствах»⁴. В модусе общественного движения (развития) и исторического действия (опыта) категории времени и пространства (речь, разумеется, в данном случае идет о социальном времени и социальном пространстве, т. е. о связанных с жизнью человека и социума) интегрируются в интерпретации понятия «событие», подвергаемого современными социальными и гуманитарными науками качественному переосмотру.

Для исторического сознания концепты времени и пространства являются базовыми (причем на всех его уровнях и этапах развития), а воспроизведение пространственно-временных представлений – необходимым условием определения специфики культуры той или иной эпохи, хотя, разумеется, «категории культуры – далеко еще не сама культура во плоти и крови, это некоторая сетка координат, наложенная на живую, пульсирующую и изменяющуюся действительность»⁵. Современные исследователи исходят из признания фундаментальной зависимости различий в концептуализации пространства и времени от исторического контекста – социального, политического, культурного. Соответственно, различаются и способы структурирования времени в исторических нарративах. Темпоральная структура является интегральной частью интерпретативной имитации реальности, которая конституирует историописание в любой культурной традиции⁶. В пределе речь может идти об исторически обусловленном социокультурном контексте человеческой жизнедеятельности, именуемом «цивилизацией», поскольку «история не может постичь время иначе как в его неразрыв-

ной связи с пространством... Понятие времени всегда включает исторически и логически ему соответствующее представление о социальном пространстве»⁷.

Понимание цивилизации как устойчивой во времени и относительно упорядоченной социально-пространственной и социокультурной общности не ново. Как подчеркивал Фернан Бродель, вне зависимости от своего размера «цивилизации всегда могут быть локализованы на географической карте», а географы и историки, вслед за антропологами, тоже начали говорить о культурных пространствах, в каждом из которых господствует совокупность определенных культурных черт⁸, но при этом каждая цивилизация экспортирует и импортирует культурные ценности: «Фиксированность пространств и их границ не исключает прозрачности тех же границ для постоянно перемещающихся через эти границы культурных ценностей»⁹. Характерной же особенностью традиционных (домодерных) обществ была как раз длительность этих перемещений. Однако само понятие истории большой длительности, как правило, ведет начало от драматического события, то есть «от события, на котором строится интрига»¹⁰.

«Одним глазом история смотрит на время, а другим – на место». Эта фраза не случайно часто повторялась в текстах раннего Нового времени, предназначенных для учащихся. В то время история все еще понималась как *magistra vitae*: поскольку считалось, что человеческая природа неизменна, история могла обеспечить модели для поведения в настоящем и будущем. «Два глаза», призванные с помощью хронологии и географии определить время и место, были необходимы для понимания истории, но сами не составляли ее интегральных частей. Вместе они, скорее, определяли специфическое пространство, в котором помещалась история. Хронология служила для установления точного времени важнейших событий, например, времени Творения или времени Потопа. В раннее Новое время хронология стала отдельной наукой. Авторы, писавшие в этот период, считали знание хронологии необходимым для того, чтобы избежать серьезных исторических ошибок, которые могли бы помешать учащимся понять подлинное значение того, что они изучали¹¹.

Составляя основу историописания, хронология событий, однако, не идентична восприятию времени, его значению и ценности. Разумеется, и в Новейшее время историки подчеркивают значение хронологии, но речь идет уже о длительных и непрерывных изменениях, т. е. не просто о временной шкале, а о самой истории. Наиболее отчетливо это было выражено великим Марком Блоком в его «Апологии истории»¹². Определение истории как «науки о людях» он справедливо считал чересчур расплывчатым. Первая глава его знаменитой книги не случайно была

названа «История, люди и время». При этом в разделе «Историческое время с самого начала подчеркивается: «Историк не только размышляет о “человеческом”. Среда, в которой его мысль естественно (здесь и далее курсив мой. – Л. Р.) движется, – это категория длительности»¹³. Мыслить в категории времени естественно не только потому, что трудно представить себе науку, абстрагирующуюся от времени. В истории время является не просто некой мерой, способом членения продолжительного процесса на определенные отрезки. Ощущение специфики времени как исторической категории Марк Блок передал необычайно точно и ярко. Для него время – «конкретная и живая действительность, необратимая в своем стремлении, время истории – это плазма, в которой плавают феномены, это как бы среда, в которой они могут быть поняты. <...> Это подлинное время – по природе своей некий континуум. Оно также непрестанное изменение. Из антитезы этих двух атрибутов возникают великие проблемы исторического исследования...»¹⁴. И Марк Блок ставит один из важнейших вопросов, напрямую связанный с исторической темпоральностью, а именно: в какой мере связь между двумя последовательными периодами, «создаваемая непрерывным течением времени, оказывается более существенной, чем их несходство, которое порождено тем же временем», что, в свою очередь, выводит на размышления о той самой «мании происхождения», которую он называет «идолом племени историков». Что понимать под «истоками» – некую «начальную точку», неуловимую для большинства исторических явлений, или же контаминацию двух значений – «начала» и «причины», а эта двусмысленность порождает опасность подмены – на «начало, являющееся объяснением»¹⁵. Между тем «исторический феномен никогда не может быть объяснен вне его времени»¹⁶. И подчеркнем: речь здесь идет именно о явлении в контексте его собственного времени, а еще точнее – о его хронотопе.

Прошлое не может полностью объяснить настоящее, но есть относительно недалекая фаза в потоке времени, которая «захватывает» текущее настоящее и характеризуется «высоким коэффициентом “современности”». Нельзя не согласиться с тем, что «граница между современным и несовременным вовсе не определяется хронологией»¹⁷. Прежде всего она определяется событиями. Важнейшая характеристика времени – событийность, наполненность событиями, которые совершаются в конкретном пространстве социальных взаимодействий и символических практик.

В традиционной политической истории все исторические события объяснялись указанием на интенции действующих лиц и на последовательную цепь событий, непосредственно предшествовавших тем, которые подлежали объяснению. Новый подход к событийной истории

состоит в том, что каждое крупное историческое событие рассматривается не как эпизод, а как процесс и результат развертывания в реальном времени и пространстве целого «веера» микрособытий, происходивших в разноуровневых локусах – в «жизненном мире» индивидов, в локальных сообществах, в государственных институтах и т. д. Именно из-за их разномасштабности и одновременности эти происшествия не могут быть выстроены в последовательную цепь событий. При этом события недавнего, а нередко и весьма отдаленного прошлого оказывают существенное влияние на жизнь и действия индивидов и групп, структурируя набор поведенческих моделей и стратегий, доступных в каждой конкретно-исторической ситуации (конstellации многочисленных и разнообразных условий и факторов) как в плане реальном, так и в воображаемом (сквозь призму конкурирующих образов прошлого и проектов будущего).

Историю как науку отличает от других форм исторической памяти особое, рационально-критическое отношение к опыту прошлого: собственно, *процесс освобождения представлений о событиях прошлого от мифических наслоений и представляет собой историческое познание*. Если в исторической памяти события, конституирующие групповую идентичность, подвергаются процедурам деконтекстуализации, стереотипизации и символизации, то современная научная историография, организуя материал в хронологической последовательности, одновременно опирается в интерпретации событий на процедуру их многоуровневой контекстуализации в координатах времени и пространства и, соответственно, вынуждена выстраивать сложные модели репрезентации, особенно в случае так называемых эпохальных событий, которые историки рассматривают как источник множества последующих событий.

Отнюдь не случайно Поль Рикёр в своей знаменитой книге «Память, история, забвение»¹⁸ обсуждение дистанции между памятью и документальным доказательством начал с выяснения того, как обстоит дело с историческим временем и географическим пространством, учитывая их неразрывную связь, а затем перешел от исторического пространства-времени к высказываниям о прошлом, в которых память экстерииоризируется в свидетельство. А в разделе «Обитаемое пространство» он пишет о том, что «при переходе от памяти к историографии одновременно претерпевают изменения пространство, в котором перемещаются протагонисты рассказанной истории, и время, в котором разворачиваются изложенные события». Рикёр специально указывает на определенность заявления свидетеля: «Я там был». Таким образом, несовершенный вид глагола фиксирует время, а наречие – пространство. «Здесь» и «там» прожитого пространства восприятия и действия, а также «до» прожитого

времени памяти объединены вместе в систему местопребываний и дат, из которой исключена соотношенность с здесь и с абсолютным теперь живого опыта»¹⁹.

Рикёр подходит к совокупности «пространство–время», распутывая через пространство чередование непрерывности и прерывности в истории: «Вначале мы имеем дело с пространственностью телесной и пространственностью окружающей, неотделимой от вызываемого в памяти воспоминания...»²⁰. И, как не преминул отметить Рикёр, именно «в связи с этим живым опытом в истории впервые возникло понятие места памяти (*lieu de mémoire*), до того, как в нашем обиходе успешно закрепились последующие значения этого выражения»²¹. Речь здесь, разумеется, идет о получившем широкий резонанс и научное признание проекте Пьера Нора о «местах памяти»²². Это связь с открытым для восприятия и для практики пространством жизненного мира. От ближнего пространства человека анализ ведет ко все более отдаленным мирам. Однако, поднимаясь на другой уровень и переходя «к обитаемому пространству географии», Рикёр обращает внимание читателя на то влияние, которое оказали на историю «Анналов», с одной стороны, стабильность и непрерывность структур ландшафта, а с другой – привязанность к территории в региональных исследованиях в сочетании «с квазинеподвижностью большой длительности»²³.

Жорж Дюби, говоря о необходимости углубленного изучения связей каждой социальной группы с той природной средой, в которой она обитает, подчеркивал, что для него общее влияние географии (он был географом по своей первой специализации) тесно переплелось с воздействием книги Марка Блока «Феодалное общество», и это сказалось уже при выборе им темы докторской диссертации: «Примечательно уже само название моей диссертации: “Общество” (как и в названии книги М. Блока, акцент делается на социальной истории), после чего следует указание: на хронологические рамки “в XI–XII веках”, и, главное, на географические границы – “в области Маконнэ”. И действительно, в качестве образца для своей работы я взял региональные монографии, которыми в то время так славилась французская географическая школа... Моими источниками были не только тексты, но и ландшафт, со всеми запечатленными в нем следами прошлого, названия местностей, расположение дорог, полей, жилищ»²⁴.

Очень важно оценить значение этого устойчивого акцентирования местных условий, конкретной локализации действий, стремления «вернуть» работу историка «на землю» (по аналогии с полевыми исследованиями антропологов) в свете критических выступлений в адрес социальной истории и «новой истории», а также комплекса теоретических предпосылок и практических

установок набравшей все больше сторонников микроистории (в разных ее версиях).

В конце прошлого века событие все еще рассматривается анналистами как «кульминация предшествующих процессов большой длительности» и служит «как бы призмой, в которой преломляются, с одной стороны, глубинные социальные процессы, порожденные структурами большой длительности, а с другой – сиюминутные тенденции, складывающиеся под влиянием исторической конъюнктуры»²⁵. Историки, по признанию Жака Ревеля, «кинстинктивно сводят иерархию уровней рассмотрения к иерархии исторического масштаба: на уровне наций пишут национальную историю; на локальном уровне пишут локальную историю... История социальной целостности на самом нижнем уровне рассыпается на мириады крошечных событий, в которых трудно найти организующую связь»²⁶. Но вскоре, с развитием микроисторических исследований, актуализируется выбор масштаба рассмотрения объекта, от чего зависят результаты его познания в так называемой “другой социальной истории”, а по сути – истории социокультурной. В микроисторическом анализе на уровне индивида в конфигурации его жизненного пути обнаруживается «новый подход к социальному через нить частной судьбы», а «за этой судьбой проступает все единство пространства и времени, весь клубок связей, в которые она вписана»²⁷.

Узловая эпистемологическая проблема состоит в соединении разрозненных данных в целое, т. е. в том, как перейти от «истории случаев» к обобщению на макроуровне. Матти Пелтонен справедливо указывает на то, что в поисках ее решения лидеры итальянской микроистории Джованни Леви и Карло Гинзбург делают акцент на пространственной природе стыка между “микро” и “макро” (в терминологии Пелтонена), а именно не то, что «включает отдельное событие или объект в более глубокие структурные элементы более широкого социального целого. При этом остается «за скобками» его темпоральный аспект, т. е. включенность отдельного события или объекта в контексты времени и темпоральное отношение между микро- и макроуровнем общества как темпоральное. Впрочем, и многие комментаторы замечают только пространственный аспект, упуская временной. Этот аспект микроистории неадекватно представлен пространственной метафорой, описывающей фокусировку внимания на малых объектах»²⁸. Между тем локальность является удобным местом для исследования важных социальных изменений и решения значимых проблем. Как выразился Дж. Леви, перефразируя Клиффорда Гирца, «микроисторика не исследуют деревни, они проводят исследование в деревнях»²⁹.

Вместе с тем главный вопрос был поставлен в свое время Фернаном Броделем. Речь идет о том, как концептуализировать формирование

иерархий исторических феноменов внутри различных временных отрезков, на протяжении которых эти исторические явления соединяются и накладываются друг на друга: короткого времени самого события, среднесрочной конъюнктуры и, наконец, “большой длительности” (*longue durée*)³⁰.

Пространственно-временные координаты причудливым образом переплетаются в исторической проблематике совместного существования и неразрывной последовательности смены поколений, связующей биологические ритмы человеческих жизней и разноуровневые ритмы социальной жизни множества сообществ в их дифференцированных пространственно-коммуникативных средах, а также ритмы исторического процесса в его культурно-цивилизационном и глобальном измерениях. Об этом писали К. Мангейм³¹, Л. П. Репина³², М. П. Лаптева³³. К сожалению, несмотря на некоторое оживление интереса историков к данной проблематике, в российской историографии вплоть до настоящего времени новаторские разработки в русле истории поколений немногочисленны³⁴.

Вопрос о хронотопе истории под совершенно иным углом зрения был поставлен А. Я. Гуревичем в его знаменитой статье «Территория историка»³⁵, посвященной размышлениям над самыми значимыми эпистемологическими проблемами исторической науки. В этой программной статье речь шла о “пространстве-времени” исторического исследования, о месте и времени «встречи мысли историка с мыслью автора исторического источника». Словоупотребление «территория историка», позаимствованное А. Я. Гуревичем, по его чистосердечному признанию, из названия двухтомного сборника трудов Эммануэля Леруа Ладюри, очень точно отражало смысл его концепции «особого интеллектуального пространства истории». «Метафорически говоря, – рассуждал А. Я. Гуревич, – встреча сознания исследователя с фрагментами сознания людей, от которых до нас дошли оставленные ими тексты, и людей, для которых они были в свое время созданы, т. е. для современников авторов этих источников, – эта встреча происходит не в настоящем времени и не в том прошлом, которое мы изучаем. Эта встреча происходит в особом “времени-пространстве”. <...> Именно в этом пространстве-времени делаются специфические открытия, накапливается новое знание»³⁶. Подчеркивается приближенность создаваемых историком моделей, их несоответствие своеобразию изучаемой эпохи, необходимость их переформулировки для приведения в согласие с коренными свойствами культуры прошлого. В “пространстве истории” происходят совмещение и переключка двух пластов времени: во-первых, это «время, современное историку» (оно присутствует на всех этапах работы исследователя) и, во-вторых, время, когда происходили изучаемые исторические явления

(открывается в результате углубления анализа). И здесь чрезвычайно значим следующий пункт данного рассуждения: «дело усложняется тем, что в исследовании властно вторгаются еще и другие, так сказать, промежуточные пласты времени» и в результате «происходят постоянная переключка, взаимодействие и взаимовлияние различных времен». К чему относятся эти «пласты»? По мысли автора, к различным интерпретациям, которые давались изучаемому явлению (или событию) «на протяжении периода, отделяющего прошлое от современности»³⁷, к его интерпретации предшествующими историками и культурами разных эпох. В этом «длительном пространственно-временном континууме исторического исследования» А. Я. Гуревич видел возможность постигнуть специфику исторического познания, сближая свою концепцию с бахтинским понятием “большого времени”, имевшим в виду «все новые и новые прочтения того или иного культурного текста. Каждое время воспринимает его по-новому, переосмысляет, включая в новые контексты, делая его “своим”. Серия этих прочтений растягивается на протяжении всей толщи времени, которая отделяет момент создания текста от времени его современной интерпретации»³⁸.

Сегодня, когда история все чаще рассматривается как особая форма памяти, «пласты времени» видятся неотъемлемыми элементами сложной коннективной структуры, в двух измерениях – социальном и темпоральном³⁹. И историческая событийность уже рассматривается не только и даже не столько в коротком (ситуационном) времени, а в сложной, нелинейной связи с другими событиями в границах фиксированных интервалов длительного времени (К. В. Хвостова предусматривает возможность нарушения непрерывного развития некоторой тенденции, наблюдаемого в рамках определенного хронотопа при переходе процесса в сферу более широкого пространственно-временного диапазона. Это означает, что в некоторой пространственно-временной точке развитие перешло в свою новую стадию⁴⁰). В рамках конкретного исторического исследования проводится сопоставление многих данных и их содержательная интерпретация в ограниченных пространственно-временных диапазонах (хронотопах), в которых само событие (в своей собственной процессуальности) и его продолжительный смысловой след (память) включаются в сложную диалектику с преемственностью структур и длительным временем культуры, которая выступает как трансляция из поколения в поколение духовного и интеллектуального опыта человечества в рамках определенного пространственно-временного диапазона.

Самым ярким проявлением пространственного поворота, отразившим происходившие в мире и науке перемены, стало формирование междисциплинарного исследовательского поля глобальной истории, в центре внимания которой

оказались коммуникативные процессы, связанные с глобализацией, но воспринимаемые в глубокой ретроспективе и охватывающие развитие взаимосвязей в мире по крайней мере за последние полтысячелетия. При этом становление глобальной истории в ее современном варианте отражает развитие мыслительной традиции, в которой принцип целостности сочетается с учетом различий и многообразия, однако ее сторонники имеют разные точки зрения по многим вопросам, включая периодизацию мировой истории. Глобальная история, стремящаяся на новом теоретическом уровне охватить человечество как некую структуру в историческом развитии взаимосвязей ее отдельных частей, может быть понята и как осмысление процесса мировой интеграции через живое взаимодействие локальных и национальных культур⁴¹.

В центре внимания «связанной» и «перекрестной» истории, входящей в поле транснациональных исследований, находятся взаимосвязанные процессы, которые объединяют общество, культуры, цивилизации, сложные мультикультурные образования или различные формы международных сообществ. Проблема связанности историй ставится в самых разных контекстах: в ряде случаев речь идет о путях преодоления конфликтогенных форм культурной памяти, о связанности и продуктивном взаимодействии разнонаправленных версий памяти членов глобального сообщества о событиях прошлого, т. е. связанными оказываются не только исходные явления (социальные действия в прошлом), но и их противоречивые образы в актуальном настоящем. Для перекрестной истории характерен многомерный и динамичный подход, учитывающий сложность конфигураций объектов, их подвижность и интерактивность и исключающий доминирование линейных схем и простых причинных связей⁴². Если классическая историография ставила перед собой задачу «достичь «объективного» образа прошлых событий», то диалоговая парадигма перекрестной истории соединяет проблемы интерпретации культурных взаимодействий в истории и в сознании историка⁴³.

Таким образом, в центре внимания связанной и перекрестной историй оказываются не противостояние и конфликт, а пространство диалога исторических памятей его равноправных и самоценных участников – человеческих сообществ. На место изучения структур ставится исследование взаимодействий между акторами и их результатов, а следовательно – событий и их образов, запечатленных в коллективной и культурной памяти. Поэтому важной и актуальной задачей представляется взаимообогащение новых макроисторических моделей и новой событийной истории как подхода к изучению исторического события в соотношении с соци-

ально-пространственными характеристиками и культурными реалиями изучаемой эпохи. Интерпретация события в новых модификациях событийной истории опирается на соотношение внутреннего содержания и структуры события с его «внешней стороной», или с широко понимаемым историческим контекстом, а точнее контекстами – как синхронными (на разных уровнях), так и развернутыми во времени. Контекст накладывает на участников взаимодействия, стремящихся переинтерпретировать события прошлого с позиций актуального настоящего и желаемого будущего, структурные ограничения. При этом, помимо прочих, мощным ограничителем выступает сформированная в массовом сознании память о критических событиях прошлого, в том числе о «великих исторических событиях», которые в исторической науке служат вехами-маркерами периодизации национальной и мировой истории⁴⁴.

«Время обретает форму с помощью исторического повествования»⁴⁵. Усиление коммуникативного, диалогического познавательного идеала современного гуманитарного знания требует разработки эффективной методики комплексного характера, способной выстроить исторический нарратив новой событийной истории в рамках моделей культурного диалога, реализуемого в конкретном хронотопе истории.

Примечания

- 1 См.: *Champion M. S. The History of Temporalities : an Introduction // Past and Present. 2019. № 243. P. 247–254.*
- 2 Lefebvre H. *La production de l'espace*. Paris : Éditions Anthropos, 1974 [Engl. transl. : *The Production of Space*. Oxford : Blackwell, 1991].
- 3 См.: *Бахтин М. Время и пространство в романе // Вопросы литературы. 1974. № 3. С. 134.*
- 4 *Koselleck R. Geschichte, Historie // Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland : in 8 Bänden. Bd. 2. Stuttgart : Klett-Cotta, 1975. S. 594.*
- 5 *Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Искусство, 1984. С. 11.*
- 6 *Moller A., Luraghi N. Time in the writing of history : Perceptions and structures // Storia della storiografia. 1995. № 28. P. 15.*
- 7 См.: *Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М. : Наука, 1984. С. 63.*
- 8 См.: *Бродель Ф. Грамматика цивилизаций / пер. с фр. Б. А. Ситников. 2-е изд. М. : Весь мир, 2014. С. 39–42.*
- 9 Там же. С. 44.
- 10 *Ricoeur P. Temps et récit : in 3 т. Т. 1. Paris : Le Seuil, 1983. P. 289.*
- 11 *Eriksen A. Time and Exemplarity // Journal of Early Modern Studies. 2017. № 6. P. 183–204.*
- 12 *Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / пер. Е. М. Лысенко, прим. А. Я. Гуревича. М. : Наука, 1973. 236 с.*

- ¹³ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. С. 19.
- ¹⁴ Там же. С. 19–20.
- ¹⁵ Там же. С. 20–21.
- ¹⁶ Там же. С. 23.
- ¹⁷ Там же. С. 24.
- ¹⁸ Рикёр П. Память, история, забвение. Ч. 2 : История. Эпистемология. Гл. 1 : Фаза документирования : память, занесенная в архивы. М. : Изд-во гуманитарной литературы, 2004. С. 203–254.
- ¹⁹ Там же. С. 205.
- ²⁰ Там же. С. 206.
- ²¹ Там же.
- ²² См.: Франция-память / под ред. П. Нора ; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999.
- ²³ Рикёр П. Указ. соч. С. 210–211.
- ²⁴ Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. 1991. М. : Наука, 1991. С. 50.
- ²⁵ Бессмертный Ю. Л. «Анналы» : переломный этап? // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. 1991. С. 14.
- ²⁶ Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. Человек в истории. Ремесло историка на исходе XX века. 1996. М. : Coda, 1996. С. 112.
- ²⁷ Там же. С. 113.
- ²⁸ Peltonen M. Clues, margins, and monads : the micro-macro link in historical research // History and Theory. 2001. Vol. 40. P. 349.
- ²⁹ Levi G. On Microhistory // New Perspectives on Historical Writing / ed. by P. Burke. Cambridge : Polity Press, 1991. P. 96.
- ³⁰ Braudel F. Histoire et sciences sociales. La longue durée (1959) // Braudel F. Ecrits sur l'histoire. Paris : Flammarion, 1969. P. 41–83.
- ³¹ См.: Мангейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. ; отв. ред. и сост. Я. М. Бергер [и др.]. М. : Юрист, 1994.
- ³² См.: Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI веков. М. : Кругъ, 2011. С. 424–428.
- ³³ См.: Лантева М. П. Историческое время и проблема поколений // АНТРО : Анналы научной теории развития общества. 2014. № 2(15). С. 19–27.
- ³⁴ См.: Родигина Н. Н., Сабурова Т. А. Поколенческое измерение социокультурной истории России XIX века : преемственность и разрывы // Диалог со временем. 2011. Вып. 34. С. 138–157.
- ³⁵ Гуревич А. Я. Территория историка // Одиссей. Человек в истории. Ремесло историка на исходе XX века. 1996. С. 81–109.
- ³⁶ Там же. С. 106–107.
- ³⁷ Там же. С. 108.
- ³⁸ Там же. С. 109.
- ³⁹ Ассман Ян. Культурная память : Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 15.
- ⁴⁰ См.: Хвостова К. В. Актуальные проблемы современной эпистемологии и методологии истории // Диалог со временем. 2017. Вып. 59. С. 5–17.
- ⁴¹ См.: Репина Л. П. Преодолевая границы государств и цивилизаций : макроисторические опыты современной историографии // Реконструкции мировой и региональной истории : от универсализма к моделям межкультурного диалога / под общ. ред. Л. П. Репиной. М. : Аквилон, 2017. С. 7–71.
- ⁴² Werner M., Zimmermann B. Beyond Comparison : Histoire Croisée and the Challenge of Reflexivity // History and Theory. 2006. Vol. 45, № 1. P. 30–50.
- ⁴³ См.: Вернер М., Циммерман Б. После компаратива : *histoire croisée* и вызов рефлексивности // Ab Imperio. 2007. № 2. С. 59–90.
- ⁴⁴ Assmann J. Globalization, Universalization, and the Erosion of Cultural Memory // Memory in a Global Age. Discourses, Practices and Trajectories / eds. A. Assmann, S. Conrad. New York : Palgrave Macmillan, 2010. P. 121–137.
- ⁴⁵ Досс Ф. Как сегодня пишется история : взгляд с французской стороны // Как мы пишем историю? / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М. : РОССПЭН, 2013. С. 32.

Образец для цитирования:

Репина Л. П. Память о событиях в измерениях пространства и времени // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 34–40. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-34-40>

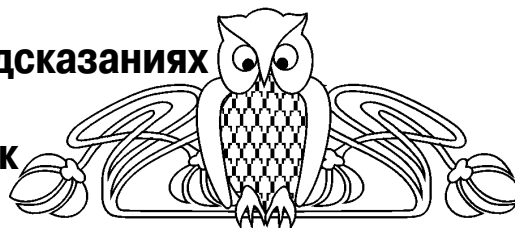
Cite this article as:

Repina L. P. Memory of Events in Measurements of Space and Time. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 34–40 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-34-40>

УДК 94(410)

Образы власти в политических предсказаниях и астрономии: «Книга астрологии» Генриха VII как визуальный источник

Д. В. Кирюхин

Кирюхин Дмитрий Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры «История и иностранные языки», Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, bagerlock@gmail.com

В статье рассматривается в качестве имагографического исторического источника манускрипт «Книги астрологии» Генриха VII Британской библиотеки (Arundel MS. 66), в котором астрономические трактаты и политические предсказания сопровождаются многочисленными иллюстрациями, отражающими разнообразные символы королевской власти новой династии в Англии. Рисунки иллюминированного манускрипта иллюстрируют сопровождаемый текст не буквально (за исключением карт звездного неба и созвездий). Миниатюра, изображающая короля в сопровождении французского посла, не является презентационной, а представляет собой аллюзию на политические взаимоотношения двух европейских держав.

Ключевые слова: Англия эпохи Тюдоров, репрезентация власти, иллюминированные манускрипты, политические предсказания.

Images of Power in Political Prophecies and Astronomy: Henry VII's "The Book of Astrology" as a Visual Source

D. V. Kiryukhin

Dmitriy V. Kiryukhin, <https://orcid.org/0000-0001-6585-497X>, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy, 97 Prosp. Gagarina, Nizhny Novgorod 603107, Russia, bagerlock@gmail.com

The manuscript of Henry VII's "The Book of Astrology" of the British Library (Arundel MS. 66), in which astronomical treatises and political prophecies are accompanied by numerous illustrations, reflecting various symbols of the royal power of the new dynasty in England, is considered in the article as an imagographic historical source. The figures of the illuminated manuscript illustrate the accompanying text not literally (with the exception of maps of the starry sky and constellations), the miniature depicting the king accompanied by the French ambassador is not representative, but is an allusion of the political relations between two European powers.

Keywords: Tudor England, the representation of power, illuminated manuscripts, political prophecies.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-41-46>

Время воцарения династии Тюдоров в Англии – это эпоха расцвета придворной культуры, ставшей одним из важнейших инструментов репрезентации королевской власти. Последнюю нельзя назвать просто прихотью монарха, ведь с самых первых дней с приходом к власти Генриха VII (1485–1509), 22 августа 1485 г. одержавшего победу над войсками своего противника Ричарда III Йорка и затем 30 октября коронованного

в Лондоне, положение новой династии было непростым. В стране вспыхивали восстания, появлялись самозванцы, предъявлявшие права на престол и имевшие поддержку за рубежом. Организованный королем и его сторонниками круг придворных авторов в литературно-поэтических и исторических произведениях, книжной иллюстрации, портретах и скульптурах, празднествах, турнирах и церемониях демонстрировал величественный образ правителя, его знатную родословную и транслировал символы власти новой династии – гербы, геральдические животные и другие элементы.

Данный материал посвящен иллюминированному манускрипту так называемой «Книги астрономии» (British Library, Arundel MS. 66)¹, созданной во время правления короля Генриха VII, который мы рассматриваем не с точки зрения традиционного исторического анализа, а обращаемся к его иллюстрациям как способу транслирования и репрезентации символов королевской власти, т. е. используем его как визуальный источник.

Несмотря на то, что в последнее время в отечественной историографии появляется все больше работ², в той или иной степени имеющих отношение к проблематике репрезентации власти первых представителей династии Тюдоров в Англии в контексте новой политической и новой культурной истории³, трудов, посвященных непосредственно иллюминированным манускриптам данного периода, практически нет. Интерес к этому виду исторических источников в зарубежной, в частности в британской историографии, появился еще в середине XIX в., когда вышли серии каталогов манускриптов Британского музея⁴. В настоящее время страницы многих из них оцифрованы и размещены в свободном доступе в Каталоге иллюминированных манускриптов на сайте Британской библиотеки⁵, второй каталог содержит полностью оцифрованные манускрипты⁶. Кроме того, манускрипт «Книги астрономии» в своих исследованиях рассматривают Дж. Фронска⁷ и Х. М. Кэрри⁸, обращаясь в первую очередь к вопросу возможного политического значения документа и лишь поверхностно – к его иллюстрациям.

«Книга астрономии» – это весьма обширный иллюминированный манускрипт, представляющий собой компиляцию астрологических текстов вместе с предсказаниями, в настоящее время

хранящийся в Британской библиотеке⁹. Портрет короля и многочисленные гербы, используемые в качестве украшений на боковых частях страниц, являются свидетельством того, что если Генрих VII и не был заказчиком или патроном манускрипта, то, вероятно, получил его в качестве подарка. Как бы то ни было, о том, кому принадлежала книга, созданная к 1490 г., неизвестно, в 1667 г. манускрипт был подарен *Генри Говардом*, герцогом Норфолком (1628–1684), Лондонскому королевскому обществу. Генри, вероятнее всего, получил манускрипт в наследство от своего деда, прославленного коллекционера Томаса Говарда (1585–1646), графа Арундела¹⁰.

Британские исследователи полагают, что манускрипт мог несколько поколений храниться в семейной библиотеке, являясь королевским подарком либо Томасу Говарду (1443–1524), второму герцогу Норфолку, который являлся дипломатом Генриха VII, или Томасу Говарду (1473–1554), третьему герцогу Норфолку, служившему Генриху VIII, что косвенно подтверждает полустертая надпись “Thomas Norll” (или “Thomas Norff”)¹¹.

Основным текстом манускрипта является труд итальянского астролога Гвидо Бонатти (1207–1296) «Книга Астрономии»¹² в десяти трактатах (ff. 48–248v), которая была переписана и отредактирована Джоном Веллисом (John Wellys) и представлена публике 30 июня 1490 г. Труд Бонатти предваряют астрономические таблицы Джона Киллингворта (ок. 1445 г.), разработавшего схему фаз луны и движения солнца, использовавшуюся в Оксфорде¹³, и иллюстрированный «Каталог Звезд» из латинского перевода «Альмагеста» Птолемея (книги VI и VII), выполненного Герардом Кремонским¹⁴.

Завершает манускрипт собрание предсказаний, представленных как более ранними «Пророчествами Мерлина» Гальфрида Монмутского¹⁵, двумя предсказаниями XII в. «Плодоносное дерево» (“Arbor fertilis”) и «Подобно красному дракону» (“Sicut Rubeum Draconem”), известных как части «Предсказания Орла» и приписываемых Мерлину¹⁶, так и текстами, появившимися в период правления Эдуарда III («Пророчество Бридлингтона»¹⁷).

Есть множество свидетельств набожности короля Генриха VII, при его дворе в разное время служили два итальянских астролога. Первый из них, Уильям Паррон (ок. 1460 – после 1503), работавший с 1498 г., в 1503 г. был вынужден бежать после смерти королевы Елизаветы в возрасте 37 лет (11 февраля 1503 г.), так как согласно его предсказанию она должна была дожить до 80-летнего возраста¹⁸. Второй – Джованни Баттисто Боэрио из Генуи (1494–1514) – также был королевским врачом¹⁹. Таким образом, вероятно, Генрих VII не только использовал жанр политических и астрологических предсказаний для репрезентации власти, но и сам верил в их правдивость.

Обратимся к иллюстрациям манускрипта, выполненным трудами двух (трех) художников. Традиционно текст сопровождают нарядно украшенные буквицы – заглавные буквы, демонстрирующие начало нового абзаца или отрезка текста. Очень часто художником используются королевские цвета – золотой и красный, не забываются иллюстраторы и о таком важном для династии Тюдоров символе, как геральдические алые и белые розы (рис. 1), среди которых, разумеется, доминирует алая роза (рис. 2).

Алая роза считалась символом дома Ланкастеров, однако после битвы при Тьюксбери 4 мая 1471 г., в которой погиб наследник Генриха VI Ланкастера принц Эдуард, его единственный сын, и смерти самого Генриха VI в том же году в Тауэре, алая роза становится символом Генриха VII как потомка внебрачного сына Джона Гонты и наследника дома Ланкастеров.

Представляет интерес еще одно изображение – дерево, увенчанное короной (иногда цветущее или с плодами в кроне), встречающееся также в качестве символа и герба Генриха VII в витражах Вестминстерского Аббатства (ок. 1515 г.) и Капеллы Королевского колледжа в Кембридже (ок. 1526 г.). В манускрипте «Зеркало дам» (“*Miroir des*

Рис. 1. Иллюминированная заглавная буква “С” с алыми розами (Guido Bonatti. Decem tractatus astronomiae // Arundel MS. 66. F. 187. British Library. The Catalogue of digitized manuscripts of British Library. URL: <https://www.bl.uk/catalogues/illuminatedmanuscripts/ILLUMIN.ASP?Size=mid&IID=7024> (дата обращения: 26.08.2019))

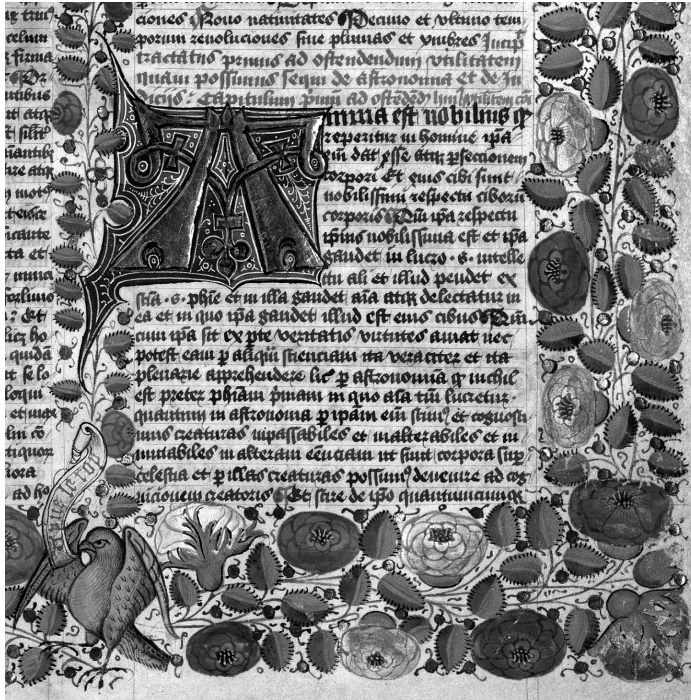

Рис. 2. Иллюминированная заглавная буква “А” с рамкой из алых и белых роз и птицей, держащей свиток с надписью «Да здравствует король!» (“Vive le roy”). (Guido Bonatti. Decem tractatus astronomiae // Arundel MS. 66. F. 53. British Library. The Catalogue of digitized manuscripts of British Library. URL: <https://www.bl.uk/catalogues/illuminatedmanuscripts/ILLUMIN.ASP?Size=mid&IllID=12245> (дата обращения: 26.08.2019))

dames”)²⁰ середины XV в. это дерево ассоциируется с боярышником. Сэр Уильям Сэгар, придворный портретист и герольдмейстер наиболее благороднейшего ордена Подвязки (ок. 1554–1633) описал этот символ как свидетельство победы Генриха VII на Босвортском поле над Ричардом III, чью корону нашли в кусте боярышника²¹. Впрочем, пока не найдено более ранних свидетельств, подтверждающих эту историю, представляющую собой, скорее всего, более поздний сюжет.

Появляющиеся на страницах манускрипта драконы, безусловно, являются геральдическими символами Тюдоров, на страницах трудов Гвидо Бонатти (рис. 3) и Гальфрида Монмутского они окрашены в золотой цвет.

Но, что еще более важно, изображение созвездия из «Каталога звезд» Птолемея (рис. 4) демонстрирует нам красного дракона, который был для Генриха VII одним из важнейших символов и использовался еще до его воцарения на английском троне (красный валлийский дракон находился на войсковом знамени графа Ричмонда в битве при Босворте) как воплощение сюжета о троянском происхождении династии Тюдоров и всего английского народа²².

Красный дракон находился на знамени короля Кадваладра ап Кадваллона (633–682), использовался легендарным королем Артуром, чью родословную (а, следовательно, и короля Ген-

риха VII) придворные авторы, такие как Бернар Андре, возводили к полумифическому Бруту I Троянскому, внуку Энея, героя Троянской войны²³.

Отдельного внимания заслуживает миниатюра, изображающая самого короля Генриха VII (рис. 5). На первый взгляд, это довольно типичная презентационная миниатюра, однако если обратиться к ее детальному рассмотрению, это не совсем так. Во-первых, само изображение находится в манускрипте не в начале самого трактата Гвидо Бонатти, а лишь открывает одну из его частей – «О полном обороте Земли в течение года» (“Tractatus de revolutionibus”). Такое положение миниатюры далеко не случайно. Согласно астрономическим представлениям того времени после полного оборота Земли и в момент начала нового года с появлением

Рис. 3. Иллюминированная заглавная буква “R”, составленная из дерева, увенчанного короной, и золотого дракона (Guido Bonatti. Decem tractatus astronomiae // Arundel MS. 66. F. 129. British Library. The Catalogue of digitized manuscripts of British Library. URL: <https://www.bl.uk/catalogues/illuminatedmanuscripts/ILLUMIN.ASP?Size=mid&IllID=56555> (дата обращения: 26.08.2019))

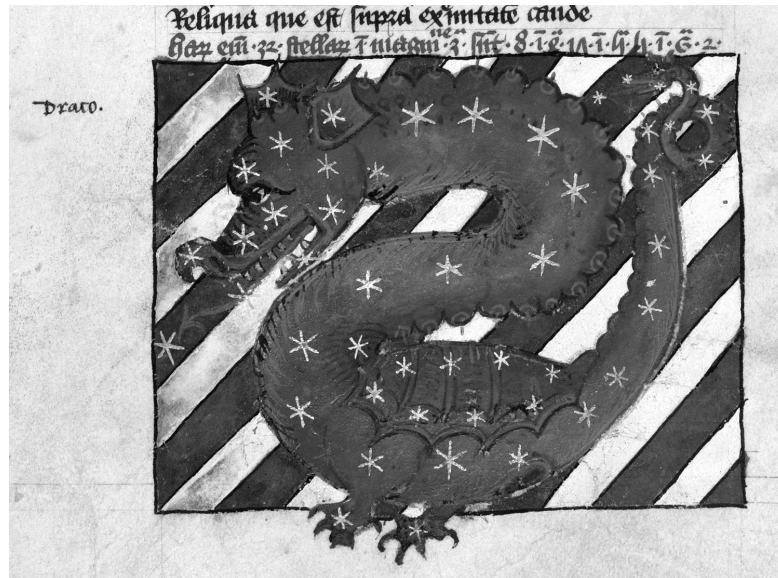

Рис. 4. Миниатюра с изображением созвездия Дракона из «Каталога Звезд». (Ptolemy. Almagest // Arundel MS. 66. F. 33v. British Library. The Catalogue of digitized manuscripts of British Library. URL: <https://www.bl.uk/catalogues/illuminatedmanuscripts/ILLUMIN.ASP?Size=mid&IllID=47630> (дата обращения: 26.08.2019))

Рис. 5. Миниатюра с изображением короля Генриха VII, встречающего французского посла (Guido Bonatti. Decem tractatus astronomiae // Arundel MS 66. F. 201 ; Arundel MS. 66. F. 33v. British Library. The Catalogue of digitized manuscripts of British Library. URL: <https://www.bl.uk/catalogues/illuminatedmanuscripts/ILLUMIN.ASP?Size=mid&IllID=47628> (дата обращения: 26.08.2019))

Солнца в Овне (20 марта) становится возможным подготовить предсказание судьбы на будущий год для целого народа, региона или королевства²⁴.

На миниатюре мы видим в центре самого короля Генриха VII на троне под навесом с изображениями королевских гербов и в сопровождении своих придворных. Среди них архиепископ, возможно, лорд-канцлер Джон Мортон (1420–1500), хранитель государственного меча, вероятно, Томас Стэнли (1435–1504), граф Дерби и лорд Верховный констебль Англии (известно, что именно он держал государственный меч во время коронации Генриха VII), или Томас Ловелл (до 1450–1524), «рыцарь тела короля», изображенный с похожим знаком в виде короны в других манускриптах. На переднем же плане изображен королевский шут, который гладит белого пса, вероятно, грейхаунда – еще один символ Генриха VII. Король и ученый, возможно, Джон Веллис, вместе держат открытую книгу, демонстрируя ее содержание стоящему на коленях французскому послу. Ученый и архиепископ указывают на небесные тела – солнце, луну и две звезды, видимые через открытое окно, используя манускрипт как материал для трактовки положения небесных светил.

Обратимся к историческим событиям тех лет, чтобы понять, что королю и его придворным понадобилось показывать в книге по астрологии французскому послу. Вступив на английский трон, Генрих VII Тюдор в 1485 г. заключает с Францией мир на год, который позже был продлен до 1489 г. Однако вскоре камнем преткновения интересов двух стран становится Бретань. 28 июля 1488 г. французская армия одержала победу в бою с армией бретонской, и перед Генрихом, стремившимся разрешить конфликт дипломатическим способом, встала непростая задача: вмешаться в военный конфликт между Францией и Бретанью и помочь герцогу Франциску II или позволить французской монархии завладеть всем Атлантическим побережьем. Дочери Франциска по условиям акта о капитуляции оказывались под опекой Франции.

Для мирного разрешения возникшего конфликта в сентябре 1489 г. к английскому двору было послано французское посольство, возглавляемое Франсуа де Люксембургом и известным гуманистом Робером Гагеном (1433–1501). Французское посольство вскоре вернулось в Париж, однако в конце октября или начале ноября двое послов, включая Гагена, вновь вернулись в Англию. Несмотря на то, что во время второго посольства французские дипломаты остались при английском дворе на более длительное время, компромисс так и не был найден.

Создание рассматриваемого иллюминированного манускрипта связывается британскими исследователями с присутствием французских послов в Лондоне²⁵. Миниатюра демонстрирует момент, когда астролог, представленный в данном случае архиепископом, указывая на звезды,

делает предсказание королю и Английскому королевству на будущий год.

Как бы то ни было, в декабре 1491 г. герцогиня Анна выходит замуж за Карла VIII, а после его смерти (1498 г.) за Людовика XII. Осенью 1492 г. войско английского короля идет на Францию, таким образом пытаясь заставить французов заплатить за ненападение английских войск, что и происходит по мирному договору, подписанному в ноябре 1492 г. после осады английскими войсками Кале. Такие придворные авторы, как Бернар Андре, описывали победоносное возвращение английской армии, наведшей настоящий ужас на французов²⁶.

Итак, рассматривая манускрипт «Книги астрологии» как визуальный источник, акцентируя внимание на его художественном и визуальном оформлении, можно прийти к выводам, что иллюстрации не столько сопровождают текст (кроме отрезков, где это действительно необходимо – рисунки созвездий и пр.), сколько добавляют ему новые смыслы, частые повторения символов королевской власти, в том числе в тех местах книги, где нет прямой связи с текстом, и призваны закрепить в памяти читателя образ могущества, силы новой династии. Особый интерес представляет миниатюра с изображением самого короля Генриха VII, дающая возможность под новым углом зрения взглянуть на работу придворных авторов и художников, своевременно реагирующих на события международной политики.

Примечания

- 1 Astrological compilation and political prophecies, 1490 // Arundel MS. 66. British Library. The Catalogue of digitized manuscripts of British Library. URL: http://www.bl.uk/manuscripts/FullDisplay.aspx?ref=Arundel_MS_66 (дата обращения: 12.08.2019).
- 2 См.: *Окрошидзе Л. Г.* Портреты Генриха VII и принца Уэльского Артура : легитимизация и глорификация власти в живописи // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История.* 2019. № 1. С. 138–145.
- 3 См.: *Митягина А. С.* Влияние окружения Генриха VIII Тюдора на внутреннюю политику Англии XVI в. // VIII Всероссийский фестиваль науки (Нижегород, 3–4 октября 2018 г.) : сборник докладов : в 2 т. Т. 2. / редкол. : И. С. Соболев, Н. Д. Жилина и др. Новгород : ННГАСУ, 2018. С. 233–237.
- 4 Catalogue of Manuscripts in the British Museum. New Series : in 3 vols. / ed. by J. Forshall. Vol. 1, part 1 : The Arundel Manuscripts. L., 1834. P. 14.
- 5 The British Library Digital Catalogue of Illuminated Manuscripts. URL: <https://www.bl.uk/catalogues/illuminatedmanuscripts/welcome.htm> (дата обращения: 12.08.2019).
- 6 Digitized Manuscripts of the British Library. URL: <https://www.bl.uk/manuscripts/> (дата обращения: 12.08.2019).
- 7 *Fronska J.* The Royal Image and Diplomacy : Henry

- VII's Book of Astrology (British Library, Arundel MS. 66) // *Electronic British Library Journal*. L., 2014. Vol. VII. P. 1–28. URL: <https://www.bl.uk/eblj/2014articles/pdf/ebljarticle72014.pdf> (дата обращения: 12.08.2019).
- ⁸ Carey H. M. Henry VII's Book of Astrology and the Tudor Renaissance // *Renaissance Quarterly*. Cambridge, 2012. Vol. LXV. P. 661–710.
- ⁹ Astrological compilation and political prophecies, 1490.
- ¹⁰ Fronska J. Op. cit.
- ¹¹ Carey H. M. Op. cit.
- ¹² Bonatti G. The Book of Astronomy : in 2 vols / trans. by B. N. Dykes from the 1491 and 1550 Latin Editions. Golden Valley, MN, 2007.
- ¹³ North J. D. The Alphonsine Tables in Enfland // *Stars, Minds and Fate : Essays in Ancient and Medieval Cosmology*. L., 1989. P. 327–359.
- ¹⁴ Kunitzsch P. The Star Catalogue Commonly Appended to the Alfonsine Tables // *Journal of the History of Astronomy*. N.Y., 1986. Vol. XVII. P. 91–98.
- ¹⁵ См.: Монмутский Гальфрид. История бриттов. Жизнь Мерлина / послесл. А. Д. Михайлова. М. : Наука, 1984.
- ¹⁶ Coote L. A. Prophecy and Public Affairs in Later Medieval England. Woodbridge, 2000. P. 61, 216, 241.
- ¹⁷ Rigg A. G. John of Bridlington's Prophecy : A New Look // *Speculum*. Chicago, 1988. Vol. LXIII. P. 696–613.
- ¹⁸ Wroe A. Perkin : A Story of Deception. L., 2004. P. 453.
- ¹⁹ Armstrong C. A. J. An Italian Astrologer at the Court of Henry VII // *Italian Renaissance Studies : A Tribute to the Late C. M.A.* / ed. by E. F. Jacob. N. Y., 1960. P. 432–454.
- ²⁰ Durandus of Campania in an anonymous translation. *Speculum dominarum (Le Miroir des Dames)* // Royal 19 B. XVI. The Catalogue of digitized manuscripts of British Library. URL: <https://www.bl.uk/catalogues/illuminatedmanuscripts/record.asp?MSID=5732&CollID=16&NStart=190216> (дата обращения: 12.08.2019).
- ²¹ Siddons M. P. Heraldic Badges in England and Wales : in 4 vols. Woodbridge, 2009. Vol. II. P. 148.
- ²² См.: Кирюхин Д. В. Элементы растительного и животного мира в парадном портрете и книжной иллюстрации периода первых Тюдоров // *Опыт естествознания и эволюция жанровых форм : исторические контексты : сб. науч. ст. М. : РГГУ, 2017. С. 153–158.*
- ²³ Андре Бернар. История жизни и достижений Генриха VII / пер. с лат., вступ. ст., коммент. Д. В. Кирюхина. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017.
- ²⁴ Carey H. M. Op. cit.
- ²⁵ Currin J. M. "To Traffic with War?" Henry VII and the French Campaign of 1492 // *The English Experience in France c. 1450–1558* / ed. by D. Grummitt. Aldershot, 2002. P. 108–109.
- ²⁶ См.: Андре Бернар. Указ. соч. С. 83–84.

Образец для цитирования:

Кирюхин Д. В. Образы власти в политических предсказаниях и астрономии: «Книга астрологии» Генриха VII как визуальный источник // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения*. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 41–46. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-41-46>

Cite this article as:

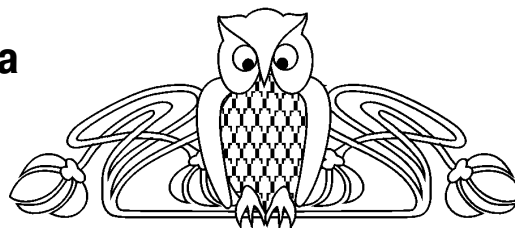
Kiryukhin D. V. Images of Power in Political Prophecies and Astronomy: Henry VII's "The Book of Astrology" as a Visual Source. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 41–46 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-41-46>

УДК 94.63.3(0)4

Социальный облик Лондона XIV века через призму завещаний

М. Н. Булаева

Булаева Марина Николаевна, аспирант кафедры всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, bulaewa64@gmail.com

В статье на материале завещаний рассматривается социальный аспект жизни населения Лондона в эпоху поздних Плантагенетов. Установлено, что большинство завещателей относятся к какому-либо профессиональному сообществу: к купцам и торговцам, к ремесленникам и занятым в сфере услуг, а также к зарождающейся интеллигенции и административному аппарату. Эти категории непропорциональны – основная масса завещателей принадлежала к купеческому и ремесленному слоям. Завещания свидетельствуют о том, что острой социальной проблемой в Лондоне являлась бедность: не случайно горожане оставляли средства на благотворительность. По мнению автора, завещания содержат богатый материал, позволяющий охарактеризовать социальный аспект жизни лондонских горожан XIV столетия.

Ключевые слова: Лондон, XIV век, Плантагенеты, завещания, профессиональный состав, ремесленники, торговцы, благотворительность, бедные, церковь, клирики.

Social Image of London of the 14th Century through the Wills

M. N. Bulaeva

Bulaeva Marina N., <https://orcid.org/0000-0001-6568-8553>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, bulaewa64@gmail.com

The article on the material of wills examines the social side of the life of Londoners in the era of the late Plantagenets. The author finds out that the majority of testaments refers to a professional community: to merchants and mongers, to artisans and workers in the service sector, as well as to the nascent intelligentsia and administrative apparatus. These categories are disproportionate – the majority of testators belong to the merchants and craftsmen of the townspeople. Testaments show that poverty was an acute social problem in London: not by chance, but the townspeople left funds for charity. According to the author, wills contain rich material that allows to characterize the social aspect of the life of London citizens of the 14th century.

Keywords: London, XIV Century, Plantagenets, wills, professional staff, artisans, merchants, charity, poor, church, clergy.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-47-57>

Исследователи истории средневековых городов Европы традиционно наибольшее внимание уделяют анализу памятников городской юрисдикции, хроник, цеховых уставов, таможенных и торговых книг, протоколов судов, грамот¹. Между тем имеется весьма информативный и,

что немаловажно, довольно массовый источник – завещания (тестаменты) горожан, позволяющие более глубоко рассмотреть социальные процессы и общественные структуры той эпохи, а также проникнуть в повседневную жизнь горожан, их мировосприятие. Однако до сих пор завещания остаются малоизученными: на материале Йорка к ним обратилась С. П. Маркова², а testamentам лондонских мастеров и купцов посвятили отдельные работы А. А. Кириллова³, Л. Н. Чернова⁴, В. Л. Филаретова⁵.

В данной статье на материале завещаний, опубликованных в 1890 г. Р. Шарпом⁶, попытаемся воссоздать социальный облик Лондона XIV столетия, который имеет важное значение для его исторической судьбы. Именно в это время по численности населения он становится в один ряд с такими мегаполисами континентальной Европы, как Флоренция, Гент, Париж, оставляя за собой все остальные английские города. По данным, которые приводит Х. Клаут, в начале XIV в. в Лондоне проживали 80–100 тыс. человек⁷. На фоне развития ремесленного производства, расширения торговли, в том числе международной, и увеличения товарооборота⁸ наблюдались изменения в профессиональном и социальном составе лондонского населения.

Завещание средневекового горожанина имело определенную структуру. Вначале указывалось имя завещателя, а также (но не всегда) его статус или профессиональная принадлежность. Далее речь шла о похоронах – где, каким образом и какую сумму потратить на эти цели. После этого указывались наследники или дарополучатели: ими могли быть супруги, дети, братья и сестры, родители, третьи лица, церковные организации, конкретные церкви, монастыри и церковные лица – настоятели, капелланы, монахи и т. д. Часто завещатели оставляли некоторую сумму, иногда все наследство на благотворительность и благочестивые цели: благоустройство города, поддержку госпиталей, бедняков, сирот и вдов⁹.

Структура завещания хорошо видна на следующем примере, относившемся к 1369 г. Уильямом Пассеуром, торговец сукном, распорядился, чтобы его похоронили на кладбище церкви Помилования св. Павла в Лондоне. Все его имущество после уплаты долгов должно быть разделено на две части, одну из которых он оставляет Кристине, своей жене, в качестве вдовьего имущества, а из оставшейся части завещает различные суммы денег церквям св. Иоанна Богослова

и св. Маргариты на Фрайди-стрит, некоторым монашеским орденам в Лондоне, заключенным различным госпиталей и тюрем, братству св. Иоанна компании лондонских портных, а также капеллану и рядовому сержанту, прокаженным по всему Лондону, монахиням Халивелла и Килбурна, церкви св. Фомы и др. Двум капелланам церкви св. Павла он оставляет 20 шиллингов за их молитвы. Датировано 9 марта 1369 г.¹⁰

Нами было изучено 2515 завещаний XIV в., из которых 1100 приходится на завещателей с указанием профессии и 283 составлены женщинами.

Анализ материала позволил выявить сложную, гетерогенную профессиональную структуру населения Лондона интересующего нас периода. Жителей города можно разделить на 5 категорий в соответствии с профессиональной принадлежностью и выполняемыми функциями. Первая группа включала в себя торговцев и купцов – посредников между изготовителем продукции и ее покупателями; вторая представлена ремесленниками – непосредственными изготовителями товаров; третья – жителями, занятыми в сфере услуг; в четвертую входили представители зарождавшейся интеллигенции – медики, юристы и клерки; последнюю составляли городские чиновники и представители королевской власти. Кроме того, в отдельную категорию можно выделить женщин-завещательниц (этот вопрос требует отдельного рассмотрения). Общие данные по лондонским завещателям приведены в табл. 1.

Из табл. 1 следует, что наибольшее количество завещаний было зарегистрировано в Court of Husting (имел статус суда графства, в котором рассматривались спорные дела, связанные с арендой, землей и спорами между купцами¹¹) во время правления Эдуарда II (1307–1327) – 563 – и его сына Эдуарда III (1327–1377) – 1527. Именно на период, когда трон занимал Эдуард III, пришлись две самые сильные эпидемии чумы – «Чёрная смерть» 1349 г. и эпидемия 1361–1362 гг. Неудивительно, почему самое большое число завещательных актов (351) датированы 1349–1350 гг., когда опустошительная эпидемия бубонной чумы свирепствовала на территории Англии. Одной из причин стремительного распространения эпидемии Дж. Келли называет антисанитарную обстановку в городе:

любой средневековый город и особенно такой густонаселенный, как Лондон, испытывал проблемы с санитарией – грязь, помои, экскременты животных, остатки всего того, что сопутствовало производству, в том числе специфичный запах¹². По оценкам некоторых исследователей, население Лондона сократилось на треть¹³, т. е. примерно на 20–30 тыс. Чума 1361–1362 гг. была особо ужасна: в ней погибло много детей, и в целом население Англии сократилось на 10 %¹⁴. В 1377 г. число проживающих в Лондоне составило 40 тыс. человек¹⁵.

Несмотря на наличие столь серьезных дестабилизирующих факторов, как эпидемии чумы, а также Столетняя война, внутривнутриполитическая борьба, расцвет лондонской торговли приходится на XIV в., когда треть всех товаров, экспортируемых из Англии, включая шерсть, погружалась на корабли с набережных Лондона¹⁶. Не случайно именно с начала XIV в. английские купцы начали перехватывать инициативу в торговле у иностранных купцов и сколачивать крупные состояния¹⁷. Как отмечает Л. П. Репина, активное участие купцов различных гильдий в выгоднейших отраслях торговли способствовало их обогащению. Купцы и торговцы сколачивали свои состояния и с помощью ростовщичества и займов короне. Так, во время правления Эдуарда III лондонские купцы и торговцы не раз предоставляли ссуды короне: в 1340 г. размером 5 тыс. фунтов, в 1342 г. – 1 тыс. фунтов, в 1370 г. и 1379 – по 5 тыс. фунтов¹⁸.

Профессии лондонских завещателей XIV в., связанные с торговлей, представлены в табл. 2.

Как видно из табл. 2, специализация у торговцев и купцов была широкая: от мелких торговцев свечами до богатейших торговцев сукном и дорогими тканями. Также из таблицы следует, что чаще других составляли завещания торговцы рыбой – 114 записей за 100 лет. Стоит отметить, что по причине религиозной – соблюдения поста – рыба пользовалась большим спросом у духовенства, аристократов и зажиточных горожан, поэтому стоила дорого¹⁹, что позволяло торговавшим ею наживать неплохие состояния. Это хорошо видно по завещаниям. Например, Роберт Стерр завещал своему брату Роджеру доставшееся ему от отца сдаваемое в аренду помещение, которое должно перейти к нему после смерти их матери. В случае отсут-

Таблица 1

Лондонские завещатели 1300–1400 гг.

Завещатели	Общее количество	Эдуард I (до 1307)	Эдуард II (1307–27)	Эдуард III (1327–77)	Ричард II (1377–99)	Генрих IV (с 1399)
Всего	2526	157	563	1527	268	11
В том числе с указанием профессии	1105	55	159	723	163	5
Женщины	285	18	67	170	28	2
В том числе вдовы	93	6	23	45	18	1

Таблица 2

Профессиональная принадлежность лондонских завещателей, связанных с торговлей, 1300–1400 гг.

Профессия	Количество завещаний				
	Эдуард I	Эдуард II	Эдуард III	Ричард II	Генрих IV
Мясник	2	5	16	3	–
Торговец рыбой	4	14	77	17	2
Торговец сыром	1	–	1	–	–
Торговец фруктами	–	–	2	–	–
Торговец солью	–	2	–	–	–
Торговец специями	–	–	1	–	–
Торговец вяленой рыбой	–	4	10	7	–
Торговец перцем	1	1	22	2	–
Бакалейщик	–	–	1	4	–
Пивовар	1	–	10	8	–
Виноторговец	–	3	30	5	–
Торговец домашней птицей	–	1	4	2	–
Торговец лошадьми	–	1	1	–	–
Торговец зерном	–	1	–	–	–
Торговец пшеницей	–	1	1	–	–
Торговец лесом и дровами	–	1	2	1	–
Торговец мехом	–	7	3	–	–
Торговец кожей	–	–	6	–	–
Торговец шерстью	1	2	14	–	–
Торговец сукном	1	2	33	17	–
Торговец предметами роскоши (шелковыми и бархатными тканями)	–	4	30	9	–
Торговец скобяными товарами	1	2	10	–	–
Торговец вязаными изделиями	–	–	2	1	–
Старьевщик (тряпичник)	2	2	8	–	–
Лавочник и свечной торговец	–	2	24	6	–
Купец	–	1	5	3	–

ствия наследников у Роджера это имущество отойдет Джеффри, второму брату завещателя. Своей матери Роберт оставил дом на Айронмангерлейн и торговую лавку на Бридж-стрит в пожизненное пользование, затем – упомянутому выше Джеффри²⁰. Джоанна, вдова торговца рыбой Уильяма Фулхэма, завещала во спасение своей души некоторые средства церквям св. Маргариты и св. Георгия в Истчипе, различным монашеским орденам, обитателям госпиталей, прокаженным. Своему брату и третьим лицам она оставила суммы денег и движимое имущество: молитвенники, салфетки, канделябры, блюда и кубки²¹.

Также по табл. 2 можно проследить, торговля какими товарами была наиболее успешной в разные временные промежутки. Так, торговцы рыбой упоминаются не только чаще всех, но и в период правления всех королей. Далее следуют торговцы, продающие сукно, дорогие ткани и перец. Увеличение числа завещаний представителей двух первых специализаций во второй по-

ловине XIV столетия²² связано не только с развитием местной суконной промышленности²³, но и с социальными амбициями зажиточных горожан, которые ни в чем не желали отставать от аристократов: фетровые шляпы, обувь из кордовской кожи, дублеты и хупленды из дорогих тканей – одежда, как ни что другое, могла свидетельствовать о статусе и материальных возможностях человека. Что касается торговцев перцем, то, как известно, перец был недешевой пряностью и привозился издалека. За фунт перца горожанин мог заплатить 20–22 пенса; для сравнения: целая баранья туша стоила 24 пенса²⁴. Также в период правления Эдуарда III увеличилось количество виноторговцев. Вино, в основном привозимое из Франции, Испании, германских земель, Греции и Кипра, пользовалось спросом у городской верхушки и лондонцев среднего достатка: за галлон такого вина отдавали от 3 до 8 пенсов (а за отличного молочного поросенка просили 8 пенсов)²⁵. В меньшей степени представлены завещания торговцем мехом; торговцы солью и зерном упо-

минаются всего по одному разу, а бакалейщики встречаются лишь в завещательных актах во время правления Ричарда II и Эдуарда III.

Большинство горожан были заняты не только в сфере обращения товаров, но и сфере их производства – прежде всего, это были ремес-

ленники различных специальностей²⁶. По данным Л. П. Репиной, в начале XIV в. в Лондоне насчитывалось по меньшей мере 120 ремесленных специальностей²⁷. В табл. 3 представлены 52 специальности лондонских ремесленников, которые удалось выявить в завещаниях.

Таблица 3

Профессиональная принадлежность завещателей, связанных с ремеслом, 1300–1400 гг.

Профессия	Количество завещаний				
	Эдуард I	Эдуард II	Эдуард III	Ричард II	Генрих IV
Поясник	1	3	10	3	–
Изготовитель перчаток	–	1	4	1	–
Изготовитель капюшонов	–	1	–	–	–
Чулочник	–	–	3	–	–
Шляпник	–	–	1	–	1
Портной	1	4	13	3	–
Швейный мастер	1	2	–	–	–
Ковровщик (гобеленщик)	–	–	9	2	–
Ткач	–	–	5	–	–
Изготовитель грубой шерсти (буриллер)	–	2	5	–	–
Красильщик	1	2	2	–	–
Ворсовщик	–	–	1	–	–
Вышивальщик	–	–	–	2	–
Изготовитель сумок	–	–	3	–	–
Скорняк	4	8	18	12	–
Кожевник-дубильщик	1	8	19	4	–
Кожевник	–	–	3	5	–
Изготовитель обуви из кордовской кожи	2	7	18	4	–
Изготовитель шнуров	2	4	14	1	–
Шорник	1	3	–	–	–
Шпорник	1	4	–	–	–
Седельщик	–	–	11	2	–
Изготовитель луков	–	–	1	1	–
Изготовитель стрел	–	–	1	–	–
Оружейник	1	–	7	5	2
Полировщик оружия	–	–	4	1	–
Паяльщик	–	–	2	–	–
Литейщик колоколов	–	–	–	1	–
Кузнец	–	–	–	2	–
Ювелир, золотых дел мастер	2	6	41	13	–
Золотобоец	–	1	–	1	–
Изготовитель ножей	–	4	1	5	–
Изготовитель рукояток для ножей	–	1	–	–	–
Латунщик	–	–	1	–	–
Гвоздильщик	–	1	–	–	–
Чеканщик	–	1	1	–	–
Эмалировщик	–	1	–	–	–
Гончар	–	4	9	–	–
Пекарь	–	2	8	1	–

Окончание табл. 3

Профессия	Количество завещаний				
	Эдуард I	Эдуард II	Эдуард III	Ричард II	Генрих IV
Повар	–	1	3	–	–
Бондарь	–	2	–	1	–
Плотник	3	6	7	–	–
Столяр	–	1	2	–	–
Каменщик	1	2	3	–	–
Изготовитель барабанов	–	–	1	–	–
Корабельный мастер	–	–	6	–	–
Изготовитель футляров	1	–	–	–	–
Изготовитель чехлов	–	1	–	–	–
Изготовитель печати	–	1	–	–	–
Изготовитель сальных свечей	–	1	–	–	–
Гробощик	–	–	1	–	–

Большим разнообразием специализации обладали ремесленники, связанные с обработкой и выделкой кожи – скорняки, дубильщики, кожевники, изготовители обуви из кордовской кожи. Специальности ремесленников, связанные с пошивом одежды и изготовлением аксессуаров, также весьма многообразны: пояски, портные и швейные мастера, перчаточники, изготовители капюшонов, чулочники, шляпники, изготовители сумок.

Выплавка и обработка металлов послужили мощным стимулом для развития ремесленных специальностей, связанных непосредственно с работой по металлу: оружейников, шпорников, золотых дел мастеров, золотобойцев, гвоздильщиков, ножовщиков, чеканщиков, латунщиков, литейщиков колоколов, полировщиков оружия и паяльщиков.

Больше всего завещаний приходится на ювелиров, золотых дел мастеров – 62. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в английском языке понятие goldsmith имеет дефиниции – «ювелир» и «золотых дел мастер», т. е. не продавец украшений, а именно изготовитель. Ювелиров можно считать аристократами среди городских ремесленников: они обслуживали только высшие и средние городские слои и ра-

ботали непосредственно с ценными металлами и камнями, что делало их вхожими в самые зажиточные и наиболее престижные слои горожан²⁸. Поэтому не следует удивляться, что представители этой профессии имели движимое и недвижимое имущество и денежные средства для обеспечения своих семей, что и отражено в завещаниях. Так, Джон де Бричфорд завещал своему сыну Генри помещения в приходе св. Матфея после смерти своей жены Элис. Остальное он поделил между другим сыном – Томасом и своим братом – Осбертом²⁹.

В крупном средневековом городе имела место и сфера обслуживания. Профессии завещателей, связанные с оказанием услуг, представлены в табл. 4.

Данная категория жителей Лондона не так многочисленна, как торгово-ремесленная, поскольку, во-первых, город связан с товарным производством и товарно-денежными отношениями. А, во-вторых, большинство из представленных в табл. 4 профессий считались непрестижными, а труд людей, занятых в сфере обслуживания, – низкоквалифицированным. Что касается брадобреев-цирюльников, то некоторые авторы (П. Ю. Уваров, Е. Е. Бергер) относят их к категории медиков, поскольку они могли ока-

Таблица 4

Профессии завещателей, связанных с оказанием услуг, 1300–1400 гг.

Профессия	Количество завещаний				
	Эдуард I	Эдуард II	Эдуард III	Ричард II	Генрих IV
Цирюльник	–	2	9	1	–
Целитель	–	–	1	–	–
Слуга	–	–	1	–	–
Водонос	–	–	1	–	–
Овчар	–	–	1	–	–
Возчик	–	1	–	–	–
Церковный привратник	–	–	1	–	–
Раздатчик милостыни	–	–	1	–	–

зывать медицинскую помощь – обрабатывать раны, пускать кровь³⁰. Однако они не были профессиональными медиками, и нам представляется, что избавление от растительности на лице является все же услугой. Стоит отметить, что за цирюльниками, как и за банщиками, закрепились дурная слава³¹: часто их обвиняли в сводничестве и сутенерстве. Так, еще в 1308 г. Ричард ле Барбур, избранный перед лицом мэра и олдерменов представителем от цирюльников, дал клятву, что «каждый год он будет проверять свою профессию; и, если он найдет среди них кого-нибудь, держащего бордели или непристойно действующего каким-либо иным образом и к скандалу, связанному с торговлей, и уличит их, он должен ... доставить их в Гилдхолл»³². Тем не менее профессия цирюльника (который иногда совмещал бритье бород с деятельностью изготовителя лезвий) в глазах средневекового лондонского сообщества была более статусная, нежели профессия банщика. Также цирюльники могли обладать большим авторитетом – ведь не каждому можно доверить свою шею³³. Очевидно, услуги цирюльников пользовались спросом, раз те могли себе позволить зарегистрировать свою последнюю волю в Court of Husting. Например, Уолтер Нил в 1351 г. завещал своим родственникам земли, доходные дома и сдаваемые в аренду помещения; остальное – доверенным лицам, «которым поручено содержание часовни и следующие ежегодные выплаты, а именно: мэру в настоящее время полагается 6 шиллингов и 8 пенсов, писцу – 6 шиллингов и 8 пенсов, камергеру Гилдхолла Лондона – 40 пенсов, обыч-

ному сержанту – 40 пенсов, сержанту с оружием в руках – 40 пенсов...»³⁴.

Помимо жителей Лондона, занятых физическим трудом, большую группу составляли представители интеллектуального и духовного сообщества. В табл. 5 представлен профессиональный состав лондонских интеллектуалов XIV в.

Перед нами медики (аптекари, хирурги, врачи³⁵), нотариусы, рикордеры и клерки, представители средневековой высшей школы в лице деканов и священнослужители. Наибольшее количество завещаний было составлено клерками (57) и приходскими священниками (47). И это неудивительно: в Лондоне насчитывалось 139 церквей и приходов³⁶, что обеспечивало службой большой штат клириков.

Обычно приходские священники завещали все церкви, но иногда родственникам и третьим лицам. Именно так поступил Генри де Грофхёрст, приходский священник церкви св. Маргариты в Хорсмондене. Все свои земли и доходные дома в лондонских приходах Бридж-стрит, Биллинггейт и в Дертефорде он оставил некоему Томасу агте Форду де Бегхэму для благочестивого использования³⁷.

Что касается клерков, то большое количество их завещаний можно объяснить спецификой их работы и спросом на нее. Первоначально клерками называли клириков, так как только в церковной среде можно было научиться грамоте. Как отмечает П. Ю. Уваров, в любом крупном городе насчитывалось достаточно большое количество клириков без сана и они искали

Таблица 5

Профессиональный состав лондонских интеллектуалов, в том числе церковнослужителей, 1300–1400 гг.

Профессия	Количество завещаний				
	Эдуард I	Эдуард II	Эдуард III	Ричард II	Генрих IV
Аптекарь	1	2	8	2	–
Хирург	–	2	2	1	–
Декан	–	–	1	–	–
Настоятель	2	2	3	–	–
Приходский священник	2	5	40	–	–
Капеллан	1	1	11	–	–
Каноник	1	2	5	1	–
Священник	1	2	6	–	–
Епископ	–	1	–	–	–
Викарий	–	–	4	–	–
Архидьякон	–	2	–	–	–
Келарь – монастырский завхоз	–	1	–	–	–
Клерк	2	11	42	2	–
Нотариус	–	–	1	–	–
Секретарь Кентерберийского суда	–	–	1	–	–
Рикордер Лондона	–	–	1	–	–
Художник	–	–	2	1	–

подработку, чтобы себя прокормить, например, в судах – стряпчими, писарями и секретарями. Позже клерками стали называть писцов и ученых, а затем канцеляристов и должностных лиц, занятых в сфере финансов, юриспруденции и правопорядка³⁸. Очевидно, в период позднего Средневековья должность клерка перестала быть церковной, чем объясняется присутствие в завещаниях в качестве наследников жен и детей (однако не стоит забывать и о таком понятии, как конкубинат, т. е. сожителство с женщиной – в среде церковнослужителей это явление было достаточно распространено³⁹). Например, Ричард де Нотингем по завещанию от 1333 г. оставил своему старшему сыну Джону дома, «которые он приобрел у душеприказчиков покойного епископа Лондонского мастера Ричарда де Нейпорта в приходе св. Григория»⁴⁰. Младшим детям достались в наследство сдаваемые в аренду помещения в приходах св. Николая и св. Михаила. Кроме того, на содержание своих детей Ричард отписал часть средств от продажи дома в Лондоне⁴¹.

Интересное завещание составил аптекарь Джон де Бониндон. Так, он просит, чтобы его похоронили под одной плитой с его покойной женой Маргарет; крышка гроба должна быть красно-коричневого цвета с пятью конусообразными свечами по 6 фунтов каждая; гроб должны сопроводить шесть бедняков, одетых в красно-коричневые накидки с капюшонами, и нести в руках факелы. Своей нынешней жене он завещает все земли, сдаваемые в аренду помещения и домашнюю утварь, чтобы владела этим имуществом, пока остается вдовой. Остальное Джон поделили между детьми и родственниками, остаток – для благочестивого использования⁴².

Немаловажную категорию населения, оставившую после себя завещания, составляют представители городской администрации (мэр, шерифы, олдермены⁴³) и лица, находившиеся на службе у короля. Профессиональный состав завещателей XIV в., связанных с административ-

ными полномочиями и службой королю, представлен в табл. 6.

Как видно из табл. 6, мэр (пусть и бывший) и олдермены входили в число завещателей. Олдермены являлись представителями различных (в основном) купеческих гильдий: торговцы сукном⁴⁴, торговцы бархатом и шелком⁴⁵, вино-торговцы⁴⁶, торговцы пряностями⁴⁷, торговцы рыбой⁴⁸.

Рассмотрим следующее завещание, составленное в 1342 г. Николасом Крейнном. Своей жене Кэтрин он завещал трактир и сдаваемое в аренду помещение; за неимением собственных детей деньги и движимое имущество оставил дочерям своих братьев: Амисии (20 шиллингов на свадебное платье и в качестве приданого 20 фунтов стерлингов) и Кристине. Остальное – на благочестивые цели: церкви, в которой его должны похоронить, приходскому священнику и его преемникам, чтобы они молились за его душу и душу его первой жены; мастеру и братьям госпиталя св. Иакова близ Вестминстера⁴⁹.

А Роджер де Дефам завещал все свое имущество городу: «Все свои земли, доходные дома и арендную плату в городе Лондоне оставляет мэру, олдерменам... упомянутого города и их преемникам навсегда, чтобы они обеспечивали часовни во спасение его души, души его отца Томаса, его матери Эгнис, его жены и других...»⁵⁰.

Что касается остальных должностей, указанных в табл. 6, то они относятся непосредственно к обслуживанию королевского двора. Сержант короля Ричард де Кортенхейл, как Генри Гренфорд⁵¹ и Бартоломью де Имворт⁵², составлял личную стражу короля. В своем завещании от 1361 г. Ричард оставляет свои дома жене и дочери, а доходные дома должны быть проданы для благочестивого использования во спасение его души⁵³. Казначейство и Гардероб, то есть государственная и королевская казна, являлись местом службы казначея и королевского портного. Так, из Гардероба выделился Частный Гардероб, который представлял собой хранилище вооруже-

Таблица 6

Профессии завещателей, связанных с административными полномочиями и службой королю, 1300–1400 гг.

Профессия / статус	Количество завещаний				
	Эдуард I	Эдуард II	Эдуард III	Ричард II	Генрих IV
Олдермен	1	3	8	–	–
Сержант короля	1	–	3	–	–
Королевский портной	–	–	1	–	–
Казначей	–	–	2	–	–
Кузнец Лондонского моста	–	–	2	–	–
Мастер королевских шатров	–	–	1	–	–
Маршал	–	–	2	–	–
Королевский артиллерист в башне	–	–	1	–	–
Королевский старшина над оружием	–	–	3	–	–
Бывший мэр	–	–	–	1	–

ния и боеприпасов (размещался в Тауэре)⁵⁴. Его возглавлял хранитель мантий. Кроме секретаря, йомена, в штат входили чистильщики и портные, один из которых – Николас де Уайт – и составил завещание во время правления короля Эдуарда III. Он завещал своим сыновьям Роберту и Джону 10 марок серебром при условии, что они поступят в ученики, и два своих лучших платья. Матильде, своей жене, он оставил 40 шиллингов с аренды дома на Бридж-стрит, который получил в дар от короля и который является выморочным имуществом, так как бывшая хозяйка не имела законных наследников⁵⁵. Немаловажно, что завещатель, очевидно, видит в своих сыновьях продолжателей фамильного портняжного дела.

Помимо рассмотренных категорий, завещания составляли официально не входившие ни в одну профессиональную группу и не являвшиеся полноправными горожанами представители рыцарства. Рыцари, как и духовенство, городская беднота и иностранцы, не делали фискальные отчисления в казну. По закону представители этих групп не являлись горожанами или фрименами, т. е. «свободными людьми», обладавшими всей полнотой городских прав и привилегий⁵⁶. Однако, как показывают завещания, рыцари занимались торговлей и были тесно связаны с городской экономикой. Так, Найджел Лоринг в завещании от 12 марта 1385 г. оговорил, чтобы его особняк и лавка в приходе св. Андрея близ Байнардскасл были проданы, а вырученные средства использованы для благотворительных и благотворительных целей⁵⁷.

В том, что многие завещатели оставляли часть или все денежные средства церкви, нет ничего удивительного. В Средние века вера в лучшую, загробную жизнь была непоколебима и пронизывала все бытие человека. На протяжении всей истории христианства суд совести, с одной стороны, и суровость по отношению к миру и к человеку, с другой, находили друг в друге опору и усиливали друг друга⁵⁸. Стремление облегчить свою участь выливалось в посмертные дары, и завещатели оговаривали, в какой церкви их похоронить, сколько денег должно быть предназначено «для благотворительного использования во спасение его души и душ его отца и матери, и его детей»⁵⁹. Не стоит забывать и о том, что церковь как социальный институт имела в тот период огромную власть в обществе и обладала большим богатством. Церковную казну пополняли дивиденды от земельных владений. В городах же церковь владела большим количеством жилых домов, складов, таверн, лавок, садов, которые сдавала в держание горожанам на различных условиях⁶⁰. Но в основном так называемые духовные доходы церкви складывались из десятины и пожертвований (денежных и земельных) благотворительных верующих, что и демонстрируют завещания.

Анализ завещательных актов показал не только пестрый социально-профессиональный

состав Лондона, но и обнажил острые социальные проблемы, в частности проблему бедности. Бедность в городах носила массовый характер. Чаще всего жертвами обстоятельств становились ученики и подмастерья, путь в мастера которым был закрыт⁶¹; жители деревень, прибывавшие в город с целью улучшения жизни, так и не нашедшие своего места и пополнявшие ряды городских бедняков и маргиналов⁶². Для этих людей, вырванных из традиционных связей – семейных, соседских, профессиональных, занимавшихся бродяжничеством, кормившихся за счет милостыни, мошенничества или проституции, город служил прибежищем, объектом устремлений⁶³. Власти двояко смотрели на проблему нищеты: с одной стороны, бедняки и попрошайки воспринимались как неизбежное зло; с другой, благодаря францисканцам и доминиканцам бедность приобрела оттенок духовной ценности и благодати. «Христовы бедняки» наводняли города, образуя «привилегированную армию безработных»⁶⁴. Они бродили по улицам и площадям, собирая милостыню, стояли у церковных ворот, присутствовали в похоронных кортежах богатых, дожидаясь завещательного пожертвования. Многие завещатели даровали часть или все свое состояние на благотворительность, или, как ее называет А. Л. Ястребицкая, «бюргерскую милостыню»⁶⁵ – на поддержание больниц⁶⁶, богаделен⁶⁷, на нужды сирот и вдов.

Таким образом, Лондон XIV в., как и любой другой крупный город континентальной Европы⁶⁸, имел сложную гетерогенную социально-профессиональную структуру. Так, доля торговцев и купцов от общего числа завещателей с указанием профессии составляла 42,8 %, а на представителей ремесленного производства приходилось 38,09 %, т. е. 80,85 % завещателей с профессией имели прямое отношение к производству и реализации товаров. В табл. 7 представлено процентное соотношение профессиональных групп завещателей.

Завещания лондонских горожан за период 1300–1400 гг. дают богатый материал для моделирования социального облика Лондона той эпохи. Неоднородность населения как в социальном, так и в профессиональном плане, отражается в записях, содержащих распоряжения (преимущественно об имуществе) на случай смерти. Проанализировав завещательные акты, мы выделили несколько социально-профессиональных групп: торговцы и купцы; ремесленники; занятые в сфере услуг; интеллигенция и духовенство; рыцарство; представители власти.

Тестаменты позволили также выявить социальную дифференциацию: торговцы и ремесленники с большими доходами составляли городскую верхушку, а их представители имели статус олдерменов, что позволяло им занимать управленческие должности в городской администрации – шерифа и мэра. Представи-

Таблица 7

Процентное соотношение профессиональных категорий Лондона в XIV в.

Профессиональные группы	Количество представителей	% к общему числу завещателей с указанием профессии	% к общему числу завещателей
Купцы и торговцы	471	42,8	18,7
Ремесленники	419	38,05	16,6
Занятые в сфере услуг	18	1,63	0,71
Зарождающаяся интеллигенция	174	15,8	6,9
Административный аппарат	26	2,36	1,03

тели интеллектуального труда, ремесленники и торговцы средней руки, зажиточная часть тех, кто был занят в обслуживающей сфере, представляли собой среднюю городскую прослойку. Важной группой лондонского населения были священнослужители и рыцари, прочно вплетенные в социальную ткань города. Очевидно, значительную часть населения Лондона составляла городская беднота. Завещания показали, что обеспеченные горожане оставляли определенные средства на благотворительность, понимая всю остроту проблемы бедности.

Примечания

- См.: Чернова Л. Н. Средневековый Лондон в завещаниях его жителей (вторая половина XIII–XV вв.) : сб. документов / пер. с англ., вступ. ст. и прим. Л. Н. Черновой. Саратов : Саратовский источник, 2019. С. 36.
- См.: Маркова С. П. Тестаменты из архива Йоркского архиепископства эпохи классического средневековья // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. Сер. 1 : Регионоведение : философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2007. № 1. С. 30–39.
- См.: Кириллова А. А. Завещание как источник по истории средневекового английского города XIV–XV вв. // Из истории западноевропейского средневековья. М. : МПГИ, 1972. С. 21–43.
- См.: Чернова Л. Н. Тюдоровский Лондон : социальный портрет (на материале завещаний) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 311–319. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-311-319>
- См.: Филаретова В. Л. Внутрисемейные имущественные отношения в Лондоне второй половины XIII – первой половины XIV вв. : опыт гендерного анализа завещательных актов. URL: <https://freedocs.xyz/pdf-464877724> (дата обращения: 09.09.2019).
- Calendar of Wills proved and enrolled in the Court of Husting, London : in 2 parts / ed. R. R. Sharpe. L., 1890 (далее – Calendar of Wills).
- См.: Клаут Х. История Лондона / пер. с фр. Е. Д. Мурашкинцевой. М. : Весь мир, 2002. С. 30.
- См.: Репина Л. П. Лондон – столица и мегаполис // Город в средневековой цивилизации Западной Европы : в 4 т. / отв. ред. А. А. Сванидзе. М. : Наука, 1999. Т. 1. С. 342.
- См.: Чернова Л. Н. Тюдоровский Лондон : социальный портрет (на материале завещаний). С. 312.
- Will of Passeware (William) // Calendar of Wills. Part 2 : 1358–1688. Wills : 45 Edward III (1371–1372). URL: <http://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp138-144> (дата обращения: 07.09.2019).
- См.: Чернова Л. Н. Тюдоровский Лондон : социальный портрет (на материале завещаний). С. 312.
- Kelly J. The Great Mortality : An Intimate History of the Black Death, the Most Devastating Plague of All Time. N.Y. : Harper Perennial, 2005. P. 68–71.
- Where the Black Death happened : 9 Places connected to the Plague. URL: <https://www.historyextra.com/period/medieval/where-the-black-death-happened-9-places-connected-to-the-plague/> (дата обращения: 24.08.2019).
- См.: Мортимер Я. Средневековая Англия. Путеводитель путешественника во времени / пер. с англ. А. Захарова. М. : Издательство «Э», 2018. С. 292–293.
- Там же. С. 19.
- См.: Репина Л. П. Лондон – столица и мегаполис. С. 342.
- См.: Булаева М. Н. Преступность в Лондоне в начале XIV века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 36. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-36-42>
- См.: Репина Л. П. К вопросу о профессиональной, имущественной и социальной дифференциации городского сословия в Англии XIV в. // Средние века. 1975. Вып. 38. С. 236–237.
- См.: Мортимер Я. Указ. соч. С. 250.
- Will of Sterre (Robert) // Calendar of Wills. Part 1 : 1258–1358. Wills : 12 Edward II (1318–1319). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1/pp278-284> (дата обращения: 07.09.2019).
- Will of Fulham (Johanna) // Calendar of Wills. Part 2 : 1358–1688. Wills : 4 Richard II (1380–1381). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp216-224> (дата обращения: 04.09.2019).
- См.: Яблонская О. В. Торговля шерстью и сукном в Англии в XIV веке // Таврический научный обозреватель. 2016. №2 (7). С. 164.
- См.: Чернова Л. Н. Под сенью Святого Павла : деловой мир Лондона XIV–XVI вв. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 42.
- См.: Мортимер Я. Указ. соч. С. 254–255.
- Там же. С. 254, 257.
- См.: Чернова Л. Н. Правящая элита Лондона XIV–XVI

- веков : олддермены в контексте экономической, социальной и политической практики. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2005. С. 100.
- 27 См.: *Репина Л. П.* Английский средневековый город // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1. С. 101.
- 28 См.: *Шевеленко А. Я.* Техника городских ремесел // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. 1999. Т. 2. С. 126.
- 29 См.: Will of Bricheford (John de) // Calendar of Wills. Part 1 : 1258–1358. Wills : 9 Edward III (1335–1356). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1/pp401-409> (дата обращения: 05.09.2019).
- 30 См.: *Бергер Е. Е.* Лекари, аптекари, цирюльники // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 2. С. 278.
- 31 См.: *Бальхаус А.* Любовь и секс в Средние века / пер. с нем. Т. А. Набатниковой. М. : Книжный клуб 36.6, 2012. С. 189–191.
- 32 A Supervisor of the Barbers of London appointed. 2 Edward II. A.D. 1308 // Memorials of London and London Life in the 13th, 14th and 15th Centuries / ed. by H. Riley. L. : Longmans, Green and Co, 1868. P. 67.
- 33 См.: *Уваров П. Ю.* Интеллектуалы и интеллектуальный труд в средневековом городе // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 2. С. 253.
- 34 Will of Neel (Walter) // Calendar of Wills. Part 1 : 1258–1358. Wills : 27 Edward III (1353–1354). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1/pp667-675> (дата обращения: 09.09.2019).
- 35 См.: *Бергер Е. Е.* Лекари, аптекари, цирюльники. С. 276–278.
- 36 См.: *Чернова Л. Н.* Криминальная повседневность Лондона XIV века // Британские чтения : сб. науч. ст. Саратов : Техно-Декор, 2016. Вып. 2. С. 126.
- 37 См.: Will of Grofhurst (Henry de) // Calendar of Wills. Part 1 : 1258–1358. Wills : 36 Edward III (1362–1363). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp64-75> (дата обращения: 29.08.2019).
- 38 См.: *Уваров П. Ю.* Указ. соч. С. 256–258, 221–264.
- 39 См.: *Грей К.* Средневековье. Полная история эпохи. М. : АСТ, 2019. С. 129–130.
- 40 Will of Notyngnam (Richard de) // Calendar of Wills. Part 1 : 1258–1358. Wills : 8 Edward III (1334–1335). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1/pp392-401> (дата обращения: 06.09.2019).
- 41 Ibid.
- 42 Bonyndon or Bovyndon (?) (John de) // Calendar of Wills. Part 2 : 1358–1688. Wills : 35 Edward III (1361–1362). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp13-64> (дата обращения: 06.09.2019).
- 43 См.: *Чернова Л. Н.* Правящая элита Лондона XIV–XVI веков : олддермены в контексте экономической, социальной и политической практики. С. 108.
- 44 Will of Abyndon (Stephen de) ; Will of Berkyngge (Richard de) // Calendar of Wills. Part 1 : 1258–1358. Wills : 10 Edward III (1336–1337) ; Wills : 29 Edward III (135–1356). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1/pp684-688> (дата обращения: 06.09.2019).
- 45 Will of Worstede (Simon de) // Calendar of Wills. Part 2 : 1358–1688. Wills : 40 Edward III (1366–1367). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp92-98> (дата обращения: 06.09.2019).
- 46 Will of Oxenford (John de) // Calendar of Wills. Part 1 : 1258–1358. Wills : 16 Edward III (1342–1343). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1/pp452-465> (дата обращения: 10.09.2019).
- 47 Will of Aubrey (Andrew) // Calendar of Wills. Part 2 : 1358–1688. Wills : 32 Edward III (1358–1359). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp1-6> (дата обращения: 10.09.2019).
- 48 Will of Brampton (William de) // Calendar of Wills. Part 1 : 1258–1358. Wills : 21 Edward III (1347–1348). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1/pp492-500> (дата обращения: 10.09.2019).
- 49 Will of Crane (Nicholas) // Calendar of Wills. Part 1 : 1258–1358. Wills : 16 Edward III (1342–1343). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1/pp452-465#fnn11> (дата обращения: 10.09.2019).
- 50 Will of Depham (Roger de) // Calendar of Wills. Part 2 : 1358–1688. Wills : 3 Edward III (1359–1360). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp6-13> (дата обращения: 10.09.2019).
- 51 Will of Greneford (Henry de) // Calendar of Wills. Part 1 : 1258–1358. Wills : 35 Edward I (1306–1307). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1/pp182-188> (дата обращения: 11.09.2019).
- 52 Will of Imworth (Bartholomew de). // Calendar of Wills. Part 2 : 1358–1688. Wills : 38 Эдвард III (1364–1365).
- 53 Will of Cortenhale (Richard de) // Calendar of Wills. Part 2 : 1358–1688. Wills : 35 Edward III (1361–1362). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp13-64> (дата обращения: 19.09.2019).
- 54 См.: Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / отв. ред. Т. П. Гусарова. М. : Книжный дом Университет, 2011. С. 232, 234, 246–247.
- 55 Will of Wyght (Nicholas de) // Calendar of Wills. Part 1 : 1258–1358. Wills : 14 Edward III (1340–1341). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1/pp436-443> (дата обращения: 19.09.2019).
- 56 См.: *Чернова Л. Н.* Под сенью Святого Павла : деловой мир Лондона XIV–XVI вв. С. 64, 66.
- 57 Will of Loryng (Nigel) // Calendar of Wills. Part 2 : 1358–1688. Wills : 10 Richard II (1386–1387). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp259-261> (дата обращения: 20.09.2019).
- 58 См.: *Делюмо Ж.* Грех и страх : Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII–XVIII вв.) / пер. с фр. ; под ред. Д. Э. Харитоновича. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 11.
- 59 Will of Atte Bataylle (John) // Calendar of Wills. Part 1 : 1258–1358. Wills : 26 Edward III (1352–1353). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1/pp656-667> (дата обращения: 11.09.2019).
- 60 См.: *Мосолкина Т. В.* Английские горожане и церковь в XIV–XV веках // Город в средневековой цивилизации Западной Европы : в 4 т. / отв. ред. А. А. Сванидзе. Т. 3 :

- Человек внутри городских стен. Формы общественных связей. М. : Наука, 2000. С. 136–137.
- ⁶¹ См.: Ястребицкая А. Л. «Низшие социальные слои» : бедность и бедняки // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 2. С. 298.
- ⁶² См.: Лысенко Е. Г. Средневековые маргиналы. URL: <http://goliard.ru/lysenko-e-g-srednevekovye-marginaly/> (дата обращения: 29.04.2019).
- ⁶³ См.: Ястребицкая А. Л. Указ. соч. С. 297.
- ⁶⁴ Там же. С. 300.
- ⁶⁵ Там же. С. 312.
- ⁶⁶ См.: Бергер Е. Е. В больницах и лепрозориях // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 2. С. 317–318.
- ⁶⁷ См.: Ястребицкая А. Л. Указ. соч. С. 314–317.
- ⁶⁸ Репина Л. П. Население городов // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1. С. 174–175.

Образец для цитирования:

Булаева М. Н. Социальный облик Лондона XIV века через призму завещаний // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 47–57. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-47-57>

Cite this article as:

Bulaeva M. N. Social Image of London of the 14th Century through the Wills. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 47–57 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-47-57>

УДК 821.111.09–1+929 Чосер

Повседневная реальность Англии в художественной литературе и исторических источниках XIV–XV веков

Т. В. Мосолкина

Мосолкина Татьяна Валентиновна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, tmosolkina@mail.ru

В статье предпринята попытка соотнести содержание художественной литературы Англии (на примере «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера) с данными исторических источников XIV–XV вв. Материалы документов дают основание сделать вывод, согласно которому персонажи и сюжеты, представленные на страницах «Кентерберийских рассказов», отражают реальную действительность современной автору Англии, а Джеффри Чосера по праву можно считать одним из первых писателей-реалистов.

Ключевые слова: Чосер, сюжеты «Кентерберийских рассказов», персонажи «Кентерберийских рассказов», исторические документы XIV–XV вв.

Everyday Life of England in Fiction and Historical Sources of the XIV–XV Centuries

T. V. Mosolkina

Tatyana V. Mosolkina, <https://orcid.org/0000-0002-7109-2163>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, tmosolkina@mail.ru

In this article an attempt to correlate the ideas of Geoffrey Chaucer's «Canterbury Tales» with data of historical sources of the considered period is made. The documents give the basis to draw a conclusion, that characters and the plots presented on the pages of «Canterbury Tales» reflect reality contemporary to English writers, and Geoffrey Chaucer by right is possible to be considered as one of the first writers-realists.

Keywords: Chaucer, plots of the «Canterbury Tales», characters of the «Canterbury Tales», historical documents 14th – 15th centuries.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-58-63>

По мнению ученых, «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера можно рассматривать как энциклопедию по истории средневековой Англии: 29 паломников из разных слоев общества в полной мере воссоздают контекст эпохи. Конечно, ситуации и персонажи в рассказах являются вымышленными, но люди и обстоятельства, в которые они попадают, отражают вполне реальную обстановку XIV–XV столетий. Подтверждением этому могут служить подлинные документы, сохранившиеся в городских и государственных архивах.

Дж. Чосер, знакомя читателей в прологе со своими героями, не характеризует всех паломников, останавливаясь только на некоторых из

них. Поскольку в одной статье невозможно собрать материал из источников на 29 человек, последуем примеру автора «Кентерберийских рассказов». Объектом нашего исследования будут представители третьего сословия, поскольку их, по сравнению с другими персонажами, больше всех – купец, шкипер, ткачиха из Бата, красильщик, плотник, шапочник, ткач, подмастерье и др.

Время, когда Дж. Чосер писал «Кентерберийские рассказы», можно охарактеризовать как переходный этап в истории страны, когда старые, устоявшиеся отношения сталкиваются и переплетаются с новыми. В XIV–XV вв. продолжали развиваться те же процессы, что и прежде, но вместе с тем, имели место и новые веяния – начинается упадок цехового ремесла и одновременно возникают новые формы производства, меняются социальная структура и менталитет общества. Это отражено в исследованиях М. М. Ябровой¹, С. М. Стама², Л. Н. Черновой³.

Постараемся представить себе людей XIV–XV вв. с помощью тех документов, которые имеются в нашем распоряжении.

В то время, как король и бароны изнуряли королевство и уничтожали себя в бесконечной династической борьбе, энергичные и уверенные в себе английские горожане накапливали собственное богатство и приумножали славу города. Однако наряду с положительными качествами – отвагой, энергией и находчивостью – они часто проявляли беспринципность и эгоизм. Чосер это очень ярко представил, относясь с симпатией к предприимчивости своих героев, но не замалчивал и их отрицательные стороны.

Характеризуя Шкипера, Чосер называет его «прекрасным малым», но при этом отмечает, что Шкипер не брезговал разбоем⁴. Данный пример совершенно точно отражал реальность того времени.

Хотя и существовали морские законы (морское право), беззаконие стало обычаем. В документах постоянно встречаются сведения о потерях кораблей в результате пиратских захватов, кораблекрушений и ограблений.

Предприимчивые купцы не стеснялись себя в средствах, опускаясь иногда до простого разбоя. Еще в 1294 г. упоминалось о том, что некто Уолтер Хобб из Бристоля захватил корабль голландских купцов и присвоил его груз. После долгой тяжбы он был вынужден вернуть корабль и товары и уплатить значительную сумму

(65 фунтов) за причиненный ущерб⁵. В этом не было бы ничего удивительного, если бы Хобб являлся обыкновенным пиратом, но он был крупным торговцем. В разбое подозревался и Роджер Тергл, мэр Бристоля в 1321 г.⁶ В сговоре с пиратами обвинялся Генри Мей, представитель одной из богатейших семей в Бристоле⁷. Жадность и беззастенчивость купцов выражалась и в обмане королевских чиновников. В 40-е гг. XV в. Джон Уинч, чтобы избежать конфискации своего товара королем, поскольку он торговал без лицензии, передал его в качестве уплаты долга мэру Бристоля, а корабль срочно продал, поставив тем самым в затруднительное положение королевского контролера⁸.

Подобные действия были характерны не только для английских купцов. Ссылаясь на письма флорентийского купца Франческо Датини, И. А. Краснова отмечает, что итальянские купцы и их факторы часто вступали в сделки с пиратами, в результате чего «порой трудно было различить, где кончается “добрый купец” и начинается морской разбойник»⁹. С развитием торговли и ростом конкуренции увеличивалось и количество разного рода обманов и мошенничества, несмотря на все предосторожности купцов. И это можно было наблюдать не только в Бристоле XIV–XV вв., но и в других городах Англии и континента.

Одним из самых ярких персонажей «Кентерберийских рассказов» является ткачиха из Бата. Чосер характеризует ее как прекрасную мастерицу, не уступающую ткачихам из Гента:

«В тканье была большая мастерица,
Ткачихам гентским впору подивиться»¹⁰.

Это сравнение не случайно, поскольку фландрские ткачи производили лучшее в Европе сукно. Образ Батской ткачихи как нельзя лучше иллюстрирует положение женщин в Англии рассматриваемого времени.

Рост самосознания английских горожан особенно наглядно проявился в изменении воззрений на социальное место женщины. К XIV–XV вв. значительно возросла хозяйственная и правовая самостоятельность горожанок. В документах того времени довольно часто встречаются сведения не только о работавших по найму прядильщицах или ткачихах, но и о женщинах-мастерах различных специальностей. Женщины также начинают заниматься торговлей наравне с мужчинами. Например, в 1344 г. в «Обычаях города Бристоля» особо оговаривалось, что «женщины-пивовары, которые продают эль вопреки ассизе, будут штрафовать в соответствии с их поступком»¹¹.

Более того, в таможенных отчетах встречаются имена женщин, участвовавших во внешней торговле. Чаще всего это были вдовы купцов, которые продолжали или заканчивали дела своих покойных мужей. Если Уильям Берд, имевший двух сыновей, завещал жене и трем дочерям, кроме прочего наследства, 20 бочек вайды и 5 бочек железа, то предполагается, что они бу-

дут их реализовывать¹². Крупнейший купец и судовладелец Джон Бертон оставил своей жене Изабелле, кроме недвижимости, наличных денег и утвари, товаров на сумму 200 фунтов, 8 мешков шерсти и четверть собственности на корабле «Le Maria de Bristollia»¹³.

Если купец умирал внезапно, то было вполне естественно, что жена заканчивала вместо него начатое дело. Так, Джоанна, вдова Уильяма Роулистаршего, в 1479 г. получила сахар, а в 1480 г. масло и воск из Лиссабона, а также вайду и вино из Испании. В этом же году на имя Маргарет, вдовы Томаса Роули, прибыло три груза вина из Бордо, один – масла из Севильи и из Фландрии марены на 82 фунта¹⁴. Таможенные отчеты времен правления Эдуарда IV называют 7 женщин-торговцев, которые, вероятно, были вдовами купцов, и 8 других, участвовавших в импорте и экспорте товаров. Часто, когда муж отсутствовал, жена получала товары или деньги, причитавшиеся ему.

Женщины в рассматриваемое время в Бристоле владели недвижимостью: имели права собственности или арендовали землю и дома. В завещании Джона Бертона 1454 г. упоминается сад, принадлежавший Джоанне Эрли (вдове), который арендовал у нее Джон Ньютон. В этом же завещании содержатся сведения о Маргарет Пайк, которая арендовала участок с постройками у Уильяма Тавернера, джентльмена. Правда, с какой целью она арендовала держание, не сказано¹⁵. Уильям Повем в 1454 г. большую часть недвижимости завещал жене, а после ее смерти она должна была перейти сестре завещателя Элис и его дочери Сесилии, хотя у Уильяма Повема были сын и брат, которым тоже была завещана недвижимость. То есть в данном случае женщины наследовали недвижимость наравне с мужчинами. В этом же завещании речь идет о земельном участке, принадлежавшем Маргарет Денем¹⁶.

О повышении правовой самостоятельности женщин говорит тот факт, что они часто упоминаются как душеприказчицы своих мужей. Обычно в завещаниях в качестве душеприказчиков выступали деловые партнеры или родственники-мужчины и на их фоне особенно выделяются такие женщины, как Алиса Саттон, Агнес, вдова Томаса Фиша, а потом Джона Спайсера, Алиса Честер. Например, купец Джон Браун в 1476 г. подробно расписал, кому и что он завещает, а затем распорядился, чтобы оставшееся имущество передали его жене (свою долю она тоже получила по завещанию), и Кэтрин сама могла решать, как лучше употребить остаток на благо души завещателя, его родителей и благодетелей. Душеприказчицей также была назначена жена¹⁷. Здесь проявились явное доверие к здравому уму Кэтрин и уважение к ней. Томас Джоунз не только назначил свою жену душеприказчицей, но и записал, что она может использовать оставшееся имущество, «как сочтет подходящим»¹⁸. Также поступил Морис Хейл – остаток имущества нужно было передать жене,

«чтобы распорядилась им, как она сочтет подобающим»¹⁹. Она же была назначена душеприказчицей. Джон Фланингем, имея брата и сына, доверяет распоряжение имуществом после своей смерти жене Анастасии. И Уильям Роули, имея братьев, назначил душеприказчицей жену Маргарет. Такое же отношение к жене продемонстрировали в XV в. Ричард Форстер, Уильям Сеймор, Лодовик Морс, Уильям Берд, Том Коуган²⁰.

В судебных разбирательствах по торговым и финансовым делам в XV в. также можно было встретить женщин. Например, в 50-е гг. XV в. Джордж Айрленд, олддермен Лондона, подал прошение о возмещении долга в бристольский Ступельный суд против Алисы Саттон²¹. Алиса Честер не только вела торговлю с Испанией, Португалией и Фландрией, но и давала деньги в займы. Известно, что она судила 20 фунтов приору Тонтона, когда он испытывал большую нужду и не мог отремонтировать свой дом и уплатить долги²².

Значительную долю среди наемных работников составляли женщины, но говорить об их участии в ремесленном производстве (и торговле) очень трудно, так как средневековое городское законодательство касалось в основном людей, имевших общественный (коммунальный) статус, т. е. мужчин. Женщины получали свой статус от отцов или мужей и редко были допущены к городским свободам, хотя в источниках иногда встречаются упоминания о женщинах-мастерах в разных отраслях производства. Например, в 1346/47 г. в постановлении портных Бристолья сообщается о мастерах-мужчинах и мастерах-женщинах, имевших статус бюргеров. В 1407 г. среди красильщиков города были и мужчины, и женщины²³. В ордонансе красильщиков Йорка в 1380 г. среди 59 членов гильдии названы 4 женщины²⁴. Значительный процент пивоваров в английских городах всегда составляли женщины. В «Обычаях г. Бристолья» 1344 г. подтверждено постановление 1331 г., в котором говорилось о женщинах-пивоварах, нарушавших ассизу о пиве²⁵. К середине XIV в. значительный процент пивоваров в Винчестере составляли женщины – одинокие, вдовы и замужние. То же самое можно сказать и о Йорке²⁶, где в конце XIV в. в списке мастеров-изготовителей пергамента указаны 4 женщины, а Эннис Кипвик была мастером-перчаточником²⁷.

Иногда в источниках упоминаются женщины несвойственных им профессий, например, в 1348 г. в Вестминстере была женщина-кузнец, изготавливавшая инструменты для каменщиков. В 1379 г. в Шеффилде числились 2 женщины-кузнеца; йоркский кузнец Хью Лейфилд в 1485 г. оставил жене Элис 2 наковальни²⁸.

Среди красильщиков-торговцев также можно встретить женщин. Алиса Ричардс торговала сукном в Лондоне вместе с Джоном Хенловом, а Маргарет Роули сама доставляла в Бристоль марену²⁹. Вероятно, это были вдовы красильщиков-купцов, которые продолжали дело своих мужей.

В этом отношении представляет интерес завещание Джона Хенлова, который в 1498 г. оставил «все инструменты своего ремесла» жене, а вайду своей дочери, поэтому вполне вероятно, что они тоже будут организовывать производство сукна и торговать им³⁰.

Чосер упоминает о том, что его героиня занималась благотворительностью. Жизнь и деятельность даже самых богатых людей была связана с постоянным риском. Неудивительно, поэтому, что горожане искали небесной защиты против превратностей стихии и судьбы.

Набожность и благочестие были также присущи им, как беззастенчивость и рационализм. К XIV в. отношения между моралью и религией изменились таким образом, что набожность не служила препятствием всем формам накопительства, и забота о спасении души не мешала земным делам. Разлад между совестью и алчностью, страхом посмертного наказания и стремлением к обогащению нашел свое выражение во многих завещаниях и прижизненных дарах церкви. Средневековые горожане отличались благочестием не только потому, что этого требовали нормы поведения. Это было связано с господствовавшими религиозными доктринами, в частности, учением о чистилище. Стремлением заслужить вечное спасение объясняются многие благочестивые дела зажиточных граждан. Они стремились смягчить суровость божьего суда, которого ждали и боялись, путем получения божьего благоволения. К концу жизни они начинали заботиться о своих душах, демонстрируя, с одной стороны, раскаяние и «запасая», с другой стороны, добрые дела. Богоугодные дела, милосердие и благотворительность были не только способом обеспечить небесное благоволение, но и средством завоевать авторитет и уважение в обществе. Почти во всех завещаниях значительные суммы оставляются на благотворительные нужды. Так, Агнес, вдова Джона Спайсера, завещала держания и лавки своим душеприказчикам, чтобы они по своему усмотрению использовали их для блага души завещательницы, ее бывшего мужа и всех умерших³¹. Алиса Честер заказала новое распятие для хоров в своей церкви лучшим резчиком по дереву, алтарь в южном приделе, позолоченный алтарь Богородицы и подарила искусно сработанную дарохранильницу. Помимо большого количества церковных облачений, алтарных тканей и украшений, она дала «позолоченное серебряное распятие, покрытое эмалью с Марией и Иоанном», стоимее 20 фунтов³².

Та же Алиса Честер, потратившая большие средства на перестройку своего дома и еще больше на богоугодные дела, заслужила благодарность горожан тем, что в 1475 г. установила в порту подъемный кран, которого там никогда не было, «для сбережения товаров как городских купцов, так и чужеземцев»³³. Сооружение крана обошлось ей в 41 фунт³⁴.

В рассказе повара речь идет еще об одном представителе городского сословия – подмастерье торговца. Описание личных качеств героя очень красочно: он задира, озорник, пьяница, картежник, который рад обворовать своего хозяина. Действительно ли при существовавших строгостях в гильдиях по отношению к подмастерьям могли существовать такие работники? Исторические документы однозначно свидетельствуют, что действительно существовали.

Например, в 1346 г. сукновалы Бристоля постановили, что если какой-либо работник (*oueroir*) нанесет материальный ущерб своему мастеру или совершит против него какой-то проступок, то он должен возместить убытки. И «никакой другой мастер не должен нанимать работника, который нанес ущерб своему мастеру таким способом, до тех пор, пока он не даст возмещения своему мастеру»³⁵.

Поскольку за нарушение постановления штраф налагался на мастера, то само появление такого документа свидетельствует о том, что между мастерами шла борьба за рабочие руки, а это позволяло подмастерьям вести себя достаточно свободно. Проблема была настолько острой, что нашла отражение в общегосударственном законодательстве. В 1376/77 г. палатой общин был представлен в парламенте «Билль о рабочих», в котором говорилось: «И самая большая беда – это прием названных беглых рабочих и слуг; когда они убегают от службы у своих хозяев, их тотчас же принимают на службу в чужих местах за такую дорогую плату, что этот прием дает пример и поощрение всем слугам, как только им что-либо не понравится, бежать в чужие места от хозяина к хозяину, как сказано выше»³⁶.

Поэтому не случайно бристольские ткачи в самом конце XIV в. постановили, что «ни один мастер названной гильдии не будет нанимать или предоставлять работу какому-нибудь слуге, против которого возбужден иск или который состоит в соглашении с каким-нибудь другим лицом»³⁷. Эти правила существовали и в других городах. В 1389 г. лондонские литейщики записали в своем постановлении, что если подмастерье находится в споре со своим мастером по какой-то причине, то он не должен наниматься на работу другими мастерами до тех пор, пока спор не будет решен. В 1416 г. такую же позицию заняли лондонские медники³⁸.

В ордонансах гильдий иногда оговариваются и условия работы подмастерьев. Например, сукновалы в 1406 г. записали, что «слуги должны приступить к делу и подниматься к их названной работе так же хорошо ночью, как и днем в течение всего года, как было обычно в старое время»³⁹. Следует отметить, что, судя по этому постановлению, ночная работа у сукновалов не была запрещена. Некоторые сведения о поведении подмастерьев можно найти в постановлении кожевников и сапожников 1408 г.: «Поскольку до этого времени различные слуги названной

гильдии оставляли работу у своих мастеров без их позволения или разрешения, развлекаясь на улицах в течение двух или трех дней в неделю к большому ущербу названных мастеров, поэтому ни один такой слуга не должен покидать свою работу с начала до конца недели без разрешения или разумной причины...»⁴⁰.

Видимо, у мастеров были реальные основания для недовольства, потому что сходные жалобы встречаются в разных городах. Лондонские булочники в 1441 г. утверждали, что слуги их гильдии имеют «помещение для пирушек (*reveling hall*) и пьют там, из-за чего многие из них на следующий день не способны хорошо работать»⁴¹. В 1490 г. башмачники Норича жаловались, что их подмастерья, склонные к праздности и разгулу, еженедельно в отдельные дни бросают работу ради развлечений⁴².

Чтобы предотвратить переманивание мастерами работников в гильдиях, устанавливалась строго определенная заработная плата подмастерьям. То, что такое переманивание было достаточно распространено, можно понять из постановления кожевников. В 1408 г. они записали: «И поскольку указано, что жены мастеров вышеназванной гильдии тайно давали и обещали их слугам определенные любезности и подарки сверх договора, из-за чего названные мастера терпели значительный ущерб, по какой причине устанавливается, что ни названные мастера, ни их жены, ни кто-нибудь другой в их семьях отныне не будет обещать или не будет принуждать обещать или давать какому-либо слуге тайно или открыто больше, чем выше установлено»⁴³.

Думается, подобная практика не устраивала подмастерьев. Из запрещений принимать на работу слуг, связанных договором с другим мастером, можно понять, что они пытались искать более выгодные условия найма. Период после Черной смерти был наиболее благоприятным для улучшения положения подмастерьев, о чем свидетельствует повышение их оплаты у сукновалов в период с 1346 по 1381 год. Это была еще одна причина, по которой мастера стремились установить твердые тарифы оплаты.

На протяжении почти 100 лет вопрос о заработной плате оставался злободневным. В 1408 г. мастера-кожевники Бристоля жаловались в городской совет, что они «почти доведены до нищеты чрезмерными требованиями их слуг, которые не желают обслуживать названное ремесло, пока не получат слишком чрезмерную и излишнюю плату вопреки статуту нашего господина короля и обычаям названного города»⁴⁴. Определение заработной платы как «чрезмерной» и «излишней» является почти дословным воспроизведением текста «Статута о рабочих» 1388 г.: «... слуги и рабочие не хотят и долгое время не хотели служить и работать без огромной и чрезмерной платы...»⁴⁵ Вряд ли это можно отнести к последствиям чумы, поскольку к началу XV в.

демографическая ситуация в Англии уже стабилизировалась. Однако цены на предметы первой необходимости неуклонно росли, а заработную плату пытались удержать на уровне 1347 г.

Иногда подмастерья открыто проявляли недовольство, в связи с чем, например сукновалы Бристоля, в 1406 г. отмечали: «Если названные работники будут мятежными или упорными (*are rebellious or factious*) и по злобе своей не захотят работать, тогда названные четыре мастера должны иметь власть арестовать их и представить перед мэром в суд Гилдхолла названного города, чтобы здесь объясниться согласно закону и справедливости»⁴⁶. Поскольку это замечание сделано сразу после того, как определены расценки оплаты за работу, то ясно, в чем будут проявлять работники «мятежность и упорство».

Как уже говорилось, в рассматриваемый период происходят значительные изменения в психологии горожан. Об уверенности в себе и чувстве гордости за принадлежность к городскому сословию говорит, например, одежда той эпохи. Дж. Чосер уделил описанию одежды своих персонажей очень большое внимание. Достаточно вспомнить, как он в Общем прологе к «Кентерберийским рассказам» описывал паломников из числа горожан:

«Купец с ним ехал, подбоченясь фертом,
Напялив много пестрого добра.
Носил он шапку фландрского бобра
И сапоги с наборным ремешком»⁴⁷.

Юрист «носил узорный камзол домашний с шитым пояском»⁴⁸, красильщик, плотник, шапочник и ткач – одежду из добротного сукна и ножи в серебряной оправе; доктор медицины «носил малиновый и синий цвет, и шелковый был плащ на нем надет»⁴⁹. Еще более красочно описана внешность и одежда Батской ткачихи:

«Платков на голову могла навесить,
К обеду снаряжаясь, сразу десять,
И все из шелка иль из полотна;
Чулки носила красные она
И башмачки из мягкого сафьяна»⁵⁰.

В Средние века вопрос о том, как одеваться, был связан с проблемами морали и социального статуса. Каждый человек должен был носить одежду, соответствующую его положению и не оскорбляющую общественную нравственность. Платье показывало положение человека на социальной лестнице, а также степень его достатка, отсюда – стремление проявить себя в одежде, не считаясь с затратами. Из постановлений ремесленных гильдий, городских советов и завещаний горожан можно составить примерное представление о том, какую одежду и обувь носили жители городов. Сапожники в своих ордонаксах упоминали башмаки различных фасонов, изготовленные из кожи разного качества, портные – капюшоны и шапки разных видов, штаны и плащи, изготовители поясов уточняли, как должны бли украшаться пояса для одежды, и т. д.

Одежда, видимо, была очень ярких цветов. Об этом можно судить хотя бы по цвету плащей. Джон Браун в 1476 г. завещал 5 плащей и все разного цвета: Джону Честеру – голубой плащ, священнику Филиппу – длинный темно-красный плащ, брату Томасу – лиловый крашенный плащ и темно-красный капюшон, Джону Вайнеру – длинный зеленый плащ, брату Ричарду – короткий зеленый плащ⁵¹. Плащи украшали по-разному: вышивали, подбивали различным мехом или другим сукном. Уильям Иннинг в 1447 г. среди прочих посмертных даров упоминает три плаща: один красный плащ, подбитый мехом, второй – подбитый мехом темной мерлушки, третий – темным сукном. Богатейший бюргер Бристоля Джон Бертон в 1454 г. наряду с недвижимостью и кораблем упоминает в завещании «два плаща, окаймленные мехом темного цвета, и другой льняной плащ с лучшими головными уборами завещателя, и красный плащ, отороченный мехом»⁵².

Описывая красильщика, плотника, шапочника и ткача, Чосер отмечает, что их жены стремились носить шлейф как можно длиннее. В рассматриваемое время жены знатных горожан имели право носить платье со шлейфом определенной длины. Это касалось только жен олдерменов, по своему положению приравнивавшихся к джентри. «Законы о роскоши» людям низших званий предписывали носить только грубое сукно стоимостью не выше 12 пенсов или полотна и запрещали использовать серебро в отделке оправ ножен⁵³. Тем не менее горожане стремились не отставать от феодалов в роскоши своей одежды и украшали ее дорогими мехами, драгоценными камнями, золотом и серебром.

Страсть к роскоши дошла до того, что во времена Эдуарда IV в 1463 г. был принят закон, регулировавший расходы на одежду и позволявший мэрам, шерифам и олдерменам носить мех куницы и белки, а их слугам ливреи, подбитые мехом⁵⁴. Так, городской совет Бристоля пытался сдержать расточительность своих должностных лиц и уменьшить их расходы на мех. Было установлено, что мэр не должен тратить в год более чем 6 фунтов 13 шилингов 4 пенсов, шериф – 5 фунтов, каждый бейлиф, рикордер и городской клерк – 6 шилингов 8 пенсов, оруженосец мэра – 4 шилинга, каждый разъездной бейлиф и сержант мэра – 2 шилинга⁵⁵.

Оригинальный довод в пользу роста уровня жизни горожан в конце XV в. приводит Х. Суонсон: несмотря на сокращение численности жителей Йорка в конце XV в., перчаточное производство в городе процветало⁵⁶. Для богатых ремесленников и горожан дорога одежда была своеобразным вложением денежных средств и поэтому она часто упоминалась в завещаниях.

Подводя итог вышеизложенному, можно сказать, что воспроизведенная на страницах «Кентерберийских рассказов» картина современной Джеффри Чосеру жизни англичан абсолютно реалистична.

Примечания

- 1 См.: Яброва М. М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV – начала XVI века). Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1983.
- 2 См.: Стам С. М. К проблеме генезиса капитализма в Западной Европе // Средневековый город : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Научная книга, 1998. Вып. 13. С. 87–100.
- 3 См.: Чернова Л. Н. Под сенью Святого Павла : деловой мир Лондона XIV–XVI вв. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016.
- 4 См.: Чосер Дж. Кентерберийские рассказы / пер. И. Кашкина, О. Румера. М. : Правда, 1988. Общий Пролог. С. 56.
- 5 Bourne H. R. F. English merchants. L., 1886. P. 63.
- 6 The Staple Court Books of Bristol / ed. by E. E. Rich. Bristol : Bristol Record Society, 1934. P. 71.
- 7 The Overseas trade of Bristol in the later Middle Ages / ed. by E. M. Carus-Wilson. Bristol : Bristol Record Society, 1937. P. 74.
- 8 Ibid. P. 92.
- 9 Краснова И. А. Деловые люди Флоренции XIV–XV вв. : в 2 ч. М. ; Ставрополь : Изд-во СГПУ, 1995. Ч. 1. С. 77.
- 10 Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. Общий Пролог. С. 58.
- 11 The Little Red Book of Bristol : in 2 vols / ed. by F. B. Bickley. Bristol : Hemmons, 1900. Vol. 1. P. 43–44 (далее – LRB).
- 12 The Great Red Book of Bristol : in 3 vols. / ed. by E. W. W. Veale. Bristol : Bristol Record Society, 1953. Vol. 3. P. 152–154. (Далее : GRB).
- 13 Ibid. P. 56–61.
- 14 The Overseas trade of Bristol in the later Middle Ages. P. 223, 227–228, 231–232, 234, 260–264.
- 15 GRB. Vol. 3. P. 56.
- 16 Ibid. P. 104–105, 106.
- 17 Ibid. Vol. 2. Bristol : Bristol Record Society, 1931. P. 211.
- 18 Ibid. P. 213.
- 19 Ibid. Vol. 3. P. 62.
- 20 Ibid. P. 63, 110, 112, 153, 154, 156–158.
- 21 Ibid. P. 20.
- 22 Carus-Wilson E. M. The Overseas trade of Bristol // Studies in English Trade in the Fifteenth Century. N. Y. : G. Routledge & Sons, 1933. P. 243.
- 23 LRB. Vol. 2. P. 27, 83.
- 24 Swanson H. Medieval Artisan. An Urban Class in late Medieval England. Oxford : Blackwell Pub, 1989. P. 42–43.
- 25 LRB. Vol. 1. P. 43–44.
- 26 Swanson H. Op. cit. P. 21–22.
- 27 Ibid. P. 60.
- 28 Ibid. P. 68.
- 29 The Overseas trade of Bristol in the later Middle Ages. P. 258.
- 30 Ibid. P. 158.
- 31 GRB. Vol. 2. P. 207.
- 32 Carus-Wilson E. M. Op. cit. P. 243.
- 33 Ibid.
- 34 Sherborne J. W. The Port of Bristol in the Middle Ages. Bristol : Bristol Branch of the Historical Association, 1965. P. 17.
- 35 LRB. Vol. 2. P. 13.
- 36 Английская деревня XIII–XIV вв. и восстание Уота Тайлера / сост. Е. А. Косминский и Д. М. Петрушевский ; введ. ст. Е. А. Косминского. М. ; Л. : Соцэкгис, 1935. С. 127.
- 37 LRB. Vol. 2. P. 60.
- 38 Riley T. Memorials of London and London life in the XIII, XIV and XV centuries. L. : Longmans, 1868. P. 514, 626.
- 39 LRB. Vol. 2. P. 78.
- 40 Ibid. P. 107.
- 41 Lipson E. The economic history of England : in 3 vols. L. : Adam & Charles Black, 1937. Vol. I. P. 399.
- 42 Ibid.
- 43 Ibid. P. 106.
- 44 LRB. Vol. 2. P. 102.
- 45 Английская деревня XIII–XIV вв. и восстание Уота Тайлера. С. 132.
- 46 LRB. Vol. 2. P. 78.
- 47 Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. М. : Огиз Гослитиздат, 1946. С. 38.
- 48 Там же. С. 38–39.
- 49 Там же. С. 39.
- 50 Там же. С. 41.
- 51 GRB. Vol. 2. P. 205.
- 52 Ibid. Vol. 3. P. 60.
- 53 Statutes of the Realm, 1101–1713 : in 11 vols. / ed. by A. Luders, T. Tomlins. L. : Record Commission, 1810. Vol. 1. P. 378.
- 54 Ibid. L. : Record Commission, 1816. Vol. 2. P. 40.
- 55 LRB. Vol. 2. P. 65–66.
- 56 Swanson H. Op. cit. P. 60.

Образец для цитирования:

Мосолкина Т. В. Повседневная реальность Англии в художественной литературе и исторических источниках XIV–XV веков // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 58–63. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-58-63>

Cite this article as:

Mosolkina T. V. Everyday Life of England in Fiction and Historical Sources of the XIV–XV Centuries. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 58–63 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-58-63>

УДК 94(470.47).06+94(510).07

Попытки Китая заключить военный союз с Калмыцким ханством в начале XVIII века

О. Н. Болдырева

Болдырева Ольга Николаевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного и общегуманитарных дисциплин, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Элиста, olya.boldyreva2013@yandex.ru

В статье рассматривается актуальная тема, связанная с освещением политики имперской России на своих окраинных юго-восточных территориях. Автор вводит в научный оборот новые документы из архива внешней политики Российской империи и Национального архива Республики Калмыкия. Анализируются внешние и внутренние факторы, особые исторические условия и предпосылки для отношений между Калмыцким ханством и странами Центральной Азии. Детально прослеживаются связи Калмыцкого ханства с соседями на Востоке, в основном с китайцами. Обосновывается положение о том, что в течение XVIII в. складывались предпосылки, связанные с отношениями с Джунгарией, Цинским Китаем и казахскими жузами, что подтолкнуло калмыков к откочевке в 1771 г.

Ключевые слова: Калмыкия, Россия, международные отношения, Поволжье, посольство, приграничные территории, Джунгария, Дондук-Даши, Цинский Китай, Церен-Дондук, Аюка-хан.

China's Attempts to Form a Military Alliance with the Kalmyk Khanate in the Early XVIII Century

O. N. Boldyreva

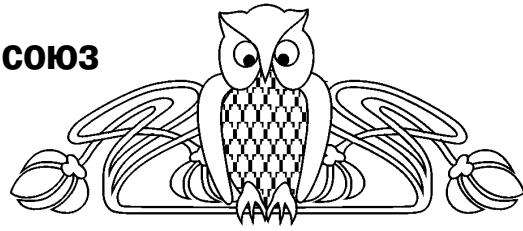
Olga N. Boldyreva, <https://orcid.org/0000-0001-5590-0098>, Kalmyk State University, 4 Microdistrict 17, Elista 358011, Republic of Kalmykia, Russia, olya.boldyreva2013@yandex.ru

The article is devoted to the relevant topic connected with the coverage of the policy of Imperial Russia in its marginal South-Eastern territories. The author introduces new documents from the archive of foreign policy of the Russian Empire and the National archive of the Republic of Kalmykia. The paper analyzes external and internal factors, special historical conditions and prerequisites for relations between the Kalmyk khanate and the countries of Central Asia. The relations of the Kalmyk khanate with its neighbors in the East, mainly with the Chinese, are traced in detail. In the study the author asserts that during the eighteenth century preconditions related to the relations with Dzungaria, Qing dynasty and Kazakh zhuzhes were forming, which pushed the Kalmyks to the movement in 1771.

Keywords: Kalmykia, Russia, international relations, Volga region, Embassy, border territories, Dzungaria, Donduk Dashi, Qing China, Tseren-Donduk, Ayuka Khan.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-64-68>

Анализируя участие Калмыцкого ханства в XVIII в. в региональных внешнеполитических событиях, следует рассмотреть его отношения как с Россией, так и с центрально-азиатским ре-

гионом в целом, а также с отдельными странами, такими как Китай и Джунгария. Данный подход позволяет показать самостоятельную позицию ханства, несмотря на протекторат России. Важно, что, анализируя роль и место Калмыцкого ханства в восточной политике Российского государства, необходимо учитывать отношение России к Китаю и Джунгарии в указанный период, а также отношения вышеуказанных стран друг с другом и с Российской империей.

Китай претендовал на некоторые пограничные с Россией районы. Чтобы обезопасить границы, российская дипломатия поддерживала постоянные политические связи с Джунгарией. Однако, если бы джунгары покорили казахов, они, возможно, заняли бы приграничные районы, чего опасались российское правительство и местные власти в Сибири и Оренбургской области. Поэтому в 30–40-е гг. XVIII в. кабинет министров России сделал все, чтобы помешать установлению мирных отношений и военного союза ойратов с казахами.

Правительство Российской империи начало рассматривать Джунгарское ханство в качестве своего потенциального союзника в противоборстве против империи Цин. Так, в апреле 1728 г. посол России в Китае С. Л. Владиславич-Рагузинский проинформировал императора Петра II о значимости развития дружеских отношений с Галдан-Цереном, ставшим новым ханом Джунгарии, которому отводилась роль не только хорошего соседа империи, но и заступника от нападения Китая и при необходимости самого полезного партнера¹.

Второе маньчжуро-китайское посольство посетило калмыков в 1731 г. 11 августа 1729 г. послы прибыли в российский приграничный город Кяхту. Пекинская делегация, отправившаяся к калмыкам, состояла из двух китайских подданных, мерен-зангин Мандай и мерен-зангин Асхай, и двух монголов, тайши Гунбу-Чуван, мерен-зангин Горюзяп². Общее количество дипломатов составило 20 человек, что в те дни было немало и указывало на важность миссии³.

14 января 1731 г. после долгого и трудного путешествия посольство прибыло в Москву. Здесь были официально представлены причины, побудившие поехать к калмыкам. По словам маньчжуро-китайцев, главной целью визита было поздравление старшего сына Аюки-хана от Дармы-Балы Церен-Дондука (ок.

1703–1738 гг.) с получением трона. Кроме того, калмыцкий хан получил от послов «словесное предложение» о возможности участия его подданных с Китаем в военных операциях против джунгарского хунтайджи Галдан-Церена. Во время переговоров в Москве китайская сторона указала на возможность перекочевки людей из Джунгарии в результате военных действий и на необходимость помочь им и принимать к себе, кроме зайсангов и нойонов, которых должны были передавать в китайскую империю.

Прочитав текст послания и предложения, российская сторона не нашла обоснования для отказа в пропуске к калмыкам. Но в то же время она предприняла ряд мер, чтобы ослабить усилия посольства Пекина, поскольку участие ее подданных в войне с Джунгарией не было включено в планы.

Историк и основоположник калмыковедения Н. Н. Пальмов был убежден в том, что, когда руководство Пекина предложило российскому правительству и хану Церен-Дондуку принимать тех, кто прибывает из Джунгарии, оно надеялось, что калмыки будут недовольны новым правительством и уйдут на берега Волги. Здесь был Лоузанг-Шоно – сводный брат Галдан-Церена, который тогда руководил Джунгарией. Лоузанг-Шоно, любимый своим народом, хотел управлять Джунгарским ханством⁴.

Пекин был намерен использовать эту ситуацию для свержения Галдан-Церена, поэтому вокруг Лоузанг-Шоно должны были быть сторонники, что для него было важно. Китайцы были уверены в том, что, если Галдан-Церен потеряет власть, то его брата обязательно поддержит народ. Так как Джунгария расположена вдали от волжского побережья, Галдан-Церен не боялся за свою безопасность. И в Джунгарии это тоже понимали. Н. Н. Пальмов убежден, что для Галдан-Церена было небезопасно выступление брата⁵.

Мысль о том, что Пекин намерен использовать Лоузанг-Шоно против Джунгарского ханства, высказал В. М. Бакунин, сопровождавший посольство Пекина к калмыкам в 1731 г. Он сказал, что маньчжуро-китайцы торопились прибыть к калмыцким родственникам ранней весной, потому их заинтересовали самые различные вопросы. Например, не будет ли хунтайджи направлять военную силу против калмыков, которые располагаются на территории между Джунгарией и Калмыкией, не помешают ли они военным действиям⁶.

В 1731 г. в калмыцкую степь поступили известия о том, что в ближайшее время сюда придёт посольство Пекина. Калмыцкий наместник всеми способами откладывал встречу с представителями богдыхана. И у него были свои причины для этого: он не хотел, чтобы гости видели, как истощенный скот выглядел после зимовки. В Пекине калмыцкий хан был представлен как

независимый от России правитель⁷. Среди тех, кто входил в составе посольства, находились китайцы. Посольство Пекина из Москвы было отправлено в калмыцкую степь 8 марта 1731 г. Проезжали такие города, как Муром, Арзамас, Пенза, Петровск, Саратов. В качестве гида была сформирована группа из 16 человек, в которую вошли солдаты и переводчики под руководством «дорожного пристава», секретаря Коллегии иностранных дел В. М. Бакунина, который свободно говорил на калмыцком языке и был главным представителем и проводником интересов России. Сопровождающим было поручено обеспечение безопасности, питания, развлечений, организации торжественных приемов в городах, через которые проходит посольство. Посольство Китая немедленно обратилось к наместнику Калмыцкого ханства с просьбой принять его. Затем послы объявили, что приехали к Аюке-хану, чтобы получить поддержку в борьбе империи Цин против Джунгарии. Российское правительство старалось не потерять свое влияние на Церен-Дондука, тем самым быстро возвысив его до титула хана. Специальный указ был подписан 17 февраля 1731 г. императрицей Анной Иоанновной.

Послы Китая спешили посетить калмыцкого хана. Однако цель миссии секретаря по калмыцким делам В. М. Бакунина состояла в следующем: удержать послов как можно дольше и не допустить быстрой встречи с калмыцким ханом. Причиной этого стала церемония возведения Церен-Дондука в титул хана, которую российское правительство намеревалось провести до встречи с посольством не только для того, чтобы поднять престиж Калмыцкого ханства, но и для того, чтобы обязать его верностью к Российскому государству. Сам Церен-Дондук был заинтересован в задержке посольства, он знал о его прибытии в начале 1731 г. и просил российское правительство отложить встречу, пока не пройдет охот, и скот не выздоровеет после зимы. Церен-Дондук не хотел демонстрировать слабое положение своего народа.

Посольство прибыло в Саратов, город, ближайший к калмыцким улусам, 26 марта и пробыло там два месяца. Все это время В. М. Бакунин, следуя указаниям руководства в лице астраханского губернатора генерал-майора И. Измайлова, сдерживал его, как мог. Были применены всевозможные отговорки: о весенней оттепели, непроходимых дорогах, о сложностях перехода на лошадях. Послам сообщалось, что калмыцкий владетель далеко кочует и т. п. В то же время В. М. Бакунин принял ряд мер, чтобы не допустить слухов о прибытии делегации, в том числе приказ калмыкам не покидать Саратова. «Пристав», осаждаемый послами в течение месяца, дал разрешение отправить письмо Церен-Дондуку о прибытии посольства. Не заставив долго ждать, в ответ

на письмо к ним были присланы представители Церен-Дондука – зайсанги Джап и Гандаши, объяснившие цель своего приезда тем, что их отправили от ханши Дармы Балы и от Церен-Дондука к китайцам, чтобы узнать про здоровье богдыхана и послов⁸.

1 мая 1731 г. Церен-Дондук был объявлен ханом. Следует отметить, что после этого события саратовский воевода, управляющий калмыцкими делами подполковник В. П. Беклемишев стал главным проводником российской политики в отношении с маньчжуро-китайцами, в ведение которого были переведены китайские дипломаты. 28 мая, после всех приготовлений, с большим количеством подарков для хана и его ближайшего окружения вместе с посольством и конвоем он пересек Волгу и направился к калмыцким улусам. По словам Н. Н. Пальмова, кортеж был очень впечатляющим: необходимо было предоставить телег, колясок и других транспортных средств для 36 человек с багажом и провиантом 51 штуку и 87 лошадей⁹. Прикрепив сюда экипаж самого командира, его личную свиту и его слуг, можно представить впечатление торжественности, которое произвел эскорт посла.

Помимо подарков хану, В. П. Беклемишев вез заранее подготовленные ответы на предложения китайского богдыхана – так называемые «формуляры». Ответ Церен-Дондука должен быть именно таким, как ему предписывалось, а не наоборот. В. П. Беклемишев обязан был наблюдать, чтобы переговоры пекинцев с калмыками не выходили за пределы досягаемости российского правительства и не были тайными. Особое внимание уделялось Лоузанг-Шоно, которого выслал из Джунгарии его брат, джунгарский хунтайджи Галдан-Церен, который в то время находился в калмыцких улусах и которого можно было убедить попытаться отобрать власть в Джунгарии с помощью китайцев.

В отрывке из «Повседневной записки» В. П. Беклемишева от 29 мая 1731 г. во время сопровождения китайских послов к Церен-Дондуку говорилось, что подполковник В. П. Беклемишев и китайские послы поехали от Волги в степь в улусы, и, отъехав 7 км, зайсанги привезли им вареного мяса в корытах и калмыцкого вина в бочках. Однако китайцы, приняв еду и питье, кормили и поили их же зайсангов и калмыков¹⁰. Через 7 км от первого места зайсанги снова принесли то же самое, и послы снова не ели сами, а накормили зайсангов. В свою очередь саратовский воевода также поехал дальше и встретился с Шакур-ламой и секретарем хана Намки-гелемом, чтобы представить письмо императрицы и заранее обсудить предстоящую встречу.

В июне 1731 г. китайские послы нанесли визит калмыцкому хану Церен-Дондуку, который 5 июня 1731 г. в присутствии своей матери Дарма-Балы, главы калмыцкого духовенства Ша-

кур-ламы, управляющего калмыцкими делами В. П. Беклемишева с уважением принял посольство. Помимо вручения подарков, формальных церемониальных и официальных бесед, центральным пунктом всей церемонии была презентация «листа» богдыхана калмыцкому наместнику. Кратко его содержание можно представить следующим образом: император вспоминает дружеские отношения с ханом Аюкой, отмечает добрые нравы калмыков, касается торгутов, захваченных джунгарским хунтайджи (речь идет о торгутах Санжипа, сына Аюки-хана, который был переселен Цеван-Рабданом в Джунгарию). После прочтения письма калмыкам стало ясно, что основная цель посольства выражена в «словесном предложении», сделанном во время второго приема китайского посольства Церен-Дондуком 7 июня.

«Словесное предложение», которое сделал главный посланник Мандай, было очень содержательным¹¹. По большей части оно подробно описывает политическую ситуацию вокруг Джунгарского ханства, действия его ханов Галдан-Церена и Цеван-Рабдана, приведшие к дестабилизации ситуации в Центральной Азии и «миролюбивым» чувствам китайского императора, вынужденного защищать Западную Монголию и отправлять войска для умиротворения джунгар.

Стоит отметить, что Китай не был заинтересован в захвате Джунгарии. Следует иметь в виду, что содержание речи в основном соответствовало интересам Китая и было структурировано таким образом, что калмыки убедились в необходимости отражать «захватчиков-джунгаров». Изложив содержание, Мандай обратился к калмыцкому хану с просьбой отправить его людей к границам Китая и Джунгарии.

15 июня 1731 г. состоялась последняя встреча, в ходе которой Церен-Дондук представил письменный ответ китайской стороне. К неудовлетворенности последнего ответ хана был не очень существенным и буквально сводился к следующему: калмыки слышали о делах Галдан-Церена и соглашались принять неконтролируемых джунгар, но вопрос об отправке воинских частей будет решен только российской императрицей.

18 июня 1731 г., получив в подарок 50 кусков выделанной кожи, 100 овец и 50 лошадей, послы двинулись в обратный путь из калмыцких улусов в Саратов¹². После нескольких дней подготовки длительного перехода китайско-манчжурская делегация отправилась на сибирскую границу в Тобольск. Таким образом, важный этап калмыцко-российско-китайских отношений закончился, продемонстрировав растущую подчиненность калмыцких ханов России, что позже привело к полной потере независимости, к реформированию «Калмыцких дел» и суда Зарго.

В 1733 г., инструктируя вице-губернатора Иркутской провинции А. Бибикова, Коллегия иностранных дел обратила внимание на тот факт, что для Галдан-Церена главный интерес России заключался в побуждении его к принятию подданства Российской империи: если бы началась русско-китайская войны, то контайша был бы полезен России¹³.

В 1733 г. калмыки были взяты под стражу и допрошены с 3 по 9 июня. Согласно указу императрицы Анны Иоанновны привезенные из Сибирской губернии волжских улусов калмыки, ехавшие к Далай-ламе, были в Пекине при дворе китайского императора, а когда они вернулись, в Царицыне их арестовали из-за исчезновения Арабжюра. Однако после допроса арестованные калмыцкие послы заявили, что Арабжюр давно умер, а в Пекине живет его сын Данжун.

В 1734 г. Галдан-Церен заключил перемирие с цинами¹⁴. Послав свои войска на юг Казахстана, как в этом, так и в следующем году, он смог снова покорить Старший жуз. В 40–50-е гг. XVIII в. восточная политика Калмыцкого ханства была недостаточно эффективной¹⁵. Российская империя обратила свое внимание на Среднюю Азию. Споры с другими государствами мирно разрешались Россией, которая пыталась укрепить свои восточные границы.

Чтобы получить благословение Далай-ламы, с июля 1734 г. наместник Дондук-Даши начал просить Коллегию иностранных дел направить своих посланников в Тибет. В то же время он обратился с просьбой к императрице Елизавете Петровне о передаче письма китайскому императору, «ибо он без того их не пропустит» в Китай. Наместник попросил также, чтобы десять его человек были отправлены в Тибет, к Далай-ламе. Более того, он распорядился, что императрица, исходя из интересов государства и для пользы калмыцкого народа, повелела: дербетава владельца Лабан-Дондука как обычно к ним присоединить. В «Выписке о зенгорских посланцах» от 23 июля 1741 г. еще просил произвести между калмыками и русскими справедливое судебное разбирательство и расправы. Согласно императорскому указу следовало выдать письменное право, а командирам волжских городов подтвердить, чтобы они суд производили без положенного на то наказа.

Однако в 1741 г. в Петербурге от МИДа Китая был получен приказ, который запрещал калмыкам посещать Далай-ламу. Кроме того, оказалось, что все прошлые посольства Китай не рассматривал как посольства русских подданных, а потому была уверенность, что китайский император будет пропускать людей, которые отправлялись в паломничество. До этого он не давал им дороги по причине того, что посланцы «отправлены были почтенным образом и на казенном коште»¹⁶.

Документ от 23 марта 1751 г. ссылается на письмо (лист) Дондука-Даши, в котором он написал, почему отъезд его посланников к Далай-ламе был остановлен в прошлом году, и что теперь он хотел бы тех посланцев отправить «через мунгалы», и просил разрешения. Но, если этого сделать будет нельзя, то оренбургскому губернатору надлежало пропустить упомянутых посланцев через Яик беспрепятственно¹⁷.

Из-за недопущения посланников к Далай-ламе Коллегия иностранных дел была против любых контактов калмыков и затягивала время всеми средствами¹⁸.

Наконец, в сентябре 1755 г. через Сибирь в Тибет отправилось посольство во главе с Цойджибом, всего в его составе было 60 человек. Его главной целью было получить от Далай-ламы VII для Дондук-Даши знаки ханской власти. Но посольство не смогло выполнить задачу, потому что к тому времени Далай-лама умер. В 1756 г. китайский правитель Цянь-лун принял у себя калмыцкого посланца Цойджиба¹⁹.

Вероятно, послы говорили в Пекине с властями Цин, которые подтвердили, что в противостоянии между цинами и джунгарами калмыки должны быть нейтральными. Не случайно после 1757–1758 гг. империя Цин, используя гражданскую войну между ойратами, одержала победу над Джунгарией, Дондук-Даши не поднял тему помощи ему. Из 60000 ойратов осталось не более 40000, которые смогли бежать в Россию. Крушение джунгар затронуло Калмыцкое ханство только потому, что взяли улусы джунгарского нойона Шеаренга, который в 1758 г. отправился на сибирскую границу с 2 тыс. кибиток. Руководство России приказало Дондук-Даши вызвать джунгар на Волгу²⁰.

27 января 1756 г. правительство написало Дондук-Даши, чтобы он отправил от себя нарочных для соединения с калмыцким торгоутским народом, заменяя таким образом ушедших с Санжипом в Джунгарию 15 тысяч торгоутских кибиток. Причиной этого приказа стала гражданская война, которая произошла недалеко от джунгар, и нападение китайских войск на них, а также тот факт, что джунгарские владельцы и зайсанги обратились в китайское подданство. В то же время Дондуком-Даши было приказано переманить джунгар на Волгу и дать им надежду, что они в Калмыцком ханстве будут на таком же основании, как и прочие подданные калмыки. Подполковник И. А. Кишенский в Коллегию иностранных дел представил «Доношение о спорном деле», в котором по вопросу о Шеаренге говорилось, что правительство отдало приказ убрать его из имперского ведомства²¹.

Таким образом, второе маньчжуро-китайское посольство 1731 г. имело важное значение в калмыцко-русско-китайских отношениях, оно показало возрастающую зависимость калмыцких ханов от Российского государства.

По нашему мнению, китайских политических деятелей не интересовало Калмыцкое ханство и его связи с Тибетом на уровне паломничества ни во второй половине 30-х, ни в 40-х гг. XVIII в. Можно предположить, что затишье в отношениях между калмыками и Китаем напрямую связано с фактом 15-летнего мира, который воцарился между империей Цин и Джунгарией в 1734 г. Под властью Дондук-Даши Российское государство продолжало усиливать свое влияние на Калмыцкое ханство, делая его зависимой территорией.

Примечания

- ¹ См.: Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 119. Оп. 1. 1730 г. Д. 8. Л. 16.
- ² Там же. Л. 16-об.
- ³ См.: Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков XVII и XVIII века : в 5 т. Т. 1. Астрахань : Калмоблисполком, 1926. С. 122.
- ⁴ Там же. С. 57.
- ⁵ Там же. С. 60.
- ⁶ См.: Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а

особливо из них торгоутского и поступков их ханов и владельцев : Сочинение 1761 года. Элиста : Калм. кн. изд-во, 1995. С. 21.

- ⁷ Там же. С. 22.
- ⁸ См.: Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК). Ф. 36. Оп. 1. Д. 42. Л. 669.
- ⁹ См.: Пальмов Н. Н. Указ. соч. С. 149.
- ¹⁰ См.: НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 44. Л. 128 об.
- ¹¹ Там же. Л. 129–129 об.
- ¹² См.: Пальмов Н. Н. Указ. соч. С. 193.
- ¹³ См.: АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1730 г. Д. 8. Л. 16–16 об.
- ¹⁴ См.: НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 63. Л. 38 об.
- ¹⁵ См.: Мусеев В. А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата : Гылым, 1991. С. 106–121.
- ¹⁶ НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 150. Л. 123.
- ¹⁷ Там же. Д. 267. Л. 72.
- ¹⁸ Там же. Л. 72 об.
- ¹⁹ См.: Митиров А. Г. Ойраты-калмыки : века и поколения. Элиста : Калм. кн. изд-во, 1998. С. 218.
- ²⁰ См.: Бокцианин А. А., Непомнин О. Е. Лики Срединного царства. М. : Вост. лит., 2002. С. 332.
- ²¹ См.: НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 400. Л. 44-об.5.

Образец для цитирования:

Болдырева О. Н. Попытки Китая заключить военный союз с Калмыцким ханством в начале XVIII века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 64–68. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-64-68>

Cite this article as:

Boldyreva O. N. China's Attempts to Form a Military Alliance with the Kalmyk Khanate in the Early XVIII Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 64–68 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-64-68>

УДК 94(560)

Хроника событий 50-х годов XX века на Ближнем Востоке в отражении турецкого журнала «Акис»

Ф. Ф. Желобцов

Желобцов Федот Федотович, кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Якутск, j_diana@mail.ru

Статья посвящена событиям на Ближнем Востоке середины XX в. и их отражению на страницах турецкого оппозиционного журнала «Акис». Основное внимание уделяется обсуждению и оценкам вмешательства Турции в региональный конфликт, прослеживается эволюция позиции журнала в отношении к Суэцким событиям, Египту и его лидеру Г. А. Насеру. По мнению автора, анализ перипетий политики Турции поможет разобраться в истоках, причинах и найти пути выхода из острого ближневосточного противостояния.

Ключевые слова: Ближний Восток, арабо-турецкие отношения, ближневосточная политика Турции, оппозиционные настроения, кризисы, «холодная война».

Chronicle of the Events of the 50s of the XX Century in the Middle East in Reflection of the Turkish Magazine «Akis»

F. F. Zhelobtsov

Fedot F. Zhelobtsov, <https://orcid.org/0000-0001-6106-740X>, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov, 58 Belinsky St., Yakutsk 677027, Russia, j_diana@mail.ru

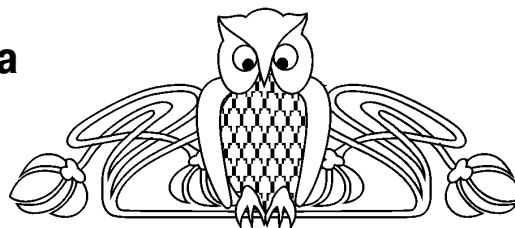
The article is devoted to the events in the Middle East of the middle of the 20th century and their reflection on the pages of the Turkish opposition magazine Akis. The author pays special attention to the discussion and assessments of Turkey's interference in the regional conflict, shows the evolution of the magazine's position in relation to the Suez events, Egypt and its leader, G. A. Nasser. The article shows that the analysis of the ups and downs of Turkey's policy will help to understand the origins, causes and ways to get out of the acute Middle East confrontation.

Keywords: the Middle East, Arab-Turkish relations, the Middle East policy of Turkey, opposition moods, crises, the Cold War.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-69-74>

Турция – активный участник очередного и активно разгорающегося в наши дни конфликта на Ближнем Востоке. Безусловно, осмысление ее переменной региональной политики имеет не только научное, но и политическое значение, поскольку Анкара исторически связана с арабскими странами, испытывающими в последние десятилетия неослабевающее давление ведущих мировых держав.

Для освещения предыстории новейшей региональной геостратегии Анкары были, в част-

ности, использованы публикации еженедельника «Акис» («Akis» – по аналогии с известным французским еженедельником l'Echo – «Отражение событий за прошедшую неделю»), с полным комплектом которого автор ознакомился в архиве Турецкого исторического общества в Анкаре¹.

Единственный оппозиционный в 1950-е гг. журнал имел ряд особенностей, которые привлекали внимание исследователей. С самого начала своей деятельности его редакция в отличие от правительственных СМИ решительно придерживалась принципа неразрывности внешней и внутренней политики турецкого государства: «Внешняя политика неотделима от внутренней, и думать иначе – иллюзия. Внутренние и внешнеполитические вопросы не могут рассматриваться отдельно. Одно и то же правительство не может быть тоталитарным внутри страны, а за рубежом либеральным. Не может оно быть феодальным внутри страны, а вне – уважающим права человека. Нельзя вне своей страны представлять себя светским государством, защищая религию, клерикализм внутри его»². Так, оставив свою позицию, «Акис» не останавливался перед критикой и турецкой оппозиции, чьим сторонником официально стал с начала 1955 г. и призывал оппозиционные партии к контролю вопросов внешней политики и более критическому отношению к ним.

Безусловным преимуществом еженедельника являлись многочисленные собственные источники достоверной информации. В каждом его номере буквально по «горячим следам» печатались подробные материалы о заседаниях правительства, парламентских групп, протоколы заседаний Великого Национального собрания (ВНС), многочисленные интервью с лидерами партий. «Акис» предоставлял право публиковаться на своих страницах авторам с различными, нередко противоположными политическими взглядами, как от правившей Демократической партии (ДП), так и оппозиционной Народно-Республиканской партии (НРП).

В 1950-е гг. журнал не переставал позиционировать себя в качестве открытого борца за демократизацию турецкого общества и вплоть до государственного переворота 1960 г. сумел сохранить свое объективное издательское кредо. На заседании очередного суда над «Акисом» его главный редактор и владелец М. Токер заявил: «Напрасно ждать и думать,

будто «Акис» изменится. «Акис» – это умонастроение. Пока не будут устранены причины, создающие его, независимо от того, кто станет издателем, журнал никогда не изменится. Это невозможно»³.

Как известно, Турция в 1950-е гг. стала единственной ближневосточной страной, которая не осудила тройственную агрессию против Египта и фактически поддержала действия агрессоров. Официальная позиция Анкары в Суэцком кризисе 1956 г. исходила из установки, что он стал очередным проявлением борьбы за первенство, развернувшейся в мире после Второй мировой войны между Западом и Востоком. Этой позиции придерживается и современная турецкая историография.

«Акис», полностью поддерживая турецкое правительство, считал, что это «совершенно естественное явление противостояния между Западом и Востоком»⁴. Во время тройственной агрессии против Египта политический обозреватель Д. Авджюглу сообщал о начале «холодной войны» на Ближнем Востоке⁵. «Любой их неверный шаг, – предупреждалось на страницах журнала, – может стать катастрофической причиной третьей мировой войны»⁶.

«Политика Америки и России на Ближнем Востоке сегодня, – писал Д. Авджюглу, – представляет не меньшую опасность, поскольку обе стороны, несмотря на миролюбивые речи, превратили кипящий Ближний Восток в склад оружия. И что ещё хуже, Америка и Россия здесь находятся в непосредственном противостоянии»⁷.

«Акис» полностью поддерживал предложение США передать обсуждение Суэцкого вопроса на рассмотрение ООН и постоянно критиковал турецкую делегацию за отсутствие «должной решительности»⁸. Мирное разрешение кризиса журнал связывал в основном с вмешательством США и соблюдением сторонами Стамбульского соглашения 1888 г. В качестве единственной альтернативы «Акис» предлагал объявить Египту «экономическую войну», учитывая, что более 60% его импорта идет из Западной Европы и США: «Подобные действия Запада, не нанося ему вреда, могут быстро поставить Египет на колени»⁹. При этом «Акис» совсем не исключал и военного решения возникшего кризиса. «Но если США примут вид, поддерживающий их, – предупреждал он, – то нельзя исключать возможность военного столкновения»¹⁰. «Было большой ошибкой то, – открыто признавал позже журнал, – что Америка стояла в стороне от злополучного Суэцкого похода»¹¹. В подтверждение этого современный турецкий исследователь И. Джем пишет: «Как показали дальнейшие события и, прежде всего, провозглашение «доктрины Эйзенхауэра», США были прямо заинтересованы в агрессии Англии и Франции против Египта»¹². Ему вторит известный американский

ученый Ф. Вали: «Официальная Анкара, всецело поддерживавшая тройственную агрессию против Египта, и в период, последовавший за кризисом 1956 г., продолжала поддерживать американскую политику на Ближнем Востоке»¹³.

Совершенно противоположный характер носили публикации «Акиса» рассматриваемого периода, касавшиеся политики СССР, пришедшего на помощь молодому арабскому государству. «Вмешательство СССР, – писал журнал, – крайне осложнило ситуацию на Ближнем Востоке. Все признаки свидетельствуют о том, что Египет и Россия играют с огнём»¹⁴. Многие публикации, особенно пресса государств-агрессоров, носили откровенно подстрекательский характер.

«Акис» активно поддержал шумиху в западной прессе, связанную с событиями в Венгрии в октябре 1956 г.: «Москва поддержала Насера, поскольку не хотела прекращения огня на Ближнем Востоке из-за событий в Венгрии»¹⁵.

Вместе с тем начавшийся процесс ослабления международной напряженности в мире, в частности, в связи с результатами визита Н. С. Хрущёва в США осенью 1959 г., оказал влияние на изменение тона публикаций в «Акисе». Например, во время поездки осенью того же года А. Мендереса в США на совещание СЕНТО журнал холодно констатировал: «Мендерес, не придавая значения визиту Хрущёва в Америку и его усилиям по прекращению «холодной войны», повторял избитые фразы времён «холодной войны» и этим рассердил американцев»¹⁶.

Обозреватели журнала чаще стали обращаться к теме ядерного разоружения, привлекая внимание читателей к переговорам в Женеве. Они высказывали серьезные опасения по поводу распространения в мире ядерного оружия: «Несомненно одно, что если существующее атомное оружие останется в нынешнем состоянии, то атомный тупик в мире будет сохраняться»¹⁷.

«Акис», признавая возросший авторитет СССР в мире, дал следующую оценку одной из Лондонских конференций: «Отсутствие России на подобной конференции является одной из главных причин снижения значимости такого международного мероприятия. И какие бы ни будут приняты решения, их не признает половина мира»¹⁸.

Сразу же после окончания кризиса журнал признал, что «послание Булганина и русские ноты Лондону и Парижу посеяли сомнения в их умах – почти что произвели эффект холодного душа. Русская нота Америке с предложением совместных действий по выводу английских и французских войск из Египта ещё более усилили эти сомнения»¹⁹.

Из турецких СМИ только «Акис» поместил на своих страницах решительное Заявление ТАСС от 10 ноября 1956 г. в связи с Суэцким

кризисом. «Несомненно, – делал вывод журнал, – что в начинающейся дипломатической борьбе будут приняты во внимание требования русских, хотелось бы этого или нет»²⁰. А. Акшин, подчеркивая роль и значение участия СССР, признавал, что «Суэцкий кризис ещё более укрепил позиции СССР на Ближнем Востоке»²¹.

На протяжении 1950-х гг. «Акис» занимал резко отрицательную позицию в отношении Египта и его нового руководства во главе с Г. А. Насером. Еженедельник, являясь в этот период негласным рупором Народно-Республиканской партии (НРП), главной оппозиционной партии страны, фактически отражал общую позицию турецкой оппозиции. Так, он привел слова И. Иненю, лидера НРП, в отношении турецко-египетских отношений, о том, что ему «не нравится чересчур мягкая политика в отношении Египта»²².

В 1954 г. журнал подверг яростной критике кампанию «Весенняя оттепель» турецкого правительства, которое стремилось установить более тесные контакты с новым руководством Египта с целью вовлечь его в орбиту своих интересов в регионе. Нападкам подвергся глава делегации турецких журналистов – отставной генерал А. Ф. Джебесой, который в ходе этой кампании в Каире заявил: «Нет турецкой крови без примеси арабской и египетской»²³. «Мы уже нация, – вещал журнал, – повернувшаяся лицом к Западу. Мы обязаны внести коррективы в наши традиции. И в панегириках, и в нашей критике мы должны знать меру, не переходить дозволенные рамки, постоянно действовать серьёзно и держать перо выше обыденной политики»²⁴. «Эта «Весенняя оттепель», как и все «политические потепления», обманчива. Она ничего не дала нам кроме нескольких египетских автомобильных шин и аккумуляторов, ввезённых в Турцию»²⁵.

«Акис» исходил из того, что «между Турцией и арабским миром существует непроходимая пропасть. Турция в этой ситуации – полный сторонник Запада. Очень трудно примирить внешнеполитические взгляды Турции и арабских стран. Временные флирты обречены на провал»²⁶.

Страницы журнала были наполнены негативной информацией о внутреннем положении в Египте. Особой критике журнала подверглось решение нового руководства Египта национализировать Суэцкий канал. На второй Лондонской конференции Турция полностью поддержала инициативу США образовать «Ассоциацию пользователей канала». Ее представитель поспешил заявить о согласии Турции стать членом такой Ассоциации еще до открытия конференции.

В период чрезвычайно напряженных англо-египетских переговоров, закончившихся подписанием договора в июле 1954 г. о выводе

английских войск из баз в зоне Суэцкого канала, Турция активно поддержала тезис Англии о том, что присутствие английских войск в этой зоне служит якобы гарантией безопасности на Ближнем Востоке. Более того, в этом договоре Турция настояла на том, чтобы была принята во внимание и «её безопасность», добившись включения в текст договора пункта о «праве Англии в течение семилетнего срока действия договора вернуться на базы в зоне Суэцкого канала в случае агрессии против какой-либо арабской страны или Турции»²⁷. Тем самым она дала дополнительный шанс Англии вернуться на свои базы в Египте.

Особенно яростной критике «Акиса» подвергался Г. А. Насер, руководитель египетской революции 1952 г. Его всячески унижали, нарочито употребляя в своих публикациях выражения «Насер стремится», «Насер намерен», не добавляя при этом ни должности главы правительства, ни даже его имени, демонстрируя тем самым перед читателями свою неприязнь к главе правительства Египта. Дело даже дошло до того, что однажды в одном из номеров на обложке появился портрет Г. А. Насера с надписью: «Нильский Гитлер», обуреваемый манией величия»²⁸.

Журнал, представляя турецкому обществу новый режим в Египте как «тип восточной деспотии», постоянно повторял о том, что «Насер мечтает под своим началом создать Великую Арабскую империю от залива Басра до берегов Атлантического океана»²⁹. При этом он не скрывал своего огорчения поражением тройственной агрессии: «Военные цели не достигнуты. С выводом англо-французских войск утеряна значительная часть выгод, обеспечивавших оккупацию. Политическая цель – свержение Насера – не достигнута»³⁰. «Самое плохое это то, – признавал журнал, – что арабский национализм, возглавляемый Насером, вышел победителем»³¹.

Политический обозреватель журнала Д. Авджиюглу, сетуя на «арабский национализм», направленный своим острием против Запада, писал, что «сегодня Насер представляет арабский национализм в арабском мире. Его растущий авторитет вне Египта придал ему роль спасителя арабского мира. Свержение Насера не решит ни один вопрос. Так как Насер – социальный продукт, его место займут ещё более радикальные его сторонники»³².

На страницах «Акиса» можно найти и материалы, связанные с трудностями становления молодого государства Объединенной Арабской Республики (ОАР) и его лидера Г. А. Насера. Так, в одном из номеров журнал писал, что «вначале Насер был сторонником Запада и это является истиной, которая не подлежит сомнению»³³.

Современная турецкая историография единодушно осуждает политику тогдашнего прави-

тельства в отношении образованного в 1958 г. нового государства на Ближнем Востоке – Объединенной Арабской Республики (ОАР). Турция долго не признавала ОАР. «Турция, – писал журнал, осуждая политику правительства, – в любом случае не спешила признавать ОАР»³⁴. «Акис» вновь стал первым из турецких СМИ, который выступил за признание ОАР. «Что мы выиграли от того, – негодовал журнал, – что вовремя не признали ОАР, которая сразу же была признана Америкой? Невозможно понять. По существу, не осталось ничего, что можно было бы понять в ближневосточной политике Турции»³⁵.

Еще до Суэцкого кризиса в еженедельнике появились материалы, авторы которых с большим пессимизмом отнеслись к идее Запада образовать на Ближнем Востоке систему безопасности без участия Египта ввиду его решительной оппозиции. Например, в нем было приведено высказывание Дж. Бабан, председателя комиссии ВНС по внешним делам в меджлисе, который выразил сомнение в том, что «противная позиция Египта когда-либо мгновенно изменится. Это было бы чрезмерным оптимизмом»³⁶. При этом журнал, признавая возросший авторитет Египта в арабском мире, добавлял, что «только с участием Египта может быть создана настоящая система безопасности в регионе. Другие арабские страны без Египта не будут участвовать в этом деле»³⁷. Позже еженедельник добавлял, что «для успеха «доктрины Эйзенхауэра» США как условие необходима помощь Насера»³⁸.

Перемена тона в отношении Суэцких событий особенно проявилась сразу после провала тройственной агрессии против Египта. «Ни в коем случае нельзя забывать, – констатировал главный редактор «Акиса» М. Токер, – что наше вмешательство совместно с Америкой, Англией и Францией в египетские дела стало причиной крушения иллюзий как для нас, так и для наших союзников»³⁹. «Старые методы, – писал журнал, – опиравшиеся на силу и доллары, результатов не принесли»⁴⁰.

«Акис» все более настойчиво требовал пересмотра политики Турции на Ближнем Востоке: «Необходимо, чтобы позиция Турции в ближневосточных вопросах была более ясной. Следует вести турецкую внешнюю политику на Ближнем Востоке совместно с союзниками по НАТО и с некоторыми членами Багдадского пакта, не втягиваясь в местные раздоры»⁴¹.

Примечательна статья А. Балкана «Сможем ли дальше обманывать арабов?», в которой политический обозреватель, открыто осуждая «злосчастный Суэцкий поход» как полностью несправедливый и агрессивный, писал: «Давайте признаемся в том, что это будет очень тяжело, ведь наше правительство до сих пор не желает объективного рассмотрения событий в арабских странах. Борьба арабских масс, веками пребывавших в нищете, за ликвидацию иностранного го-

сподства и феодальных порядков внутри страны – нравится нам или нет – правое дело. Вспомните героическую борьбу турецкого народа под руководством Мустафы Кемала с колонизаторами в период национально-освободительной борьбы за независимость нашей страны»⁴². А. Балкан также впервые открыто выступил за возможность Турции осуществлять в регионе политику посредничества, «исходя из нашего престижа в регионе и из-за того, что мы тесно связаны с западными союзами. Таким образом, мы можем завоевать авторитет на международном уровне»⁴³.

Перемены коснулись и отношения журнала к личности Г. А. Насера. «Необходимо признать, – писал М. Токер, – что в борьбе за умы арабов Насер оставил далеко позади всех других конкурентов. Если мы не осознаем этого, то не сможем понять Ближний Восток, а пока он не будет понят, то не будет и ближневосточной политики»⁴⁴.

Одним из свидетельств перемены тона материалов «Акиса» в отношении египетского лидера стала неудавшаяся попытка главного редактора журнала выехать весной 1958 г. в Каир и взять интервью лично у Г. А. Насера. Выезд был запрещен лично министром внутренних дел Турции Н. Гедиком⁴⁵.

Другим свидетельством перемен отношения журнала к политике правительства на Ближнем Востоке стало отношение к деятельности Багдадского пакта в период тройственной агрессии. Турецкая дипломатия прилагала все усилия, чтобы сохранить его от развала. Турция согласилась на временное «отлучение» Англии от пакта и не участвовала в его сессиях до июня 1957 г. Однако, несмотря на это, в недолгой истории пакта начался кризис, из которого он так и не вышел вплоть до собственного краха в 1958 г.

Публикации о возможностях Багдадского пакта оказать помощь агрессорам носили открыто скептический характер. ««Зафер» (правительственная газета. – Ф. Ж.) в своих криках о силе Багдадского пакта, – писал «Акис», – явно поторопился»⁴⁶. «Акис» подверг острой критике итоги чрезвычайного совещания членов Багдадского пакта в Тегеране (7 ноября) и принятое ими заявление, как «очень далекое от понимания сути истинных причин кризиса»⁴⁷.

Современная турецкая историография однозначно осуждает позицию Турции в период Суэцкого кризиса 1956 г. как негативно повлиявшую на всю ближневосточную политику страны. Большинство турецких авторов сходятся во мнении, что данное событие явилось своеобразным толчком для пересмотра позиции Турции в регионе. С этим согласны и российские исследователи: «Именно провал Суэцкой авантюры подтолкнул А. Мендереса к выводу о необходимости в большей мере считаться с изменившимися соотношениями сил в мире»⁴⁸.

Публикации единственного оппозиционно-го журнала «Акис» в 50-е гг. прошлого столетия отчетливо отражают состояние дел и тенденций во внешней политике Турции на Ближнем Востоке. Малоизвестные материалы проливают дополнительный свет на выявление закономерностей эволюции всей ближневосточной политики Турции. Безусловно, они сыграли положительную роль в подготовке будущих перемен в стране. «Акис» первым их турецких СМИ выступил с критикой дипломатии Анкары, которая отражала сложную и противоречивую обстановку в регионе.

Анализ журнальных публикаций подтверждает то, что Суэцкий кризис 1956 г. явился тем переломным пунктом, после которого начался неуклонный процесс пересмотра внешнеполитической деятельности Турции. Если до поражения тройственной агрессии против Египта журнал полностью поддерживал политику США в кризисе, т. е. рассматривал арабо-турецкие отношения через призму американских интересов и строго придерживался правительственной установки на Суэцкий конфликт как на очередное звено «холодной войны» между Западом и Востоком, то с конца 1956 г. перешел к открытой критике и даже осуждению политики Турции на Ближнем Востоке, выступая за более обдуманый и взвешенный подход к Арабскому миру, за возврат к принципам Ататюрка в дипломатии. К этому необходимо добавить требования признать авторитет Г. А. Насера и его реформы в Египте, а, значит, и всего арабского освободительного движения. Все чаще в публикациях «Акиса» рефреном проходила тема более продуманного осуществления региональной политики с акцентом на посредничество и невмешательство в межарабские дела.

Таким образом, материалы, касавшиеся египетских отношений Турции с ОАР, отражают общее состояние турецко-арабских отношений в 50-е гг. XX столетия. Нынешнее стремление России к восстановлению своего присутствия на Ближнем Востоке и к укреплению отношений с Турцией требует более внимательного изучения уроков недавнего прошлого.

Примечания

- 1 См.: Türk Tarih Kurumu. URL: <https://www.ttk.gov.tr/> (дата обращения: 20.03.2019).
- 2 Muhalefet ve Kıbrıs // Akis. C. 10. 1957. 20 Temmuz. № 167. S. 5.
- 3 Ademhanın kesilen saçları // Akis. C. 9. 1957. 23 Mart. № 150. S. 5.
- 4 Akis. C. 5. 1955. 19 Kasım. № 80. S. 17.
- 5 *Avcioğlu D.* Orta Doğudaki Soğuk harp // Akis. C. 9. 1957. 9 Şubat. № 144. S. 14.
- 6 Süveyş. Fırtınadan sonra // Akis. C. 8. 1956. 17 Kasım. № 132. S. 19.
- 7 Akis. C. 10. 1957. 6 Temmuz. № 165. S. 24.
- 8 *Avcioğlu D.* Orta Doğudaki fırtına // Akis. C. 10. 1957. 31 Ağustos. № 173. S. 12.
- 9 Balkan A. Süveyş ötesinde İngiliz-Amerikan petrol Harbi // Akis. C. 8. 1956. 1 Aralık. № 134. S. 16–17.
- 10 Savaş bulutları // Akis. C. 7. 1956. 18 Ağustos. № 119. S. 19–20.
- 11 Orta Doğu. İrak hadiseleri // Akis. C. 13. 1958. 19 Temmuz. № 219. S. 5.
- 12 *Cem İ.* Türkiyede geri kalmışlığın tarihi. 5 bs. İstanbul : Cem Yay., 1975. S. 10.
- 13 Vali F. A. Bridge across the Bosphorus. The foreign policy of Turkey. Baltimore ; L. : Johns Hopkins Press, 1971. P. 126.
- 14 Doğu – Batı Lâhana yaprakları // Akis. C. 10. 1957. № 158. S. 20–21.
- 15 Süveyş. Fırtınadan sonra // Akis. C. 8. 1956. 17 Kasım. № 132. S. 14.
- 16 *Avcioğlu D.* Orta Doğudaki Soğuk harp // Akis. C. 9. 1957. 9 Şubat. № 144. S. 4.
- 17 Atom denemeleinin Durdurulması // Akis. C. 16. 1960. 6 Nisan. № 297. S. 25.
- 18 Süveyş. Konferansınarifesinde // Akis. C. 7. 1956. 18 Ağustos. № 119. S. 12–13.
- 19 Süveyş. Fırtınadan sonra // Akis. C. 8. 1956. 17 Kasım. № 132. S. 11.
- 20 Uzaklaşan harp bulutları // Akis. C. 6. 1956. 1 Aralık. № 134. S. 16.
- 21 Akşin A. Türkiyenin 1945-den sonraki Dış politika gelişmeleri. Orta Doğu meseleleri. İstanbul : Satış ve Tevzi Mahalli, 1959. S. 90.
- 22 Muhalefetle iktidarın birleştiği nokta // Akis. C. 3. 1955. 12 Şubat. № 40. S. 4.
- 23 Dünyanın barut fıçısı : Orta Doğu // Akis. C. 5. 1955. 19 Kasım. № 80. S. 7–8.
- 24 Biraz ölçü lütfen! // Akis. C. 2. 1954. 25 Aralık. № 33. S. 9–10.
- 25 Nasıra boykot // Akis. C. 12. 1958. 8 Mart. № 200. S. 11.
- 26 Yeni Flörtler // Akis. C. 10. 1957. 29 Haziran. № 164. S. 18.
- 27 *Balkan A.* Arapları artık aldatılabilir miyiz? // Akis. C. 10. 1957. 27 Temmuz. № 168. S. 17.
- 28 Akis. C. 9. 1957. 12 Ocak. № 140. S. 12.
- 29 Akis. 1956. C. 7. 4 Ağustos. № 117. S. 11–13.
- 30 Bir politikanın başarısı // Akis. C. 3. 1955. 1 Ocak. № 34. S. 14.
- 31 Başarılı işler // Akis. C. 3. 1955. 22 Ocak. № 37. S. 12.
- 32 Akis. C. 12. 1958. 1 Mart. № 199. S. 13.
- 33 Akis. C. 5. 1955. 19 Kasım. № 80. S. 20–21.
- 34 Bilânço // Akis. C. 8. 1956. 17 Kasım. № 132. S. 22.
- 35 Muhalefetle iktidarın birleştiği nokta // Akis. C. 3. 1955. 12 Şubat. № 40. S. 11.
- 36 Akis. C. 1. 1954. 3 Temmuz. № 8. S. 11.
- 37 Akis. C. 2. 1954. 25 Aralık. № 33. S. 11.
- 38 Akis. C. 1. 1954. 3 Temmuz. № 8. S. 13.
- 39 *Toker M.* Arap politikamız // Akis. C. 13. 1958. 12 Temmuz. № 218. S. 13–14.

- ⁴⁰ Akis. C. 12. 1958. 22 Şubat. № 198. S. 8.
- ⁴¹ Ergin F. Haricî siyaset // Akis. C. 6. 1956. 8 Aralık. № 135. S. 14.
- ⁴² Balkan A. Arapları artık aldatabilir miyiz? // Akis. C. 10. 1957. 27 Temmuz. № 168. S. 17.
- ⁴³ Ibid.
- ⁴⁴ Toker M. Bağdatsız Bağdat Paktı // Akis. C. 12. 1958. 22 Şubat. № 198. S. 9.
- ⁴⁵ Toker M. İsmet paşayla 10 yıl. 2-ci c. Ankara : Ajans-Türk Matbaası, 1966. S. 72–73.
- ⁴⁶ Süveyş. Fırtınadan sonra // Akis. C. 8. 1956. 17 Kasım. № 132. S. 14.
- ⁴⁷ Ergin F. Haricî siyaset // Akis. C. 6. 1956. 8 Aralık. № 135. S. 9.
- ⁴⁸ Цит. по: СССР и Турция, 1917–1979 / под ред. М. А. Гас- ратяна. М. : Наука, 1981. С. 205.

Образец для цитирования:

Желобцов Ф. Ф. Хроника событий 50-х годов XX века на Ближнем Востоке в отражении турецкого журнала «Акис» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 69–74. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-69-74>

Cite this article as:

Zhelobtsov F. F. Chronicle of the Events of the 50s of the XX Century in the Middle East in Reflection of the Turkish Magazine “Akis”. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 69–74 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-69-74>

УДК 327.81(479.24+560)|1992/2010|

Азербайджано-турецкое экономическое сотрудничество: становление и основные направления развития (1992–2010 годы)

А. С. Насибова

Насибова Айтен Сохраб кзы, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ayten-nasibova@mail.ru

Статья посвящена анализу основных направлений экономического сотрудничества Азербайджана и Турции в постсоветский период (1992–2010). Автор рассматривает юридическую базу азербайджано-турецких экономических отношений и влияние двусторонних договоров на рост и динамику экономических показателей. Оценивается роль обеих стран в социальной и экономической жизни друг друга. Формулируется вывод, согласно которому экономические отношения Азербайджана и Турции достигли уровня стратегического партнерства и имеют перспективу дальнейшего развития.

Ключевые слова: экономика, Азербайджан, товарооборот, Турция, импорт, экспорт, международные экономические отношения, сотрудничество, газопровод, нефтепровод.

Azerbaijani-Turkish Economic Cooperation: Formation and Main Directions of Development (1992–2010)

A. S. Nasibova

Ayten S. Nasibova, <https://orcid.org/0000-0002-3411-5717>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, ayten-nasibova@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the main directions of development of economic cooperation between Azerbaijan and Turkey in the post-Soviet period (1992–2010). The author considers the legal basis of Azerbaijani-Turkish economic relations, and the impact of bilateral treaties on the growth and dynamics of economic indicators. A detailed analysis of the importance of the countries in social and economic life of each other is presented. It is concluded that economic relations between Azerbaijan and Turkey have reached the level of strategic partnership and have a high growth prospect.

Keywords: economy, Azerbaijan, trade, Turkey, import, export, international economic relations, cooperation, gas pipeline, petroleum pipe-line.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-75-79>

Экономические отношения Азербайджана и Турции за последние 20 лет достигли высокой динамики. К настоящему времени между странами подписано более 200 соглашений в области энергетики, торговли, инвестиций и туризма. Уровень двустороннего сотрудничества давно перешел в стадию стратегического партнерства, что может послужить примером сотрудничества для соседних государств.

Сегодня страны являются друг для друга незаменимыми инвесторами. За последние не-

сколько лет Турция вложила около 10 млрд долл. в нефтяные и иные секторы азербайджанской экономики. Помимо этого, здесь функционирует более 1000 турецких фирм, куда вовлечены около 50 000 сотрудников. Отличительная черта турецких инвесторов состоит в том, что они действуют практически во всех отраслях экономики: начиная от нефтяной и заканчивая пищевой, текстильной, сельскохозяйственной, строительной и банковской¹.

В свою очередь Азербайджан активно укрепляется в Турции в роли инвестора. К примеру, в 2008 г. крупнейшая Государственная нефтяная компания Азербайджана SOCAR приобрела 51 % акций самой крупной в нефтехимической промышленности Турции компании Petkim Holding. В настоящий момент SOCAR владеет 61 % акций и является единственным в Турции производителем такой продукции, как пластиковые упаковки, ткани, моющие средства и пр.².

Положительная динамика экономического сотрудничества Азербайджана и Турции была достигнута благодаря нескольким факторам. Отношения между Азербайджаном и Турцией в целом основаны на принципах партнерства. На мировой арене страны позиционируют себя как «братские» республики и союзники во многих международных вопросах. Экономическое сотрудничество в данном контексте является составной частью общего стратегического партнерства и опирается на принципы равенства и добрососедства.

В выстраивании партнерских отношений в одинаковой мере заинтересованы обе стороны. Турецкая Республика принимала непосредственное участие в интернационализации азербайджанской экономики в первые годы независимости, когда молодому Азербайджану была необходима экономическая помощь промышленно развитой Турции. К примеру, в ноябре 1992 г. после установления дипломатических отношений (9 ноября 1991 г. Турция стала первой республикой, признавшей независимость Азербайджана. Начало дипломатическим отношениям между странами было положено 14 января 1992 г.). Турецкий «Eximbank» предоставил правительству Азербайджанской Республики кредит размером в 250 млн долл. США. Из них 150 млн долл. были рассчитаны на реализацию проектов перехода к рыночной экономике и установлению конкурентоспособного внутреннего

рынка³. Сегодня наблюдается обратная тенденция – все усиливающаяся активность Азербайджана в турецкой экономике. Тем не менее Анкара продолжает оставаться для Баку стратегическим партнером.

В свою очередь Азербайджан – главный партнер Турции как на Южном Кавказе, так и во всем СНГ. Топливо-энергетический потенциал и географическое расположение Азербайджана создали благоприятные предпосылки для вовлечения страны в ряд международных энергетических и транспортных проектов. В них Турция играет роль транспортного коридора между Азербайджаном и странами Европы и Азии. Таким образом, взаимовыгодность двустороннего экономического сотрудничества обусловлена энергетическим и географическим потенциалом Азербайджана, с одной стороны, и развитой экономикой и опытом ведения конкурентоспособной рыночной экономики Турции, с другой стороны.

Юридическая база азербайджано-турецкого экономического сотрудничества была заложена 2 ноября 1992 г. в Анкаре после подписания Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между Правительством Азербайджанской Республики и Правительством Турецкой Республики, а также 8 декабря 1995 г. с подписанием в Баку Меморандума об экономическом сотрудничестве, где были обозначены основные векторы экономического сотрудничества⁴.

С ростом турецких инвестиций назрела необходимость законодательного урегулирования финансовых вложений в Азербайджан. В 1994 г. был подписан первый документ в области инвестиций между странами – Соглашение о сотрудничестве и защите взаимных инвестиций Азербайджана и Турции⁵. Чуть позже аналогичные соглашения о сотрудничестве были подписаны в сфере туризма, налогообложения, банковского контроля, в научно-хозяйственной сфере, в области предприятий малого и среднего объема, а также сельского хозяйства⁶.

В общей сложности в период с 1992 по 2005 г. соглашения о сотрудничестве между Азербайджаном и Турцией коснулись почти всех отраслей экономики. Это способствовало в первую очередь быстрой интеграции Азербайджана в международные экономические отношения и усилению роли Турции на Южном Кавказе. Например, азербайджано-турецкий торговый оборот в 1995 г. достиг 167 млн долл., в 2000 г. 234 млн долл., а в 2005 г. – 589 млн долл. Такие высокие показатели помогли Азербайджану плавно влиться в мировую торговлю. В 1995 г. на Турцию приходилась одна пятая операций по импорту (это примерно 21 %), в 2000 г. доля Турции упала до 11 %, а в 2005 г. составила 7,4 %. На этом фоне доля общего торгового оборота с Турцией упала с 12,8 % в 1995 г. до 7 % в 2007 г.⁷ Можно сказать, что укрепление торгово-эко-

номических связей с Анкарой способствовало интеграции азербайджанской экономики в мировую торговлю и позволило ей расширить географию торговых отношений.

6 ноября 2007 г. экономические отношения Азербайджана и Турции вышли на абсолютно новый более высокий уровень. Была подписана Программа и исполнительный план о долгосрочном экономическом сотрудничестве между Азербайджанской Республикой и Турецкой Республикой. Механизм реализации и функционирования многочисленных двусторонних соглашений был объединен в единой Программе. Поэтому было определено восемь приоритетных сфер экономического сотрудничества: свободная экономическая зона, торговля, промышленность, сельское хозяйство, транспорт, энергетика, связь и туризм⁸.

Программа была необходима для законодательного урегулирования сложившегося торгового и энергетического сотрудничества между странами. В 2007 г. произошёл резкий скачок динамики двустороннего торгового оборота с 773,2 млн долл. в 2006 г. до 1680,9 млн долл. в 2007 г. Доля роста приходилась в основном на экспорт из Азербайджана, что составило 1056,3 млн долл., по сравнению с 388,2 млн долл. в 2006 г.⁹

Если проанализировать импортную и экспортную корзину азербайджано-турецкого товарооборота, можно сказать следующее: 85 % экспорта из Турции составляли сельскохозяйственные и промышленные товары. Среди них изделия из черного металла, синтетические и пластмассовые материалы, сельскохозяйственное оборудование и пр. Около 80 % экспорта из Азербайджана составляли сырая нефть, бензин, топливо и смазочные материалы, медь, алюминий, электроэнергия и сельскохозяйственные продукты¹⁰. Это были рекордно высокие показатели для обеих стран, так как с 1992 г. по 2006 г. азербайджано-турецкий товарооборот увеличивался из года в год небольшими темпами и отличался высокой стабильностью. Укрепление и рост экономических показателей между странами к 2007 г. были связаны с рядом факторов.

В 2005–2007 гг. Азербайджан и Турция стали участниками нескольких крупных трансконтинентальных проектов, положительно повлиявших как на динамику двусторонних отношений, так и на внутреннюю экономику стран. В июле 2006 г. был запущен нефтепровод Баку–Гбилиси–Джейхан (БТД), поставляющий азербайджанскую нефть к Средиземному морю. Годовая пропускная способность нефтепровода составляла 50 млн т с общей протяженностью трубопровода в 1769 км¹¹.

Проект строительства нефтепровода был разработан еще в 1998 г. в Анкаре подписанием декларации президентом Азербайджана Гейдаром Алиевым, Грузии – Эдуардом Шеварднадзе,

президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым, Турции – Сулейманом Демирель и Узбекистана – Исламом Каримовым. Начало строительства началось в 2002 г. в Баку после символической встречи президентов стран-участниц по закладыванию первого камня в фундамент трубопровода¹².

В одном из своих выступлений Гейдар Алиев следующим образом охарактеризовал значимость нефтепровода: «Мы приложим все усилия, чтобы каспийская нефть из Азербайджана максимально быстро и в больших объемах попадала в порт Джейхан и в последующем на мировой рынок. Я надеюсь, что этот проект изменит геополитическую обстановку на Кавказе в лучшую сторону, а экономика Азербайджана будет стремительно расти. История Баку–Тбилиси–Джейхан протянется на долгие годы и войдет в историю стран-участниц»¹³.

На самом деле с геополитической точки зрения нефтепровод внес определенные коррективы в региональный баланс сил. Баку–Тбилиси–Джейхан стал первым крупным проектом на пространстве СНГ, где Россия была отстранена от участия. Кроме того, строительство нефтепровода стало возможным при непосредственном финансировании США и Великобритании. Тем самым была занижена роль России в региональных проектах, осуществлена диверсификация энергетических коридоров Турции и Азербайджана, а Запад имел возможность получить альтернативу российской нефти.

Несмотря на ряд скептических оценок, с момента эксплуатации БТД и по 2011 г. по нему было прокачено 143,5 млн т нефти. Из общего объема переработанной нефти было произведено, в частности, более 1,45 млн т бензина, более 2,42 млн т дизтоплива, 396,6 тыс. т нефтяного кокса, около 221 тыс. т печного мазута, 241,46 тыс. т нефтяного битума, 214 тыс. т жидкого газа, 86,54 тыс. т смазочных масел и пр. В 2010 г. по трубопроводу Баку–Тбилиси–Джейхан транспортировано более 38 млн т нефти¹⁴.

Кроме эксплуатации нефтепровода БТД на динамику азербайджано-турецких экономических отношений повлиял ввод в эксплуатацию газопровода Баку–Тбилиси–Эрзерум (БТЭ). Это стало возможно после присоединения Турции к Южнокавказскому трубопроводу (ЮКТ), проходящему через территорию Грузии и Азербайджана. Часть трубопровода турецкой компании BOTAŞ была присоединена на грузино-турецкой границе и доходила до Эрзерума (общая протяженность турецкой части составила 280 км).

Фундамент для налаживания азербайджано-турецкого газового сотрудничества был заложен в 1999 г. после открытия месторождения «Шах Дениз» в Каспийском море. В 2001 г. президенты стран подписали Договор о продаже и приобретении природного газа между Азербайджаном и

Турецкой Республикой по поставке природного газа из Азербайджана в Турецкую Республику¹⁵. Однако в силу экономической слабости Азербайджана, отсутствия должной инфраструктуры и финансирования газовые проекты между странами были отложены.

Эксплуатация газопровода БТЭ позволила Турции стать энергетическим транспортным мостом в регионе, а Азербайджан смог обеспечить свою энергетическую безопасность. В общей сложности в 2011 г. турецкая компания BOTAŞ импортировала из различных источников 16,8 млрд кубометров газа, из них 6,6 млрд составлял азербайджанский газ с месторождения «Шах Дениз» по газопроводу Баку–Тбилиси–Эрзерум¹⁶.

Важным проектом евразийского масштаба для Азербайджана и Турции стало начало переговоров о строительстве железной дороги Баку–Тбилиси–Карс (БТК) в 2005 г. Уже в 2007 г. президенты Азербайджана, Турции и Грузии подписали межправительственное соглашение¹⁷. Строительство железной дороги началось в 2008 г. Изначально его завершение планировалось на 2010 г., но дата несколько раз переносилась в силу нехватки финансирования и политических разногласий между Азербайджаном и Турцией. Официальная церемония открытия БТК состоялась 30 октября 2017 г. с участием президентов Азербайджана, Грузии и Турции. Согласно договоренностям протяженность проекта должна была составить 805 км, из которых 504 км приходилось на территорию Азербайджана. Пропускная способность коридора на начальном этапе должна была составить 6,5 млн т груза и около 1 млн пассажиров с дальнейшим увеличением пропускной способности до 17 млн т груза в год¹⁸.

Экономическая стоимость проекта изначально составляла 422 млн долл. Однако к 2008 г. из-за отсутствия соответствующей инфраструктуры общая стоимость проекта увеличилась до 600 млн долл., из них на строительство грузинского участка понадобилось 200 млн долл., которые были выделены Международным банком Азербайджана в качестве кредита на 25 лет. Строительство грузинской части по маршруту Ахалкалаки–Карцах (вплоть до границы с Турцией) производила азербайджанская компания «Азериншаатсервис», выигравшая тендер на закупку работ по строительству данного участка¹⁹.

Проект Баку–Тбилиси–Карс имел колоссальное значение для Азербайджана и Турции. Он должен был стать новым евразийским мостом, увеличивающим торговый и транспортный статус региона и повышающим азербайджано-турецкий товарооборот. Некоторые эксперты назвали это событие по-настоящему историческим, так как магистраль должна была стать частью «Шелкового пути», которая объединила бы Азию с Европой.

Действительно, в 2015 г. в Турцию прибыл первый транзитный поезд с китайским грузом. И если раньше на транспортировку груза необходимо было около 40 дней, то со строительством железной дороги на это могло уйти до 15 дней. Так, груз из Китая, попадая в Казахстан, морским паромом направлялся в Азербайджан, а оттуда по магистрали БТК попадал в Турцию. Альтернатива этому пути состояла в том, что груз из Азербайджана направлялся в Грузию, а затем через порт Потти по Черному морю доставлялся в Стамбул²⁰.

Новая магистраль имела большое стратегическое и геополитическое значение, хотя экономическая составляющая проекта являлась одним из главных компонентов. В перспективе проект будет нацелен на создание транспортного коридора от Гонконга до Франкфурта с использованием территорий Китая, Казахстана, Азербайджана, Грузии, Турции и Германии. При этом планируется построить вторую линию и привлечь в проект Россию, Украину и Польшу.

На церемонии открытия железной дороги в 2017 г. президент Азербайджана Ильхам Алиев дал следующую стратегическую оценку проекту БТК: «В настоящее время мы работаем в направлении интеграции транспортных коридоров Север–Юг и Баку–Тбилиси–Карс, и считаю, что это возможно. Уверен, что в будущем будут сданы в эксплуатацию транспортные пути Север–Запад и Юг–Запад. Эти два гигантских проекта соединят многие крупные страны... Строительство этой дороги является результатом дружбы и братства между Азербайджаном, Грузией и Турцией. Три страны успешно сотрудничают во всех сферах, поддерживают друг друга, реализуют важные для наших стран, народов, всего мира проекты»²¹.

Проекты евразийского масштаба укрепили региональную позицию Турции, вовлекли Азербайджан на мировой рынок, усилили азербайджано-турецкое экономическое сотрудничество и создали благоприятный инвестиционный климат для обеих стран. За период с 2002 по 2010 г. Турция вложила в нефтяной и другие секторы Азербайджана около 1,653 млрд долл. Это примерно 7 % из всех инвестиций, поступивших в Азербайджан в обозначенный период. После реализации проектов БТД и БТЭ в 2010 г. объем реализованных турецких инвестиций достиг 120 млн долл., т. е. 3,9 % из общих инвестиций Азербайджана.

Доля участия азербайджанского капитала в турецкой экономике также существенно выросла. В 2010 г. в Турции было зафиксировано 136 компаний с азербайджанским капиталом, большинство из которых вели деятельность в области строительства, промышленности и нефтеперерабатывающей сфере. К 2010 г. Азербайджан занял 4-е место среди обществ с ограниченной ответственностью и 14-е место среди акционерных обществ Турции²².

В результате положительной динамики экономических отношений торговый оборот стран к 2011 г. составил 1758,4 млн долл. Доля Турецкой Республики в товарообороте Азербайджана составила 3,37 %, в том числе в импорте – 11,69 %, в экспорте – 0,8 %²³.

Положительная динамика азербайджано-турецкого экономического сотрудничества и рост макроэкономических показателей заложили основу для укрепления дальнейшего стратегического партнерства. 16 августа 2010 г. в Баку был подписан Договор о стратегическом партнерстве и взаимопомощи между Азербайджанской Республикой и Турецкой Республикой, а 15 сентября в Стамбуле была принята Совместная Декларация о создании Совета на высшем уровне стратегического сотрудничества между Азербайджанской Республикой и Турецкой Республикой²⁴. Цель создания Совета – интеграция существующих двусторонних связей, укрепление в том числе экономических отношений и совместная реализации двусторонних проектов в области энергетики, транспорта и торговли. Создание Совета на высшем уровне стало важной вехой в развитии азербайджано-турецких экономических отношений и создало новую платформу для обсуждения и решения вопросов стратегического значения для Азербайджана и Турции.

Примечания

- ¹ *Resullu R., Aslanlı K.* Azərbaycan-Türkiye Ekonomik İlişkileri: Temel Eğilimler ve Başarılar // Azərbaycan-Türkiye: dostluk, kardeşlik ve strateji ortaklık (makaleler toplamı). Ankara, 2012. S. 78.
- ² Neft Strategiyasının uğurlu icrası / Azərbaycan Respublikası Dövlət Neft Şirkəti. İllik hesabat, 2008. S.6. URL: <http://socar.az/socar/assets/documents/az/socar-annual-reports/2008.pdf> (дата обращения: 30.08.2019).
- ³ Türkiye-Azerbaycan Ticari ve Ekonomik İlişkileri / Azərbaycan Ülke Bülteni. Dış ekonomik ilişkiler kurulu (DEİK). 2009. S. 25. URL: <https://www.akbank.com/doc/deik/azerbeycan-2009.pdf> (дата обращения: 10.09.2019).
- ⁴ Azərbaycan Respublikası ilə Türkiyə Cümhuriyyəti arasında imzalanmış sənədlər (1991–2007). URL: <https://www.azerbaycanli.org/az/page432.html> (дата обращения: 11.09.2019).
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Абдуллаева Х.* Азербайджан и Турция – торгово-экономические отношения: достижения и перспективы // Проблемы материальной культуры – экономические науки. Киев, 2012. С. 68.
- ⁸ Azərbaycan Respublikası ilə Türkiyə Cümhuriyyəti arasında imzalanmış sənədlər (1991–2007). URL: <https://www.azerbaycanli.org/az/page432.html> (дата обращения: 11.09.2019).
- ⁹ *Resullu R., Aslanlı K.* Op. cit. S. 86.
- ¹⁰ *Абдуллаева Х.* Указ. соч. С. 69.

- ¹¹ Azərbaycan Ekonomisi / Azərbaycan Ülke Bülteni. Dış ekonomik ilişkiler kurulu (DEİK). 2009. S. 12. URL: <https://www.akbank.com/doc/deik/azerbeycan-2009.pdf> (дата обращения: 10.09.2019).
- ¹² Neft strategiyası və davamlı iqtisadi inkişaf. URL: <https://www.azerbaycanli.org/az/page36.html> (дата обращения: 11.09.2019).
- ¹³ İstanbulda mətbuat konfransında Azərbaycan Respublikasının Prezidenti Heydər Əliyevin bəyanatı // Diplomatıya Aləmi. Azərbaycan Rspublikası Xarici İşlər Nazirliyinin jurnali. № 1. 2002. URL: http://www.mfa.gov.az/files/file/Diplomatıya_Alemi_1.pdf (дата обращения: 20.08.2019).
- ¹⁴ URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/179337/> (дата обращения: 02.09.2019).
- ¹⁵ Azərbaycan Respublikası ilə Türkiyə Cümhuriyyəti arasında imzalanmış sənədlər (1991–2007). URL: <https://www.azerbaycanli.org/az/page432.html> (дата обращения: 11.09.2019).
- ¹⁶ Турция наращивает объемы импорта газа. URL: <https://vestikavkaza.ru/news/62077.html> (дата обращения: 11.09.2019).
- ¹⁷ 2007-ci il fevralın 7-də Tbilisi şəhərində imzalanmış «Bakı–Tbilisi–Qars» yeni dəmir yolu xətti. URL: <http://e-qanun.az/> (дата обращения: 01.09.2019).
- ¹⁸ İlham Əliyevin Bakı–Tbilisi–Qars dəmir yolunun açılış mərasimində nitqi. URL: <https://president.az/articles/25701> (дата обращения: 31.08.2019).
- ¹⁹ Началось строительство железной дороги Баку–Тбилиси–Карс. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1195728840> (дата обращения: 02.09.2019).
- ²⁰ Открылась железная дорога Баку–Тбилиси–Карс. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/nc-launch-of-baku-tbilisi-kars-railway/4092258.html> (дата обращения: 02.09.2019).
- ²¹ İlham Əliyevin Bakı–Tbilisi–Qars dəmir yolunun açılış mərasimində nitqi. URL: <https://president.az/articles/25701> (дата обращения: 31.08.2019).
- ²² Resullu R., Aslanlı K. Op. cit. S. 83.
- ²³ Ibid. S. 84.
- ²⁴ Абдуллаева Х. Указ. соч. С. 68.

Образец для цитирования:

Насибова А. С. Азербайджано-турецкое экономическое сотрудничество: становление и основные направления развития (1992–2010 годы) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 75–79. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-75-79>

Cite this article as:

Nasibova A. S. Azerbaijani-Turkish Economic Cooperation: Formation and Main Directions of Development (1992–2010). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 75–79 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-75-79>

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94(47.046–47)|1641/1650|

«Новая Саратовская летопись» о событиях 1641–1650 гг. в Саратове

Я. Н. Рабинович

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, RabinovichYN@yandex.ru

В статье рассмотрены неизвестные страницы истории Саратова спустя четверть века после восстановления города в конце Смутного времени на левом берегу Волги. Впервые представлена подробная хронология всех известных к настоящему времени событий, происходивших в городе в 1641–1650 гг.; дополнена за эти годы «Саратовская летопись», составленная 120 лет назад; указаны основные источники по истории Саратова исследуемого периода.

Ключевые слова: Ф. В. Духовников, И. Ф. Хованский, Саратов, воевода, индийские купцы, Василий Чолоков, Аверкий Болтин, Семен Волынский, князь Савелий Козловский.

«New Saratov Chronicle» about the Events of 1641–1650 in Saratov

Ya. N. Rabinovich

Yakov N. Rabinovich, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, RabinovichYN@yandex.ru

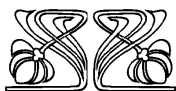
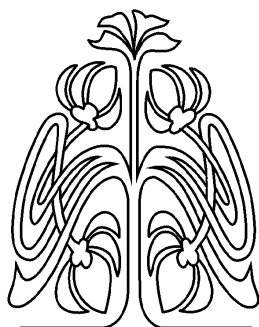
The article considers unknown pages of the history of Saratov since a quarter of a century after the restoration of the city at the end of the Time of Troubles on the left bank of the Volga. For the first time, a detailed chronology of all the currently known events that took place in this city in 1641–1650 is presented. The Saratov Chronicle, compiled about 120 years ago, is supplemented over the years, and the main sources on the history of Saratov of this period are also indicated.

Keywords: F. V. Dukhovnikov, I. F. Khovansky, Saratov, governor, Indian merchants, Vasily Choglokov, Averkly Boltin, Semyon Volynsky, Prince Savely Kozlovsky.

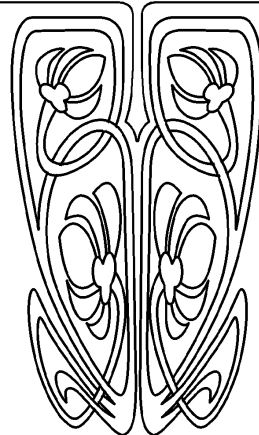
DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-80-90>

В 2014 г. в одном из выпусков «Известия СГУ» автор этих строк опубликовал статью с похожим названием, временные рамки которой охватывали события 1616–1641 гг., т. е. на протяжении четверти века¹. Настоящая статья является ее продолжением, однако теперь из-за значительного объема имеющейся информации по каждому году пришлось ограничиться только последующим десятилетием (1641–1650). В 1650 г. воеводой в Саратов был назначен В. Г. Феофилачев, о пребывании которого в этом городе и о происходивших здесь событиях сохранилось немало источников, позволяющих написать отдельную статью, посвященную данной теме.

Нет нужды давать характеристику «Саратовской летописи», составленной саратовскими краеведами Ф. В. Духовниковым и Н. Ф. Хованским в 1893 г.,² поскольку это уже было сделано в предыдущей статье³. Обозначим только, что было опубликовано в «Саратовской летописи» за исследуемый период (1641–1650 гг.). К сожалению, приходится констатировать, что информация в ней довольно скудная. После упоминания о путешествии Адама Олеария (1636 г.) и сражения с крымскими татарами при воеводе Г. И. Феофилачеве на речке Нойло

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

(1636–1637 гг.) говорится, что в 1647 г. яицкие казаки получили разрешение царя на свободный проезд в Саратов и на льготную торговлю в этом городе. Получается, что за 1638–1646 гг., т. е. на протяжении девяти лет, нет ни одного сообщения. Затем приводятся общие сведения о набегах калмыков в 1649 г. и о том, что здесь в 1650 г. был воеводой кн. Ф. Борятинский. Завершается описание событий сведениями о том, что «через год» (в 1651 или в 1652 г.) в Саратове воеводой был В. Г. Феофилачев, успешно боровшийся с воровскими казаками⁴. Это вся информация в Саратовской летописи за период с 1641 до 1650 г.

С момента публикации «Саратовской летописи» прошло свыше 120 лет, однако за это время в научный оборот было введено мало новых сведений по указанному периоду истории Саратова. Неизвестный автор статьи в Русском биографическом словаре⁵ вслед за А. П. Барсуковым⁶ выяснил имя одного из воевод Саратова Аверкия Федоровича Болтина (1644–1646/47) и дополнительно привел информацию об успешном походе этого воеводы против татар. А. А. Гераклитов обнаружил сведения о существовании именно в 1646 г. в Саратове женского монастыря и привел имя неизвестного ранее воеводы – стольника Александра Чоглокова, при котором впервые упоминается этот монастырь⁷. Данная информация оказалась незамеченной саратовскими краеведами. Также никто из специалистов не обратил внимания на сведения, опубликованные еще в 1888 г. В. А. Уляницким, о существовании в Саратове уже в 1649 г. казанской таможни. Этот исследователь работал в московском архиве (МГА МИД) с документами из Индийских, Бухарских и Хивинских дел (данные документы в настоящее время находятся в РГАДА). Он указал на зарождение именно в 1649 г. сухопутного торгового пути из Саратова до Москвы, которым одними из первых в 1649 г. воспользовались индийские купцы⁸.

Много интересных сведений по истории Саратова этого времени мог бы сообщить известный архивист А. А. Голомбиевский, но он ограничил свои поиски источников по Саратову периодом 1650–1675 гг.⁹

Сейчас благодаря тому, что все описи РГАДА размещены на официальном сайте Архива, перед региональными исследователями-краеведами открываются широкие возможности по обнаружению новых сведений по истории своего города.

Приведем в качестве примера несколько таких находок в описях РГАДА, правда, относящихся к более позднему периоду истории Саратова. Летом 1658 г. в Саратов приехал специальный представитель из Москвы (имя пока не установлено), который занимался здесь следственным делом «по доносу персидского посла Хана-Дакул-Салтана и бывших при нем купчин на воеводу Никиту Головина в притеснении и во взятках

и обыски о покраденных у персиян товаров»¹⁰. Все началось с челобитной члена персидского посольства Шабана Ахметова о розыске шелка-сырца, украденного у него в Саратове при воеводе Никите Ивановиче Головине (приложение 1)¹¹. Не следует заранее огульно обвинять воеводу во взяточничестве и других непотребных делах, но почему-то на память приходят сведения о том, что он очень хотел быть на воеводстве в таком прибыльном городе, как Саратов. Для осуществления своего желания Никита Головин написал челобитную с просьбой направить его на воеводство именно в этот город, не пожалел денег, заплатив за челобитную пошлину в 1 руб.¹²

Следственное дело содержит 109 листов (приложение 2) и, можно себе представить, сколько здесь помещено ценной информации! Ведь следственные дела предполагают опрос многих свидетелей, жителей Саратова.

Еще одно небольшое дело (9 листов) содержит сведения о приезде именно из Саратова в Москву 15 марта 1660 г. персиянина Алибек-Мирзы, который был отправлен персидским гонцом Агой Маметом Сали-беком. Знатный персиянин заранее просил приготовить к его приезду двор в Москве¹³. Дата приезда Алибек-Мирзы из Саратова в Москву (15 марта) свидетельствует о том, что он был отправлен сухопутным путем, а Ага Мамет Сали-бек зимовал в Саратове и ждал начала навигации, чтобы отплыть далее в Москву водным путем через Казань.

Сведения, которые автор этих строк приводит в настоящем исследовании, взяты из опубликованных Дворцовых разрядов¹⁴ и других источников, но в основном – из описей Персидских, Грузинских и других дел из РГАДА. Особое внимание уделено пребыванию в Саратове различных посольских караванов. Плавание по Волге русских и иностранных послов вынуждало воевод Саратова принимать чрезвычайные меры для обеспечения их охраны, а посещение города этими гостями, пусть даже кратковременное, затрагивало все слои населения.

Следует учесть, что русско-грузинские отношения в рассматриваемый период в какой-то мере освещались в труде Н. Т. Накашидзе¹⁵, чего нельзя сказать о русско-персидских делах. К сожалению, Н. Т. Накашидзе ничего не писал о посольствах в Персию С. В. Волынского (1642–1644) и кн. С. И. Козловского (1646–1648), хотя эти послы при переговорах с шахом Аббасом II много внимания уделяли именно грузинскому вопросу. Основной массив этих документов находится в архиве не в Грузинских (Ф. 110), а в Персидских (Ф. 77) делах, которые Н. Т. Накашидзе не использовал в своей работе.

Сношения России с Персией за период 1630–1660-х гг. по состоянию на начало XXI в. изучены крайне неудовлетворительно. Это положение пытался исправить известный специалист по истории Ирана П. П. Бушев, но по различным

причинам сделать это ему не удалось. Он поставил перед собой непосильную задачу – написать труд по истории русско-иранских отношений с конца XVI в. вплоть до 1796 г. в 4-х томах. Однако П. П. Бушев умер, не успев закончить даже т. 2, который, по мысли автора, должен был охватить события 1613–1639 гг. В действительности П. П. Бушев довел изложение т. 2 лишь до 1620 г. (это издание вышло в свет через 6 лет после кончины автора)¹⁶.

Во введении к т. 1 своего капитального исследования П. П. Бушев охарактеризовал труды своих предшественников по всему периоду русско-персидских отношений с конца XVI в. и до XIX в. как отечественных исследователей, так и зарубежных, и дал краткую характеристику многих источников¹⁷.

К сожалению, П. П. Бушев не успел опубликовать в отдельном очерке краткий перечень всех известных посольств (русских и персидских), подобно тому, как это сделал в своем «Обзоре внешних сношений России» со странами Европы Н. Н. Бантыш-Каменский¹⁸.

Применительно к отношениям России с ханствами Средней Азии такую работу проделали в 1932 г. сотрудники Историко-археологического института Е. А. Каринская, В. Г. Гейман и А. П. Чулошников. Они составили таблицы, в которых указали все русские посольства в Среднюю Азию за период 1578–1701 гг. и все хивинские, бухарские и балхинские посольства в Московское государство (1558–1703 гг.)¹⁹.

За основу можно было бы взять содержание тех самых описей фонда 77 (Сношения России с Персией), которые к настоящему времени размещены на официальном сайте РГАДА.

В итоге к настоящему времени мы имеем то, что имеем: даже имена многих послов, в том числе русских послов в Персию, после известного посольства Андрея Осиповича Плещеева (1629 г.) и вплоть до великого посольства

окольного Федора Яковлевича Милославского (1662 г.) остаются неизвестны исследователям. Чтобы исправить такое положение дел, автор этих строк и предпринял настоящую публикацию, ограничившись только десятилетним периодом истории левобережного Саратова.

Отметим, что все перечисленные в приложении 2 посольства останавливались в Саратове. Более того, благодаря выгодному географическому положению (кратчайшее расстояние по прямой из Саратова до Москвы, по сравнению с Царицыном и Самарой), именно с 1640-х гг. первые русские и персидские гонцы (и не только они) начинают осваивать сухопутный путь из Саратова до Москвы и обратно. При этом они обычно из Астрахани до Саратова плыли по Волге, а в Саратове пересаживались на лошадей (ехали далее гужевым транспортом или просто верхом). Расстояние по прямой из Саратова до Москвы точно такое же, как из Казани до Москвы, но до Казани еще надо плыть 2–3 недели, постоянно ожидая вражеского нападения.

В основе повествования лежит смена воевод в Саратове. Обычно воеводы в этот город назначались из числа московских дворян или стольников сроком на 2–3 года. Известны случаи, когда представители государева двора сами просили назначить их в этот город, писали челобитные царю. Их не пугали ни пограничное расположение отдаленной крепости, ни нападения воровских казаков, татар и калмыков. Воеводы были служилыми людьми не на словах, а на деле. Кроме того, их прельщала возможность поправить свое финансовое положение, они получали «посулы» от проплывавших через Саратов иноземных купцов, были единовластными начальниками. Воеводы также занимались сдачей в аренду богатых рыбных угодий в окрестностях Саратова.

В качестве образца формы изложения материала за основу взята «Саратовская летопись» Ф. В. Духовникова и Н. Ф. Хованского.

Приложение 1

1657-1658 гг. № 4	Челобитная члена персидского посольства Шабана Ахметова о розыске шелка-сырца, украденного у него в г. Саратове. По воеводству Никиты Ивановича Головнина	1657-1658
-------------------	---	-----------

РГАДА. Ф. 77. Сношения России с Персией. Оп. 1. Дела, подключенные из россыпи в 1985 г. (доп. листы)

1658. Августа 17.

В Следственное дело произ-
водившееся в Саратове
по доносу Персидскаго Посла
Хана Дакул Салтану и быв-
ших при нем купчин
на воеводу Никиту Голови-
на в притеснении и во взятках,
и обыски о покраденных у
Персиянъ товаровъ. 1658

РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1658. К. 38. № 4
1658, Августа 17

Перевод: Следственное дело, производившееся в Саратове по доносу персидского посла Хана-Дакул-Салтану и бывших при нем купчин на воеводу Никиту Головина в притеснении и во взятках и обыски о покраденных у персиян товаров (109 л.)

Приложение 2

«Новая Саратовская летопись» 1641–1650 гг.

До конца 1641 г.

Воеводство в Саратове

Григория Никитича Орлова

1640–1641 гг. Приезд в Россию от персидского шаха Сефи посла Асан-бека (Хасан-бек) и купчины Аги Магметева (Магамета) с грамотой и подарками. Зная точную дату встречи послов в Москве, можно предположить следующую хронологию событий. Из Астрахани послы отплыли в сентябре 1640 г., в Саратове были в октябре 1640 г. В конце октября – ноябре послы прибыли в Казань, потом – в Нижний Новгород. Только в конце февраля 1641 г. послы из Нижнего Новгорода отправились в Москву в сопровождении пристава Степана Михайловича Чирикова. Скорее всего, длительная задержка была в Казани или в Нижнем Новгороде, ведь в Москву послы приехали только в середине марта 1641 г. Торжественная встреча в Москве состоялась 15 марта 1641 г. Встречали послов за городом за Стретенскими воротами тысячи людей, весь государев двор, множество даточных людей, 16 стрелецких голов со своими стрельцами и т. д., всего

– 5387 человек. 22 марта 1641 г. состоялся торжественный прием у царя, затем Михаил Федорович жаловал посла со своего стола «ествой и питьем». «Со столом» ездил к послу стольник кн. И. П. Пронский. В тот же день после обеда послоские дела стал ведать в 1641 г. его брат Сары хан-бек. Переговоры его в Москве отмечены в июне – августе 1641 г.²¹

1641 г. Возвращение в Персию из Голштинии посла Имам Кули-бека. Он еще в 1638 г. сопровождал Адама Олеария из Персии до Москвы и далее. Имам Кули-бек был отпущен из Москвы домой в январе 1641 г., проплывал мимо Саратова весной 1641 г. Возможно, с ним же возвращался домой в Персию приехавший от шаха гонец Али-бек (прибыл в Москву в июле 1640 г.). Шах писал в своей грамоте царю, чтобы тот «унял» казаков, «производящих грабежи в землях его и в проезде купцов». Али-бек был отпущен царем домой в январе 1641 г., незадолго до приезда посла Асан-бека²².

1641 г., мая 8. Приезд в Москву персидского гонца Муралея. Его отправил в столицу какой-то персидский посол, который приехал в Россию²³.

1641 г., августа 24–26. Пребывание в Саратове русского посольства в Грузию князя Е. Ф. Мышецкого и дьяка Ивана Ключарева в сопровождении грузинского митрополита Никифора. Это был так называемый «Летний сплавной караван». Отплытие посольского каравана из Саратова в Царицын состоялось через день, 26 августа. Воевода Саратова Г. Н. Орлов отказался выдать в сопровождение послам дополнительный отряд саратовских стрельцов, ссылаясь на то, что «все служилые люди посланы в посылку за казаки, а иные в степи по караулом»²⁴.

1641 г. Остановка в Саратове по пути из Казани в Астрахань посланника в Хиву (Юргенч) и Бухару Савина Горохова и с ним торгового человека Анисима Грибова. Царские грамоты об отправке послов были написаны еще 31 мая 1641 г. и адресованы прежним правителям – хивинскому хану Исфендиару и бухарскому хану Имам Кули²⁵. Посланник С. Горохов умер по пути в Хиву (на Кабалыклейском пристанище), его помощник А. Грибов сам правил посольство. Фактически послу А. Грибову пришлось вести переговоры с новыми правителями Юргенча – царем Сеитом и Бухары – Надыр-Магомедом (Надир-Мухаммедом). А. Грибов приехал из Астрахани в Хиву к царю Сеиту в середине 1642 г., а в конце года – в Бухару к Надир-Мухаммеду и в статейном списке сообщал о свержении бухарцами царя Сеита в марте 1643 г.²⁶ Статейный список посольства в извлечении напечатан Н. И. Веселовским еще в 1884 г.²⁷

1642–1644 гг.

Воевода Саратова неизвестен

1642 г., лето. Остановка в Саратове по пути из Казани в Астрахань послов в Персию к шаху

Сефи Семена Васильевича Волынского и дьяка Сергея Матвеева (посланы 8 мая 1642 г.)²⁸. Возможно, с ними были отправлены домой персидский второй посол Сарыхан-бек (брат умершего в Москве Асан-бека) и купчина Ага-Магметев. В источнике отмечено, что «отпуск шаховым и посольским людям писан в книге 150 году в сентябре месяце». Следовательно, их отъезд из Москвы состоялся в сентябре 1641 г., так что возвращение из Казани в Астрахань мимо Саратова происходило либо поздней осенью 1641 г., либо (скорее всего) – весной – летом 1642 г.

Обычно персидские купцы и послы (если они не сопровождали отправлявшихся из Москвы вместе с ними русских послов) зимовали в Казани, совершая там свои финансовые дела. Первые документы русским послам С. В. Волынскому и С. Матвееву датированы 21 апреля 1642 г. (возможно, что это был Наказ). Дело об этом посольстве С. В. Волынского и А. Матвеева большое по объему – 1010 л. Здесь помещены многочисленные отписки послов. Сохранился также их статейный список на 154 листах (помещен отдельно)²⁹.

1642 г., лето. Остановка в Саратове по пути из Астрахани в Москву посла от хивинского хана Исфендиара. Это был Эминь Богатырь (Батырь) (Мухаммед-Амин Бехадур). Он прибыл в Москву 2 сентября, а аудиенция у царя состоялась 11 сентября. Известна роспись его товаров (в основном, разные виды ткани) на сумму 7950 руб. Возможно, что вместе с ним направлялся в Москву посол от Балхинского хана Надыр Магмеда (Магомета), которого звали Ходжа-Ибрахим. Царская аудиенция обоих послов состоялась в один день – 11 сентября 1642 г.³⁰ Ходжа Ибрахим в пути до Астрахани испытал ряд трудностей, поэтому добирался долго. Грамота хана была еще от 1640 г. В ней хан просил о льготах купцам и присылке поминков – кречетов и соболей³¹.

1642 г. Приезд от шаха Сефи посла – персидского купчины Бежам-бека (Бежинбека) с товарами и с грамотой шаха. Встреча Бежам-бека с царем Михаилом происходила предположительно в августе 1642 г. Во всяком случае дело о приезде в Москву этого купчины начинается с августа 1642 г. и заканчивается ноябрем следующего года³². В период его пребывания в Москве шах Сефи умер. Судя по всему, Бежам-бек был отправлен обратно в ноябре 1643 г., но еще долго занимался в России своими торговыми делами. Он уехал из России в 1644 г. вместе с гонцом Аджи Магметом-агой.

1643 г., май. Отпущены из Москвы «кызылбашские купчины» и кумыцкий посол. Они были на отпуске у царя в золотой палате 25 мая, их объявлял царю печатник и думный дьяк Федор Лихачев³³. Персидские купчины могли задержаться в Казани, а кумыцкий посол летом

1643 г. при возвращении домой проплывал мимо Саратова.

1643 г., май. Остановка в Саратове персидского гонца Аджи Магмета-аги по пути из Астрахани в Москву. Он прибыл в Москву 19 июня 1643 г. В Москве 30 июля 1643 г. был прием Аджи Магмета-аги у царя Михаила в золотой палате. Пристав был Федор Васильевич Нестеров. Аджи Магмет-ага привез в Москву весть о кончине шаха Сефи и о новом шахе, которым стал его сын Аббас II, «объяснительную грамоту о восшествии на Персидский престол». Второй прием состоялся 20 августа. Следует отметить, что оба раза вместе с персидским гонцом был на приеме у царя голштинский гонец³⁴. Возможно, при этом обсуждались дела, связанные с торговлей между Персией и Голштинией через Россию, а точнее – причины невозможности такой торговли, якобы, на нее не было дозволения от шаха³⁵. Гонец Аджи Магмет-ага был отправлен в Персию с ответной царской грамотой в 1644 г. в сопровождении купчины Бежинбека (Бежам-бека)³⁶.

1643 г., август. Возвращение посольства кн. Е. Ф. Мышецкого из Грузии на родину, остановка в Саратове. Известно, что 14 октября 1643 г. Е. Ф. Мышецкий прибыл в Москву, а уже на следующий день (15 октября) «был у государя у руки»³⁷.

1643 г., конец сентября – начало октября. Остановка в Саратове по пути из Москвы в Астрахань хивинского посла Мухаммеда Эмина Богатыря. Он прибыл в Астрахань 23 октября 1643 г. и там был задержан более чем на два года, пока не был решен вопрос об уплате пошлинных денег (более 700 руб.)³⁸. Возможно, вместе с ним прибыл в Саратов в составе этого же каравана балхинский посол Хоже (Ходжа) Абреим (Ибреим, Ибраим, Ибрахим, Обреим), отпуск которого из Москвы состоялся 25 мая 1643 г. Он также был надолго задержан в Астрахани. Это связано с судебным делом о «непригожих заводных словах про Московское государство», которые якобы говорил один юргенский тезик. Тот, в свою очередь, оправдывался, говорил, что посол Ходжа Ибрахим его оклеветал³⁹.

1643 г. Первые упоминания в источниках о нападениях калмыков на Саратов. Русский посол А. Кудрявцев позже (1646 г.) упрекал калмыков: «Вы приходили под Саратов и другие понизовые города». Калмыцкие тайши отвечали: «Под Саратов и другие города мы не прихаживали, а если кто приходил из нас украдкою, того мы не знаем, потому что кочуем не в одном месте»⁴⁰.

Будем надеяться, что подробное изучение документов о посольстве С. В. Волынского и других посольств за указанный период (1642–1644), поможет выяснить имя неизвестного воеводы Саратова, которого сменил новый воевода Аверкий Болтин.

1644–1646 гг.

Воеводство в Саратове

Аверкия Федоровича Болтина

1644 г., весна. Прибытие в Саратов нового воеводы Аверкия Федоровича Болтина. Он был послан из Москвы в феврале 1644 г.⁴¹ Возможны два варианта его маршрута. Первый вариант – через Казань по Волге. В таком случае в Казани он был уже в марте. С первым весенним караваном прибыл в Саратов (апрель 1644 г.). Второй вариант – напрямую из Москвы по сухопутному пути. Таким образом, его прибытие в Саратов произошло уже в марте.

1644 г., весна – лето. Успешные действия воеводы Саратова А. Ф. Болтина против калмыков и ногайцев⁴².

1644 г., весна. Остановка в Саратове торгового человека Анисима Грибова по пути из Астрахани в Казань при возвращении его из Бухары в Москву. Вслед за ним в 1644 г. прибыли из Бухары в Москву бухарский посол Казек бей (Кузей) Нагай и гонец Ших-Баба⁴³. Бухарцы прибыли в Москву в августе 1644 г.⁴⁴

1644 г. май – июнь. Остановка в Саратове по пути из Астрахани в Казань и в дальнейшем – прибытие в августе в Москву бухарского посла Казек бей (Кузей) Нагай и гонца Ших-Бабы с грамотами от бухарского хана Надыр-Магомета (грамоты от марта 1643 г.)⁴⁵. Возможно, что этим же караваном ехали в Москву князя Черкасские, во всяком случае, бухарские послы и Черкасские князя вместе были на приеме у царя 24 августа 1644 г.⁴⁶

1644 г., май. Отправление в Персию из Москвы гонца Аджи Магмет-аги с ответной грамотой царя Михаила новому шаху Аббасу II. Его сопровождал персидский купчина Бежам-бек. В Саратове они были летом 1644 г.⁴⁷

1644 г., сентябрь – октябрь. Остановка в Саратове по пути из Астрахани в Москву возвращавшихся после завершения посольства в Персии послов Семена Васильевича Волинского и дьяка Сергея Матвеева. С ними прибыл посол шаха Аббаса II Ага-Асан. В Описи в деле о приезде персидского посла стоят даты «1644, мая 26 – 1645, октября 28». Это дело о приезде Аги-Асана объемистое – 709 л.⁴⁸ 9 декабря 1644 г. персидский посол «пришел к государю к Москве» (?), возможно, что это дата получения известия о прибытии посла в Нижний Новгород. Известно, что только 29 декабря 1644 г. посол Ага-Асан был на приеме у царя. Пристав из Нижнего Новгорода до Москвы был нижегородец Иван Злобин⁴⁹. В Описи есть копия грамоты от шаха царю Михаилу. Эту грамоту посол передал царю на аудиенции 29 декабря⁵⁰.

1645 г., начало июля. Остановка в Саратове по пути из Казани в Астрахань «большого вешнего каравана» с иноземными послами. 18 июля караван был уже на Черном Яре, а 23 июля в среду в третьем часу дня – в Астрахани. С этим ка-

раваном плыли из Казани на годовую службу в Астрахань приказ казанских стрельцов с головой Артемием Семеновичем Тютчевым. Стрельцы одновременно охраняли отправленных вместе с ними из Казани нескольких послов. Это были персидский посол Ага-Асан со своими людьми, бухарский посол Козей (Кузей) Нагай и гонец Ших-Баба. Персидский посол Ага-Асан был у царя на отпуске 17 мая 1645 г.⁵¹ (он очень быстро добрался до Казани). В Описи говорится, что в период с 7 мая по июнь 1645 г. Ага-Асан был у царя и вел с боярами переговоры относительно убытков, причиненных в Персии российским подданным и «о новом учреждении пошлин, собираемых с товаров как российских в Персии, так и персидских в России»⁵².

Бухаро-хивинские послы, как и персидский посол, были отправлены с грамотами еще прежде него царя Михаила Федоровича правителю Надыр-Магомету. Царь Михаил Романов умер как раз в тот момент, когда караван находился в районе Саратова – Царицына. Персидское посольство было довольно многочисленным, под шаховых людей выделили специальные суда. Известно, что из Астрахани отправились в Персию морем «Шах Аббасов посол Ага-Асан», а с ним 71 человек шаховых и посольских людей (некоторые, правда, присоединились к посольству в Астрахани)⁵³.

1645 г. август. Прибытие в Саратов специальных уполномоченных нового царя Алексея Михайловича (стольник кн. Иван Семенович Прозоровский и дьяк Калистрат Жохов) с целью принятия присяги всех жителей Саратова новому царю. Они отправлены из Москвы 14 июля, сначала приняли присягу у жителей Самары, потом – Саратова. Далее эти уполномоченные отправились для той же цели на Царицын, Черный Яр и Астрахань. В наказе предписано «приводить ко кресту на свое государево имя» воевод и всяких ратных и земских людей. Приводить ко кресту в соборной церкви, взяв списки у воеводы «всяких чинов людям»⁵⁴.

1645 г., начало августа (?). Отправка из Москвы в Персию гонца Якова Семенова, сына Родионова. Маршрут в точности неизвестен, возможно, что он ехал сухопутным путем станицей из Москвы до Астрахани, как вариант – по Оке и Волге через Казань до Астрахани. Не исключен и третий вариант – станицей от Москвы до Саратова, а далее – по Волге до Астрахани. Этот третий вариант маршрута в конце 1640-х гг. становится наиболее популярным (из Саратова до Москвы самый кратчайший путь по суше, по сравнению с Царицыном и Самарой, и такой же по протяженности, как из Казани до Москвы). Указ нового царя Алексея Михайловича об отправке гонцов в окрестные государства был подписан 3 августа. К тому времени были изготовлены специальные грамоты правителям шести стран (Турции, Персии, Польши,

Дании, Швеции, Англии). В Турцию отправлен посланник, в остальные страны – гонцы. Во всех грамотах говорилось о смерти царя Михаила, о восшествии на престол по благословению Михаила его сына, Алексея Михайловича, указывалось, что «для б подкрепленья б землям сослаться великими послы». В архивной описи стоит дата 1 ноября 1645 г.⁵⁵ Возможно, что эта дата означает отправление уже из Астрахани. Не исключено, что Я. Родионов сопровождал до Астрахани кн. И. С. Прозоровского (он мог догнать Прозоровского в Саратове), в Астрахань прибыл в октябре.

1645 г. Первое посещение Саратова неким индийским купцом при проезде из Астрахани через Казань в Москву. Об этом сообщал в 1647 г. в Москве новый индийский гость, купец Сутур⁵⁶.

1646–1648 гг.

Воеводство в Саратове

Василия (Александровича) Чоглокова

1646 г. Остановка в Саратове (?) по пути в Москву грузинского посла от царя Теймураза Георгия Чолокашвили («казнаур Григорий Шахликучеев» в русских источниках)⁵⁷. Ему предписывалось просить нового царя Алексея Михайловича об отправке в Грузию жалования для Теймураза, а также о защите от персидского шаха (хотя к моменту отправки этого посла в Грузию еще не знали о смерти Михаила, поэтому все грамоты были адресованы прежнему царю). Одним из вопросов, который он должен был решить в Москве, было сватовство «за грузинского царевича Иосифа Давыдовича, Теймуразова внука, государевой сестры»⁵⁸. Он прибыл в Москву 21 августа 1646 г.⁵⁹ Если маршрут его проходил не через турецкие области, как у приехавшего практически одновременно с ним грузинского митрополита Германа, то в июле 1646 г. он проплывал мимо Саратова.

1646 г. Первое упоминание о существовании в Саратове женского Воздвиженского монастыря и его настоятельнице (старлица Соломонида)⁶⁰.

1646 г. август – сентябрь. Остановка в Саратове по пути из Казани в Астрахань трех русских посольств в составе одного каравана. В Персию к шаху Аббасу II были отправлены посол дворянин и наместник Звенигородский кн. Савелий Иванович Козловский и дьяк Иван Зиновьев. В Бухару и Хиву к хану Бухары, Юргенча и Балха Надыр Магомету – послы Анисим Грибов (вторично) и подъячий Иван Львов (они доехали только до Персии и там остались). В Индию к шаху Джагану Сааджаге – казанский купец Никита Сыроежкин и астраханский житель Василий Тушканов (они тоже остались в Персии в связи с конфликтом между Индией и Персией из-за Хорасанской области). Отказ шаха пропустить посольство в Индию был мотивирован «учинившимися меж Индийскими и Туркестанскими государи дракою и ссорю в Индийских

украинных местах, при чем Адганские люди торговым людям учинили шкоды и иных людей побивают». Все три посольства имели общую цель: известить азиатских государей о вступлении на престол царя Алексея Михайловича и о готовности его «поддерживать дружественные и торговые сношения»⁶¹.

Черный наказ кн. С. И. Козловскому датирован 18 июня 1646 г. Статейный список посольства кн. С. И. Козловского (без начальной части), открывается январем 1647 г. и заканчивается апрелем 1649 г.⁶² Следовательно, сведения о проезде через Саратов по пути в Персию находятся в утраченной начальной части статейного списка. Относительно посольства Анисима Грибова, то уже в январе 1647 г. он был в Персии. Этим месяцем датируется грамота персидского шаха Аббаса II о приезде к нему А. Грибова «с товарищи» и о решении шаха оставить их торговать в Персии в связи с войной в Бухаре⁶³.

В Описи говорится, что «оныя купчины (Грибов и Львов. – Я. Р.) посланы были в Бухарию, Балх и в Юргенч, но из-за случившейся там междоусобной войны проехать не смогли». Документы, связанные с этим посольством (1646, май 11 – 1647, сентябрь 13), и наказ (1646, июнь 25) отложились в Бухарских делах⁶⁴.

1646 г., осень. Остановка в Саратове персидских «купчин» («Персидского, Ширванского и Кизылбашского Аббас шаха купчины»). Они были в роли посланников шаха. Их торжественно встречал царь 10 января 1647 г. в золотой палате. Судя по тому, что рындами были стольники князя Прозоровские, а также Пушкины, этих купчин принимали как важных персон⁶⁵. 22 апреля 1647 г. эти купчины снова были на приеме у царя (рынды – Шереметевы, Плещеевы, пристав – Приклонский, объявлял их окольничий П. Ф. Волконский)⁶⁶. Возможно, что это был уже отпуск персидских купчин, так что в 1647 г. они отправились в Персию и проплывали мимо Саратова.

В Описи отмечено, что «1646, август 21 – 1647, октябрь. Приезд персидского гонца Мурат хан Бека с присланной царю Алексею Михайловичу от шаха Аббаса селитрой». Здесь же челобитная его о торговых делах и отпуск обратно в Персию⁶⁷. Возможно, что именно этот Мурат хан Бек был на приеме у царя в золотой палате 10 января 1647 г.

1647 г. Отправление в Персию гонца Григория Булгакова с просьбой не вмешиваться в дела Грузии, не чинить насилия царю Теймуразу. В ответ шах с Булгаковым прислал в Москву письмо, в котором обещал выполнить эту просьбу («подведомственные» ему люди не будут нападать на Грузию) и соглашался пропустить через свои земли послов в Грузию и обратно⁶⁸. Получается, что если кто-то нападет на Теймураза, то это не будут люди шаха (к примеру, Ростом, царь Картли), и шах Аббас не от-

вечает за их действия. Вскоре так и произойдет. Шах чужими руками свергнет неугодного ему Теймураза и заменит его в Кахети на мусульманина Ростом. Г. Булгаков благополучно вернулся в Москву в 1648 г. Об этом гонце позже говорилось и в наказе Н. П. Толочанову, отправленному в 1650 г. в Грузию⁶⁹. В Описи статейный список Г. Булгакова датируется «1647, мая 25 – 1648, октября 30». Здесь Г. Булгаков назван посланником, а не гонцом. С ним вместе в составе посольства были подъячий Ягуп Бреев и толмач Афанасий Цвиленев⁷⁰.

1647 г. конец июня – июль. Остановка в Саратове послов в Грузию во главе со стольником Афанасием Федоровичем Боборыкиным и дьяком Яковом Истоминым. С ними возвращался и грузинский посол азнаур Григорий Чолокашвили (Шахликучеев). Послы выехали из Москвы 25 мая 1647 г., в августе отплыли из Астрахани. Известна грамота царя, адресованная шаху Аббасу, в которой царь благодарил шаха за беспопытливую и свободную торговлю в его землях Анисима Грибова и просил о препровождении к грузинскому царю Теймуразу российских послов стольника Афанасия Боборыкина и дьяка Якова Истомина. Копия с этой грамоты датирована июлем 1647 г.⁷¹

Однако по пути на Каспийском море корабль с послами потерпел крушение. В Описи содержится приписка: «Сии послы, не дошед до Грузии, под Дербентом потонули»⁷². Все послы погибли, а их имущество разграбили владельцы Шемахи и Дербента (по словам царя Теймураза). Это случилось осенью 1647 г., терские воеводы узнали об этом несчастье в ноябре 1647 г. Примерно в то же время (1647–1648 гг.) царь Теймураз был разбит картлийским войском Ростом, которого поддерживали персы. Это было страшное поражение, погибли почти все приближенные Теймураза и сын Давид. По просьбе царицы Хорешан царь Ростом согласился пропустить Теймураза в Имерети к зятю, царю Александру. Мусульманин Ростом присоединил Кахети к Картли, а Теймураз стал царем-изгнанником⁷³.

1647 г. Отправление в Персию посланника (посла) польского короля Владислава «Юрия Ирича» (царь встречал его 11 ноября 1646 г., зимой 1647 г. посол был уже в Казани, первым весенним караваном отправлен в Астрахань)⁷⁴.

1647 г. Первый известный индийский гость в Саратове по пути в Москву – купец Сутур⁷⁵. Он сообщил, что ранее в 1645 г. другой индийский купец тоже приезжал в Москву (имя не приводится).

1647 г. Упоминание о приезде в Саратов яицких казаков, которым даны различные льготы от правительства за их службу⁷⁶. Яицкие казаки привозят воеводам Саратова освобожденных из плена русских людей, захваченных в плен калмыков и ногайцев, казакам разрешено торговать в Саратове без пошлин, совершать покупку

одежды и др. (об этом упомянуто и в Саратовской летописи)⁷⁷.

1647 г. Возвращение из Персии в Москву Анисима Грибова с подъячим Иваном Львовым (их статейный список 1646 г., июнь 25 – 1647 г., сентябрь 13)⁷⁸.

1648–1650 гг.

Воеводство в Саратове князя Федора Борятинского

1648 г. (1649 г.) Возвращение из Персии в Москву с остановкой по пути в Саратове посольства кн. С. И. Козловского и дьяка Ивана Зиновьева (завершение их статейного списка датируется апрелем 1649 г. – по-видимому, это время приезда в Москву)⁷⁹. С посольством кн. С. И. Козловского возвратились из Персии в Москву отправленные в Индию Н. Сыроежкин и В. Тушканов. В. А. Уляницкий отмечал, что в связи с опасностью для путешествия в Индию «князь Козловский должен был признать справедливость доводов шахова правительства; гонцы (Н. Сыроежкин и В. Тушканов. – Я. Р.) не были отправлены и возвратились из Персии вместе с ним»⁸⁰.

1648 г. Возвращение из Персии в Москву с остановкой в Саратове посланника Григория Булгакова с подъячим Ягупом Бреевым и толмачом Афанасием Цвиленевым (завершение статейного списка датировано 30 октября 1648 г.)⁸¹.

Около 1648 г. Новое нападение калмыков на окрестности Саратова, о котором упоминается в наказе 1649 г. астраханским воеводам князьям Ивану Голицыну и Семену Пожарскому. Нападение произошло «недавно», в самом начале царствования Алексея Михайловича: «Тайши по той шерти не устояли, учили приходит под Сибирские города, и под Уфу, и под Саратов, и под Астрахань и на Эдисанские и на Нагайские улусы войною»⁸².

1649 г., начало июня. Остановка в Саратове по пути в Москву грузинского посольства царя Теймураза и имеретинского царя Александра III («грузинский посол князь Иван да Мелетинский посол Леонтей с товарищи»). Н. Т. Накашидзе называет послов Теймураза «Иван Григорьев и архимандрит Пахомий», а послов Александра – «иермонах Василий и товарищ его Давид»⁸³. Послы в августе 1649 г. прибыли в Москву.

1649 г. Остановка в Саратове по пути из Астрахани в Казань и далее в Москву персидского посольства от шаха Аббаса II, которое возглавлял Магмет Кулы-бек и купчина Бежамбек (в очередной раз). С ними вместе прибыл от шемахинского «Хусрев хана Кушей Худай Берды-бек». Отписки воевод разных городов о проезде этого посольства датируются периодом с 21 октября 1648 г. до января 1650 г.⁸⁴ Встречал персидского посла в дороге и сопровождал до Москвы в качестве пристава Тимофей Степанов сын Владычкин. Торжественный прием царем

Магмет Кулы-бека состоялся 19 января 1650 г. в грановитой палате⁸⁵.

От 19 и 22 января 1650 г. датируются переводы с грамот шаха Аббаса и хана Шемахи Хосрова, привезенных в Москву Магмет Кулы-беком, Бежам-беком и «Кудай Берды-беком»⁸⁶. Магмет Кулы-бек прибыл в Москву около 8 января 1650 г., находился в столице до мая 1650 г.

1649 г. Первое упоминание о нахождении в Саратове казанского таможенника («казанский таможенный ларешный целовальник»), который собирал пошлину с купцов, решившихся отправиться из Саратова в Москву напрямую, по суше, минуя Казань⁸⁷.

1649 г., осень. Остановка в Саратове 5 индийских купцов с товарами (известен список их товаров)⁸⁸, дальнейший их маршрут из Саратова по суше напрямую до Ярославля⁸⁹.

1650 г. Отправление в Персию гонца Матвея Спиридонова, а также гонца астраханца Анисима Грибова. М. Спиридонов должен был просить шаха за царя Теймураза, «о неутеснении его» и возвращении отнятого у него владения, и «указать о всяких прегрешениях» в Шемахе и других местах, а также на притеснения русских подданных. Перед Грибовым стояла задача «испрошения свободного торгова астраханским купчинам Якову Брилину с товарищи». Оба статейных списка сохранились⁹⁰.

1650 г. Отправление в Персию в качестве гонца толмача Розмамета Тевкелева с грамотой по делу гостя Надеи Светешникова (у Светешникова в Гиляне пропал товар). Статейный список датируется 12 мая 1650 – октябрь 1651 г.⁹¹

1650 г. Первые известные к настоящему времени документы о назначении на службу в Саратове новых детей боярских взамен убиавших. К тому времени детей боярских было в Саратове по-прежнему 18 человек, как и за 10–20 лет до этого. До 1650 г. в Саратове служил Иван Желебин, в 1650 г. вместо него был назначен Иван Микулин. Грамота отправлена прежнему воеводе Ф. Борятинскому⁹².

1650 г. Смена воевод в Саратове. Вместо прежнего воеводы кн. Федора Борятинского был назначен новый воевода Василий Григорьевич Феофилаьев⁹³.

1650–1652 гг.

Воеводство в Саратове стольника Василия Григорьевича Феофилаьева

1650 г. Федор Алеев и Глеб Неронов получили разрешение служить на Саратове в ряду с другими детьми боярскими. Грамота отправлена новому воеводе В. Г. Феофилаьеву⁹⁴.

1650 г., август. Остановка в Саратове при возвращении в Персию посольства от шаха Аббаса – Магмет Кулы-бек, купчина Бежам-бек (Беджам-бек) и Кушей Худай Берды-бек. Отпуск Магмета Кулы-бека из Москвы состоялся в мае 1650 г. В Дворцовых разрядах отмечено, что

7 мая 1650 г. Магмет Кулы-бек был на отпуске у царя Алексея Михайловича, получил тогда же в подарок шубу и кубок. В тот же день были у царя на отпуске грузинские послы – князь Иван (от царя Теймураза) и Леонтий (от имеретинского царя Александра)⁹⁵. По-видимому, все эти послы отправлялись домой в составе одного каравана. Они сопровождали русское посольство в Персию Н. П. Толочанова, в августе проплывали через Саратов, а в октябре были уже в Терках, где при них казнили трех казаков, виновных в разграблении персидских людей⁹⁶.

1650 г., августа 12. Русские послы во главе со стольником Никифором Павловичем Толочановым и дьяком Алексеем Ивановичем Иевлевым вместе с грузинскими послами царей Теймураза и Александра III на короткое время остановились в Саратове: «На Саратов пришли августа в 12 день. И с Саратова воевода Василей Фифилатьев послал провожатых и в греблю до Царицына сто десять человек»⁹⁷. Послы 9 (10) июня выехали из Москвы⁹⁸, а 6 сентября 1650 г. это посольство прибыло в Астрахань⁹⁹.

1650 г., июль – август. Успешные действия воеводы Саратова В. Г. Феофилаьева против воровских казаков. Взятие в плен атамана Микиты Соколова, казнь его в Саратове. Остальных казаков, в том числе некоего Стеньку Федорова, по просьбе посадской общины Саратова оставили в живых и посадили в тюрьму¹⁰⁰.

Не связаны ли эти превентивные походы воевод, в том числе воеводы Саратова, с предстоящим плаванием посольства Н. П. Толочанова, с целью обезопасить путь посольства по Волге? В результате решительных действий воеводы Василия Феофилаьева и воевод других городов была осуществлена полная ликвидация волжского казачества и воровских казаков на Волге. Отныне все разбои на Волге (которые в 1660-е гг. только усилятся) будут осуществлять пришлые казаки с Дона, пробираясь на Волгу в районе Камышенки.

1651 г. Начало службы в Саратове сына боярского Калины Ховрина вместо его убиавшего брата Федора Ховрина. Брат прекратил службу в 1650 г. Грамота отправлена воеводе Василию Феофилаьеву¹⁰¹.

1651 г. Известен руководитель посадской общины Саратова Ивашка Горбун. Он и его товарищи в конце 1650 г. написали челобитную с просьбой ограничить произвол таможенных верных голов и целовальников, которые брали лишние пошлины с промыслов посадских людей. В 1651 г. эта челобитная была удовлетворена. Грамота отправлена воеводе Саратова В. Г. Феофилаьеву¹⁰².

1651 г. Согласно смете военных сил «На Саратове служилых людей. Детей боярских 18. Сотников стрелецких 3. Подьячих 4. Пушкаррей 6. Сторожей 2. Стрельцов конных 100 да пеших 300. Всего на Саратове служилых лю-

дей 433, *опричь годовальщиков*». Эти годовальщики указаны в смете только из Кокшайска (число не указано)¹⁰³.

1651 г. Отправка в Индию гонцов торговых людей «Родиона Микитина и казанца Ивана Никитина». Наказ «торговым людям Родиону и Ивану Никитиным» датирован 26 мая 1651 г.¹⁰⁴ Маршрут предполагался через Астрахань и земли шаха Аббаса II. Никитины выступали одновременно в качестве гонцов к персидскому шаху. Эти торговые люди не доехали до места назначения в связи со смертью великого могола Джагана и возникшего междоусобия между его сыновьями. Также сыграл свою роль конфликт с персидским шахом из-за действий правителя Шемахи хана Хосрова в отношении русских купцов¹⁰⁵. Трудно сказать, до каких мест они доехали после Астрахани. Сведения об этом путешествии довольно скудные, в Индийских делах сохранились только Наказ, грамоты к правителям Персии и Индии и презжая грамота, выданная этим Никитиным.

В источниках сохранились многочисленные другие свидетельства о пребывании в Саратове воеводы Василия Григорьевича Феофилаьева.

Примечания

- 1 См.: Рабинович Я. Н. «Новая Саратовская летопись» о событиях 1616–1641 гг. в Саратове // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История, Международные отношения. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 102–109.
- 2 См.: *Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф.* Саратовская летопись // Саратовский край, исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. 1. Саратов : Паровая скоропечатня Губерн. Правления, 1893.
- 3 См.: Рабинович Я. Н. Указ. соч. С. 102–103.
- 4 См.: *Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф.* Указ. соч. С. 26.
- 5 См.: Болтин, Аверкий Федорович // Русский биографический словарь / изд. А. А. Половцева : Бетанкур-Бякстер. М., 1995 (репринт). С. 184–185.
- 6 См.: *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1902. С. 202, 441.
- 7 См.: *Герасимов А. А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов : Друкарь, 1923. С. 235.
- 8 См.: Уляницкий В. А. Сношения России со Средней Азией и Индией // ЧОИДР. 1888. Кн. 3 (146). С. 1–56.
- 9 См.: *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* Материалы для истории г. Саратова : записи книг Печатного приказа (1650–1675 гг.). М. : Университетская типография, Страстной бульвар, 1892. С. 1–26.
- 10 См.: РГАДА. Ф. 77. Сношения России с Персией. Оп. 1. С. 96 об. (1658. К. 38. № 4).
- 11 Там же. Ф. 77. Оп. 1. Дела, подключенные из россыпи в 1985 г. (доп. листы).
- 12 См.: *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* Материалы для истории г. Саратова... С. 8.
- 13 См.: РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. С. 99 (1660, марта 15. Св. 12. № 1).
- 14 См.: Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии (далее – Дворцовые разряды). СПб., 1851. Т. 2 ; СПб., 1852. Т. 3.
- 15 См.: Накашидзе Н. Т. Грузино-русские политические отношения в первой половине XVII века. Тбилиси : Сабчота Сакартвело, 1968.
- 16 См.: *Бушев П. П.* История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613–1621 гг. (по русским архивам). М. : Наука, 1987.
- 17 См.: *Бушев П. П.* История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам). М. : Наука, 1976. С. 3–26.
- 18 См.: *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год) : в 4 ч. М., 1894–1902.
- 19 См.: Материалы по истории народов СССР. Вып. 3 : Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1 : Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. Л. : Изд-во АН СССР, 1932 (1933). С. 400–417 (табл. 3, 4).
- 20 См.: Записная книга Московского стола 7149 года // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 256–259.
- 21 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. С. 78.
- 22 Там же. С. 75 об, 77.
- 23 Там же. С. 77 об.
- 24 *Полиевктов М. А.* Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию. Тифлис : Изд-во Тифлисского ун-та, 1928. С. 96.
- 25 Материалы по истории народов СССР. Вып. 3. С. 157–160, 180, 305–306, 400.
- 26 Уляницкий В. А. Указ. соч. С. 19.
- 27 Статейный список посольства Савина Горохова и Анасима Грибова // ЖМНП. 1884, июль.
- 28 Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 681.
- 29 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. С. 79, 79 об.
- 30 См.: Материалы по истории народов СССР. Вып. 3. С. 168, 190, 408, 414.
- 31 См.: Уляницкий В. А. Указ. соч. С. 18.
- 32 См.: РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. С. 79 об.
- 33 См.: Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 703.
- 34 Там же. Стб. 705.
- 35 См.: Уляницкий В. А. Указ. соч. С. 18.
- 36 См.: РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. С. 80–80 об.
- 37 Полиевктов М. А. Посольство князя Мышецкого... С. 86.
- 38 См.: Материалы по истории народов СССР. Вып. 3. С. 190.
- 39 См.: Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией (далее – АИ) : 5 т. СПб., 1841. Т. 3 (1613–1645), дополнения, № 306. С. 500.
- 40 Цит. по: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Соч. : в 18 кн. М. : Голос, 1995. Кн. 7, т. 12. С. 616–617.
- 41 См.: Записная книга Московского стола 7155 года // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 311.

- 42 См.: Пудалов Б. М. Родословные сказки Болтиных // Историография. Источниковедение. Историческое краеведение : сб. статей к юбилею доктора исторических наук В. В. Митрофанова. Нижневарт. гос. ун-та, 2017. С. 104, 108.
- 43 См.: Уляницкий В. А. Указ. соч. С. 19.
- 44 См.: РГАДА. Ф. 109. Сношения России с Бухарой. Оп. 1. С. 11.
- 45 Там же.
- 46 См.: Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 737.
- 47 См.: РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. С. 80–80 об.
- 48 Там же. С. 81.
- 49 См.: Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 747–748.
- 50 См.: РГАДА. Ф. 77. Оп. 2 (грамоты). С. 4 об.
- 51 См.: Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 755.
- 52 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. С. 82.
- 53 См.: АИ. СПб., 1842. Т. 4 (1645–1676), № 2. С. 15.
- 54 Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 3, 4.
- 55 См.: РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. С. 82.
- 56 См.: Уляницкий В. А. Указ. соч. С. 32.
- 57 РГАДА. Ф. 110. Сношения России с Грузией. Оп. 1. Книги и дела. 1586–1719 гг. С. 18.
- 58 Там же. С. 18 об.
- 59 См.: Накашидзе Н. Т. Указ. соч. С. 135, 251.
- 60 См.: Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. С. 235.
- 61 Уляницкий В. А. Указ. соч. С. 18, 31.
- 62 См.: РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. С. 83, 84.
- 63 Там же. Ф. 77. Оп. 2. С. 4 об., 5.
- 64 Там же. Ф. 109. Оп. 1. С. 11 об.
- 65 См.: Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 55.
- 66 Там же. Стб. 57.
- 67 См.: РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. С. 83 об.
- 68 См.: Накашидзе Н. Т. Указ. соч. С. 136.
- 69 См.: Полиевктов М. А. Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию, 1650–1652. Тифлис : Изд-во Тифлисск. ун-та, 1928.
- 70 См.: РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. С. 84 об.
- 71 Там же.
- 72 См.: РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. С. 18 об.
- 73 См.: Накашидзе Н. Т. Указ. соч. С. 137.
- 74 См.: Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 50.
- 75 См.: РГАДА. Ф. 56. Сношения России с Индией. Оп. 1. С. 2.
- 76 См.: Гоздаво-Голомбиевский А. А. История города Саратова в исследованиях местного любителя старины // Библиографические записки : ежемесячное иллюстрированное издание. 1892. № 3 (март). М., 1892. С. 4.
- 77 См.: Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. Указ. соч. С. 26.
- 78 См.: РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. С. 83.
- 79 Там же. С. 84.
- 80 Уляницкий В. А. Указ. соч. С. 32.
- 81 См.: РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. С. 85.
- 82 Наказ из Посольского приказа Астраханским воеводам князьям Ивану Голицыну и Семену Пожарскому. 1649, апрель – май // АИ. СПб., 1842. Т. 4, № 32. С. 110.
- 83 Накашидзе Н. Т. Указ. соч. С. 147.
- 84 См.: РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. С. 85.
- 85 См.: Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 146–147.
- 86 РГАДА. Ф. 77. Оп. 2. С. 5.
- 87 См.: Уляницкий В. А. Указ. соч. С. 34.
- 88 Там же.
- 89 См.: РГАДА. Ф. 56. Оп. 1. С. 1 об.
- 90 Там же. Ф. 77. Оп. 1. С. 87 об–88.
- 91 Там же. С. 88 об.
- 92 См.: Гоздаво-Голомбиевский А. А. Материалы для истории г. Саратова... № 1. С. 9.
- 93 Там же. С. 8.
- 94 Там же. № 2. С. 9.
- 95 См.: Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 162, 163.
- 96 См.: РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. С. 88 об.
- 97 Полиевктов М. А. Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию, 1650–1652. С. 29.
- 98 См.: Полиевктов М. А. Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу. Тифлис : АН СССР, НИИ Кавказоведения им. Акад. Н. Я. Мара, 1935. С. 67–71.
- 99 См.: Накашидзе Н. Т. Указ. соч. С. 148–150.
- 100 См.: Гераклитов А. А. Материалы для истории Саратовского Поволжья ; столбцы Московского архива Министерства Юстиции // Труды СУАК. 1912. Вып. 29, № 10. С. 70–71.
- 101 См.: Гоздаво-Голомбиевский А. А. Материалы для истории г. Саратова... № 4. С. 9–10.
- 102 Там же. № 3. С. 9.
- 103 Водарский Я. Е. «Сметный список» военных сил России 1651 года // Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII – первая половина XVIII вв. М. : Ин-т истории АН СССР, 1989. С. 24–25.
- 104 См.: РГАДА. Ф. 56. Оп. 1. С. 3.
- 105 См.: Уляницкий В. А. Указ. соч. С. 35–37.

Образец для цитирования:

Рабинович Я. Н. «Новая Саратовская летопись» о событиях 1641–1650 гг. в Саратове // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 80–90. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-80-90>

Cite this article as:

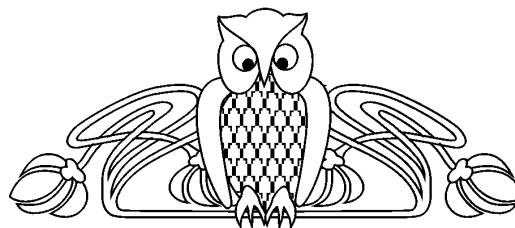
Rabinovich Ya. N. "New Saratov Chronicle" about the Events of 1641–1650 in Saratov. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 80–90 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-80-90>

УДК 94(470)«1917»

Выборы в волостные земства в Саратовской губернии

А. А. Фортун

Фортун Алексей Андреевич, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, fortun2017@yandex.ru

В статье анализируется процесс подготовки и проведения выборов в волостные земства Саратовской губернии в 1917 г. Формулируется вывод, согласно которому реформа волостного земства Временного правительства не привела к ожидаемому результату в силу неразработанности законодательства в сфере полномочий волостного земства, отсутствия финансовой самостоятельности новой структуры и абсентеизма крестьянских масс.

Ключевые слова: Временное правительство, Саратовская губерния, реформа земского самоуправления, волостное земство, выборы.

The Election to Volost Zemsto in the Saratov Province

A. A. Fortun

Aleksei A. Fortun, <https://orcid.org/0000-0001-6044-5587>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012. Russia, fortun2017@yandex.ru

This article aims to analyze the process of preparing and holding elections to volost zemstvo of the Saratov province in 1917. The author comes to the conclusion that reform of the volost zemstvo by Temporary Government did not achieve the desirable result due to the lack of development of the legislation in the sphere of competence of volost zemstvo and the lack of financial independence of the new structure and absenteeism among peasants.

Keywords: Temporary Government, the Saratov province, reform of zemstvo self-administration, volost zemstvo, elections.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-91-95>

История земского самоуправления в пост-февральский период широко не освещалась в отличие от земской реформы 1864 г.¹ Можно назвать лишь несколько работ, где есть сюжеты, посвященные введению мелкой земской единицы в России². Вопрос об учреждении волостного земства в Саратовской губернии не получил сколько-нибудь подробного анализа в историографии. Лишь отдельные аспекты находят свое отражение в трудах Н. Н. Кабытовой³ и Г. А. Герасименко⁴. В связи с этим заявленная тема представляется актуальной для исследования.

В результате земской реформы 1864 г. система местного самоуправления, по справедливым замечаниям современников, являла собой «здание без фундамента и крыши», т. е. отсутствовал всероссийский земский центр и мелкая земская

единица. С. Ф. Ехлакова отмечает, что впервые предложения о создании волостной единицы появились еще во второй половине XIX в., в период Великих реформ⁵. Вопрос этот широко обсуждался в земствах и прессе, но наиболее конкретные предложения были сформулированы лишь в начале XX в.⁶ После революции 1905–1907 гг. необходимость создания волостной единицы признавал и царизм. В течение двух лет в III Государственной Думе рассматривался закон о введении волостных земств, но он не был принят верхней палатой российского парламента – Государственным Советом⁷. Первая мировая война заставила власть вернуться к вопросу о введении мелкой земской единицы, однако до Февральской революции он так и не был решен.

После Февральской революции 1917 г. Временное правительство рассматривало земские учреждения в качестве будущего фундамента административной власти на местах. Однако компетенция органов земского самоуправления по-прежнему ограничивались «Положениями о губернских и уездных земских учреждениях» 1864 и 1890 гг.⁸ Для того чтобы органы местного самоуправления могли осуществлять социально-регулятивные и охранительные функции, Временное правительство 23 марта 1917 г. создало Особое совещание, целью которого являлась подготовка реформы местного самоуправления⁹. Итогом такой работы стали 46 законопроектов, к важнейшим среди них следует отнести: устройство волостного земства, пересмотр земского и городского положений и реформу земского избирательного права.

«Временное положение о волостном земском управлении» было утверждено 21 мая 1917 г. Согласно «Положению...» с введением волостного земства упразднялись ранее существовавшие и стихийно возникавшие революционные организации¹⁰. Предметы введения волостных земств определялись указанным законоположением, согласно пп. 1–22 ст. 3 которого к ним относились: устройство и содержание местных дорог, заботы по противопожарной безопасности, попечение о народном образовании, содержание лечебниц, ветеринарный надзор и т. д.¹¹ Однако степень самостоятельности волостных земств в сфере социально-экономических практик была ограничена. Например, по ст. 4 предметы ведения, перечисленные в пп. 5–14, должны были «осуществляться волостными земскими учреждениями только по соглашению с уездными земствами»¹². Так, на съезде земских деятелей Саратовской гу-

бернии (1 октября 1917 г.) гласный губернского земства Л. В. Зайковский, разъясняя присутствующим делегатам содержание ст. 4, подчеркнул, что «если волостное земство признает нужным устроить на собственные средства школу, то оно должно руководствоваться условиями, которые поставит уездное земство»¹³. При этом бюджеты волостного земства были ничтожными. По закону Временного правительства от 17 июня 1917 г. они могли взимать не более 30 % уездных сборов¹⁴. Более того, согласно постановлению от 23 июня 1917 г. Временное правительство относилось все расходы по введению волостных земств в счет смет на 1918 г.¹⁵, тем самым обрекая их на дефицитное существование в будущем.

Электоральная система, созданная Временным правительством, строилась на основе прямого, всеобщего, равного, тайного голосования. 11 июня 1917 г. был опубликован Наказ о процедуре выборов земских гласных. Волостное земское собрание избиралось на трехлетний срок. В выборах могли участвовать все граждане обоего пола, достигшие двадцатилетнего возраста¹⁶. Впервые в истории России женщины получали право голоса наравне с мужчинами. Вся организационная работа возлагалась на уездные земские собрания и управы.

При подготовке волостных выборов уездные земства Саратовской губернии столкнулись с рядом проблем. К числу первоочередных следует отнести создание избирательных комиссий, в состав которых входили председатель, назначаемый уездной земской управой, а также 4–8 членов. Половину из них предлагали и утверждали руководители земской управы, а другую – избирало население¹⁷. Жители некоторых волостей, отмечалось в отчете Камышинского уездного комиссара, «признавало для себя принципиально неприемлемым саму форму «назначения», а желало выбирать и председателей, и членов комиссии»¹⁸. В ряде случаев управы шли им навстречу и утверждали указываемых лиц. В конечном итоге это замедляло работу комиссий.

С большими трудностями уездные земства столкнулись при определении границ волостей. Например, в Камышинском уезде до 1 марта 1917 г. было 28 волостей. В течение весны – лета 1917 г. в Камышинский уездный исполнительный комитет поступили ходатайства от 27 сельских обществ о выделении их в самостоятельные волостные единицы. Таким образом, в уезде образовалось 55 волостей¹⁹. Согласно ст. 2 «Положения...» раздел существующих или образование новых волостей, а также изменение их границ отдавалось на усмотрение уездных земств²⁰. В связи с этим 24–26 июня 1917 г. состоялось чрезвычайное уездное Камышинское земское собрание, где были рассмотрены все 27 ходатайств. Подробно ознакомившись с ситуацией на местах, земское собрание «в интересах самого населения и без ущерба для введения са-

мостоятельного волостного хозяйства» утвердило только 5 волостей. Впоследствии некоторые волости, не желая подчиняться постановлению уездного земского собрания, отказались участвовать в выборах гласных волостных земств²¹, чем оттягивали сроки выборов в уезде.

Предвыборная агитация должна была осуществляться с помощью особых кадров. Отсутствие квалифицированных специалистов, в частности инструкторов и агитаторов, стало важной проблемой. Так, председатель комиссии по введению волостного земства в Кузнецком уезде студент Ф. Т. Сальников констатировал: «Списки по волостям составлены, но беда в том, что в деревне остаются в полном неведении относительно нового закона». Председатель уездной земской управы Н. Н. Захарьин предложил решить эту проблему следующим образом: ходатайствовать перед губернским земством «об отпуске кредита на агитаторов», а в ближайшее время привлечь к этой миссии земских учителей²². Для их подготовки Саратовским обществом народных университетов была разработана программа краткосрочных курсов²³. Однако многочисленные документальные свидетельства указывают на то, что крестьяне «недоверчиво, а иногда и прямо враждебно относились к местной интеллигенции», агитировавшей их²⁴.

Надо полагать, что земцы скомпрометировали себя в глазах крестьян, осуждая насильственный захват ими чужой собственности. Совершенно равнодушно к предвыборной агитации отнеслось население многих немецких волостей. Камышинское уездное земство так характеризовало ответ одной волостной земской управы: «Немецкое население к выборам относится без ясного понимания задач волостного земства»²⁵. Низкая эффективность агитации в нерусских волостях, полагает С. В. Любичанковский, была вызвана тем, что агитаторы располагали только русскими печатными материалами. Официальных агитационных материалов на других языках ни в одной из губерний подготовлено не было²⁶. Не лучше обстояло дело и с приезжими агитаторами. Так, в ходе экстренного совещания, созванного Саратовским губернским комиссаром Д. А. Топуридзе 18 октября 1917 г., крестьянин Лопатников отмечал: «Крестьян мутят всякие агитаторы, в основном юноши и курсистки, разъезжающие по деревням; некоторые из них призывали убивать буржуев и расхищать частные владения»²⁷.

Специальное внимание уездные земства губернии уделили определению избирательной системы к планируемым волостным выборам. Как отмечает В. Н. Гинев, в Положении от 21 мая 1917 г. не говорилось, как именно проводить выборы, но описание процедуры голосования и подсчета голосов указывали на мажоритарную систему²⁸. Однако в самый разгар предвыборной кампании Временное правительство принима-

ет постановление (26 июля 1917 г.), по которому уездные земства могли проводить выборы и по пропорциональной системе. Исследователи полагают, что причина подобного шага заключалась в том, чтобы создать на выборах более благоприятные условия для сельской интеллигенции²⁹, так как уже с мая в правительство стали поступать сведения о недоброжелательном отношении крестьян к «третьему элементу»³⁰. В частности, в «Саратовском листке» отмечалось: «Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что интеллигенция мало где пройдет; будет составлено чисто крестьянское волостное земство, а это поведет к старому порядку, когда дела решались не разумом, а горлом»³¹. Как свидетельствуют архивные документы, в Саратовской губернии применялись обе системы голосования, предпочтение же отдавалось мажоритарной³². Достичь единства Саратовскому земству в этом вопросе не удалось.

На реализацию закона о волостном земстве требовались значительные финансовые ресурсы. В условиях экономического кризиса, инфляции и роста цен в период Первой мировой войны самостоятельно выделить необходимые ассигнования уездные земства были просто не в состоянии. Поэтому специальные кредиты на эти цели выделяло МВД, указывая на то, что «все расходы пойдут в счет будущих смет волостных земств»³³. Так, на депозит Саратовского губернского земства была перечислена сумма в 151 тыс. руб. для распределения между уездными земствами из расчета по 500 руб. на каждую волость³⁴. Аткарская уездная земская управа получила кредит в 23500 руб. на организацию мелкой земской единицы в 47 волостях³⁵. Камышинской уездной земской управе было ассигновано 16500 руб. на 33 волости³⁶ и т. д. Однако выделяемых средств явно не хватало. Ранее упоминавшийся председатель Кузнецкой комиссии по введению волостного земства Ф. Т. Сальников, выступая на уездном земском собрании, говорил, что «если не назначить вознаграждение членам волостных комиссий, то они скоро распадутся»³⁷.

Каково же было отношение крестьян к выборам волостных земств в Саратовской губернии? Подводя итоги предвыборной кампании, Саратовская губернская земская управа отмечала, что «население губернии, за немногим исключением, относилось к выборам индифферентно»³⁸. Анализ отчетов уездных земских управ показал, что главными причинами пассивности избирателей, как правило, являлись «непонимание населением задач волостного земства» или общий уровень «безграмотности деревни»³⁹.

Несмотря на все вышеперечисленные трудности, выборы в волостные земства были проведены. По подсчетам Г. А. Герасименко в Саратовской губернии возникло 153 мелкой земской единицы, из них в сентябре – 78, в октябре – 67, в ноябре – 7 и в декабре – 1⁴⁰.

Систематических сведений по социальному составу гласных волостных земств в Саратовской губернии, к сожалению, не имеется. Причиной тому являлись очень частые нарушения закона о выборах. Например, в Хвалынском уезде из 29 волостей перевыборы были назначены в 15 избирательных участках. Так, в Старо-Кулаткинском участке избирательная кампания была прервана из-за нежелания признать женщин полноправными участниками выборов. В Ново-Зимнецком участке выборы были прерваны разбушевавшейся толпой⁴¹. Во многих мусульманских селениях перевыборы назначались вследствие «насилий, учиненных над избирательными комиссиями»⁴². Однако несмотря на подобные эксцессы, выборы в волостные земства все же состоялись.

Немногочисленные архивные источники, в том числе периодическая печать, позволяют сделать вывод о том, что большинство гласных были из крестьян. В качестве примера приводятся сведения по Кузнецкому уезду (табл. 1).

Из табл. 1 следует, что интеллигенция получила незначительное количество мест в волостных земских собраниях, не более 3,5%. Крестьяне противопоставили интеллигенции общинную организацию и предпочитали голосовать за «своих». Сведения подобного рода имеются по двум волостям Царицынского уезда. Ерзовское (48 гласных) и Городецкое (20 гласных) волостные земские собрания состояли только из крестьян⁴⁴.

О партийной принадлежности гласных волостных земств известно немного. Источники, в частности отчеты уездных земских управ, указывают на то, что большинство гласных были беспартийными. Председатель Камышинской уездной земской управы отмечал: «Во многих волостях велась борьба не партий, а лиц и личных интересов»⁴⁵. Аполитичность крестьян Саратовской губернии зафиксирована в документах и более позднего происхождения. В одном из докладов Саратовского губкома РКП (б) о положении дел в уездах в 1918 г. подчеркивалось: «Крестьяне, в большинстве своем, представляют класс беднейшего сельского пролетариата, лишённые политического и классового сознания»⁴⁶. Тем не менее среди партийных гласных преобладали эсеры и энесы⁴⁷, которые активнее других участвовали в организации выборов волостных земств.

Возникнув в условиях революционного кризиса, волостные земства Саратовской губернии столкнулись с серьезными проблемами, а именно материальными. Финансовые возможности волостных земств, как отмечалось выше, были скромными. К тому же крестьяне отказывались вносить земские сборы, подрывая основы хозяйственной деятельности земств. Представление об этом дает табл. 2.

Выбирая управы, волостные собрания нередко назначали председателю и ее членам

Таблица 1

Количество членов волостных земских управ по роду занятий в Кузнецком уезде⁴³, чел.

Название волости	Социальный состав											Всего
	хлебопашцы	учителя	врачи	фельдшеры	писари	торговцы	рабочие	священники	служащие	учащиеся	мулы	
Анненковская	32	–	–	–	1	1	1	–	–	–	–	35
Дубровская	32	1	–	–	–	–	–	1	–	–	1	35
Евлашевская	43	1	–	–	–	–	–	–	–	–	1	45
Камешкорская	32	3	1	1	–	–	–	–	–	–	–	37
Кунчеровская	42	–	1	–	1	2	–	–	–	–	4	49
Неверкпинская	35	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	37
Никольская	38	1	–	–	–	–	–	–	1	–	–	40
Наскафтымская	30	1	–	–	–	–	2	–	–	–	–	34
Планская	25	1	–	–	2	–	–	–	–	–	–	28
Чепрчимская	21	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	22
Сюзюмская	30	1	–	1	4	–	1	–	–	1	–	38
Чадаевская	27	2	–	–	–	–	–	1	–	–	–	30
Пемышейская	14	3	–	–	5	–	2	–	1	–	–	26

Таблица 2

Поступления земских сборов с крестьян по Саратовской губернии, тыс. руб.⁴⁸

Год	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Итого
1916	93	91	53	53	54	123	470
1917	69	93	42	29	22	45	300

высокое жалование. Например, Ерзовское волостное земское собрание Царицынского уезда установило следующие размеры денежного вознаграждения: председателю – 1800 руб., членам управы – 1440 руб. в год⁴⁹. Поэтому некоторые исследователи справедливо полагают, что необходимость содержания аппарата мелкой земской единицы стала одной из главных причин негативного к нему отношения крестьянства⁵⁰.

Противодействие со стороны крестьянских масс имело и другие основания. Как известно, по «Положению...» от 21 мая 1917 г. все возникшие ранее крестьянские организации, включая волостные исполкомы, подлежали упразднению. Временное правительство этой мерой надеялось ограничить власть низовых комитетов, захвативших помещичьи земли. В связи с этим 29 сентября 1917 г. при Саратовской губернской земской управе состоялось совещание уездных земских управ, постановления которого сводились к следующему. Во-первых, было установлено, что только земства должны взять в свои руки земельный вопрос в губернии. Во-вторых, функции существующих земельных и волостных исполкомов передать в ведение волостных земств⁵¹. Вследствие этого во многих уездах Саратовской губернии возникли крестьянские беспорядки. Разгрому подверглись: из 280 экономий Сердобского уезда 8 крупных имений; крупных имений до 120 дес. – 32; отрубных хуторов – 27⁵². Во многих местах началось открытое про-

тивостояние волостных земств и исполкомов. Бывший председатель Саратовской губернской земской управы К. Н. Grimm вспоминал: «Комитеты возмнили себя волостными республиками, для которых никакие законы не писаны, которые сами ищут для себя законы, а во главе этих комитетов, по различным сведениям, состоят 60 % людей с уголовным прошлым»⁵³. Характерными в этом отношении являются события, произошедшие в Банновской волости Камышинского уезда. Председатель Банновской волостной земской управы Ефемеев телеграфировал в уездную земскую управу следующее: «Был в Банновке, где приготовился принять дела и капиталы волостного комитета, который с введением волостного земства должен закрыться. Пересчитал с учетчиками деньги, положил их в сундук и вышел. Вскоре после этого вошла толпа крестьян и стала кричать: зачем грабите? Мы земства не хотим. Секретаря управы Дергачева избили, собирались бить и меня. Мы подали в отставку и тем успокоили толпу. Что делать? Закрывать или работать?»⁵⁴.

Подводя итоги, следует отметить, что Временное правительство выполнило требования земского либерализма конца XIX – начала XX в. В России появились волостные земства. Однако анализ основных законодательных актов показал, что реформа по введению мелкой земской единицы была совершенно непродуманна, особенно в области финансовой деятельности. Бюд-

жеты волостных земств, строившиеся на основе самофинансирования, в условиях инфляции, вызванной войной, при сокращении земских сборов оказались ничтожными. В целом реализация этой реформы не отвечала потребностям текущего момента. В 1917 г. ситуация на местах стало совершенно иной. Крестьяне, одержимые идеей «черного передела», отнеслись к введению волостного земства враждебно. При подобных условиях волостное земство было едва ли жизнеспособным.

Примечания

- 1 См.: Лантева Л. Е. Земские учреждения в России. М. : ИПАН, 1993.
- 2 См.: Гинев В. Н. Мажоритарные или пропорциональные? Проблема в связи с первыми в России выборами в волостное земство в 1917 г. // Петербургский исторический журнал. 2016. № 3. С. 80–92.
- 3 См.: Кабытова Н. Н. Власть и общество Российской провинции в революции 1917 года. Самара : Изд-во «Самарский университет», 2002.
- 4 См.: Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. М. : Наука, 1990.
- 5 См.: Ехлакова С. Ф. Мелкая земская единица в общественных дискуссиях конца XIX века // Омский научный вестник. Исторические науки. 2011. № 6. С. 23.
- 6 Подробнее см.: Пирумова Н. М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М. : Наука, 1977. С. 154.
- 7 См.: Абрамов П. Н. Волостные земства // Исторические записки. 1961. № 69. С. 27.
- 8 См.: Морозова Е. Н. Власть и земское самоуправление : опыт российского земства // История государства и права. 2009. № 19. С. 24.
- 9 См.: Гордеев О. Ф. Временное правительство и земская реформа в России (март – октябрь 1917 г.) : исторические и правовые аспекты проблемы // Вестник КрасГАУ. 2006. № 11. С. 362–363.
- 10 См.: Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. №2. 5 мая – 24 июля 1917 г. Пг. : Государственная типография, 1918. С. 220.
- 11 Там же. С. 221–222.
- 12 Там же. С. 222–223.
- 13 Саратовская земская неделя. 1917. № 5. 7 нояб.
- 14 См.: Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 2. 5 мая – 24 июля 1917 г. Пг. : Государственная типография, 1918. С. 247.
- 15 Там же. С. 254.
- 16 Там же. С. 223.
- 17 См.: Любичанковский С. В. Политика аккультурации в условиях разрушения империи : казус волостного земства // Вестн. ТГУ. История. 2017. № 50. С. 33.
- 18 Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 25. Оп. 1. Д. 4642. Л. 36.
- 19 Там же. Л. 18.
- 20 См.: Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 2. 5 мая – 24 июля 1917 г. С. 221.
- 21 См.: ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 4642. Л. 29–29 об.
- 22 См.: Саратовский листок. 1917. № 155. 13 июля.
- 23 См.: Кабытова Н. Н. Указ. соч. С. 215.
- 24 См.: ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 4642. Л. 35 об.
- 25 Там же. Л. 36.
- 26 См.: Любичанковский С. В. Указ. соч. С. 33.
- 27 ГАСО. Ф. 334. Оп. 2. Д. 2. Л. 3–4.
- 28 См.: Гинев В. Н. Указ. соч. С. 84.
- 29 См.: Герасименко Г. А. Указ. соч. С. 126.
- 30 Гинев В. Н. Указ. соч. С. 88.
- 31 Саратовский листок. 1917. № 158. 21 июля.
- 32 См.: ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 4662. Л. 5 ; Д. 4643. Л. 35.
- 33 Там же. Д. 4658. Л. 1.
- 34 Там же. Д. 4663. Л. 17.
- 35 См.: ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3871. Л. 9.
- 36 Там же. Д. 4663. Л. 17.
- 37 Саратовский листок. 1917. № 155. 13 июля.
- 38 ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3871. Л. 70–70 об.
- 39 Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 4662. Л. 9.
- 40 См.: Герасименко Г. А. Указ. соч. С. 150.
- 41 См.: Саратовская земская неделя. 1917. № 5. 7 нояб.
- 42 Саратовская земская неделя. 1917. № 1. 30 сент.
- 43 ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 4643. Л. 9–10.
- 44 См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.1789. Оп. 2. Д. 23. Л. 9, 16–16 об.
- 45 ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 4642. Л. 35 об.
- 46 См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области. Ф. 27. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.
- 47 См.: ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 4642. Л. 36.
- 48 Саратовская земская неделя. 1917. № 3–4. 21 окт.
- 49 См.: ГАРФ. Ф. 1789. Оп. 2. Д. 23. Л. 15.
- 50 См.: Петровищева Е. М. Земское самоуправление Центральной России в 1906–1918 гг. : эволюция на последних этапах деятельности : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003. С. 268.
- 51 См.: ГАСО. Ф. 334. Оп. 2. Д. 2. Л. 6.
- 52 Там же. Л. 2 об.
- 53 Там же. Л. 3-3об.
- 54 Саратовская земская неделя. 1917. № 6. 21 нояб.

Образец для цитирования:

Фортун А. А. Выборы в волостные земства в Саратовской губернии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 91–95. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-91-95>

Cite this article as:

Fortun A. A. The Election to Volost Zemsto in the Saratov Province. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 91–95 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-91-95>

УДК 930.1

Последний приезд Г. П. Федотова в Саратов

А. В. Антощенко

Антощенко Александр Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Петрозаводский государственный университет, antoshchenko@yandex.ru

В статье оспаривается мнение о мотивах и характере деятельности известного историка в Саратове в 1920–1922 гг. Опираясь на официальные документы, хранящиеся в архивах Санкт-Петербурга и Саратова, а также источники личного происхождения, автор считает, что следует учитывать не только идеологические, но и жизненные, «приземленные» мотивы его поведения. Обвенчавшемуся незадолго до приезда в Саратов историку нужно было обеспечить пропитание своей жены и приемной дочери в суровых условиях гражданской войны в России. Среди причин отъезда из Саратова важными оказались опять же личные мотивы. Надежды на то, что в Саратове удастся избежать голода, не оправдались. К этому добавились опасения репрессий и отсутствие возможности завершить магистерскую диссертацию о раннем западноевропейском феодализме, используя только скромные ресурсы местной библиотеки. В итоге конфликт с коллегами в Саратовском университете стал лишь побудительным мотивом к возвращению Г. П. Федотова с семьей в Петроград.

Ключевые слова: биография Г. П. Федотова, историография Средневековья, советизация высшей школы в Саратове, Саратовское общество истории, археологии и этнографии, Музей общественного движения в Саратове.

George Fedotov's Last Visit to Saratov

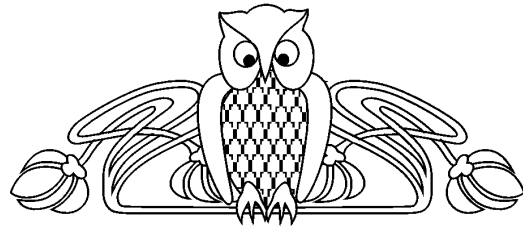
A. V. Antoshchenko

Aleksandr V. Antoshchenko, <https://orcid.org/0000-0002-2366-3750>, Petrozavodsk State University, 33 Linin St., Petrozavodsk 185910, Russia, antoshchenko@yandex.ru

The author of the article disputes the opinion about the motives and nature of the Fedotov's activities in Saratov in 1920–1922. Relying on official documents stored in the archives of St. Petersburg and Saratov, as well as sources of personal origin, the author shows that it is necessary to take into account not only ideological, but also vital, «mundane» motives of his behavior. The historian who was married shortly before arriving in Saratov needed to feed his wife and adopted daughter in the harsh conditions of the civil war in Russia. Again, among the reasons for leaving Saratov there were personal motives. Hopes that Saratov will avoid hunger were not justified. Moreover, there were some fears of reprisals and the inability to complete the master's thesis on early feudalism in Western Europe using the scarce resources of the provincial library. As a result, the conflict with colleagues at Saratov State University became only an incentive for the return of Fedotov and his family to Petrograd.

Keywords: biography of George Fedotov, historiography of medieval studies, soviet high learning in Saratov, Saratov History, Archaeology and Ethnography Society, the Public Movement Museum in Saratov.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-96-101>

Жизнь и творчество Г. П. Федотова (1886–1951) в последние годы стали предметом многочисленных исследований. Среди них можно назвать, прежде всего, монографии Д. Бон¹, Н. В. Зайцевой², Ю. В. Селивановой³, А. Ф. Киселева⁴ и А. А. Галямичевой⁵. Значительный вклад в пополнение биографии ученого новыми фактами внесли его земляки, саратовские краеведы, которые приступили к изучению материалов местного архива. Особо следует отметить З. Е. Гусакову⁶, обобщившую свои изыскания в специальной статье о саратовском периоде жизни Г. П. Федотова⁷, а также С. Каткова и С. Лукина, обратившихся к документам о его революционной деятельности в Саратове⁸. Однако ограниченность обращения лишь к документам Государственного архива Саратовской области (далее – ГАСО) и воспоминаниям вдовы историка Е. Н. Федотовой даже при рассмотрении «саратовских эпизодов» биографии историка демонстрирует одна из последних по времени попыток такого рода А. А. Галямичевой. Не приводя в подтверждение никаких свидетельств источников, она дает патетическую оценку факту последнего приезда Г. П. Федотова в родной город: «Этот шаг видится нам его решительной попыткой найти свое место в новой России, служить своему народу, оставаясь самим собой»⁹.

Зная, что Георгий Петрович не был апологетом патетики и чутко улавливал связь пафоса с патологией¹⁰, хотелось бы осветить последний приезд историка в родной город, опираясь как на источники официального происхождения, которые лишь формируют представление о внешней, событийной стороне жизни, так и источники личного характера (прежде всего – аутентичные, в данном случае – эпистолярные), позволяющие понять мотивы его поступков. При обращении к мемуарам будет сделана необходимая поправка на специфику этого источника, оценки в котором даются значительно позже произошедшего в соответствии с замыслом и особенностями характера их составителя.

Мне уже приходилось писать о мотивах возвращения Г. П. Федотова в Саратов¹¹. Главным среди них оказалась забота о пропитании вновь созданной семьи. 15 июня 1919 г. он обвенчался с Е. Н. Нечаевой и удочерил ее ребенка от первого брака, трехлетнюю Нину. Лето они провели в Луге, а осень – в Петрограде.

В начале нового, 1920 г., Г. П. Федотов поехал в Саратов сначала один, «для чтения лек-

ций в Саратовском университете», как значилось в заявлении на командировку и удостоверении, разрешающем поездку на период с 20 января по 20 марта 1920 г.¹² Однако не менее важным для него было восстановить здоровье после перенесенного сыпного тифа¹³. В конце мая 1920 г. факультет общественных наук Петроградского университета, преподавателем которого Г. П. Федотов еще оставался, чтобы избежать принудительной мобилизации¹⁴, разрешил ему новую, теперь уже длительную, командировку в г. Саратов «с 1 июня 1920 по 1 июня 1921 г. для чтения лекций в местном Университете без сохранения содержания»¹⁵. Получив удостоверение «для беспрепятственного выезда его из г. Петрограда в г. Саратов и обратного возвращения по окончании срока командировки в Петроград» и рассчитавшись с университетской библиотекой¹⁶, Георгий Петрович уволился из Публичной библиотеки¹⁷. Вслед за ним это же сделала его жена¹⁸, что свидетельствовало об их согласованном решении.

В Саратове Г. П. Федотов оказался в кругу своих давних знакомых по Петербургскому университету, среди которых Е. Н. Федотова в воспоминаниях упомянула учеников С. Ф. Платонова – декана факультета общественных наук Саратовского университета С. Н. Чернова и вернувшегося незадолго до этого из далекого Томска в родной город П. Г. Любомирова, а также философов – В. Э. Сеземана, окончившего историко-филологический факультет Петербургского университета в 1909 г., и С. Л. Франка. Правда, последние вскоре покинули Саратов. В. Э. Сеземан вернулся в Петроград, а С. Л. Франк переехал в Москву. Отношения с остальными коллегами не отличались особой близостью. По замечанию Е. Н. Федотовой, «профессорская среда не давала почвы для глубокого философского и религиозного общения. Отношения были скорее светскими»¹⁹.

Георгий Петрович стал профессором не только университета, но и Института народного хозяйства, созданного Рабочим кооперативным крайсоюзом и кредитным союзом для подготовки «кооперативных и других практических деятелей общественного хозяйства»²⁰. Такое совместительство было характерным для его коллег, стремившихся тем самым хоть как-то увеличить свое жалование. Если в институте его лекции по экономической истории Европы собирали огромные аудитории, то в университете в силу специального характера его курс по средневековой истории «проходил при двух, трех слушателях»²¹. Однако это не стало причиной пренебрежительного к нему отношения начинающего преподавателя. Напротив, Г. П. Федотов рассматривал этот курс как главный в своей преподавательской деятельности и подготовил для проведения семинарских занятий со студентами специальное пособие «Gesta abbatum Fontanellensium», изданное фа-

культетом общественных наук²². «Но самыми интересными для него были, – по свидетельству Е. Н. Федотовой, – частные студенческие кружки религиозно-философского типа, как в Петербурге. Очевидно, они отвечали большой внутренней потребности. В конце концов, число участников приняло размеры, опасные для небольшого города, и кружки пришлось прекратить»²³. О своевременности такого решения свидетельствует письмо Г. П. Федотова И. М. Гревсу от 18 апреля 1921 г.: «Здесь мы пережили весной острый рецидив террора, связанный с крестьянскими и рабочими волнениями. В результате наш ректор (Зернов) и двое других профессора арестованы и увезены в Москву за религиозную пропаганду. В местном обществе жертвы более многочисленны. Есть и расстрелянные. Временами жить становилось очень тяжело»²⁴. О точности этой характеристики свидетельствуют «Записки» В. Д. Зернова²⁵, в предисловии к изданию которых, написанном В. А. Соломоновым, также отмечаются факты усиления репрессий в то время²⁶.

Отчасти тяготы повседневной жизни скрашивало участие в Саратовском обществе истории, археологии и этнографии (ИСТАРХЭТ)²⁷, созданном на основе Саратовской губернской ученой архивной комиссии (СГУАК) в июне 1920 г. Г. П. Федотов был избран членом комиссии по рекомендации своих университетских товарищей А. А. Кроткова и С. Н. Чернова еще 17 мая 1914 г.²⁸ Во время краткого пребывания в родном городе в начале 1920 г. он возобновил свою связь с ней. 16 февраля Георгий Петрович присутствовал на общем собрании членов СУАК, а в марте поделился своими впечатлениями о докторском диспуте А. Е. Преснякова²⁹. На собрании в апреле его кандидатура была рекомендована к избранию в члены исторической секции, а на следующем собрании – в мае – единогласно утверждена³⁰. Позже он стал членом правления ИСТАРХЭТ³¹.

Как свидетельствуют протоколы, Г. П. Федотов достаточно регулярно посещал заседания исторической и археологической секций общества ИСТАРХЭТ³² и неоднократно выступал в прениях. Его замечания зафиксированы при обсуждении докладов А. А. Гераклитова об изображениях льва на золотоордынских монетах, В. А. Бутенко о политических взглядах Ф. Гизо, по сообщению Г. А. Ильинского о книге московского профессора М. К. Любавского «История западных славян»³³. Любопытно, что Г. П. Федотов, как участник революционного движения в Саратове не без удивления подметил в докладе «Из недавнего прошлого: бывшая Саратовская губернская власть в ее отношении к местной прессе (по архивным материалам)», сделанном А. Н. Штылько (в работе А. А. Галямичевой фамилия докладчика воспроизведена неточно)³⁴, «новую для него мысль докладчика о том, что

местная власть, смелая в своих поползновениях по борьбе с печатью, на деле оказывалась бес- сильной, скованной юридическими нормами»³⁵.

Г. П. Федотов и сам выступал с докладами, основанными на результатах его исследований. Наибольший резонанс имело его выступление 27 ноября 1921 г. на торжественном заседании ИСТАРХЭТ, приуроченном к 600-летию со дня смерти Данте и посвященном его памяти. «В собрании присутствовали члены и гости общества числом свыше 300 человек», к которым с приветственным словом обратился председатель собрания профессор Б. М. Соколов, охарактеризовавший «в ярких словах» культурное значение великого итальянского мыслителя. Затем профессор В. А. Бутенко сделал доклад на тему «Данте и Возрождение», профессор Г. П. Федотов «Об утопии Данте»³⁶, а профессор С. Н. Чернов прочел несколько отрывков из «Божественной комедии» Данте³⁷.

В своем выступлении Георгий Петрович возвращался к результатам своих исследований почти десятилетней давности в семинаре И. М. Гревса, но актуализировал их указанием на то, что современная историческая эпоха больна нигилизмом и аполитизмом, т. е. утратой социального идеализма и высокого политического идеала, который был свойственен Данте. Реконструкция этого идеала в духе историографии, опирающейся на принцип понимания (дельтеевское «*verstehen*») как противоположное («*erklären*»), означала овладение не только тезаурусом политического словаря итальянского писателя, но и стилем его мышления. Г. П. Федотов убедительно продемонстрировал способность к тому и другому. Он раскрыл как единство содержания, так и логическую связь, возникающую в произведениях Данте (прежде всего в его трактате «О монархии» и отчасти в «Божественной комедии») между обосновываемыми им понятиями политической доктрины. В результате слушатели смогли проследить вместе с докладчиком логическое движение мысли Данте от «цели политики» к «потенциальному интеллекту», раскрывающемуся в «духовной потенции» всего человечества в виде «теоретического и практического разума» и, наконец, в «мудрости», требующей «общего и вечного мира». Это позволяло понять мысль великого итальянца о всеобщем мире как «высшем благе, определенном для нашего блаженства» свыше и о гарантирующем этот мир «единстве», являющемся «не рассудочно заданной целью, но целью данной и природной человеческому роду, который в свою очередь мыслится не оторванным, но связанным с единством мира и единством Бога»³⁸.

Для раскрытия соотношения понятий «многое» и «единое», историк обратился к анализу «дискурсивной аргументации» Данте³⁹, как поразительно по-современному назвал ее Георгий Петрович. Г. П. Федотов показал, как по логике

итальянского мыслителя «единая власть должна опосредовать человечество с властью или властителем вселенной, *qui est Deus*»⁴⁰. Помимо развития основного логического силлогизма Данте, он рассмотрел и ряд его специальных аргументов – «от правосудия, от справедливости и свободы», которые придавали рассуждениям итальянского мыслителя полноту, но нарушали их стройность. Наконец, Георгий Петрович отметил исторические и психологические аргументы автора трактата «О монархии». Все это в совокупности позволило докладчику выяснить аристотелевские истоки мысли Данте и оценить, опираясь на свое знание наследия Августина и деятелей Каролингского просвещения, вклад великого итальянца в развитие трех основных идей Средневековья – «единство, мир и справедливость», которые дополнились этическим прославлением свободы, столь дорогой самому Г. П. Федотову. Позже он попытался опубликовать работу о Данте, в которой содержались основные положения доклада. Однако, даже если бы намеки на политическую актуальность и ироничные слова о «тени» Ленина в аду были бы опущены автором, основная мысль Данте о монархии как «универсальной власти», возвышающейся «над всеми царствами и республиками»⁴¹, не могла быть пропущена советской цензурой, несмотря на то, что принадлежала мыслителю, жившему много веков назад. А без нее все последующие рассуждения Г. П. Федотова, который сам никогда не был монархистом, теряли всякий смысл.

Другой доклад «Государство перед судом церкви в Мерovingскую эпоху», сделанный Г. П. Федотовым в ИСТАРХЭТ в следующем году⁴², также основывался на его предшествующих исследованиях. Позже он был опубликован (очевидно, в переработанном виде) под названием «Чудо освобождения»⁴³. В нем Георгий Петрович обосновывал и развивал свое наблюдение, сделанное еще в годы магистерской учебы, о духовной мощи (*virtus*) святых епископов, которой наделяло их средневековое сознание простого народа⁴⁴. Правда, обстоятельства проявления этой мощи – при освобождении осужденных узников – делали доклад очень злободневным, так как рождали аллюзии с современностью. Однако в тексте доклада никаких намеков на исторические параллели не содержалось, что и обусловило возможность его выхода в свет в сборнике статей, посвященном юбилею научной деятельности Н. И. Кареева⁴⁵.

Активное сотрудничество в ИСТАРХЭТ определило еще одно поле деятельности Г. П. Федотова. 25 декабря 1920 г. Георгий Петрович был избран заведующим Музеем общественного движения, созданным в феврале этого же года на базе выставки, подготовленной к съезду советов Саратовской губернии. 18 января следующего года он «принял дела и имущество музея в свое веде-

ние»⁴⁶. В планы музея входило разыскание «следов народнической пропаганды», которая велась в губернии в 1870-х гг. А. И. Иванчиным-Писаревым, В. Н. Фигнер, Г. В. Плехановым и другими, запись воспоминаний еще живых участников группы «Народное право», созданной жившим в Саратове М. А. Нагансоном, а также мемуаров других «политических образований», сбор материалов об общественном движении 1900-х гг. и о революции 1917 г.⁴⁷ Не скрывавший симпатии к народничеству даже в пору своего увлечения большевизмом⁴⁸, Г. П. Федотов серьезно взялся за это дело. В июне 1921 г. он был командирован в Петроград, где изучал опыт организации работы Музея революционного движения ГА-ИМК. Для разыскания и приобретения имеющих музейное значение материалов он ездил также в Царицын, а в родном городе неоднократно обращался в Губполитпросвет с просьбой о выделении средств на приобретение «фотографических экспонатов, связанных с исторической жизнью Саратовской губернии и в частности города Саратова»⁴⁹. 26 марта 1922 г. председатель ИСТАР-ХЭТ С. Н. Чернов поблагодарил Г. П. Федотова «за его работу по разборке и приведению в порядок Музея общественного движения»⁵⁰.

Сведения об активном участии Г. П. Федотова в работе учреждения, пропагандистская суть которого рано или поздно должна была проявиться со всей очевидностью, позволяють правильно осмыслить причину его отъезда из Саратова, которая подробно описана в воспоминаниях его вдовы, представившей Георгия Петровича принципиальным антисоветчиком. Позже этот мотив был подхвачен А. А. Галямичевой, указывающей на бескомпромиссность историка⁵¹ и не замечающей, что это утверждение противоречит фактам, приводимым ею самой. Бескомпромиссностью, переходящей в ригоризм, отличалась сама Елена Николаевна, которую Г. П. Федотов долгие годы считал гарантом собственного нравственного чувства. Позже, в 1940 г., уже накануне отъезда из оккупированной Франции Г. П. Федотов писал жене: «Дело в том, что – ты, может быть, этому не верила, а я не показывал – для меня твоя нравственная личность всегда была главной опорой. Я привык как-то верить правильности твоих нравственных суждений и реакций. Были преувеличения, но основной инстинкт тебя не обманывал»⁵². В воспоминаниях она приписала этот мотив бескомпромиссности своему мужу, забывая, что даже в эмиграции он стремился найти положительные черты в советской действительности, как это было, например, в скандально известной статье «Правда побежденных», в которой он перечислял «благодетельные» большевиков⁵³.

Елена Николаевна писала, что причиной решения уехать из Саратова стал конфликт с коллегами, возникший в результате нежелания Георгия Петровича принимать участие в торжественном

шествии по случаю установления шефства факультета общественных наук над фабрикой под красным знаменем и при пении Интернационала, так как «это противно его политическим и религиозным убеждениям». Этот поступок вызвал «бурю негодования среди коллег, упрекавших его в желании сохранить “чистые ризы” за их спинами и в ущерб интересам университета, – констатировала Е. Н. Федотова. – Что же было бы, если бы никто не пошел? Для Г. П. [Федотова] стало совершенно ясно, на какой скользкий путь вступает советская высшая школа, и он оставил ее окончательно, понимая, что ему с его строгой принципиальностью там не место. Впоследствии, наблюдая за тем, что творилось в высших школах Петербурга и Москвы, он называл позицию русских ученых круговой порукой подлости»⁵⁴.

Последнее указание вновь, как и в случае с провидением Октября, идущего вслед за Февралем, приписанным Георгию Петровичу вдовой *post factum*⁵⁵, позволяет говорить, что оценка Елены Николаевны дается явно *post festum*. Даже если признать конфликт побудительным толчком к отъезду, его мотивы лежали глубже. Пониманию их может способствовать уже цитированное письмо Г. П. Федотова к И. М. Гревсу от 18 апреля 1921 г., в котором Георгий Петрович писал: «Но если говорить о будущем, то надолго отказ от собственной научной работы и тягостен и преступен. Поэтому я опять стою на распутье, и мы с Лялей обсуждаем разные планы. Я решил в мае ехать в Петербург и с Вами посоветоваться обо всем. Лучше не писать на бумаге всего, что можно передать лично. Я хотел, было, провести в Петербурге месяца два, чтобы поработать в библиотеках, но, кажется, для этого не хватит денег – при надвигающемся общем голоде»⁵⁶. Поездка состоялась благодаря его командировке как директора Музея общественного движения, но, по-видимому, она не рассеяла сомнений относительно того, оправдано ли пребывание в Саратове с точки зрения тех целей, которые ставились при принятии решения перебраться на родину. Условий для научных исследований и публикации их результатов явно не было. Интерес студентов к основному предмету изучения Георгия Петровича был не выше, чем в Петрограде, где, как казалось, положение в университете меняется к лучшему. «Слышали мы от многих, приезжающих из Петербурга, – продолжал Георгий Петрович в том же письме учителю, – что Вам лично, как и многим другим, в этом году жилось не худо, сравнительно с пережитыми бедствиями. Дай Бог, чтобы теперь в этом отношении не наступило перемен к худшему. Насколько новые сносные условия жизни отразились на университетской работе, я не могу себе и представить. В этом отношении мы живем точно в разных государствах. С Москвой связаны гораздо теснее. Но из Москвы идут только одни гадости»⁵⁷.

Наконец, еще одно обстоятельство, отмеченное выше, – надвигающийся голод, которого Федотовы никак не ожидали, планируя свой переезд в Саратов. В общем-то, согласие принять на себя обязанности директора, как и преподавание в Институте народного хозяйства, который предполагалось включить в состав университета с 1923 г., были не в последнюю очередь продиктованы необходимостью увеличить сумму жалования. Но и жалование становилось все более эфемерным в условиях исчезновения продуктов, которые можно было бы купить. О последнем красноречиво свидетельствовала командировка Георгия Петровича с 8 по 15 октября 1921 г. в Тамалу «для заготовки продовольствия [для] служащих и профессоров университета»⁵⁸. Думается, что все эти обстоятельства определили окончательное решение вернуться в Петроград, которое было только ускорено возникшим конфликтом.

О том, что возвращение не было внезапным решением, свидетельствует и тот факт, что во время поездки летом 1921 г. в бывшую столицу Г. П. Федотов восстановил свои связи с Петроградским университетом, факультет общественных наук которого направил его вновь в Саратовский университет «для чтения лекций в местном университете с 14-го июля по 1 августа с [его] г [ода]»⁵⁹. Видимо, уже тогда он подумывал вернуться в город на Неве, что и сделал в следующем году.

Таким образом, рассмотрение причин приезда в Саратов Г. П. Федотова с семьей, а затем возвращение в Петроград не может быть ограничено возвышенными идейными соображениями. Должны учитываться личные мотивы, какими бы приземленными они не казались. В данном случае принципы истории повседневности вполне применимы к деятельности не только «рядовых» людей прошлого, но и тех, кто оставил заметный след в развитии интеллектуальной культуры, кого принято называть «выдающимися личностями», ибо «ничто человеческое им не чуждо».

Примечания

- ¹ *Beane D. G. P. Fedotov se qui demeure... : Reflexions sur la revolution russe. Aix-en-Provence : Publications de l'Université de Provence, 1990.*
- ² См.: *Зайцева Н. В. Логика любви : Россия в историко-философской концепции Георгия Федотова. Самара : Изд-во «Самарский ун-т», 2001.*
- ³ См.: *Селиванова Ю. В. Социально-политические взгляды Г. П. Федотова : идеи, проблемы, прогнозы. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2003.*
- ⁴ См.: *Киселев А. Ф. Страна грез Георгия Федотова (размышления о России и революции). М. : Логос, 2004.*
- ⁵ См.: *Галямичева А. А. Георгий Петрович Федотов : жизнь и творческая деятельность в эмиграции. Саратов : Наука, 2009.*
- ⁶ См.: *Гусакова З. Е. Из биографии философа, историка и публициста Г. П. Федотова // Советские архивы. 1991. № 6. С. 87–89 и др.*
- ⁷ См.: *Гусакова З. Е. Георгий Федотов и Саратов // Саратовский краеведческий сборник. Вып. 4. Саратов, 2008. С. 171–181.*
- ⁸ См.: *Катков С., Лукин С. Возвращение (к биографии Георгия Федотова) // Годы и люди. Вып. 7. Саратов, 1992. С. 37–41.*
- ⁹ *Галямичева А. А. Указ. соч. С. 34–35.*
- ¹⁰ См.: Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 745. Ед. хр. 31. Л. 17 об.
- ¹¹ См.: *Антощенко А. В. Долгие сборы в Саратов (к биографии Г. П. Федотова) // Историографический сборник. Вып. 23. Саратов, 2008. С. 72–82.*
- ¹² См.: Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб.). Ф. 14. Оп. 1. Д. 10765. Л. 46, 47.
- ¹³ См.: *Федотова Е. Н. Георгий Петрович Федотов (1886–1951) // Федотов Г. П. Лицо России. Статьи 1918–1930. 2-е изд-е. Paris : YMCA-Press, 1988. С. XIV.*
- ¹⁴ См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10765. Л. 31, 38, 43.
- ¹⁵ Там же. Л. 48.
- ¹⁶ Там же. Л. 50–51.
- ¹⁷ См.: *Михеева Г. В. К биографии русского философа Г. П. Федотова // Отечественные архивы. 1994. № 2. С. 101.*
- ¹⁸ См. Приказы № 46 и 48 за 1920 г. // Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1 (1918). Д. 129, Л. 82–82 об.
- ¹⁹ *Федотова Е. Н. Указ. соч. С. XV.*
- ²⁰ ГАСО. Ф. Р–332. Оп. 1. Д. 122. Л. 10–11 ; Д. 230. Л. 6 ; Д. 250. Л. 24, 31.
- ²¹ *Федотова Е. Н. Указ. соч. С. XV.*
- ²² См.: *Галямичева А. А. Указ. соч. С. 37.*
- ²³ *Федотова Е. Н. Указ. соч. С. XV.*
- ²⁴ Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук (далее – СПбФ АРАН). Ф. 726. Оп. 2. Д. 313. Л. 3–3 об.
- ²⁵ См.: *Зернов В. Д. Записки русского интеллигента. М. : Индрик, 2005. С. 233–234.*
- ²⁶ *Соломонов В. А. Владимир Дмитриевич Зернов и его воспоминания // Зернов В. Д. Записки русского интеллигента. С. 16.*
- ²⁷ См.: *Гусакова З. Е. Штрихи к биографии члена ИС-ТАРХЭТ Г. П. Федотова // Краеведение и архивное дело в провинции : исторический опыт и перспективы развития. Саратов : Локатор, 2006. С. 76–79.*
- ²⁸ См.: *Общий отчет о деятельности Комиссии за 1914 год // Труды СУАК. Саратов, 1915. Вып. 32. С. 177.*
- ²⁹ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 346. Л. 20 ; Д. 350. Л. 12 об.
- ³⁰ См.: *Галямичева А. А. Указ. соч. С. 34.*
- ³¹ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 389. Л. 1, 3.
- ³² Там же. Д. 349. Л. 1 ; Д. 346. Л. 20–21 ; Д. 362. Л. 15 ; Д. 363. Л. 14 ; Д. 366. Л. 1, 5, 7, 8.
- ³³ ГАСО. Ф. 407. Д. 365. Л. 2 ; Д. 366. Л. 7 об., 8 об.
- ³⁴ Ср.: *Галямичева А. А. Указ. соч. С. 39.*
- ³⁵ ГАСО. Ф. 407. Д. 346. Л. 21 об.
- ³⁶ См.: *Федотов Г. П. Собр. соч. : в 12 т. Т. 1. М. : Мартис, 1996. С. 301–311.*

- ³⁷ См.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 328. Л. 4 ; Д. 362. Л. 16–17 об.
- ³⁸ Федотов Г. П. Об утопии Данте // Федотов Г. П. Собр. соч. Т. 1. С. 306.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. С. 307.
- ⁴¹ Там же. С. 304.
- ⁴² См.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 312. Л. 4 об. ; Д. 328. Л. 8.
- ⁴³ См.: Федотов Г. П. Чудо освобождения // Федотов Г. П. Собр. соч. Т. 1. С. 124.
- ⁴⁴ Ср.: Антощенко А. В. Г. П. Федотов : годы магистерской подготовки // Средние века. 2014. № 75 (1–2). С. 326–327.
- ⁴⁵ Федотов Г. П. Чудо освобождения // Из далекого и близкого прошлого. Сборник этюдов из всеобщей истории в честь пятидесятилетия научной жизни Н. И. Кареева. Пг. ; М. : Мысль, 1923. С. 72–89.
- ⁴⁶ Галямичева А. А. Указ. соч. С. 40.
- ⁴⁷ Там же. С. 39 (сн. 33).
- ⁴⁸ Федотов Г. П. Собр. соч. Т. 12. М., 2008. С. 17.
- ⁴⁹ Галямичева А. А. Указ. соч. С. 40 (сн. 40–41).
- ⁵⁰ Там же. С. 40.
- ⁵¹ Там же. С. 43.
- ⁵² Письмо Г. П. Федотова к Е. Н. Федотовой, 30 сентября 1940 г. // Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture. Rare Book and Manuscript Library. Columbia University. Ms Coll Fedotov. Box 2. Folder : G. P. Fedotov to his wife. 1940.
- ⁵³ См.: Федотов Г. П. Собр. соч. Т. 4. М., 2012. С. 323–347.
- ⁵⁴ Федотова Е. Н. Указ. соч. С. XVI.
- ⁵⁵ См.: Федотов Г. П. Собр. соч. Т. 12. С. 202–209.
- ⁵⁶ СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 313. Л. 2.
- ⁵⁷ Там же. Л. 2 об.
- ⁵⁸ ГАСО. Ф. Р–332. Оп. 1. Д. 178. Л. 116.
- ⁵⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10675. Л. 53.

Образец для цитирования:

Антощенко А. В. Последний приезд Г. П. Федотова в Саратов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 96–101. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-96-101>

Cite this article as:

Antoshchenko A. V. George Fedotov's Last Visit to Saratov. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 96–101 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-96-101>

УДК 93/94(091)

Повстанческое движение в Балашовском уезде Саратовской губернии в годы Гражданской войны на страницах местных газет

С. В. Лёвин

Лёвин Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и Московского региона, Московский государственный областной университет, serg.lewin@yandex.ru

Повстанческое движение в годы Гражданской войны – одна из актуальных и интересных, но малоисследованных тем. В свете новых методологических подходов и вводимых в научный оборот источников наметились перспективные направления изучения данной проблемы. В статье предпринята попытка рассмотреть, как представлены повстанцы на страницах местных советских газет, на примере Балашовского уезда Саратовской губернии. Формулируется вывод, согласно которому балашовская советская пресса представляла повстанцев обывателю исключительно как «бандитов» и «грабителей» сознательно формируя тем самым их негативное восприятие местным населением.

Ключевые слова: борьба, газета, крестьяне, повстанцы, советская власть, уезд.

The Rebel Movement in Balashov Uyezd of Saratov Gubernia During the Years of the Civil War on the Pages of Local Newspapers

S. V. Lyovin

Sergei V. Lyovin, <https://orcid.org/0000-0001-5689-1349>, Moscow Region State University, 24 Vera Voloshina St., Mytishchi, Moscow Region 141014, Russia, serg.lewin@yandex.ru

The rebel movement during the years of the Civil War is one of the topical and interesting themes though scantily studied. In the light of new methodological approaches and news sources introduced in the scientific sphere there have appeared new directions of studying this problem. The paper is an attempt to consider the way the rebels are presented on the pages of local Soviet newspapers using Balashov uyezd of Saratov gubernia as an example. The author comes to the conclusion that the Soviet print media in Balashov presented rebels to the layman only as 'bandits' and 'gangsters' and by doing so they deliberately made the negative perception of rebels by local people.

Keywords: struggle, newspaper, peasants, rebels, soviet power, uyezd.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-102-106>

Развернувшееся в годы Гражданской войны повстанческое движение затронуло ряд российских регионов, в том числе и Саратовскую губернию. Одним из центров движения в ней стал Балашовский уезд, являвшийся крупным зерновым центром губернии одним из густонаселенных, в силу чего представлял интерес как для белых, так и для красных, поскольку каждая из противоборствовавших сторон надеялась пополнить

свои ряды за счет мобилизации местного населения. Балашов имел важное стратегическое значение, представляя собой хорошо укрепленный город с военным гарнизоном, поддерживавшим большевиков, и крупный по тем временам железнодорожный узел.

В истории повстанческого движения на территории Балашовского уезда условно можно выделить выступления «зеленых» (зелеными называли дезертиров и уклонявшихся от мобилизации в Красную армию, которые скрывались в окрестных лесах) и рейды отрядов А. С. Антонова с территории Тамбовской губернии. В конце августа 1918 г. в уезде началась первая мобилизация в Красную армию. Мужское население под разными предлогами уклонялось от нее, многие прятались в лесах, создавая вооруженные отряды для отпора мобилизационным командам. В Больше-Карайской, Свиныхинской и Иняевской волостях уклонисты оказали вооруженное сопротивление представителям военного комиссариата. В эти волости были направлены карательные отряды, которые «выявили главных зачинщиков» и расстреляли их¹. Нельзя не согласиться с мнением балашовских историков-краеведов В. В. Смотров и О. В. Смотров, согласно которому сопротивление мобилизации «во многом характеризовало отношение населения к новой власти»².

В Балашовском и соседнем Борисоглебском, Тамбовской губернии, уездах сложились настоящие центры движения «зеленых», которые заявили о себе во всеулышание летом 1919 г. Согласно подсчетам Е. А. Накрохина их численность к июню 1919 г. составляла около 5000 чел.³

«Зеленые» становились грозной силой, что вызывало тревогу у местных властей. 18 июня 1919 г. городской штаб обороны Балашова издал приказ, которым по сути объявлялась война дезертирам и уклонистам: «В южной части уезда появились банды дезертиров, покинувшие ряды Красной армии. Презренные трусы именуют себя зеленой гвардией. Предатели повели атаку советской власти, выбросили антисемитские и черносотенные лозунги: “Бей жидов! Бей коммунистов! Долой советскую власть!” Они пользуются всяким удобным случаем, чтоб уничтожить ненавистную им советскую власть, и занимаются милыми их сердцу делишками: спекулятивной торговлей хлебом, спекуляцией на скоте, варкой самогона, самовольной порубкой леса. Штаб обороны будет беспощаден в подавлении

мятежа зеленой гвардии»⁴. Данный приказ свидетельствует о том, дезертиры стали серьезной силой, с которой были вынуждены считаться большевики. Как справедливо заметил А. В. Посадский, «1919 год прошел под знаком “зеленого” повстанчества в центральных, черноземных, поволжских губерниях»⁵.

На «зеленых», едва они заявили о себе, обратила внимание балашовская пресса, представленная тремя газетами: «Известия», «Красный пахарь» и «Борьба». Первая являлась официальным органом местного исполнительного комитета Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, вторая – Совета рабочих, крестьянских и казачьих депутатов, а «Борьба» – уездного исполкома и комитета РКП (б), ее главным редактором был большевик, журналист-международник М. С. Гельфанд.

Уже 5 июля 1919 г. «Известия» на первой странице поместили заметку под названием «Банды “зеленых”», в которой выразили опасения, что они «представляют серьезную опасность» для мирного населения уезда и советской власти, поскольку «являются слепым оружием в руках агентов Деникина»⁶. Однако в номере от 9 июля «зеленые» названы слишком «ненадежным элементом», на который «могла бы опираться крепко контрреволюция»⁷. Это подтверждают воспоминания британского офицера Х. Уильямсона о встрече с «зелеными» в Балашове деникинского генерала В. И. Сидорина: «Поздно вечером по телеграфу пришли сообщения о тяжелых боях. – Красные выбиты из Балашова, – сказали нам. – Это важный железнодорожный узел в пятидесяти милях к северо-востоку. К казакам присоединился большой отряд зеленых.

– Зеленых? Мой информант пожал плечами: – Это бандиты. Солдаты, недовольные большевиками. Они дезертировали два месяца назад. И с тех пор бродят по лесам в районе Тамбова, ожидая нашего прихода. Они очень демократичны и отказываются вообще признавать офицеров, но к тому же, ярые антибольшевики и полезный боевой материал. Сидорин решил ехать к Балашову, чтобы встретиться с зелеными на следующий день, так что мы снова уложили вещи и под охраной бронепоезда прибыли туда примерно в 4 часа пополудни. <...>. На станции нас встретил конвой донских казаков 2-го корпуса, в основном в хаки, и подразделение зеленых под командой человека по фамилии Воронович, построившееся рядом с казаками. На зеленых практически не было формы вообще, они носили преимущественно крестьянскую одежду с клетчатými шерстяными кепками или потертыми бараньими папахами, на которых был нашит крест из зеленой ткани. У них был простой зеленый флаг, и они выглядели крепкой и мощной группой солдат. После отъезда со станции на платформе был устроен короткий смотр, и перед зелеными с горячей речью выступил Сидорин, раздавший им

для поднятия духа, для воодушевления на новые усилия ради нашего дела добрую толику наград. Однако их лояльность оказалась кратковременной. Они предпочли свою собственную компанию и скоро вернулись либо к большевикам, либо в леса, где могли поспрятаться и безнаказанно грабить крестьян»⁸.

Крестьяне оказывали поддержку «зеленым». Без нее дезертиры и уклонисты в своем противостоянии с советской властью не смогли бы долго продержаться. Так, к середине июня 1919 г. в Аркадакской и Турковской волостях «зеленых» готовы были поддержать, причем с оружием в руках, жители 40 селений⁹. Корреспондент газеты «Красный пахарь» А. Григорьев в своей заметке «Наша деревня оздоравливается» прямо оговаривается, что сочувствие населения деревни Сергеевки Кистендейской волости «зеленым» – это «общая со всем уездом болезнь»¹⁰. Поддержка «зеленых» местным населением во многом была предопределена родственными связями дезертиров и местного населения. Например, отрядами зеленых в Казачинской и Луначарской волостях командовал некто Василий Козлов, отец и братья которого проживали в Балашове и занимались торговлей¹¹.

Поддержка «зеленых» дорого стоила сельскому населению. Так, село Малиновка Аркадакской волости подверглось сильному артиллерийскому обстрелу красными за помощь, оказанную «зеленым». «“Огненное крещение” сразу сбilo охоту у мужиков “поиграть в солдатики”, показало силу и мощь Советской власти. С тех пор здесь нет ни одного зеленого. <...>. Жители села Малиновки долго не позабудут пережитого и уже теперь проклинают негодяев, вовлекших их в такую беду»¹², – не без доли мрачного сарказма писал работник балашовского культпросвета и штатный корреспондент газеты И. Горин.

Если многие крестьяне поддерживали «зеленых», то рабочие Балашова в большинстве своем занимали нейтральную позицию, что не преминула отметить, на страницах «Красного пахаря» местная партийная активистка Е. Степанова, упрекнувшая «рабочих города, зараженных обывательщиной и шкурничеством», в том, что они не проявили активности, энтузиазма в борьбе с уклонистами и дезертирами¹³.

Добровольно сдавшиеся властям уклонисты и дезертиры подвергались денежному штрафу с конфискацией всего имущества, после чего амнистировались и направлялись на мобилизационный пункт. Те, кого поймали (взяли в плен) с оружием в руках, подлежали суду Ревтрибунала, который, как правило, выносил расстрельный приговор.

5 октября 1920 г. на территорию Балашовского уезда с территории Тамбовской губернии впервые проникли военные отряды А. С. Антонова. Они стремительно прошли через Бобылевскую, Боцманово-Ивановскую, Красно-Колле-

новскую, Макаровскую и Романовскую волости, расправляясь на своем пути с большевиками, разгоня советские администрации в селах и деревнях. Газета «Борьба» оперативно откликнулась на этот рейд передовицей «Антоновщина», назвав повстанцев «бандами убийц и разбойников с больших дорог», которые вдобавок успели, по мнению редакции, «побрататься с дезертирами из Красной армии и кулаками из тамбовских деревень»¹⁴. Ярлык «бандиты» прочно закрепился за повстанцами и во всех последующих публикациях они иначе не именовались разве что к нему добавлялись слова «разбойники» и «грабители». Впрочем, если уклонисты добровольно являлись в уездный комитет по дезертирам (укомдезертир), редакция газеты именовала их уже не бандитами, а дезертирами¹⁵. Вообще навешивание политических ярлыков представляло, образно говоря, специфический стиль газеты, в чем проявилось участие самого М. С. Гельфанда, обладавшего бойким журналистским пером. Будучи не только талантливым и способным журналистом, но и убежденным большевиком, он не скупился на хлесткие характеристики противников советской власти. К примеру, именно М. С. Гельфанд ввел в оборот термин «мироновщина», когда в Балашове начался судебный процесс над красным командармом 2-й конной армии Ф. К. Мироновым¹⁶.

«Борьба» нещадно критиковала и «несознательное» местное крестьянство, которое поддерживало, особенно «на первых порах», повстанцев: «Темное крестьянство, колеблющееся вследствие своей мелкособственнической природы, помогает кое-где бандам, укрывая их, снабжая продовольствием и т.д.», «вначале крестьянство доверяло и сочувствовало бандитам», «темное крестьянство, одураченное эсеровскими лозунгами, выбрасываемыми бандитами, первое время относилось к ним сочувственно и даже иногда помогало бандитам»¹⁷.

Для выявления «политически неблагонадежных», недовольных советской властью на местах, большевики в каждой волости имели штат своих осведомителей, который к маю 1921 г. в уезде насчитывал 66 чел.¹⁸.

Очевидно, стремясь как-то воздействовать на сознание крестьян, оказывавших помощь повстанцам, газета в первом апрельском номере 1921 г. поместила большую передовицу – обращение председателя саратовской губернской чрезвычайной комиссии к населению губернии, в котором до сведения населения доводилось, что губчека будет брать заложниками родственников и близких тех, кто покрывает, оказывает пособничество антоновцам, сотрудничает с ними. «Губчека предупреждает, как бандитов, так повстанцев и всех контрреволюционеров, поднявших голову, в связи с усиливающимся бандитизмом, что советская власть будет беспощадно расправляться с теми заложниками, каковые на-

ходятся в нашем распоряжении, памятуя, что за смерть преданных делу революции ждут десятки смертей врагов рабоче-крестьянского класса, и заложники из этих мест будут расстреливаться», – констатируется в обращении. Взятие заложников, как правило, сопровождалось конфискацией их имущества. Балашовские большевики широко использовали заложничество в борьбе с повстанцами. Следует заметить, что здесь отдельно выделены бандиты, отдельно – повстанцы. Кого председатель губернской чрезвычайной комиссии подразумевал под первыми, а кого под вторыми, остается лишь догадываться.

Надо отдать должное редакторской политике газеты «Борьба», которая не закрывала глаза и на бездействия местных советских властей в борьбе с повстанцами. Так, 24 июня 1921 г. конный отряд антоновцев в количестве 50 чел. напал на хутор Иринский, располагавшийся недалеко от крупного населенного пункта Пады. Нападавшие разграбили и сожгли его. В момент нападения повстанцев на хутор начальник милиции села Пады Кулешов справлял свою свадьбу и отказался организовать и возглавить милицейский отряд для отпора напавшим. «И можно было наблюдать, как в тот момент, когда горел хутор Иринский, из церкви в Падах направлялось духовенство и кое-кто из властей в дом Кулешова для отпразднования “такого торжественного” дня. Так борется у нас милиция с бандитизмом»¹⁹, – с нескрываемой досадой констатировал анонимный корреспондент газеты.

В некоторых селах и деревнях население оказывало продовольственную и иную материальную поддержку антоновцам, крестьяне пополняли их отряды, но шли в них не столько из идейных соображений, сколько, по справедливому замечанию С. Б. Веселовской, «для грабежа и сведения личных счетов...»²⁰. Но в целом, как считает А. В. Посадский, «столь безоговорочной поддержки пришлых антоновцев, как своих “зеленых”, не было»²¹. Командиры антоновских отрядов даже призывали местное население оказывать им всевозможную помощь. «Мы, партизаны, слезно просим население оказывать нам всякую помощь, какая может встретиться. Да поможет нам всемогущий Бог одолеть врага и установить власть, которая бы правила нами во благо ныне плачущего и угнетенного русского народа, а не одних коммунистов и пархатых жидов», – говорится в одном из таких обращений²².

В ряде волостей уезда формировались отряды уже из местных жителей, выступавших против большевиков. Такие отряды были организованы, например, в Бобылевской, Красно-Коленовской, Красно-Звездинской и Макаровской волостях. 30 марта 1921 г. Балашовский уездный исполнительный комитет констатировал: «Большую дезорганизацию и анархию начинают вносить появляющиеся во многих местах мелкие банды уже местных крестьян Красно-Коленов-

ской, Красно-Звездинской, Макаровской и Бобылевской волостей, добывающиеся тех же грязных целей и с не меньшим успехом»²³.

Являясь мобильными формированиями и получая поддержку от своих односельчан или жителей соседних сел и деревень, эти мелкие отряды продержались в уезде до поздней осени 1922 г. Местная печать именвала их привычным термином «бандиты». Впрочем, иногда она разнообразила терминологию, вводя в оборот такие ярлыки, как «разбойники» и «грабители». С последним, в определенной степени, стоит согласиться, поскольку группы вооруженных местных крестьян зачастую занимались не столько борьбой с большевиками, сколько грабежом мирного населения.

Вероятно, активность газеты «Борьба» в плане навешивания политических и морально-этических ярлыков на повстанцев определялась одним человеком – М. С. Гельфандом, признанным авторитетным публицистом в редакционном коллективе. Интересными представляются его размышления о «корнях» зеленого движения в уезде, содержащиеся в его воспоминаниях: «В то время [1919–1920 гг. – С. Л.] мы были склонны рассматривать зеленщину, как простой дезертирский мятеж. Последующий опыт гражданской войны, а также опыт антоновщины, убедил нас, что это не так. Мужик тогда был политически весьма неустойчив, он подавал руку то революции, то контрреволюции. По необходимости жестокая, особенно в прифронтовой полосе, советская политика проразверстки толкала мужика в другую сторону. Застрельщиком движения был, конечно, больше всех обиженный кулак. За ним тянулся середняк. Это немедленно отзывалось на крестьянском составе наших армий. Дезертирщина широким потоком устремлялась в тыл. Армии слабели, разлагались, боевые линии превращались в тонкие, легко рвущиеся ниточки. Естественно, что многотысячная дезертирская масса не могла сосаться по домам и составляла главную вооруженную силу зеленого мятежа. <...>. Зеленщина распространялась с огромной быстротой как зараза. Временно затушенный в одном пункте, зеленый пожар с удвоенной силой вспыхивал в ряде других пунктов»²⁴. Следует заметить, что свои воспоминания М. С. Гельфанд писал в 1924 г. и публиковал их в той же газете «Борьба». Логично предположить, что к этому времени он более взвешенно и вдумчиво подошел к анализу зеленого движения в уезде, его причин, истоков.

Материал по этому вопросу, публикуемый на страницах газеты «Красный пахарь», скорее, можно назвать пропагандистским, поскольку он был обращен к местным обывателям, которых редакция и корреспонденты газеты призывали «не поддаваться на посулы бандитов и контрреволюционеров», под которыми подразумевались повстанцы²⁵. Наряду со статьями пропагандистского характера газета помещала, условно гово-

ря, аналитические статьи. Создается впечатление, что редакция «Красного пахаря» старалась найти причины поддержки «зеленых» и антоновцев местным населением.

Таким образом, можно констатировать, что балашовские газеты однозначно считали повстанцев «бандитами», «разбойниками» и «грабителями». Газетные публикации, авторами которых являлись современники, участники событий, не привлекают внимание исследователей как исторический источник по истории Гражданской войны в российской провинции. Между тем их научная ценность значительна; они позволяют взглянуть на исторические события и их персонажей в контексте установившегося информационного воздействия новой власти на обывателя. Представление повстанцев в исключительно негативном ключе на страницах советской местной периодической печати можно считать одной из форм идеологической борьбы большевиков за крестьянство в российской провинции. Думается, это позволяет квалифицировать повстанчество не только как военно-политическое, но и как информационно-психологическое явление.

Примечания

- 1 См.: Архивный отдел муниципального казенного учреждения «Административно-хозяйственное управление Балашовского муниципального района» (далее – Архивный отдел МКУ «АХУ БМР»). Ф. Коллекция. Оп. 1. Д. 77. Л. 1.
- 2 *Смотров В. В., Смотров О. В.* Балашовское Прихопенье в огне Гражданской войны (1918–1921) / под ред. Л. М. Кузевановой. Балашов : Николаев, 2007. С. 67.
- 3 См.: *Накрохин Е. А.* Иного не было пути. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. С. 74.
- 4 Архивный отдел МКУ «АХУ БМР». Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 16. Л. 153.
- 5 *Посадский А. В.* От Царицына до Сызрани : Очерки Гражданской войны на Волге. М. : АЙРО – XXI ; ГПИБ, 2010. С. 302.
- 6 Банды «зеленых» // *Известия.* 1919. 5 июля. С. 1.
- 7 Уроки // Там же. 1919. 9 июля. С. 1.
- 8 *Уильямсон Х.* Прощание с Доном. Гражданская война в дневниках британского офицера. 1919–1920 / пер. с англ. А. С. Цыпленкова. М. : Центрполиграф, 2007. С. 150.
- 9 См.: Архивный отдел МКУ «АХУ БМР». Ф. Коллекция. Оп. 1. Д. 77. Л. 1.
- 10 См.: *Григорьев А.* Наша деревня оздоравливается // *Красный пахарь.* 1920. 21 февр. С. 3.
- 11 См.: Архивный отдел МКУ «АХУ БМР». Ф. Коллекция. Оп. 1. Д. 77. Л. 1 об.–2.
- 12 *Горин И.* Чем кончилось у нас контрреволюционное восстание (село Малиновка Балашовского уезда) // *Известия.* 1919. 22 авг. С. 4.
- 13 См.: *Степанова Е.* История балашовской организации РКП (б) // *Красный пахарь.* 1920. 7 нояб. С. 3.

- ¹⁴ Антоновщина // Борьба. 1920. 10 окт. С. 1.
- ¹⁵ См., например : По Балашову // Борьба. 1920. 19 нояб. С. 2.
- ¹⁶ См.: *Гельфанд М. С.* «Мироновщина» // Известия. 1919. 5 сент. С. 4.
- ¹⁷ Крестьяне и бандиты // Борьба. 1921. 18 мая. С. 2.
- ¹⁸ См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области. Ф. 1932. Оп. 1. Д. 7. Л. 6–6 об., 14–14 об., 30.
- ¹⁹ [О-в]. Банды (с. Пады) // Борьба. 1921. 6 июля. № 67. С. 2.
- ²⁰ *Веселовский С. Б.* Семейная хроника. Три поколения русской жизни / подгот. текста, сост. А. Г. Макарова. М. : АИРО – XXI ; ГПИБ, 2010. С. 340.
- ²¹ *Посадский А. В.* К вопросу о нисходящей линии повстанческого движения // Наша малая Родина : ее история, развитие, проблемы / под общ. ред. А. А. Воронникова. Балашов : Николаев, 2009. С. 249.
- ²² *Самошкин В. В.* Хроника антоновского восстания. Документальный очерк. Александр Антонов. Страницы биографии. Борисоглебск : Кристина и К°, 2003. С. 27.
- ²³ Архивный отдел МКУ «АХУ БМР». Ф. Р–39. Оп. 1. Д. 474. Л. 3.
- ²⁴ Цит. по: *Смотров В. В., Смотров О. В., Вахрушев В. С.* Балашовский край в годы революции и гражданской войны (1917–1921 гг.). 2-е изд., доп. Балашов : Николаев, 2002. С. 36, 39.
- ²⁵ См.: Долой дезертиров // Красный пахарь. 1920. 12 февр. С. 2.

Образец для цитирования:

Лёвин С. В. Повстанческое движение в Балашовском уезде Саратовской губернии в годы Гражданской войны на страницах местных газет // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 102–106. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-102-106>

Cite this article as:

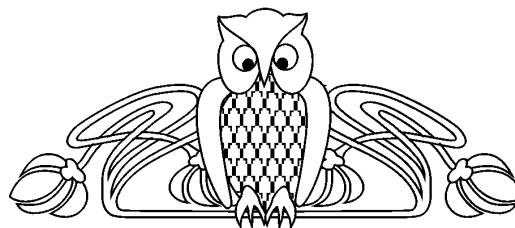
Lyovin S. V. The Rebel Movement in Balashov Uyezd of Saratov Gubernia During the Years of the Civil War on the Pages of Local Newspapers. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 102–106 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-102-106>

УДК 94(47)

История Нижнего Поволжья в трудах П. Г. Любомирова

А. Л. Клейтман

Клейтман Александр Леонидович, кандидат исторических наук, директор издательско-полиграфического центра, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, malk@bk.ru

В статье оценивается вклад выдающегося отечественного историка первой половины XX в., в 1920-х гг. бывшего заведующим кафедрой русской истории Саратовского университета, П. Г. Любомирова в изучении истории Нижнего Поволжья. Реконструирован круг научных вопросов, которые исследовались ученым, определены причины его обращения к изучению данной проблематики. В качестве предмета историографического анализа выступили девять работ ученого, посвященных истории Нижне-волжского региона, две из которых не были опубликованы.

Ключевые слова: П. Г. Любомиров, история Нижнего Поволжья, история Юга России XVI–XIX вв.

History of the Low Volga Region in the Works by P. G. Lubomirov

A. L. Kleitman

Alexander L. Kleitman, <https://orcid.org/0000-0003-4779-0321>, Volgograd institute of Management – branch of RANEPА, 8 Gagarina St., Volgograd 400131, Russia, malk@bk.ru

The article analyzes the contribution of an outstanding Russian historian of the first half of the 20th century, in the 1920s head of the department of Russian history of Saratov University, P. G. Lyubomirov to the study of the history of the Low Volga region. The circle of research issues that were studied by the scientist was reconstructed, the reasons for his interest in the study of this problem were determined. The subject of historiographic analysis is represented by nine works of the researcher on the history of the Low Volga region, two of which have not been published yet.

Keywords: P. G. Lyubomirov, history of the Low Volga region, history of the South of Russia in the 16th – 19th centuries.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-107-114>

Различные аспекты научной биографии и творческого пути П. Г. Любомирова неоднократно становились предметом исследования отечественных историков. А. А. Куреньшев написал детальный биографический очерк, посвященный ученому¹. А. А. Кузнецов составил коллективный портрет нескольких историков, выпускников Санкт-Петербургского университета, к числу которых принадлежал и П. Г. Любомиров². В. В. Митрофанов проанализировал условия жизни и основные направления научной работы ученого во время работы в Томском университете³. Большой вклад в изучение биографии и научного наследия П. Г. Любомирова

внес В. А. Соломонов. Исследователь детально изучил саратовский период творческой биографии историка⁴, а также опубликовал переписку П. Г. Любомирова с С. Ф. Платоновым⁵. Тем не менее многие вопросы, связанные с научной деятельностью П. Г. Любомирова, его творческим наследием, остаются неразработанными. Так, до настоящего времени не предпринимались попытки оценить вклад ученого в изучение истории Нижнего Поволжья.

Несмотря на то, что Павел Григорьевич Любомиров был одним из ярких представителей Санкт-Петербургской школы исторической науки, на протяжении нескольких лет работавший в Санкт-Петербурге, Томске и Москве, Саратовское Поволжье было его малой родиной, здесь он прожил большую часть своей жизни. П. Г. Любомиров родился в с. Матюшкино Саратовской губернии в семье сельского учителя, впоследствии ставшего священником. После окончания духовного училища он поступил в Саратовскую духовную семинарию, откуда вскоре был отчислен за участие в революционном кружке. Во время обучения в 1906–1911 гг. и работы в 1911–1917 гг. в Санкт-Петербургском (Петроградском) университете значительное время он проводил в Саратове. Еще в годы работы в Санкт-Петербурге ученый был избран членом Саратовской ученой архивной комиссии и начал работу над изучением истории региона.

После защиты в 1917 г. диссертации по истории Нижегородского земского ополчения П. Г. Любомирову предложили занять должность профессора Томского государственного университета⁶. В последующие три года пребывания в Томске, П. Г. Любомиров принял участие в создании Института по изучению Сибири, где проводил систематизацию документов местных архивов⁷.

В 1920 г. ученый переехал в Саратов, где сначала был избран профессором, а вскоре занял должность заведующего кафедрой русской истории. В 1930 г. сотрудниками ОГПУ в рамках сфабрикованного «академического дела» в доме П. Г. Любомирова был проведен обыск, ученый был арестован, а спустя две недели освобожден из тюрьмы, однако продолжить нормальную работу в университете не смог⁸. В 1930 г. он переехал в Москву, где поступил на работу в Государственный исторический музей. С 1931 г. и до смерти в 1935 г. основной сферой его научных интересов становится общественно-политическая мысль России XVIII в.

Исследования по социально-экономической истории Нижнего Поволжья в XVI–XIX вв. П. Г. Любомиров проводил во время работы в Саратовском университете, в 1920-х гг. По данной теме им было написано несколько статей, большая часть которых была опубликована в научных журналах, выходящих в Саратове и Астрахани, а часть сохранились в рукописях в личном фонде ученого в Отделе письменных источников Государственного исторического музея.

Обращение П. Г. Любомирова к исследованию региональной исторической проблематики было вызвано несколькими причинами. На протяжении 1920-х гг. в научном сообществе активно обсуждались вопросы, связанные с разработкой проектов административно-территориального устройства и экономического районирования регионов страны. В Нижнем Поволжье в связи с образованием новой Царицынской губернии в 1918 г., положившим начало длинной череде административно-территориальных преобразований, проблематика, связанная с историей формирования региона, территориальными особенностями экономики и культуры, обладала особой актуальностью. Учитывая опыт работы с историческими источниками, полученный в процессе обучения и работы над диссертацией в Санкт-Петербургском университете, знакомство с фондами центральных архивов, где хранился основной массив источников по истории Нижнего Поволжья, и при этом местное происхождение и реальное знание региона, П. Г. Любомиров стал уникальным специалистом для Саратова 1920-х гг., выступления и публикации которого привлекали внимание широких кругов местной общественности.

Всего известно 9 работ П. Г. Любомирова по истории Нижнего Поволжья, из которых 7 были опубликованы и 2 сохранились в рукописи в личном фонде ученого в Отделе письменных источников Государственного исторического музея.

Основной массив информации для написания данных работ был собран П. Г. Любомировым во время двух продолжительных командировок в Ленинград, предпринятых им в 1924–1925⁹ и 1928–1929 гг.¹⁰ Несколько интересных находок ученым было сделано в Астраханском губернском архиве. Документы Саратовского губернского архива изучались не только самим историком во время его жизни в Саратове, но и его студентами в рамках семинарских занятий.

Первой работой П. Г. Любомирова по истории Нижнего Поволжья стала статья «О важности изучения мордвы», опубликованная в 1922 г.¹¹ В основе этой публикации лежал доклад ученого, представленный на общем собрании Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете в 1922 г. В этой небольшой статье предлагалась программа изучения истории, этнографии и археологического наследия мордовского населения Поволжья.

Представляет большой интерес изложенный в данной работе взгляд П. Г. Любомирова на цели и место региональных исторических исследований в исторической науке. По его мнению, изучение местного края может давать как результаты, имеющие исключительно местное значение, так и результаты, без которых реконструкция каких-либо явлений и процессов, имеющих общерусское значение, будет просто невозможна. Ученый доказал, что без использования местного материала, «широкие» построения историков могут оказаться незаконченными, неполными, односторонними. Основываясь на этом подходе, сформулированном в ходе первых исследований, посвященных региональной истории, стремясь через анализ событий местной истории выйти на более полное и объективное понимание исторических явлений и процессов общенационального масштаба, П. Г. Любомиров проводил дальнейшие изыскания по истории Нижневолжского региона.

В первые годы работы в Саратовском университете П. Г. Любомировым был написан черновик статьи «Развитие торговли Руси во второй половине XVI в. и основание Нижневолжских городов»¹². Эта статья не была закончена, но ее рукопись с многочисленными исправлениями автора сохранилась в личном архиве ученого. В тексте были пропущены некоторые имена и названия книг, практически не были приведены ссылки на источники. По-видимому, автор планировал указать эту информацию на заключительном этапе работы над статьей.

Работа над данной темой была начата П. Г. Любомировым еще в 1913 г. В письме к С. Ф. Платонову, направленному 10 октября 1913 г., он отмечал, что работал над рефератом на тему «О начальной истории Саратова», в котором «пытался установить иные, чем принято думать, цели построения этого города и дать его историю за первые 25 лет»¹³. Данная статья продолжала исследования истории торговых связей Руси с восточными странами, которыми П. Г. Любомиров занимался в 1917 – начале 1920-х гг., живя в Томске и в первые годы работы в Саратове¹⁴. Первые несколько страниц рукописи статьи совпадают с текстом «Речи, читанной на заседании Саратовского общества истории, археологии и этнографии 25 декабря 1921 г.», которая хранится в том же архивном деле. На наш взгляд, сохранившийся черновик этой статьи был написан в начале 1920-х гг.

В указанной работе автор показал, как велась торговля Русского государства с Персией и государствами Кавказа в XVI в., какие изменения произошли в торговых отношениях Руси с Востоком в связи с завоеванием Астраханского ханства. По свидетельству П. Г. Любомирова во время правления Ивана Грозного был лишь частично установлен военно-политический контроль Руси над Нижним Поволжьем, однако регу-

лярных дипломатических и торговых отношений со странами Востока царю наладить не удалось. Целенаправленную политику по оживлению восточной торговли стали проводить царь Федор и Борис Годунов, оценившие те выгоды, которые она могла принести. На данном этапе Русь стала выступать в качестве «активного лица», приглашая торговых людей из Шевкалы, Грузии и Персии в Астрахань. Активизировалась переписка и дипломатический обмен с Персией и ханствами Средней Азии. Начавшемуся постоянному движению торговых судов по Волге препятствовали разбои донских казаков, активизировавшиеся в 1580-х гг. Как доказал П. Г. Любомиров, именно для борьбы с воровскими казаками, препятствовавшими росту торговых отношений Руси с Востоком, в 1580-х гг. и были основаны Самара, Саратов и Царицын.

В 1924 г. историк завершил работу над двумя статьями по истории Нижнего Поволжья. Первая из них – «Нижнее Поволжье полтора столетия назад» – была опубликована в первом номере журнала областной плановой комиссии «Нижнее Поволжье», посвященного проблемам экономического районирования и административно-территориального устройства региона¹⁵. Данная статья была адресована не профессиональным историкам, а широкому кругу читателей и главной ее целью было показать, что представлял собой в социокультурном и экономическом отношении Нижневолжский регион во время предыдущей крупной административной реформы, проводившейся в 1770–1780-х гг. Начинаясь данная статья с раздела, посвященного истории научного изучения территории России во второй половине XVIII в., в котором П. Г. Любомиров привел общую характеристику той работы по изучению страны, которую вели губернские и уездные чиновники, участники научных экспедиций, как на ее ход влияла деятельность Вольного экономического общества. В следующих разделах статьи автор проанализировал административное устройство Нижневолжского региона накануне и после губернской реформы Екатерины II, охарактеризовал природные ресурсы края, привел информацию об основных этнических и социальных группах местного населения: донских и уральских казаках, калмыках, населении Астраханской области, которое отличалось особым национальным разнообразием, населении городов Саратовской губернии, сельском населении нагорной стороны и заволжской части Саратовской губернии, представленном крепостными и государственными крестьянами, а также иностранными колонистами. Рассмотрев вопросы, касавшиеся динамики численности населения, темпов заселения и хозяйственного освоения различных уездов, производительных сил, существовавших транспортных путей и торговых связей, П. Г. Любомиров выделил четыре, по его мнению, существовавших в это

время на данной территории экономических районов: Кузнецкий, Саратовский, Астраханско-Уральский и Донской.

Вторая статья ученого, опубликованная в 1924 г., носила более строгий научно-исследовательский исторический характер и была посвящена истории развития системы народного образования в Саратовской губернии в дореформенный период¹⁶. В основу ее легли материалы, собранные П. Г. Любомировым во время командировки в Ленинград в 1924 г. В частности, в качестве одного из основных источников информации выступили рукописные материалы «статистической экспедиции» А. И. Артемьева в Саратовской губернии 1853–1854 гг. из рукописного отделения Российской публичной библиотеки. Сопоставив данные А. И. Артемьева о школах, располагавшихся в населенных пунктах губернии, с данными ряда опубликованных источников – «Списков населенных мест» Центрального статистического комитета, «Статистического описания Саратовской губернии» А. Ф. Леопольдова и др. – П. Г. Любомиров подсчитал общее количество школ, которые функционировали на территории губернии в 1830–1850-х гг., и установил, что более половины из них были открыты в селениях государственных крестьян и удельных селах. Представляет большой интерес вывод, к которому пришел П. Г. Любомиров, анализируя, в каких населенных пунктах, где проживали крепостные крестьяне, открывались школы в первой половине XIX в. По его мнению, школы были открыты, главным образом, в селах, принадлежавших представителям высшей аристократии России, которые были склонны к английскому государственному устройству и некоторым либеральным мерам в отношении крестьян при Александре I – Нарышкиным, графам Шереметевым, Шуваловым, князьям Голицыным, Голицыным-Прозоровским и др. Ученый установил, что к началу проведения реформ Александра II в Саратовской губернии земствам в сфере народного образования досталось очень малое по количеству и очень невысокое по качеству и действительности наследие. Однако, по свидетельству П. Г. Любомирова, в крестьянской среде уже в первой половине XIX в. стала возрастать заинтересованность в образовании, которая еще более усилилась после освобождения крепостных.

В апреле 1925 г. П. Г. Любомиров завершил работу над статьей «Экономическое состояние немецких колоний Саратовского и Вольского уездов», в которой им был осуществлен кропотливый анализ хозяйственного развития большей части немецких колоний Саратовской губернии в 1780–1790-х гг.¹⁷ Статья была опубликована в 1926 г. в Покровске (Энгельсе) на немецком языке¹⁸. Обратиться к изучению данной темы П. Г. Любомирова подвигло открытие нового архивного источника, сведения из которого существенно дополняли и корректировали сформирова-

ровавшуюся в историографии картину развития немецких колоний в первые годы их существования. В основу данной публикации лег так называемый «Атлас И. Огарева» – рукописный атлас, составленный директором домоводства Саратовского наместничества И. И. Огаревым в 1791 г. Этот источник был обнаружен П. Г. Любомировым в рукописном отделении Библиотеки Академии наук. В Атласе, помимо детальных и красочных карт, содержалась обширная статистика о населении и хозяйственном укладе колоний. Данные И. И. Огарева за 1791 г. дополняли сведения о развитии колоний, приведенные в работе М. М. Щербатова «Статистика в рассуждении России» и в источниках, которые использовал в своих исследованиях Г. Г. Писаревский. Сравнительный анализ данных 1769, 1773–1774 и 1791 гг. о численности, возрасте, половом составе населения колоний, размерах пахотных, сенокосных угодий, развитии ремесел и торговли, позволил П. Г. Любомирову проследить динамику хозяйственного становления немецких поселений в первые десятилетия их существования. П. Г. Любомиров пришел к заключению, что господствовавший в историографии вывод А. Клауса (его поддерживал и П. И. Зиннер), согласно которому период управления колониями директорами домоводства и экономии 1782–1797 гг. был временем «крайнего упадка», едва ли может быть принят. По мнению П. Г. Любомирова, к 1791 г. колонии Саратовского и Вольского уездов представляли собой здоровый и развивающийся хозяйственный организм, они уже широко развернули свое хозяйство и начинали принимать энергичное участие в экономической жизни ближайшего района.

Не меньший интерес, чем история Саратовского Поволжья, у П. Г. Любомирова вызывало прошлое Астраханского края. В 1925–1927 гг. на основе материалов, собранных в архивах Москвы и Ленинграда, а также в архивных и библиотечных собраниях Астрахани, ученый подготовил три публикации, посвященные истории колонизации и хозяйственного развития Астраханского Поволжья в XVIII в. Первая из этих статей «О заселении Астраханской губернии в XVIII веке» была опубликована в журнале Астраханской губернской плановой комиссии «Наш край» в 1926 г. и стала одной из первых в историографии работ, посвященных данной тематике¹⁹. В качестве важного рубежа в истории колонизации низовьев Волги П. Г. Любомиров выделил 1760-е гг. До этого времени в регионе численно преобладало калмыцкое кочевое население. Оседлое население группировалось в Астрахани – одном из крупнейших городов империи, в ближайших окрестностях которого исследователь насчитал 8 русских рыбацких поселков и 6 татарских. Выше Астрахани на обширной территории по обоим берегам Волги до Царицына было менее 10 населенных пунктов, расположенных

в приволжской полосе, крупнейшими из которых являлись крепости Красный Яр, Енотаевск и Черный Яр. Как отмечал П. Г. Любомиров, в последующие 40 лет, до конца XVIII столетия, в структуре населения края произошли серьезные изменения. Большая часть калмыков в 1771 г. покинула Нижнее Поволжье. При этом началась активная колонизация региона русским населением, главным образом, вольными переселенцами. В результате к началу XIX в. численность оседлого населения (по данным П. Г. Любомирова, 71000–72000 чел.) превышала численность кочевого в несколько раз и среди оседлого населения более половины приходилось на жителей сельских населенных пунктов.

Вторая работа была посвящена истории ткацкой промышленности Астрахани²⁰. Эта публикация стала одной из первых работ П. Г. Любомирова по истории русской промышленности XVII–XVIII вв. Помимо опубликованных источников («Полное собрание законов», «Акты исторические», описания Астрахани С. Г. Гмелина, Н. Я. Озерецковского, содержащиеся в сборнике Российского исторического общества, наказы населения Астраханской губернии в Уложенную комиссию, описание губернии И. В. Равинского, И. Михайлова и др.), при написании этой статьи использовались документы из архивов Москвы и Ленинграда, главным образом документация Мануфактур-Коллегии. В результате проведенного исследования П. Г. Любомиров установил, что ткани были одним из основных товаров, которыми торговали восточные купцы с Россией через Астрахань еще до присоединения Нижнего Поволжья к Русскому государству. Уже в источниках XVII в. встречались упоминания о том, что в Астрахани не только располагались торговые предприятия, но и было налажено производство тканей. Анализ данных петровской эпохи позволил П. Г. Любомирову прийти к выводу о том, что в первой четверти XVIII в. в Астрахани существовало домашнее производство шелковых и бумажных материй для сбыта на рынке, в процессе которого наблюдалось некоторое расчленение производственных операций между самостоятельными хозяйствами. Подъем ткацкого производства в Астрахани начался в 1740–1750-х гг., когда было открыто 9 мануфактур. По мнению ученого, с этого времени и до 1810–1820-х гг. резко упали объемы ввоза шелковых тканей в Россию из восточных стран, поскольку на астраханских предприятиях стали производиться ткани, по цене и потребительским свойствам превосходившие импортные. Сырье для шелкоткацкого производства – шелковые нити и краски – частично производилось в Астрахани и Кизляре, частично поставлялось с востока через Астраханский порт. Сырье для производства хлопчатобумажных тканей (хлопчатая бумага) поступало в Астрахань по Каспийскому морю из Персии и Азиатской Турции. В качестве рабочих

на ткацких предприятиях трудились, главным образом, вольные люди – беглые из Центральной России, а также эмигранты из Персии. По данным П. Г. Любомирова, мануфактурное производство сочеталось с ремесленным, отдельные производственные процессы осуществлялись кустарями-ремесленниками на дому. Как показал исследователь, упадок ткацкой промышленности в Астрахани в конце XVIII – начале XIX в., который привел к постепенному полному исчезновению данной отрасли спустя несколько десятилетий, был связан с целым рядом факторов: появлением новых промышленных центров в Центральной России, началом производства дешевой ткани «сарпинки» в немецких колониях Поволжья, изменениями в структуре спроса, в том числе уходом из России большей части калмыцкого населения, которое было одним из основных покупателей восточных тканей в Нижнем Поволжье, и рядом других обстоятельств.

Проведенное П. Г. Любомировым исследование по истории ткацкого производства в Астрахани представляло интерес не только с точки зрения истории русской промышленности, но и позволяло на примере данной отрасли проследить, как происходил расцвет крупного, международного города Астрахани – центра дипломатических и торговых связей России с востоком в XVIII в. и как к середине XIX в. Астрахань, утратив международное значение, постепенно превратилась в небольшой российский провинциальный населенный пункт.

Специальную статью П. Г. Любомиров посвятил анализу проекта таможенного тарифа 1757 г. для Астрахани – документа, копию которого ученый обнаружил в архиве астраханской таможни²¹. Этот источник представлял собой алфавитный перечень товаров с их кратким описанием и указанием таможенной пошлины, которая должна была взиматься с них при вывозе или ввозе в Россию. В статье была указана следующая ссылка на этот источник: «связка 6, документ без номера, л. 79–127». Проект тарифа разрабатывался Комиссией о пошлинах, созданной в декабре 1753 г. Сенатом, на основе информации, полученной в астраханских таможне и магистрате. Данный документ привлек внимание ученого, поскольку, во-первых, позволял реконструировать территорию, которая была связана торговыми отношениями с Астраханью, во-вторых, определить список товаров, которые в качестве экспорта и импорта проходили через астраханскую таможню, и в-третьих, понять, как авторы тарифа смотрели на перспективы дальнейшего развития торговли России со странами Востока.

В результате проведенного исследования П. Г. Любомиров установил, что в Россию поставлялись товары, произведенные на Кавказе (горские куницы и бобры, черкесские бурки и «кабардинская сбруя», вино, пшено, бобровый

мех из Дербента и т. д.), в Закавказье (бакинская нефть, ткани, вино, шелк и шелковые ткани Шемахи), в различных частях Персии (товары из Исфагана, Кашана, Тегерана, Казбина, Гиляни и Мазандерана), на Аравийском полуострове и на севере Африки (кофе и ладан), Индии (кокосовые орехи и слоновая кость), в странах восточнее Каспийского моря («трухменские лисицы», «караганские» меха разных сортов, хивинские и бухарские меха, пестреды, выбойки). Проанализировав товарную структуру экспорта и импорта, ученый пришел к выводу, согласно которому в импорте восточных стран в Россию в середине XVIII в. видную роль играло сырье, особенно промышленное: шелк, хлопок, шерсть, ряд красок и некоторые лекарственные вещества, нефть, а на экспорт поставлялись, главным образом, изделия фабрично-заводской и кустарной промышленности.

По мнению П. Г. Любомирова, в восточном обмене, центром которого являлась Астрахань, наблюдалась приблизительно такая же гармония интересов контрагентов, как и в русско-английском обмене того же периода, только Россия в отношении Востока сама занимала место Англии, отпуская в значительной части изделия своей мануфактурной и кустарной промышленности и получая ценное для нее сырье. Проект таможенного тарифа, как показал исследователь, должен был закрепить и усилить данные позиции России в восточной торговле.

В конце 1927 г. П. Г. Любомиров завершил работу над обширным трудом, посвященном анализу экономического развития Нижневолжского региона в начале XIX в., который был опубликован в Саратове в виде отдельной брошюры²². Как отметил автор во вступительной статье, эту работу он рассматривал как часть более обширного целого – истории хозяйственного развития Нижне-Волжского края с середины XVIII до середины XIX в., из которой часть в сжатом виде была напечатана в № 1 за 1924 г. журнала «Нижнее Поволжье» (имеется в виду статья «Нижнее Поволжье полтора столетия назад»), а часть подготавливалась к печати – главы, характеризующие Нижнее Поволжье в разные моменты более позднего времени (по-видимому, подразумевалась рукопись «Саратовское наместничество в 1782 г.»)²³. Основными источниками для данной работы послужили два описания Нижневолжских губерний начала XIX в. – «Историческое и топографическое описание Саратовской губернии», авторство которого П. Г. Любомирову не было известно²⁴, и «Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний» И. В. Равинского²⁵.

Географические рамки данного исследования ограничивались территорией Астраханской, Саратовской губерний и трех северных округов Области войска Донского. В первом разделе работы была приведена информация о территории

и населению края: географических границах, природных условиях, численности и плотности населения. По данным критериям, как показал П. Г. Любомиров, регион достаточно четко делится на две части, условной границей между которыми была 50-я параллель, пролегавшая немного южнее Камышина. В северной части проживало около 850000 жителей, главным образом оседлого русского населения, здесь преобладала плодородная черноземная почва. Южная часть, за исключением придонских мест, представляла собой область полупустыни, где на обширных пространствах разместилось всего около 250000 чел., причем большую часть населения составляли кочевники – калмыки, киргизы Буковской орды и кундровские татары.

В рамках отдельного раздела «Борьба за землю» П. Г. Любомиров проанализировал, как шло заселение Нижневолжского региона представителями различных категорий населения, как происходило наделение их земель.

Большая часть статьи была посвящена состоянию «добывающей промышленности» региона, к которой автор отнес земледелие, скотоводство, лесные заготовки, охоту, рыболовство, пчеловодство и добычу соли. По особенностям развития добывающей промышленности П. Г. Любомиров в рамках Нижнего Поволжья выделил три района. В первом из них (Хвалынский, Кузнецкий, Петровский, Сердобский, Аткарский, Вольский, Балашовский, Саратовский, Камышинский уезды Саратовской губернии) главным занятием местного земледелия было хлебопашество, в меньшей мере – скотоводство и в незначительной степени – заготовка леса, охота, садоводство и пчеловодство.

Во втором районе, к которому относились Усть-Медведицкий, Второй Донской и Хоперский округа Области войска Донского, Царицынский уезд и заволжские части Камышинского, Саратовского, Вольского и Хвалынского уездов Саратовской губернии, установился промысловоземледельческий тип хозяйства. Здесь ведущая роль в экономике принадлежала скотоводству, в меньшей мере местные жители были заняты хлебопашеством, бахчеводством и табаководством. Большое значение в хозяйстве данного района имело рыболовство, главным образом на Волге. Далеко за рамки местного значения выходила такая отрасль данного экономического района, как добыча соли на озере Эльтон. Здесь добывалось около 37 % соли, вообще производившейся в России, эльтонская соль поставлялась во все поволжские губернии, а также в ряд центральных российских губерний (Владимирская, Рязанская, Тульская и др.).

Третий район Нижнего Поволжья, состоявший из Астраханской губернии и земли Уральского казачества, был самым обширным по территории и наименее заселенным. Хозяйственный уклад этого района П. Г. Любомиров назвал про-

мысловым, поскольку хлебопашество не имело здесь практически никакого значения. Первой по объемам производства отраслью экономики здесь было рыболовство, которое развивалось, главным образом, в дельте Волги, в окрестностях Астрахани. Букеевцы, калмыки, астраханские татары, уральские казаки активно занимались скотоводством.

Обрабатывающая промышленность, анализу которой был посвящен особый раздел в анализируемой работе П. Г. Любомирова, по верному замечанию автора, не имела существенного значения в хозяйственной жизни области. Существовавшие здесь мукомольные, винокурные, лесопильные, ткацкие предприятия занимались главным образом обработкой сырья региональной добывающей промышленности и производством товаров, реализовывавшихся только на местном рынке.

В рамках отдельного раздела была дана детальная характеристика путей сообщения, торговли и отхожих промыслов Нижневолжского региона.

В результате проведенного исследования П. Г. Любомиров пришел к выводу, согласно которому в начале XIX в. Нижнее Поволжье представляло собой очень «молодой» край, который продолжал заселяться. Большая часть предприятий обрабатывающей промышленности была открыта здесь в последние 25 лет, продолжала формироваться дорожная сеть региона, не достиг еще значительных объемов местный капитал. Тем не менее уже существовало множество действенных хозяйственных нитей, которые связывали пограничную юго-восточную область России того времени в единое хозяйственное целое. В последующие годы эти связи активно укреплялись и расширялись.

Брошюра «Хозяйство Нижнего Поволжья в начале XIX века» стала последней крупной работой П. Г. Любомирова, посвященной истории Нижнего Поволжья. В конце 1920-х гг. ученый сосредоточился на исследовании документов Мануфактур-коллегии, которые он начал изучать во время командировок в Ленинград. На основе данных документов им была подготовлена серия публикаций, представлявшая цельную картину развития промышленности в России в XVIII столетии.

В 1930 г. после переезда в Москву и смены места работы П. Г. Любомиров должен был скорректировать направления своих научных исследований, переключившись с истории Нижнего Поволжья на другие темы.

Вскоре после смерти ученого в 1935 г. его коллегами и учениками (Е. Н. Кушевой, Е. П. Подъяпольской, Н. Л. Рубинштейном, С. Н. Черновым) была начата работа по систематизации архива ученого и подготовке к публикации или переизданию основных его трудов.

В 1938 г. был подготовлен к печати сборник статей П. Г. Любомирова по отечественной истории XVII–XIX вв., в который вошли и несколько статей ученого по истории Нижнего Поволжья: «Ткацкая промышленность Астрахани в XVIII и первой половине XIX в.», «Проект таможенного тарифа для Астрахани 1757 г.», «Заселение Астраханского края в XVIII в.», «Нижнее Поволжье полтора столетия назад» и «Хозяйство Нижнего Поволжья в начале XIX в.». Однако уже отпечатанный тираж этой книги был уничтожен 23 июня 1941 г. во время первого авианалета вражеской авиации на г. Каунас²⁶.

Понимая, что в рамках общего сборника статей П. Г. Любомирова по отечественной истории опубликовать все труды ученого по истории Нижневолжского региона было невозможно, его вдова Е. Ф. Любомирова в конце 1930-х гг. начала работу по подготовке к печати сборника статей ученого «Очерки истории Нижнего Поволжья». В личном фонде П. Г. Любомирова в ОПИ ГИМ сохранилось письмо его вдовы в ОГИЗ (Объединение государственных книжно-журнальных издательств) с предложением опубликовать такую книгу. Помимо статей, в 1920–1930-х гг. размещенных в региональных научных изданиях, в сборник статей по истории Нижнего Поволжья должны были войти еще две статьи ученого: «Развитие восточной торговли и основание нижеволжских городов в конце XVI в.» и «Саратовское наместничество в 1782 г.»²⁷. Была ли начата работа по публикации этой книги, выяснить пока не удалось.

Начавшаяся Великая Отечественная война не позволила коллективу, трудившемуся над изданием трудов П. Г. Любомирова, завершить начатую работу. Идеологические кампании периода позднего сталинизма, затронувшие многих ученых, в том числе Н. Л. Рубинштейна, окончательно поставили крест на данном проекте.

Таким образом, в 1920-х гг. П. Г. Любомировым была проделана значительная работа по изучению истории Нижнего Поволжья в XVII–XIX вв. Стремись учитывать общественные запросы своего времени, ученый сконцентрировался на сюжетах социально-экономической истории края, уделяя особое внимание проблемам колонизации и хозяйственного освоения региона в данный период. Статьи П. Г. Любомирова, вводившие в научный оборот множество источников из архивов Астрахани, Саратова, Москвы и Ленинграда, стали важным событием в региональной историографии, их научное значение сохраняется и в настоящее время. Из-за вынужденного переезда в Москву, необходимости скорректировать направления научных изысканий, скоропостижной смерти в молодом для ученого возрасте П. Г. Любомировым не была завершена работа над частью статей по истории Нижнего Поволжья. Те статьи ученого по данной тематике, которые были опубликова-

ны, вышли в региональных научных изданиях, которые очень скоро стали библиографической редкостью. Опубликовать сборник статей ученого по истории Нижнего Поволжья вдове и ученицам П. Г. Любомирова не позволила Великая Отечественная война и идеологические кампании послевоенного времени. В связи с этим научное наследие ученого по истории Нижнего Поволжья оказалось мало известным и слабо доступным для исследователей. В настоящее время нами ведется работа по подготовке к публикации сборника статей П. Г. Любомирова по истории Нижнего Поволжья, содержание которого соответствует замыслу близких ему людей конца 1930-х гг. Надеемся, что выход в свет этой книги поможет вернуть в научный оборот незаслуженно забытые труды этого выдающегося ученого первой половины XX в. и послужит импульсом для проведения новых исследований, посвященных региональной истории Нижнего Поволжья.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований (проект № 18-49-343004 «Проблемы социально-экономического развития Нижнего Поволжья в XVI–XIX вв. в исследованиях П. Г. Любомирова»).

The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 18-49-343004 "Problems of social and economic development of the Low Volga region in the 16th – 19th centuries in the researches of P. G. Lubomirov").

Примечания

- 1 См.: Куреньшев А. А. Судьба историка (П. Г. Любомиров. 1885–1935) // Историографический сборник. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2001. Вып. 19. С. 114–123.
- 2 См.: Кузнецов А. А. Слово о Павле Григорьевиче Любомирове и его сверстниках-коллегам // Подвиг Нижегородского ополчения : в 2 т. Т. 2. Н. Новгород : Книги, 2011. С. 454–478.
- 3 См.: Митрофанов В. В. Любомиров в Томском университете // Западная Сибирь : история и современность : Краеведческие записки. Тюмень : Мандрика, 2005. Вып. 7. С. 108–118.
- 4 См.: Соломонов В. А. Историк – страдающий : П. Г. Любомиров // Историк и власть : советские историки сталинской эпохи. Саратов : Наука, 2006. С. 251–277.
- 5 «Чувствую себя очень неопытным в делах литературных...» (Письма П. Г. Любомирова С. Ф. Платонову 1912–1929 гг.) / вступ. статья, публ. и коммент. В. А. Соломонова // История и историческая память : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2011. Вып. 4. С. 221–259.
- 6 См.: Митрофанов В. В. Об условиях жизни научной интеллигенции в годы гражданской войны (по материалам переписки с С. Ф. Платоновым). Электронный ресурс. URL: <https://www.permgaspi.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii/v-v-mitrofanov>

- ob-usloviyah-zhizni-nauchnoj-intelligentsii-v-gody-grazhdanskoj-vojny.html. (дата обращения 17.06.2019).
- ⁷ См.: Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. С. 101–108.
- ⁸ См.: Соломонов В. А. Историк – страдающий : П. Г. Любомиров... С. 271–275.
- ⁹ См.: Любомиров П. Г. Отчет о четырехмесячной командировке в Ленинград для научных занятий. Саратов : Сарполиграфпром, 1925.
- ¹⁰ См.: Любомиров П. Г. Организационная структура промышленных предприятий в России в XVIII и начале XIX в. // Очерки по истории Русской промышленности. XVII, XVIII и начало XIX века. М. : ОГИЗ, 1947. С. 6.
- ¹¹ См.: Любомиров П. Г. О важности изучения мордвы // Саратовский этнографический сборник. Вып. 1 / под ред. Б. М. Соколова. Саратов : б.и., 1922. С. 240–249.
- ¹² ОПИ ГИМ. Ф. 470. Оп. 1. Д. 150.
- ¹³ «Чувствую себя очень неопытным в делах литературных...» (Письма П. Г. Любомирова С. Ф. Платонову 1912–1929 гг.) / вступ. статья, публ. и коммент. В. А. Соломонова // История и историческая память : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2011. Вып. 4. С. 234–235.
- ¹⁴ См.: Любомиров П. Г. Торговые связи Руси с Востоком в VIII–XI вв. // Ученые записки СГУ. 1923. Вып. 3. С. 1–38.
- ¹⁵ См.: Любомиров П. Г. Нижнее Поволжье полтора столетия назад // Нижнее Поволжье. Саратов, 1924. № 1. С. 21–31.
- ¹⁶ См.: Любомиров П. Г. К истории народного образования в Саратовской губернии до освобождения крестьян // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. Саратов, 1924. Вып. 34, ч. 2. С. 32–53.
- ¹⁷ См.: ОПИ ГИМ. Ф. 470. Оп. 1. Д. 155.
- ¹⁸ Ljubomirov P. G. Die wirtschaftliche Lage der deutschen Kolonien des Saratower und Wolsker Bezirks im Jahre 1791. Pskrowsk, 1926.
- ¹⁹ См.: Любомиров П. Г. О заселении Астраханской губернии в XVIII веке. Астрахань : Астраханский губплан, 1926 (отдельный оттиск из журнала «Наш край». 1926. № 4).
- ²⁰ См.: Любомиров П. Г. Ткацкая промышленность Астрахани в XVIII и первой половине XIX в. Астрахань : Губплан, 1926. 20 с.
- ²¹ См.: Любомиров П. Г. Проект таможенного тарифа для Астрахани 1757 года (этнод из истории восточной торговли) // Наш край. Астрахань, 1927. № 2. С. 61–77.
- ²² См.: Любомиров П. Г. Хозяйство Нижнего Поволжья в начале XIX века. Саратов : б.и., 1928.
- ²³ ОПИ ГИМ. Ф. 470. Оп. 1. Д. 157.
- ²⁴ См.: Историческое и топографическое описание Саратовской губернии. Волгоград : Издатель, 2011. НИОР РГБ. Ф. 68. № 229.
- ²⁵ См.: Ровинский И. В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губернии по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству. СПб. : Императорская типография, 1809.
- ²⁶ См.: Подъяпольская Е. П. О судьбе одной книги П. Г. Любомирова // Археографический ежегодник за 1975 год. М. : Наука, 1976. С. 309–311.
- ²⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 470. Оп. 1. Д. 173. Л. 1–3.

Образец для цитирования:

Клейтман А. Л. История Нижнего Поволжья в трудах П. Г. Любомирова // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 107–114. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-107-114>

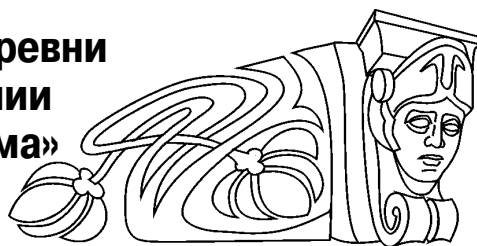
Cite this article as:

Kleitman A. L. History of the Low Volga Region in the Works by P. G. Lubomirov. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 107–114 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-107-114>

УДК 94(470.44)|1929|

Повседневная жизнь саратовской деревни в ходе хлебозаготовительной кампании 1929 г.: накануне «Великого перелома»

В. А. Котельников

Котельников Вадим Алексеевич, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, kotelnikov_va_94@mail.ru

В статье исследуется повседневная жизнь крестьян Саратовского Поволжья накануне коллективизации, связанная с реализацией политики советского руководства на широкомасштабное «выкачивание» из деревни продовольственных ресурсов и «борьбу с кулаком». На основе архивных документов раскрываются направленность и содержание проводившихся в саратовской деревне репрессивных мер, которые, с одной стороны, были вызваны нехваткой продовольствия для обеспечения городов и армии, с другой – стали последствием созревшего в центральном руководстве СССР решения об ускоренном проведении коллективизации. Как показывает автор, стремительный переход к коллективизации был обусловлен не обострением классовой борьбы в деревне, а государственными экономическими установками, для реализации которых применялся административный нажим на все сферы жизни крестьянства. В итоге все государственные мероприятия, проводимые перед началом сплошной коллективизации, стали причиной тяжелых социально-экономических последствий для крестьян Саратовского Поволжья.

Ключевые слова: хлебозаготовки, крестьянство, раскулачивание, Саратовское Поволжье, социальные преобразования, история повседневности.

Daily Life During the Grain Campaign of 1929: on the Eve of the «Great Turning»

V. A. Kotelnikov

Vadim A. Kotelnikov, <https://orcid.org/0000-0003-0007-2699>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, kotelnikov_va_94@mail.ru

The article explores the daily life of peasants of the Saratov Volga region on the eve of collectivization, associated with the implementation of the policy of the Soviet leadership on a large-scale “pumping out” food resources and “fighting the kulak” from the village. On the one hand, they were caused by a shortage of food for the cities and the army, on the other, they were the consequence of a ripening in the central government of the USSR decisions on accelerated collectivization. As the author shows, the rapid transition to collectivization was not due to the aggravation of the class struggle in the countryside, but to state economic installations, for the realization of which administrative pressure on all spheres of the peasantry's life occurred. As a result, all government measures held before the start of complete collectivization caused severe social and economic consequences for the peasants of the Saratov Volga region.

Keywords: grain procurement, peasantry, dispossession of kulaks, Saratov Volga region, social transformations, history of everyday life.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-115-118>

К концу 1920-х гг., чтобы остановить процесс кризиса хлебозаготовок, в связи с ухудшением социально-экономического положения в стране, в результате внутривластной дискуссии побеждает идея отказа от нэпа. И. В. Сталин и его окружение считали необходимым в кратчайшие сроки обобществить все средства сельскохозяйственного производства и поставить советскую деревню под жесткий административный контроль, окончательно покончив с дореволюционными пережитками¹. В своей основе данные преобразования преследовали главную цель – успешное изъятие из сельского хозяйства необходимых ресурсов на нужды индустриализации. В документах XV Съезда ВКП (б) в 1927 г. подчеркивалось, что переход индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективные должен происходить в условиях глубоко продуманной социальной и экономической политики, заключавшейся в сплочении середняков и бедняков, создании простых и понятных условий перехода к коллективному труду².

Усиление хлебозаготовительной кампании весной – летом 1929 г. носило комплексный характер. Путем вторжения во все сферы повседневной жизни крестьянства социалистическое преобразование деревни сопровождалось натиском на традиционные институты деревни (социальные, экономические, религиозные). В предствлении большевиков старую крестьянскую жизнь нужно было рушить быстро и решительно, поскольку мелкотоварное индивидуальное крестьянское хозяйство себя изжило и не позволяло в должной мере обеспечить нужды государства, связанные с масштабным рывком индустриализации. Время на то, чтобы крестьяне сами осознали преимущество кооперации и создали ее в такой форме, которая была бы им приемлема у большевиков не было. Кроме того, им нужны были такие формы крестьянского производственного объединения, которые позволяли бы без особого труда изымать из деревни необходимое количество продовольствия.

В 1920-е гг. многие крестьяне сами, на добровольной основе вступали в колхозы, пользуясь преимуществами льготного налогообложения³. Присланный в Саратовский губком циркуляр Наркомторга об усилении хлебозаготовок от 23 декабря 1927 г. информировал: «Перелома хлебозаготовок в Вашем районе нет. Примите решительные меры к усилению хлебо-

заготовок, жесткому проведению в жизнь наших директив»⁴. Власть спешила и не считала необходимым учитывать интересы крестьянства. Сопротивление хлебозаготовительной кампании в глазах большевистских руководителей выглядело как намеренный саботаж, организованный кулачеством, стремившимся таким образом удушить советскую власть. Скорейшего выполнения поставленных задач, с их точки зрения, можно было добиться только путем «удушения» саботажника-кулака, что естественно придавало «борьбе за хлеб» ожесточенный характер.

А. А. Герман подчеркивает: «В рамках антикулацкой кампании летом 1929 г. по заданию Совнаркома РСФСР в Немреспублике было выявлено «кулацких хозяйств» около 1,4 %, что оказалось ниже установленной нормы 2,5 %. Поэтому кампания по раскулачиванию была продолжена, в результате местным органам предоставлялась широкая самостоятельность в решении данного вопроса, что не могло не привести к грубому произволу»⁵.

В связи с этим к ответственности стали привлекаться хозяйства с весьма сомнительной зажиточностью, подобная деятельность приобретала все больший размах. Так, например, в с. Орлов Гай Ершовского района широко применялись методы подворных обысков не только в кулацко-зажиточных хозяйствах, но и в середняцких и даже бедняцких⁶.

Многочисленные общественные советы и особоуполномоченные должны были стать проводниками осуществляемой политики и налаживания хода хлебозаготовок в сфере сельского хозяйства. Для успешного разрешения накопившихся проблем в общественных настроениях советской деревни специальным изучением умонастроений граждан занимались различные государственные и общественные организации, но главными контролирующими структурами были партийные органы, а также подразделения внутренней и государственной безопасности (милиция, ОГПУ).

Пожалуй, наиболее ценными для реконструкции повседневной жизни крестьянства в условиях проведения хлебозаготовок являются материалы органов государственной безопасности – докладные записки о настроениях населения и всевозможные спецсводки. В 1920-е гг. органы ОГПУ регулярно информировали ЦК ВКП (б) об общественных настроениях⁷.

Сложившаяся напряженная обстановка в сельском хозяйстве конца 1920-х гг. свидетельствует, насколько активно общество готово было бороться за свое имущество, права, религию. Не случайно именно в это время появился циркуляр Наркомюста от 8 января 1929 г. № 4/СС и был разослан во все края, области, губернии – окружным прокурорам и председателям судов о принятии самых решительных мер борьбы с террористическими выступлениями. В циркуляре уточнялось, что «под террором следует понимать

не только убийства, ранения советских, общественных и партийных работников в деревне, но и случаи поджогов и других видов истребления имущества, побоев, насилий, происходящих на почве классовой борьбы вследствие общественной деятельности этих работников»⁸.

Анализ докладных записок и информационных писем уполномоченных Нижне-Волжского крайкома ВКП (б) за январь–декабрь 1929 г. продемонстрировал, что поход партии за хлебом в весенне-летнюю кампанию имел трагические последствия. Причиной послужили кабальные нормы сдачи хлеба, которые спровоцировали вспышки крестьянского сопротивления в Саратовском Поволжье. В с. Камелик Пугачевского района крестьянин Слашев на заседании Сельсовета по хлебозаготовкам угрожал: «Я всю партию поубиваю, жить стало нельзя, грабите зажиточных мужиков...». Активным хлебозаготовителям открыто угрожали: «убью», «подожгу» и т. п. Порой угрозы реализовывались: «во время возвращения с пристани в 10 часов вечера в председателя сельсовета уполномоченного по хлебозаготовкам и кандидата ВКП (б) Самойлова, был произведен выстрел из дробового ружья. В покушении подозреваются лица, о которых упоминалось выше»⁹.

Из архивных данных становится очевидно, что политика, проводившаяся властью, вызвала раскол в деревне, в свою очередь, спровоцировавший новый виток насилия между сторонниками и противниками такой политики и накалила обстановку до предела. В документах Пугачевского окружного комитета ВКП (б) о противодействии кулачества хлебозаготовкам упоминается следующее: «30 мая 1929 г. в с. Ново-Захаркино Петровского района кулак Чернов (церковный попечитель) на бедняка Кузковатова кинулся драться и бросил в него вилами, желая убить, но промахнулся. Месть совершал за то, что на него беднотой наложили 250 пудов хлеба»¹⁰.

Постоянный поиск, обход дворов и обыски требовали официального регламентирования и правового основания применения административных мер. Постановление СНК СССР от 21 мая 1929 г. «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс Законов о труде» утвердило законодательную основу хлебозаготовительной политики¹¹. По ходу кампании термин «кулак» окончательно приобрел значения «классовый враг», «противник советской власти». Приведем характерный пример из АССР Немцев Поволжья. В с. Зельман Зельманского кантона кулак агитировал против расширения посевной площади: «Ведут разговоры о том, что крестьянам нужно увеличить посевную площадь, а как же увеличивать, ежели сразу тебя в кулаки зачислят. Не дают развернуться крестьянам, много не нужно сеять, это лучше будет»¹².

Советское законодательство на государственном уровне отменило частную собствен-

ность, включая и собственность на землю. Поэтому крестьянская земля не могла быть заложена или отчуждена¹³. В результате для успешного изъятия необходимого ресурса применялись административные меры (штрафы, бойкот, конфискация имущества и т. д.). Однако подобные мероприятия не всегда имели должный успех, поскольку местное руководство ставило крестьян в условия, которые заранее невозможно было выполнить. В докладе уполномоченного А. Я. Фомина в ходе проверки села Орлов Гай Ершовского района упоминается ряд хозяйств, к которым были применены административные меры воздействия, вплоть до пятикратного обложения подсобных хозяйств. В итоге автор письма приходит к выводу о том, что хлеб крестьянам взять негде «из-за отсутствия дождей, по последним оценкам, рожь в районе погибла на 80 %, а урожай пшеницы ниже среднего»¹⁴.

В конце 1920-х гг. отношение крестьян к власти трансформируется. С. С. Крюкова, изучая данный вопрос, приходит к выводу, согласно которому «акцент сместился в область защиты имущественного права и права эксплуатации земли в свою пользу, крестьянин стал вспоминать об отсутствии того гнета, который стали проявлять большевики»¹⁵. Не случайно по этому поводу происходит отождествление большевиков и помещиков. Как справедливо подчеркивает Е. А. Осокина, «при социализме в отсутствие частной собственности на средства производства ни земля, ни предприятия, ни другие средства производства не являются предметами купли-продажи. Главной фигурой выступает государство – держатель и распорядитель товарных фондов в стране»¹⁶. В данном контексте не удивительно, что многие крестьяне стали воспринимали раскулачивание как первую волну общего наступления на село.

Репрессивная политика часто сопровождалась закрытием культурных сооружений и конфискацией или разграблением церковных ценностей. Основным импульсом для развязывания массовой антирелигиозной кампании, выразившейся главным образом в грубом закрытии церковных храмов, мечетей и молельных домов, стали Циркулярное письмо ЦК ВКП (б) от 24 января 1929 г., Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях». Эти документы расширили административный нажим почти на все жизненные сферы крестьянства¹⁷.

От позиций региональных властей напрямую зависела реализация нового курса, а жалобы на перегибы направлялись от всех слоев населения¹⁸. Посланники «центра» и местные коммунисты часто вооружали «актив» и проводили принудительные собрания сельчан, на которых действовали не только угрозами. В архивных документах встречается немало фактов издевательского отношения представителей власти и

местных активистов по отношению к населению (оскорбления, угрозы, физическое насилие и др.), которые не могут не вызывать удивления, и лишний раз демонстрируют ненормальность работы региональных властей. Например, в с. Алешкино Вольского округа на общем собрании жителей села по поводу хлебосдачи местный председатель сельсовета грозил населению, что поставленные цели должны быть выполнены, иначе хлеб «с кровью выдавим»¹⁹.

Ярким примером, отражающим методы работы особоуполномоченных районных исполнительных комитетов (РИК), является случай, произошедший в с. Баклуши Аркадакского района. Из письма-жалобы жителя села С. Симанина: «12 июня прибыл в наше село товарищ Харитонов. Тут же собрал заседание сельсовета, на котором присутствовало 100 крестьян. Сделал доклад о хлебозаготовках. Вот некоторые выдержки из доклада: «Товарищи, с нами пушки, пулеметы, Красная армия... Если из злостных хлебозаготовителей (в данном случае Харитонов имел в виду крестьян, не выполнивших нормы сдачи зерна государству. – В. К.) кто не пустит нас в амбары, мы должны пристрелить его и пройти [через] его труп, но хлеб взять... Для нас пристрелить кулака ничто... Я объявляю, что въезд и выезд из села воспрещается, впредь до особого разрешения». Напуганные и разосланные в каждый двор члены сельсовета, несмотря на 12 часов ночи, двинулись в поход. Наводя ужас среди разбуженных сельчан, они стали требовать немедленной сдачи хлеба. Автор письма продолжает: «Утром, не обращая внимания на происходящий холодный дождь, товарищ Харитонов издал приказ вести хлеб, хотя дорога была невозможно плохая: холод, дождь, но все это не помогло, и им пришлось за 18 верст везти. Когда они ехали оттуда, много из них были пьяными от расстройств и измазаны в грязи, как углекопы»²⁰.

В ходе хлебозаготовительной кампании по-другому стимулировать крестьян добровольно сдавать хлеб по заниженным ценам было сложно. В итоге многие крестьянские хозяйства были вынуждены распродавать собственное имущество, чтобы выполнить установленные нормы. Впрочем, никто из сельчан не был застрахован от его конфискации, поэтому они выбирали из двух бед меньшую. Об этом свидетельствует фрагмент из докладной записки, направленной секретарю крайкома ВКП (б) Ф. Густу из Пугачевского округа: «Стрелков Илья Степанович: задание не выполняет, но обещает выполнить постепенно, по мере покупки хлеба. Домашние вещи и обстановку вывез, чтобы избавиться от продажи. Отчуждена корова и комод»²¹.

В условиях успешного отъема необходимого ресурса и твердого убеждения местного руководства, что «хлеб» в деревне есть, комиссия содействия коллективизации при Бюро крайкома

ВКП (б), опираясь на директивы центральных органов власти, 28 ноября 1929 г. постановила: «Объявить Нижне-Волжский край – краем сплошной коллективизации, о чем донести до сведения ЦК ВКП (б) и др. центральных организаций, установив твердое задание: коллективизировать к весне 1930 г. 80 % крестьянских дворов бедняцко-средняцких хозяйств к общему числу хоз-в края, доведя процент коллективизации к осени 1930 г. до 87 %»²².

Таким образом, варварская хлебозаготовительная кампания подготовила почву для начала сплошной принудительной коллективизации саратовских крестьян. Эта кампания вызвала у власти различных уровней уверенность в том, что любые проблемы в деревне можно решить административными методами, все зависит лишь от степени «нажима». Жестокость хлебозаготовок вводила состоятельных крестьян-земледельцев в замешательство и растерянность. Разрушая механизмы социального взаимодействия, аграрная политика власти, противопоставленная традиционному менталитету, не соответствовала ожиданиям крестьян. Постепенно, на фоне внедрения властью социалистических ценностей и символик, разрушающих устоявшиеся мировоззренческие стереотипы, стали исчезать такие качества крестьянина, как хозяйственность, самостоятельность, самодеятельность.

Использование отработанных жестких методов и ударных темпов социалистического строительства привели деревню к тяжелым экономическим и духовным последствиям. В процессе хлебозаготовительной кампании была выработана система административного принуждения. Активно-агрессивная политика государства в отношении крестьян, соединившая в себе черты социальной чистки, экономического давления, воздействие идеологической и культурной пропаганды, заложили фундамент перехода к «сплошной коллективизации».

Примечания

- 1 См.: Соколов А. К. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. С. 65.
- 2 См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и

- раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы : в 5 т. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинга, Л. Виолы. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. С. 111.
- 3 См.: *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы : деревня. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. С. 13.
- 4 Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 111.
- 5 *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М. : МСНК-пресс, 2007. С. 247–248.
- 6 См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 59. Л. 41.
- 7 См.: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы : в 4 т. Т. 2 (1923–1929 гг.) / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М. : РОССПЭН, 2000. С. 842.
- 8 Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 497.
- 9 ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 97 Л. 26.
- 10 Там же. Д. 1. Л. 134.
- 11 Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 822.
- 12 Там же. С. 598.
- 13 См.: *Кириллов И. А.* Очерки землеустройства за три года революции (1918–1920 гг.) М. : Редакционно-издательская комиссия Народного комиссариата земледелия, 1922. С. 114.
- 14 ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 97. Л. 39.
- 15 *Крюкова С. С.* Крестьянские истории : Российская деревня 20-х годов в письмах и документах / Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М. : РОССПЭН, 2001. С. 9.
- 16 *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия» : распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации 1927–1941 гг. М. : РОССПЭН, 1997. С. 2.
- 17 См.: *Яковлева Ж. В.* Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье (конец 1920-х – начало 1940-х гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2017. С. 56.
- 18 См.: Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов, О. В. Хлевнюк. М. : РОССПЭН, 2002. С. 528.
- 19 ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 97 Л. 28.
- 20 Там же. Л. 1.
- 21 Там же. Л. 2.
- 22 Там же. Л. 29.

Образец для цитирования:

Котельников В. А. Повседневная жизнь саратовской деревни в ходе хлебозаготовительной кампании 1929 гг.: накануне «Великого перелома» // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 115–118. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-115-118>

Cite this article as:

Kotelnikov V. A. Daily Life During the Grain Campaign of 1929: on the Eve of the «Great Turning». *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 115–118 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-115-118>

УДК [94+322](470.44)|1920–1940|

Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье: на примере борьбы с православием (конец 1920 – начало 1940-х годов)

Ж. В. Яковлева

Яковлева Жанна Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий архивист отдела комплектования ведомственных архивов и делопроизводства государственного архива Саратовской области, zhanna-yakovleva2015@yandex.ru

В статье на основе архивных материалов рассматривается антирелигиозная кампания в отношении РПЦ и православных на территории Саратовского Поволжья в конце 1920 – начале 1940-х гг., которая осуществлялась в виде репрессий против служителей культов и верующих, изъятия храмов и молитвенных домов, антирелигиозной агитации и пропаганды и других антирелигиозных мероприятий. С конца 1920-х гг. государство вело себя в отношении всех религиозных конфессий одинаково враждебно, не делая исключения ни для каких церквей, деноминаций и сект. Православие как самая распространенная и многочисленная религия в Саратовском Поволжье пострадало от советской власти больше всех. Антирелигиозная кампания имела две составляющие: организационно-административную и агитационно-пропагандистскую. В данной статье исследуются административные меры власти по борьбе с религией и религиозными объединениями.

Ключевые слова: Саратовское Поволжье, антирелигиозная кампания, православие, религия, советская власть, 1920-е гг., 1940-е гг.

Anti-religious Campaign in the Saratov Volga Region: on the Example of the Fight Against Orthodoxy (the End of the 1920s – the Beginning of the 1940s)

Zh. V. Yakovleva

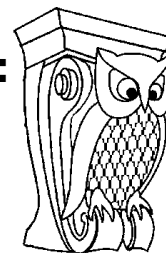
Zhanna V. Yakovleva, <https://orcid.org/0000-0001-5054-803X>, State Archive of the Saratov Region, 15 Kut'yakova St., Saratov 410012, Russia, zhanna-yakovleva2015@yandex.ru

The author of the article, based on archival materials, examines the anti-religious campaign against the Russian Orthodox Church and the Orthodox on the territory of the Saratov Volga region in the late 1920s – early 1940s. The anti-religious campaign was carried out in the form of repressions against worshipers and believers, the seizure of temples and houses of worship, anti-religious agitation and propaganda, and other anti-religious events. Since the late 1920s, the state has behaved in the same way towards all religious denominations, making no exceptions for any churches, denominations, and sects. Orthodoxy, being the most widespread and numerous religion in the Saratov Volga region, suffered due to this circumstance from the Soviet government most severely. The anti-religious campaign had two components: organizational-administrative and propaganda. This article examines the administrative measures of the government to combat religion and religious associations.

Keywords: Saratov Volga, anti-religious campaign, Orthodoxy religion, Soviet authority, 1920s, 1940s.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-119-127>

© Яковлева Ж. В., 2020

Антирелигиозная кампания, проводившаяся в Саратовском Поволжье с конца 1920-х и в течение 1930-х гг., являлась составной частью общего агрессивного наступления на религию и церковь в СССР в период «строительства и укрепления социализма», призванного идеологически закрепить формирование нового государственного и общественного строя.

К концу 1920-х гг. с установлением единоличной власти И. В. Сталина в руководстве страны победило решение отказаться от нэпа и начать «революцию сверху», принудительно насаждая в государстве индустриальный социализм, что фактически являлось форсированной модернизацией страны. Такая политика неминуемо вела к крутой ломке всех традиционных устоев жизни населения, включая и религиозную. Религия выступала главным идеологическим оппонентом атеистической коммунистической доктрины. В новом обществе места для нее не было предусмотрено.

Выход в свет Циркулярного письма ЦК ВКП (б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» (автор Л. М. Каганович)¹, Постановления «О религиозных объединениях»², создание постоянной комиссии по вопросам культов, переход к воинствующему безбожью после второго съезда безбожников – эти и другие события, ознаменовавшие 1929 г., стали фундаментом дальнейших трагических взаимоотношений двух непримиримых полюсов: государства и церкви.

Православие являлось самой распространенной религией в Саратовском Поволжье. Приверженцы РПЦ, старообрядчества и других православного происхождения деноминаций и секты составляли свыше 80% населения региона. В Саратовском Поволжье на 1928 г. функционировало 6 монастырей: в Саратове, Вольске, Хвалынске, Аткарске, Новоузенске, Балашове³. В одном только г. Саратове на 1912 г., по данным справочной книги Саратовской епархии, было 40 православных церквей⁴. По архивным сведениям, с 1918 г. по 1929 г. в городе была закрыта 21 православная церковь. Уже к 1 января 1932 г. было закрыто еще 10 церквей. Таким образом, к 1932 г. в г. Саратове функционировало только 9 православных церквей⁵. К 1939 г. осталась только одна, в 1941 г. их уже не было⁶.

Одной из форм борьбы с верующими стала регистрация религиозных объединений. Она осуществлялась НКВД. В соответствии со

ст. 65 Постановления от 8 апреля 1929 г. для юридического оформления все религиозные объединения должны были зарегистрироваться по месту нахождения в течение года. Однако административное управление краевого исполкома Нижневолжского края 31 июля 1929 г. отправляет всем начальникам окружных административных отделов и начальнику Саратовского городского административного отдела документ, в котором рекомендует воздержаться от регистрации религиозных объединений как существующих, так и вновь возникающих до распоряжения НКВД, в который уже сделан запрос о порядке и формах регистрации таких объединений⁷.

Постановлением НКВД РСФСР от 29 августа 1930 г. № 434 был установлен срок окончания регистрации религиозных объединений – 1 января 1931 г., о чем административное управление Нижневолжского крайисполкома сообщило начальникам районных и городских административных отделов лишь 12 ноября 1930 г. Незарегистрированные религиозные объединения в положенный срок считались «ликвидированными»⁸. Таким образом, чтобы избавиться от верующих можно было не включать репрессивную политику, а просто запустить в действие бюрократическую советскую систему. Позже тем, кто захочет зарегистрироваться, будут отказывать под любыми предлогами. Терпения на бюрократическую волокиту хватит не у всех, и значительная часть религиозных обществ будет считаться нелегальными, незаконными.

Церкви часто засыпались зерном без необходимости в этом только для того, чтобы «ликвидировать религию», однако верующие платили за эксплуатацию церкви независимо от того, что церковь не пользовались. Церкви возвращались в испорченном виде, культовое имущество ломалось и расхищалось⁹.

Закрытию церквей способствовало намеренно короткое время обжалования волонтеристского решения об ее закрытии – две недели. Не всегда получалось опротестовать решение о закрытии церкви во ВЦИКе в такой срок. Жалобы с просроченным временем даже не рассматривались. Так, например, произошло с жалобой коллектива верующих Казанско-Богородицкой церкви слободы Александров Гай Новоузенского района Пугачевского округа. Верующие написали жалобы в крайисполком и в комиссию по вопросам культов при ВЦИК, но не уложились в положенный срок, и церковь была закрыта¹⁰.

Похожий случай произошел и с православной церковью поселка Красный Кут в АССР немцев Поволжья (далее – АССР НП), которую отняли в 1936 г. Краснокутские верующие не подали вовремя заявление во ВЦИК. Секретарь ЦИКа АССР НП Шлегель сообщил во ВЦИК, что по причине опоздания церковь вернуть верующим уже нельзя. Из ВЦИКа ответили (отв. секр. ко-

миссии Агеев, инструктор-консультант Узков), что постановление ЦИКа АССР НП считать вошедшим в силу¹¹.

В числе административных методов использовалось закрытие церкви из-за ветхости и невыполнения ремонта, часто с формулировкой «грозит обвалом». Это был легкий путь, который не требовал повседневной работы в массах. Общество верующих заставляли делать непосильный ремонт, устанавливались нереальные сроки. Одновременно запрещали проводить сбор средств¹².

В Саратовском Поволжье фактически везде изъятие храмов и молельных домов проходило с грубым нарушением советского законодательства, царил дикий произвол местных представителей власти и вопиющие издевательства над верующими.

После 1917 г. церковные колокола стали объектом непрерывных нападков со стороны советской власти. Такие нападки происходили по идеологической, политической и экономической причинам. Во-первых, одним из первых декретов советской власти был запрещен набатный звон, чтобы исключить возможность призыва к антисоветским выступлениям; во-вторых, колокольный звон запрещали в местах расположения заводов и фабрик, чтобы дать возможность рабочему человеку отдохнуть от дел праведных. В качестве экономической причины изъятия колоколов называлась острая потребность государства в металле «для тракторов», а в определенные исторические отрезки и для обороны страны.

Вопрос об урегулировании колокольного звона был внесен П. Г. Смидовичем на Секретариат Президиума ВЦИК, который 15 декабря 1929 г. протоколом № 30 постановил: «В связи с новым распределением трудовых процессов, в рамках непрерывной недели <...> предоставить право регулирования колокольного звона при отпращивании культовых служб горсоветам и районным комитетам». Постановление местной власти – горсоветов, райисполкомов – можно было оспорить решениями окружных исполкомов, которые являлись окончательными¹³.

В 1929 г. Пасха выпадала на 5 мая, накануне и во время этого главного в году православного праздника так же, как и в последующие годы, шла интенсивная антирелигиозная кампания. Вот что можно прочитать в дневниках очевидцев того времени: «1-е января 1930 г. <...> Церковные праздники и воскресенья можно еще узнать по церковному звону, но, вероятно, и этому скоро придет конец. Ведется бешеная кампания за снятие всех колоколов и закрытие церквей. Везде, на улицах и в трамваях, расклеены лозунги: “Новый мир построим без попов и веры в бога”, “Дадим стране цветной металл – перельем колокола в машины”. <...> С колокольной Александро-Невского собора колокола уже сняли, при снятии убили один рабочий»¹⁴.

По воспоминаниям современников 20 апреля 1930 г. наступил первый день «немой Пасхи», которую жители г. Саратова впервые встречали без звона колоколов, так как он был уже запрещен. Это был будний день, все предприятия работали, однако праздник чувствовался, церкви были переполнены, несмотря на «антирелигиозные хулиганства молодежи». Утром поневоле все отправились на работу, но оделись по-праздничному¹⁵. До революции в Пасху на улицах Саратова стояли куличи, в 1922 г. куличи также еще выставлялись на улицу, но в 1930 г. их уже никто не пек и не выставлял, но не только из-за запрета власти или утраты религиозных традиций, а, прежде всего, из-за дефицита продовольствия, его дороговизны, огромных очередей за продуктами – «дома и кулич не из чего испечь»¹⁶.

2 декабря 1930 г. Саратовский городской совет постановил в связи с запрещением в городе колокольного звона снять все колокола со всех действующих церквей Саратова¹⁷. Аналогичные постановления принимались и районными советами. Кампания по снятию колоколов сопровождалась варварскими методами: при снятии происходила порча здания церкви, лестниц и колоколен, как, например, это произошло в с. Урусово Ртищевского района. При снятии колокола была сильно повреждена лестница, а, как известно, ремонт здания в любом случае падал на верующих, хотя они не были виноваты в его повреждении¹⁸.

Президиум Нижневолжского крайисполкома 29 декабря 1931 г. с представления Саратовского Горсовета постановил на основании добровольного желания самих верующих изъять колокола из церквей: Христорождественской, Митрофаньевской, Старо-Казанской, Спасо-преображенской, Покровской старообрядческой (ул. Кузнечная, 43), Римско-Католической и передать колокола в госфонд, за исключением одного колокола в 49 пудов Христорождественской церкви по просьбе верующих¹⁹.

Однако, как и в случае с закрытием церквей и молитвенных домов, в деле снятия колоколов не обошлось без фанатизма. Постоянная комиссия по вопросам культов 8 июня 1933 г. выпустила Циркуляр «По вопросу регулирования колокольного звона и снятия колоколов с тех молитвенных зданий, где колокольный звон прекращен», который гласил, что местные власти провели ряд мероприятий по урегулированию колокольного звона, но к единой практике не пришли и «кое-где был допущен ряд неправильностей и ошибок»²⁰.

В соответствии с этим циркуляром при учете колокольной бронзы необходимо было по согласованию с музейными органами в отдельный список вносить колокола особого тонального звучания и колокола весом менее 16 кг, так как они могут быть использованы для сигнализации

на предприятиях, в сельской местности и для пожарной сигнализации²¹.

Атеистический фанатизм 1930-х гг. присутствовал в любых мероприятиях: закрытие церквей, снятие колоколов, сбор металлолома, который проводился даже на кладбищах. «Разоружение кладбищ» было еще одной дерзкой выходкой со стороны власти.

Для реализации этой кампании в г. Саратове в 1929 г. Горсоветом были созданы Комиссии по «выявлению внутренних ресурсов». Кроме металлического лома собирался и «поделочный материал». В 1930 г. кладбищенские ограды, а также другие материалы – мрамор, памятники подлежали изъятию и были озвучены цифры по сбору металла – 2 тыс. т. Кампанию по сбору кладбищенского металла 1930 г. было решено начать с Воскресенского кладбища г. Саратова. 5 января 1931 г. также начался сбор утильсырья. На кладбищах снимали ограды, железные кресты²².

Истеричная обстановка, связанная с сбором металлолома, в разряд которого попадали колокола, металлические ограды и многое другое, сочеталась с полнейшей бесхозяйственностью, когда много никому не нужного металла просто валялось, иногда под открытым небом. Так, например, на территории завода им. Ленина в г. Саратове лежала большая гряда разного ненужного металла под открытым небом, в городе лежало много трамвайных рельсов неэксплуатируемых линий, во дворе ремонтно-паровозного завода валялся разный металл и чугун весом в несколько центнеров, а завод железных изделий сбрасывал лом в овраг и просто засыпал его практически целиком. На товарной станции во дворе складов № 20–22 валялся лом, о который народ просто спотыкался²³. Несмотря на такую ситуацию с металлоломом, снятие колоколов и разграбление кладбищ продолжались. Так, был снят и передан на нужды государства колокол кафедрального собора г. Вольска²⁴. Нередко снятые и скинутые с колоколен разбитые колокола валялись бесхозные, не оприходованные, как, например, в Тамалинском районе, где 2 сброшенных в 1934 г. с церкви и разбившихся при этом колокола в течение многих месяцев валялись на земле²⁵.

Обстановка «на антирелигиозном фронте» во многом, а нередко и в решающей мере зависела от личных качеств людей, которые возглавляли те или иные участки антирелигиозной работы и составляли «движущие силы» антирелигиозной кампании 1930-х гг.

«Верующие теперь неверующие» – красноречивая фраза председателя сельсовета Григорьева из с. Беляевка Турковского района стала по сути дела обоснованием произвола и беззакония представителей местной власти в борьбе с религией. В 1933 г. Григорьев ходил по домам и, грозя применением репрессивных мер, застав-

лял подписываться сельчан за закрытие церкви. Он лично приходил домой к председателю исполнительного органа религиозного общества Сергееву и, не застав последнего, грозил его жене: «Скажи своему хозяину, чтобы он бросил церковь, а иначе я Вас оберу до шебола, а его посажу в тюрьму»²⁶. Угрожал Григорьев и священнику. Оснований для закрытия церкви не было: материальных задолженностей не имелось, она считалась функционирующей.

Через некоторое время в село приехал новый священник и, зарегистрировавшись в Турковском райисполкоме, начал исполнять свои церковные обязанности. В это время «грозный» председатель сельского совета Григорьев на месте отсутствовал, когда же он вернулся, то был очень разозлен и разразился в церкви такой речью: «Марш отсюда. Иначе сейчас попа посажу! Церковь закрыта! Верующие теперь неверующие!» В результате назначенный священник «со страху убог и в церкви оставил свои собственные вещи, рясу и свой наперстный крест»²⁷.

Григорьев, как пишут верующие, задался целью закрыть храм, но верующие надеялись, что им помогут, что не председатели сельсоветов закрывают церкви, нет у них таких прав. Верующие так и не достигли своей цели – их церковь закрыли на заседании президиума Турковского райисполкома. Спустя несколько лет в 1937 г. про Беляевскую церковь напишут: «Коллектив распался около 6 лет назад. Взять церковь никто не хочет. Утварь церковная и колокола изъяты и реализованы Районным финансовым отделом. Здание деревянное, ветхое, крытое железом, необходимо его разобрать на строительные материалы под школу»²⁸.

Столь же показательна ситуация, описанная в жалобе, направленной во ВЦИК М. И. Калинину на председателя сельского совета И. Г. Цибизова от верующих русского села Миусс Гнаденфлюрского кантона АССР НП 15 октября 1936 г. Верующие просили председателя вернуть им церковь, а председатель «затопаёт ногами, покроеет хорошим матом» и требует денег по долгам, они просят сделать церковный забор, а председатель – «не разрешаю, и убежит из сельсовета так с матом». Верующие обязывались уплачивать налог государству, но только «по закону, а не так, как вздумается местной власти», которая «не разрешает делать собрания и заборы». Местная власть проходила по дворам, собирая подписи за закрытие, тем, кто не давал согласие, грозили. Верующие просили разъяснить им – законно ли это: «Если это так законно, то дайте нам разъяснение, чтобы мы больше не беспокоили Вас, и мы чтобы не думали об этом, а если не законно, то просим выслать комиссию». В письме они также сообщили, что церковь плохо охраняется, растаскивается ограда, каленые кирпичи, растащили и ободрали жезь с ограды. Ученики во время перемены лазают по церкви

и безобразничают. Они провалили пол, и часть государственного зерна туда провалилась, из-за чего произошла недостача. И пришлось «выламывать полы по всей церкви, откуда оказалось зерна под полом около 50 центнеров»²⁹.

Еще один пример, характеризующий уловки и поведение местных «кадров». От коллектива верующих Никольской церкви с. Курган Ртищевского района Балашовского округа во ВЦИК 10 октября 1929 г. поступила жалоба на то, что на общем собрании решался вопрос о закрытии церкви. Но верующих заранее не предупредили, и на собрание пришло мало людей, в основном «безбожники», которые и проголосовали за закрытие церкви. На другой день некий Прутков из райисполкома позвал к себе председателя церковного совета и потребовал ключи от церкви и расходные книги. Председателя под давлением отдал ключи. Священника с семьей Прутков выгнал из села. Церковь, в конце концов, была закрыта крайисполкомом 10 июня 1935 г., несмотря на все попытки верующих это предотвратить³⁰.

Огромное чувство жалости вызывают к себе люди, испытавшие на себе унижения, оскорбления, моральные и физические издевательства, люди, к которым местные царьки относились просто бесчеловечно, вытирали об них ноги. «Душа верующего скорбит, болеет, а сердце обливается кровью...», – писали верующие Казанской церкви с. Макарово Тамалинского района Балашовского округа 12 апреля 1930 г. 9 ноября 1929 г. в храм пришла небольшая группа неверующих во главе с уполномоченным по заготовке хлеба и закрыла храм на замок, что нанесло «неизлечимую рану» всем верующим, но дальше было еще хуже – верующие страдали от того, как поступили с культовым имуществом церкви: иконостасы уничтожались, шли на растопку печей, раскалывались на более мелкие части, металлические предметы были изъяты и отправлены в райисполком.

Отмеченные действия грубо оскорбляли чувства верующих, те самые чувства, о необходимости уважать которые декларировалось во всех партийных документах, касающихся церкви и веры. «В короткое время из величественного храма с великолепной обстановкой получилось убожество с голыми стенами, пустующее до сего времени», – писали верующие. Уполномоченные от коллектива верующих не могли бороться с таким положением вещей, так как были подвергнуты запугиванию и арестам, а собираемые на восстановление храма средства отнимались³¹.

Кроме противоправного закрытия храмов, еще одной «формой» борьбы с религией стали издевательства над священнослужителями. Необходимо отметить, что дискриминация священников проводилась Советским государством с первого дня его существования и даже была закреплена во всех конституциях РСФСР и СССР существовавших до середины 1936 г. В число

тех, кто не может избирать и быть избранным, были включены «монахи и духовные служители церквей и религиозных культов»³². Священнослужители были ограничены в своих правах наравне с «буржуазными элементами», душевнобольными, преступниками³³.

Некоторые случаи издевательства над священниками, связанные с принудительным закрытием церквей уже описаны выше. Есть и другие примеры вопиющих бесчинств такого рода на местах. Многие священнослужители жаловались на это в Москву М. И. Калинин, который получал большое количество писем от граждан СССР с жалобами и прошениями. Нередко он сам или через свой аппарат оказывал гражданам соответствующую помощь³⁴. Одна из таких жалоб поступила из Балашовского округа Нижневолжского края. В с. Малиновка только что назначенный и приехавший служить священник Николай Лавров был в 2 ч ночи вызван председателем колхоза и ему было предложено через 2 ч покинуть приход, иначе он будет арестован и отправлен в ссылку; священника Евгения Руднянского, служившего в этом селе ранее, заставили покинуть приход в 24 ч. Еще одна жалоба из многих: у священника с. Воронцовка Саратовского округа за произведенный им колокольный звон к утренней молитве на Рождество христово отобрали все имущество, самого выгнали из сторожки, где он проживал, а также оштрафовали на 500 руб.³⁵

В 1930 г. было издано Постановление ВЦИК «О налоговом обложении настоящих и бывших служителей культа», устанавливавшее определенный порядок сдачи натурального и денежного налога священнослужителями и освобождавшее от сельхозналога всех бывших духовных лиц, снявших сан до 1 мая 1930 г. По доходам от сельского хозяйства налог на священнослужителей не должен был превышать налог крестьянина с таким же доходом больше, чем на 100 %. Также в Постановлении говорилось, что священнослужители должны привлекаться к сельхоззаготовкам по нормам, установленным для единоличных хозяйств, а священники, чьи хозяйства имели «признаки кулацких хозяйств», подвергались соответствующим «кулацким» нормам обложения налогом³⁶, однако и в этом деле произвол по-прежнему продолжался. В результате появлялись многочисленные жалобы на незаконное обложение священнослужителей. Так, например, в селении Большая Дмитриевка Лысогорского района Нижне-Волжского края священнику Антону Крутицкому и диакону Василию Ястребову предложено было уплатить «контрольную цифру ржи и шерсти», хотя они ржи не сеяли и не собирали и шерсти взять им было негде, так как овец они тоже не держали. За неуплату оба Нарсудом были приговорены к 2 годам тюрьмы и на 5 лет высылки за пределы края. Священник с. Рыбушка Саратовского окру-

га Алексей Шереметьев жаловался на то, что ему предложили в 24 ч сдать 10 пудов коровьего масла, а в случае несдачи грозили ст. 61 Уголовного кодекса. Священника Утехина из с. Блохино Балашовского округа судили за несдачу установленной нормы картофеля, которого он не сеял. От священника Аристарха Ливанова, селения Поповки Саратовского округа потребовали сдачи в течение 12 ч 5 пудов шерсти. За невыполнение его ждали арест и продажа имущества. Саратовский митрополит Серафим написал, что в Вязовском районе Аткарского округа местная власть воспрещает отпевать умерших, крестить младенцев в домах верующих, а также отказывает священникам в квартирах, угрожая хозяевам описью и отображением имущества за то, что они держат в квартире попа³⁷.

Священников в 1930-е гг. не только притесняли, и унижали их человеческое достоинство, активно репрессировали. По Саратовскому Поволжью прокатилась волна арестов священнослужителей. 1937–1938 гг. вошли в историю как период «Большого террора», санкционированного Пленумом ЦК ВКП (б) в феврале – марте 1937 г. Именно в этот период были приговорены к расстрелу по решению «троек» многие священнослужители Саратовского Поволжья³⁸. Активность верующих в период обсуждения Конституции напугала руководителей страны. Власть всерьез стала опасаться Церкви как хорошо организованной антикоммунистической силы в стране³⁹.

Среди пострадавших за веру во время массового террора, захлестнувшего в том числе Саратовское Поволжье, оказался священник П., житель с. Рыбушки Саратовского района Саратовской области, 1869 г.р., обвиненный по п. 10, ч. 1 ст. 58 УК РСФСР. Статья 58 УК РСФСР 1922 г. в редакции 1926 г. и более поздних редакциях устанавливала ответственность за контрреволюционную деятельность. 58-10 – Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 58-2–58-9), а равно распространение или изготовление, или хранение литературы того же содержания влекут за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев. П. был зачислен в разряд кулаков, поводом для этого послужило наличие у священнослужителя 3–4 пар рабочих быков, 1 лошади, 2 коров, мелкого скота до 20 голов, а также применение священником наемной рабочей силы (1 рабочий работал у него постоянно и 5–6 – сезонно).

По советским меркам П. был крупным эксплуататором наемного труда, с учетом того, что раскулачить в коллективизацию могли и за меньшую «вину». У П. было двое детей, между которыми он разделил свое хозяйство в 1925 г., а сам служил священником сначала в с. Сосновка Та-

тищевского района, а затем с 1936 г. в с. Рыбушка, где «нелегально» крестил новорожденных детей. При обыске у священника были обнаружены: 1 риза, 1 подризник, 2 нарукавника, 1 пояс и 4 церковные книги. Поводом для ареста П. послужило обвинение в систематической активной антисоветской агитации среди верующих, которые собирались у него дома. Вину священник не признал⁴⁰. В обвинительном заключении 4 ноября 1937 г. по делу № 13452 помощник оперативного уполномоченного РО-УНКВД Широко-Карамышского района Саратовской области установил, что П. антисоветски настроен, проводил антисоветскую агитацию, доказывал, что в Верховный Совет будут выбирать своих людей, распространял провокационные слухи о крахе советской власти, о голоде и роспуске колхозов. В 1930 г. принимал активное участие в «кулацком» восстании в с. Рыбушки. На этом основании помощник оперуполномоченного постановил: следственное дело направить на рассмотрение Тройки УНКВД по Саратовской области во внесудебном порядке. 14 ноября 1937 г. на заседании судебной тройки при управлении НКВД по Саратовской области было постановлено: П. расстрелять. Приговор был приведен в исполнение 16 ноября 1937 г. в 22 ч⁴¹.

Поражает, насколько оперативно решалась судьба человека в 1937–1938 гг.: дело священнослужителя П. – начато 31 октября 1937 г., а 14 ноября 1937 г. вынесен смертный приговор, который приведен в исполнение двумя днями позже. Всего на 22 листах архивного дела изложена человеческая трагедия. В деле имеется еще один лист № 24, в котором П. реабилитирован в 1989 г. Он попадал под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов»⁴².

В 1937 г. по обвинению в «контрреволюционной деятельности против существующего строя в СССР» (п. 1 ст. 58 УК РСФСР) проходил священнослужитель Д., 1875 г.р. из г. Новоузенска. Священник не признал свою вину, но во время допроса ответил утвердительно на вопрос, говорил ли он, что «советская власть посягнула на религию, разграбила храмы, невинно посослала все духовенство»⁴³. Этот ответ прозвучал почти как приговор, он подчеркнут в деле красным карандашом.

Просматривая дела по закрытию православных церквей, монастырей и молитвенных домов, а также мечетей, синагог, католических и лютеранских храмов, изучая судьбы священников всех вероисповеданий и другие документы 1920–1930-х гг., любой исследователь даст утвердительный ответ – да, советская власть посягнула на религию, разграбила храмы и репрессировала духовенство и мирян – это уже стало аксиомой.

Получается, что Д. пострадал ни за что другое, как за правду. Согласился священник и с тем, что вел беседы со своим приятелем священнослужителем о религии и разделял его мнение о том, что «христианская религия самая идеальная, и что отступать от нее не следует» и «обещал помочь, чем мог, по спасению религии»⁴⁴. От остальных обвинений Д. отказался, но и этих двух ответов хватило для обвинительного заключения помощника оперуполномоченного Новоузенского РО УГБ УНКВД по Саратовской области, который установил, что священник враждебно настроен к существующему строю, систематически проводил контрреволюционную агитацию, «похабно» высказывался в адрес Сталинской конституции: «Сталин написал Конституцию так, чтобы по ней больше закабалить людей Советского Союза». По поводу Конституции Д. высказал общее мнение, так как никто из верующих не доверял Конституции, а «церковники выступают против Конституции», – говорилось в докладной записке, составленной по материалам комиссии по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР за период с 1 января по 1 сентября 1936 г. О выборах в совет Д. высказался так: «Это не что иное, как ловкое простое мошенничество коммунистической партии», систематически проповедовал вероучение, говорил о скорой гибели советской власти. Виновным полностью себя не признал, но и этого было достаточно для вынесения вердикта – «виновен». В деле фигурируют две скрытые вместе с двумя фигурантами под престолом в 1919 г. бомбы самодельного изготовления. Тогда трех виновников продержали 18 дней в тюрьме и отпустили. Через 18 лет священнику припомнили дело, совершенное, по его словам, «от страха»⁴⁵.

Тройка при управлении НКВД по Саратовской области 10 декабря 1937 г. постановила священника расстрелять, обвинив в распространении клеветы о Конституции и руководителях советской власти, дискредитации и ополчении выборов в Верховный Совет, активной агитации против советской власти. Священника расстреляли 15 декабря 1937 г. в 22 ч⁴⁶. Дело, изложенное на 16 листах и длившееся чуть больше месяца, определило судьбу еще одного из тысяч, невинно пострадавших от советской власти за веру.

В 1961 г. сын священника, живший все эти годы в полном неведении о судьбе своего отца, написал заявление прокурору Саратовской области, в котором сообщил, что прошло более 23 лет после ареста отца, и «от него нет никаких известий». В ходе последующего разбирательства выяснилось, что священник был осужден по доносу трех человек. Одна из доносиц в 1961 г. отказалась от своих слов, заявив, что со священником совсем не была знакома и не свидетельствовала против него. Остальные свидетельства были неконкретны и ничем не подтверждены. 9 октября 1961 г. Президиум Саратовского об-

ластного суда постановил: «Постановление тройки при УНКВД по Саратовской области от 10 декабря 1937 г. отменить»⁴⁷.

Третий фигурант исследования – священник А., 1879 г.р., служивший в с. Пристанное, при обыске у которого нашли «12 адресов разных лиц» и 2 сборника законов об отделении церкви от государства. А. обвиняли в проведении контрреволюционной агитации в течение 1935–1937 гг., в чем священник не признал себя виновным. Обвинение было построено на доносе, в котором доносчик приводил слова, якобы сказанные А. в апреле 1937 г., о том, что «эта власть не Богом послана, а нечистой силой, и поэтому советская власть производит гонение на крестьян и верующих в бога. Масса крестьян советской властью сослана, <.>, вот поэтому православная церковь и не молится за эту власть, а, наоборот, ведет борьбу с коммунистами». В июне 1937 г. священник говорил, что коммунисты – это антихристы, которые будут иметь татуированную печать на лбу, что наступит «Красный террор», когда будут убивать тех, кто не коммунист⁴⁸.

Обвинение строилось на основании показаний двух свидетелей, однако виновным А. себя не признал, тем не менее 23 октября 1937 г. был приговорен тройкой к расстрелу, который был приведен в исполнение 29 октября того же года в 22 часа. В 1957 г. сестра священника написала жалобу на имя прокурора Саратовской области о том, что ее брат честный, порядочный, ни в чем не виноватый человек. В качестве мотива к написанию письма женщина, кроме уверенности в невиновности родственника, указала отрицательное влияние ареста на нее и всю семью.

После разбирательства по делу священник А. был реабилитирован посмертно. Один из свидетелей обвинения показал на суде через 20 лет, что показаний против священника не давал, высказываний против советской власти из уст священника никогда не слышал, никогда не встречался с ним даже вне стен храма, а подпись его как обвинителя, вероятно, подделана. Постановлением президиума Саратовского областного суда 22 декабря 1958 г. со священника сняты все обвинения, и постановление тройки УНКВД по Саратовской области отменено. Ранее все лица, имевшие отношение к сфабрикованному делу, были наказаны по закону⁴⁹.

Приведенных дел достаточно для того, чтобы восстановить картину страшных лет «Большого террора». По всем трем священникам при пересмотре дел по прошествии большого периода времени была установлена их сфабрикованность: так, показания обвинения были подложными, очных ставок не проводилось, арест был незаконным и др. Именно поэтому священники были оправданы – оправданы с точки зрения закона.

Естественно, расстреливали и отправляли в тюрьмы и лагеря людей не за веру в Бога. Официально верующие обвинялись в антисоветской

агитации либо участия в контрреволюционных группировках, распространении провокационных слухов, сборе средств в пользу церкви, распространении религиозных обрядов и т. п.

Подготовка и принятие новой Конституции СССР (1936 г.) ознаменовали собой наступление очередного этапа антирелигиозной кампании. Конституция СССР своим содержанием породила у советских людей, и в частности у верующих, надежду на возвращение справедливости в государственно-общественных отношениях и стала своеобразным толчком к активизации их религиозных чувств. Началось движение за открытие церквей, их ремонт и реставрацию. Так, в 1936 г. один из инструкторов Союза воинствующих безбожников в своем отчете сообщал, что, кроме усилившегося религиозного движения, активизировалось движение за открытие церквей, которые стоят годами не приспособленные под культурные учреждения⁵⁰. В 1936 г., по сообщению Постоянной комиссии при ЦИК, закрытых, не переоборудованных, не использовавшихся ни под какие цели церквей в Саратовском крае было 80⁵¹.

Требования исходили от церковных советов, которые существовали при бездействующих молитвенных зданиях. Повсюду проходил сбор средств на реставрацию храмов. Например, по данным 1937 г., на ремонт Духосошестввенской церкви Саратова верующими было собрано 207 тыс. руб., Казанской церкви – 49 тыс. руб., синагоги – 16 тыс. руб. Всего, по данным Областного Союза воинствующих безбожников, в 1937–1938 гг. в Саратове и области на ремонт и оборудование церквей было затрачено верующими 250 тыс. руб.⁵²

По свидетельству Комиссии по вопросам культов с опубликованием проекта Конституции 1936 г., а затем и ее принятием увеличилось количество жалоб во ВЦИК и количество ходок. По одному и тому же делу приходило по 2–5 чел., характер жалоб изменился, верующие стали ссылаться на ст. 124 и 125 Конституции. Повседневными стали ходатайства верующих об открытии церквей, закрытых 2, 3 и 5 лет назад. Тому способствовало большое количество закрытых, но не используемых ни под какие нужды церквей⁵³.

На «сталинскую» Конституцию 1936 г. верующие на первых порах возлагали большие надежды. Раскрывая в своих письмах противоправные действия местных властей, они надеялись, что новая Конституция возьмет их под защиту. Так, в 1937 г. в Саратовский крайисполком поступило заявление от церковного совета жителей с. Раевка Ивантеевского района, в котором верующие писали: «Как неизвестно высшим органам советской власти, а также и Советскому контролю, что в годы революции и гражданской войны, вопреки Советской Конституции, было сильное гонение и притеснение, как на церковь, так и на ее служителей со стороны местных властей, как-то сельсоветов и райисполкомов, а

иногда и крайисполкома, благодаря чему и мы вынужденно лишились христианских обрядов и церковных служб, но, несмотря на это... мы отстаивали свою церковь неприкосновенной... согласно новой советской Конституции, дающей полную свободу верования и исполнения, как церковной службы, так и ее обрядов»⁵⁴.

Комиссия по вопросам культов при ЦИК в докладной записке за 1936 г. также констатировала, что в ряде писем «церковников», поступающих в их адрес, указывается, что о свободе отправления религиозных культов было записано и в старой Конституции, но это не выполнялось, права принадлежали фиктивно на бумаге, а «на деле было формальное и открытое издевательство, глумление и преследование...», выражалась надежда, что их права по новой Конституции будут соблюдаться⁵⁵.

Однако были и те, кто понимал, что новая Конституция – это очередной фарс. Бывший архимандрит Киево-Печерского монастыря П. Иненов написал в Постоянную комиссию по делам культов, что «никто из верующих... абсолютно не доверяет не только 124-й, а и всей в целом Конституции», и комиссия резюмировала, что «таким образом, указывая на ряд фактов административных перегибов на местах, церковники выступают против Конституции»⁵⁶. Как бы иллюстрируя этот свой вывод, та же комиссия констатировала большое количество грубых нарушений советского законодательства о религиозных культах на местах и продолжение их роста. Росло и количество жалоб. За первые 8 месяцев 1936 г. из Саратовского края их поступило в комиссию 119 (в том числе из АССР НП – 8)⁵⁷.

Возрождение религиозных чувств никак не вписывалось в планы организаторов строительства социализма в СССР. В условиях «победившего социализма» церкви и религии места не могло быть. Поэтому был нанесен очередной удар по организаторам попытки церковного ренессанса: еще не репрессированным священнослужителям и церковным активистам. На этот раз главными жертвами нового удара стали Русская православная церковь, другие православные деноминации, ислам, иудаизм. Уничтожались также и остатки ранее снесенных и разгромленных церквей (лютеранской, католической и др.).

В одной из докладных записок Союза воинствующих безбожников о проверке районов (Аркадакского, Ртищевского, Бековского, Тамалинского) говорится о том, что «церковники спекулируют 136-м пунктом Конституции, распространяя слухи, что церкви все откроют, а сосланные попы вернуться в свои церкви»⁵⁸.

Многие исследователи отмечают, что самая большая волна антицерковных репрессий пришла на 1936–1938 гг. с максимальным подъемом в 1937 г. В эту волну репрессий попали и священнослужители, о которых упоминалось выше. Интересно, что в это же время парал-

лельно проводились аресты и расстрелы многих «старых большевиков». Они, как и церковь, своими взглядами не вписывались в сталинский социализм⁵⁹.

Как свидетельствует фактический материал, к 1941 г. многоконфессиональное Саратовское Поволжье осталось совсем без храмов и других культовых сооружений, десятки и сотни священнослужителей и активных верующих были расстреляны или сосланы в лагеря. В силу значительного численного превосходства своих приверженцев наибольший материальный и человеческий урон понесла Русская православная церковь.

Однако к 1941 г. планомерная антирелигиозная кампания не смогла до конца уничтожить старую религиозную жизнь в Саратовском Поволжье, которая сильно видоизменившись и трансформировавшись, продолжала существовать латентно, «осколочно».

Примечания

- 1 См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5263. Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК. Оп.2. Д. 7. Л. 1–2.
- 2 См.: О религиозных объединениях : Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. URL: // https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0007_rel&object=translation&l=ru (дата обращения: 18.08.2019).
- 3 См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 93.
- 4 См.: Справочная книга Саратовской епархии. Саратов, 1912.
- 5 См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1а. Л. 143, 144.
- 6 См.: ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 42. Л. 38.
- 7 См.: ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1а. Л. 89.
- 8 Там же. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1а. Л. 104.
- 9 См.: ГАРФ. Р-5263. Оп. 1. Д. 32. Л. 20.
- 10 См.: ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 206. Л. 45.
- 11 См.: ГАРФ. Р-5263. Оп. 1. Д. 249. Л. 4, 6, 7, 14.
- 12 Там же. Д. 32. Л. 21.
- 13 Там же. Д. 14. Л. 78–80.
- 14 Мишин Г. А. Были города Покровска : краеведческие очерки. Саратов : Приволжское книжное изд-во, 2001. С. 119.
- 15 Там же. С. 131.
- 16 Там же. С. 132.
- 17 См.: ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1а. Л. 106.
- 18 Там же. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 155а. Л. 153–156 об.
- 19 Там же. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1а. Л. 133.
- 20 Государственный исторический архив немцев Поволжья (далее – ГИАИП). Ф. Р-849. Оп. 1 о/д. Д. 747. Л. 19, 16 об.
- 21 Там же. Л. 16 об.
- 22 См.: ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1а. Л. 99–101.

- ²³ См.: Уберите железный лом // Поволжская правда. 1929. 8 мая. № 100. С. 3.
- ²⁴ См.: Колокол – на лом // Поволжская правда. 1929. 22 мая. № 112. С. 3.
- ²⁵ См.: ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 346. Л. 69.
- ²⁶ Там же. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 214. Л. 294–294 об.
- ²⁷ Там же. Л. 294 об.
- ²⁸ Там же. Л. 275.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 248. Л. 2, 2 об.
- ³⁰ См.: ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 155 а. Л. 275, 319.
- ³¹ Там же. Д. 212. Л. 12–12 об.
- ³² Конституция СССР. М., 1924. URL://http://constitution.garant.ru/history/ussr-gsfgr/1924/ (дата обращения: 30.05.2019 г.).
- ³³ Там же.
- ³⁴ См., например: *Успенский В. Д.* Первый президент : Повесть о Михаиле Калининe. М. : Политиздат, 1975.
- ³⁵ См.: ГАРФ. Р-5263. Оп. 1. Д. 32. Л. 15, 71; Д. 7. Л. 72.
- ³⁶ См.: *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. М. : Республика, 1995. С. 162.
- ³⁷ См.: ГАРФ. Р-5263. Оп. 1. Д. 7. Л. 72.
- ³⁸ См.: Гонения на Русскую Православную Церковь в Саратовском крае. Саратов : Изд-во Саратовской Митрополии, 2012.
- ³⁹ См.: Губкин Олег. Русская Православная Церковь под игом богоборческой власти в период с 1917 по 1941 годы. URL://http://sir35.narod.ru/Orthodoxy/Ch_606.htm (дата обращения: 17.05.2019).
- ⁴⁰ См.: Архив УФСБ по Саратовской области (далее – АУФСБ СО). Ф. ОФ 28147. Д. 13452. Л. 14, 16, 18–19 об.
- ⁴¹ Там же. Л. 20–22.
- ⁴² Там же. Л. 24.
- ⁴³ Там же. Ф. ОФ 18763. Д. 15373. Л. 5.
- ⁴⁴ Там же. Л. 5 об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 4–9, 14.
- ⁴⁶ Там же. Л. 15, 16.
- ⁴⁷ Там же. Л. 18, 29, 31 об.
- ⁴⁸ Там же. Ф. ОФ 16450. Д. 11009. Л. 1, 8, 10.
- ⁴⁹ Там же. Л. 14, 15, 16, 17–17 об., 23, 25.
- ⁵⁰ См.: ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.
- ⁵¹ См.: ГАРФ. Р-5263. Оп. 1. Д. 32. Л. 45.
- ⁵² См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1131. Л. 6–9 ; Ф. 6160. Оп. 1. Д. 42. Л. 34.
- ⁵³ См.: ГАРФ. Р-5263. Оп. 1. Д. 32. Л. 7.
- ⁵⁴ ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 143. Л. 145.
- ⁵⁵ См.: ГАРФ. Р-5263. Оп. 1. Д. 32. Л. 9.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ См.: Там же. Л. 15, 17
- ⁵⁸ ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.
- ⁵⁹ См., например: *Одинцов М. И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М. : РОССПЭН, 2014.

Образец для цитирования:

Яковлева Ж. В. Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье: на примере борьбы с православием (конец 1920 – начало 1940-х годов) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 119–127. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-119-127>

Cite this article as:

Yakovleva Zh. V. Anti-religious Campaign in the Saratov Volga Region: on the Example of the Fight Against Orthodoxy (the End of the 1920s – the Beginning of the 1940s). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 119–127 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-119-127>

УДК [94+338.45-027.63-057.21](470.44/47)|1920/1939]

Иностранные специалисты на промышленных предприятиях Нижнего Поволжья в 1920–1930-е годы

В. А. Чолахян

Чолахян Вачаган Альбертович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, vcholakhyan@yandex.ru

В статье рассматривается участие иностранных специалистов в строительстве и реконструкции промышленных предприятий Нижнего Поволжья в 1920–1930-е гг. В рамках методологической концепции социальной истории и истории повседневности рассматриваются вопросы производственной, социально-культурной и бытовой адаптации иностранцев, их взаимоотношения с советскими коллегами, с администрацией предприятий. Статья основана на архивных материалах, впервые вводимых в научный оборот.

Ключевые слова: Нижне-Волжский край, индустриализация, иностранные специалисты, повседневная жизнь.

Foreign Specialists at the Industrial Enterprises of the Lower Volga Region in the 1920s–1930s

V. A. Cholakhian

Vachagan A. Cholakhyan, <https://orcid.org/0000-0003-3474-5214>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, vcholakhyan@yandex.ru

The article discusses the participation of foreign experts in the construction and reconstruction of industrial enterprises of the Lower Volga region in 1920–1930s. In the framework of the methodological concept of social history and the history of everyday life issues of productivity, socio-cultural and social adaptation of foreigners, their relationships with Soviet colleagues, with the administration of the are addressed. The article is based on the archival materials introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Lower Volga region, industrialization, foreign specialists, everyday life.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-128-133>

В последние десятилетия изучение опыта советской индустриализации, а именно роли иностранных специалистов в развитии советской промышленности в конце 1920-х–1930-е гг., привлекает всё большее внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. В современной историографии, характерной чертой которой является повышенный интерес к социальной истории и истории повседневности, изучение деятельности иностранцев на промышленных предприятиях СССР значительно расширилось. Глубокому анализу подверглись вопросы социально-культурной и бытовой адаптации иностранцев, их взаимоотношений с советскими

коллегами, с администрацией предприятий, органами государственной безопасности, а также условия жизни, восприятие иностранцами советской действительности и др.¹

Для освоения и обслуживания импортного оборудования, организации производственного процесса и обучения советских работников современным методам работы в СССР приглашались специалисты из других стран. Иностранные специалисты использовались во многих отраслях народного хозяйства с целью передачи ими производственного опыта. Одной из причин для начала массовой миграции специалистов из ведущих стран Запада в СССР явился высокий уровень безработицы в условиях «великой депрессии» в 1929–1933 гг. Капиталистический мир вступил в полосу экономического кризиса. В связи с этим в СССР хлынул поток заявлений с просьбой предоставить работу.

В качестве наиболее эффективной формы использования научно-технического опыта западных стран служили договоры о технической помощи или техническом содействии. С 1923 г. по 1933 г. советским правительством было заключено 170 договоров с иностранными фирмами об оказании технической помощи общей стоимостью около 93 млн. руб.²

В Нижнее Поволжье первые иностранные специалисты были приглашены в конце 1920-х гг. из США для строительства и пуска Сталинградского тракторного завода (СТЗ) и Саратовского завода по производству комбайнов (СЗК). Они трудились также на Сталинградских заводах «Красный Октябрь», «Баррикады» и Сталгрэс.

Идея строительства в Сталинграде тракторного завода, оборудованного по последнему слову техники и рассчитанного на массовый выпуск дешёвых и надёжных машин, принадлежала председателю ВСНХ СССР Ф. Э. Дзержинскому. Ещё в 1924 г. в письме заместителю председателя Главметалла ВСНХ В. И. Межлауку он подчёркивал необходимость привлечения для этой цели крупных иностранных специалистов³. Впоследствии, 9 сентября 1926 г., занявший после смерти Дзержинского пост председателя ВСНХ В. В. Куйбышев подписал приказ о присвоении тракторному заводу в Сталинграде имени Ф. Э. Дзержинского⁴.

В августе 1925 г. постановлением Главметалла было признано рациональным возведение тракторного завода в Нижнем Поволжье, а 1 июля 1927 г. СТО СССР «окончательно принял для

постройки на Сталинградском заводе трактора типа «Интернационал» в количестве 10000 штук в год»⁵. В декабре 1928 г. было принято новое решение: приостановить закладку фундамента и перепроектировать завод на выпуск тракторов типа «Интернационал» мощностью 15/30 лошадиных сил и производительностью 40 тыс. в год при двухсменной работе⁶.

Первоначальный вариант проекта завода был составлен Гипромезом без привлечения иностранных специалистов. Однако после изменения мощности трактора, объёмов выпуска и ужесточения сроков строительства ВСНХ СССР высказался за «непосредственное использование иностранных технических сил в области проектирования»⁷.

Вскоре выяснилось, что в США нет фирм, которые взяли бы за составление проекта в целом. Вследствие этого проектирование отдельных цехов и мастерских пришлось передать специальным фирмам. Составление строительного проекта 3-х основных цехов было передано американской фирме американской архитектурно-строительной фирмой «Albert Kahn», которая также подготовила расчёты потребности электроэнергии, топливного баланса, размера трансформаторов и трубопроводов и их расположения в цехах. Проектирование кузницы было поручено инженеру Смитту, литейной – фирме Франк Чейс, проект холодной штамповки двум фирмам: «Ниагара» и «Блисс», а первой и второй термических мастерских – фирме «Раквелл». Строительную часть проекта станции осуществила фирма «Сэпер», а электромеханическую – фирма «Вестингауз», которая и обеспечила поставки необходимого оборудования⁸.

Советские инженеры А. Турчаников и В. Белов были командированы в США и принимали активное участие в проектировании кузницы и литейной, а специалисты Тракторостроя – в составлении схемы технологической части механосборочного цеха. Это давало им возможность на месте ознакомиться с работой американских тракторных заводов и проверить работу оборудования, закупувшегося в США.

Таким образом, в весьма короткие сроки силами американских фирм при участии советских специалистов удалось закончить основные работы по проектированию тракторного завода и сдать все заказы на оборудование и изготовление железных конструкций.

Первые чертежи поступили в СССР в июле 1928 г. на английском языке без приложения спецификаций стройматериалов. Конкретизация проекта осуществлялась силами специалистов Госпромстроя, а Тракторострой составил календарный план работ, по которому окончание постройки завода намечалось на конец 1930 г., а пуск его в конце 1931 г. Однако вскоре, 11 июля 1929 г., Политбюро ЦК ВКП (б) приняло новое решение «О темпе строительства Сталинград-

ского завода»:

«а) в связи с выявившимися техническими возможностями отменить принятый постановлением Политбюро срок пуска завода (конец 1931 г.) и утвердить конец 1930 г. как окончательный срок пуска завода;

б) дать указания соответствующим ведомствам исходить из этого срока, в частности при заказе основного оборудования в Америке, и исходить из необходимости получения его в Сталинграде к 1 апреля 1930 г.;

в) предложить ВСНХ в ближайшие дни решить вопрос о том, какие заводы, каким материалом будут снабжать тракторный завод, с тем, чтобы эти заводы немедленно начали свою подготовку»⁹.

Под «выявившимися техническими возможностями» Политбюро имело в виду заказ в США металлических конструкций и новые американские методы работы по закреплению в фундамент анкерных болтов до прибытия конструкций и постройки кирпичных стен. В Сталинграде ещё не были полностью возведены стены завода, а Политбюро 5 ноября 1929 г. приняло решение о переходе его на непрерывное производство и выпуске вместо 40000 50000 тракторов в год¹⁰.

Американские инженеры и специалисты, ознакомившись с планами работ Госпромстроя, заявили, что в таких условиях они не могут гарантировать постройку основных цехов в установленные сроки. К тому же в самом Госпромстрое скептически относились к таким высоким темпам строительства и пуска завода. В опубликованном в Торгово-промышленной газете «Заявлении 14» представители Госпромстроя высказывались за сохранение «разумных» темпов¹¹. Вопрос о высоких темпах строительства СТЗ уже приобрел политический характер, и, соответственно, их противники прямо причислялись к вредителям. Заместитель директора Госпромстроя С. В. Яковлев с такой формулировкой был отстранен с занимаемой должности, а партийное и профсоюзное руководство полностью обновлено. В силу этих обстоятельств Нижне-Волжский крайком ВКП (б) поддержал решение Сталинградского окружкома об изъятии у Госпромстроя документации на постройку основных цехов СТЗ и передал Тракторострою, который под руководством американского инженера Д. Калдера стал «хозяйственным способом» строить завод¹².

Следует отметить, что Тракторострой не имел опыта подобного строительства и потому американские специалисты использовались здесь не в качестве консультантов, а как руководители всего промышленного строительства. Помощник Д. Калдера инженер Л. Сваджан не только сам руководил разбивкой, но в ответственных местах лично вёл эти работы. Если в начале строительства и возникали недопонимание и спорные вопросы, связанные с незнанием языка и отсутствием надлежащего числа квалифициро-

ванных переводчиков, то с течением времени эти явления были изжиты. Американцы частично заполнили собой недостаток в отечественных специалистах, а также ввели новые методы работы по сборке и установке оборудования.

С другой стороны, американские специалисты были удивлены самоотверженностью и целеустремлённостью советских рабочих. Так, когда «строительству нужно было до наступления сильных морозов во что бы то ни стало укрыться под крышу, а часть квалифицированных каменщиков и плотников пытались уйти со стройки в связи с «концом сезона», основная масса рабочих ответила на это отказом от выходных дней, в течение трёх недель пересмотрела пункт колдоговора о сроках заявки на увольнение в сторону их удлинения и выполнила работу»¹³.

Приведенный ниже пример еще больше удивил американцев. Для остекления основных цехов завода нужно было не менее 200 квалифицированных стекольщиков, а на стройке числилось лишь 15 специалистов. Тогда за дело взялись ударные комсомольские бригады, которые в 18–22-градусный мороз произвели остекление цехов¹⁴. А когда инженеры Спецстроя отказались производить в сильные морозы настил торцового пола, с этим делом справились ударные бригады, хотя «никто не знал, как это делается»¹⁵.

Первые группы иностранцев, заключивших с СССР индивидуальные контракты, стали прибывать на Сталинградский тракторный завод весной 1930 г. Иностранцы специалисты в конце 1920-х–1930-е гг. на предприятиях Нижне-Волжского края образовали в тот период одну из самых крупных в СССР иностранных колоний – в 1930–1931 гг. 364 иностранцев без учёта членов их семей¹⁶. Для сравнения, на Магнитострое в аналогичный период работало 752 иностранных специалиста, на ХТЗ – 328, ГАЗ – 221, на московском Электрозаводе – до 180, на ЧТЗ – 168¹⁷.

Американское издание «The New York Times» со ссылкой на руководителя иностранного отдела Тракторостроя М. Ваксова опубликовало

условия индивидуального годового контракта, заключавшегося с американцами. Так, заработная плата рабочего составляла 600 рублей в месяц (300 долларов), начальника цеха – 900 рублей (450 долларов), руководителя проектных или строительных работ – 1600 рублей (800 долларов). Половина заработка перечислялась в долларах на их личный счет в американском или европейском банке либо отправлялась их семьям. Предусматривался семичасовой рабочий день, двухнедельный оплачиваемый отпуск раз в год, а также оплата всех расходов в случае болезни иностранца. При досрочном расторжении контракта Тракторостроем ему оплачивалась дорога домой, а также выдавалась зарплата за три месяца. Если же контракт расторгался иностранным специалистом, то он самостоятельно нес все расходы по возвращению на родину¹⁸.

Основную часть иностранцев составляли рабочие (240 чел.) (таблица). Инженеры и технические работники в количестве 69 чел. имели среднее и неполное среднее образование. Они руководили пуско-наладочными работами на промышленных предприятиях. По национальному составу иностранная колония Нижне-Волжского края считалась многонациональной: 150 американцев, 108 австрийцев, 67 немцев, 15 чехов. Более трети иностранных рабочих и специалистов являлись членами профсоюзов, а 20 чел. вступили в ряды ВКП (б). По мнению американского исследователя Энтони Саттона, в проектировании, консультировании и строительстве Сталинградского тракторного завода участвовали 570 американцев и 50 немцев¹⁹.

Бывший директор СТЗ С. В. Грачёв в своих воспоминаниях отмечал, что из всех американцев, работавших на заводе, «одна треть – аптекари, другая – парикмахеры и лишь последняя треть имеет отношение к технике и производству»²⁰. Действительно, в первое время среди завербованных рабочих попадались не только честные специалисты, но и «неучи и враждебные, чуждые элементы». При этом Грачёв отмечал, что «если

Количество иностранных рабочих и специалистов на предприятиях Нижне-Волжского края на 1 сентября 1931 г.

Предприятия	Иностранцы рабочие и специалисты							Национальность
	Рабочие	ПТР	Членов братских компартий	Члены и кандидаты ВКП (б)	Члены профсоюзов	Ударники	Рабочие предложения	
СТЗ	130	54	12	1 канд.	94	19	19	150 американцев, 28 немцев, 8 прочих
Баррикады	97	6	12	13 канд.	6	12	12	68 австрийцев, 11 чехов, 6 немцев
СЗК	34	5	–	–	–	–	–	39 австрийцев
Красный Октябрь	26	3	3	6 канд.	6	19	19	25 немцев, 4 чеха
Сталгрэс	3	6	–	–	–	–	–	8 немцев, 1 австриец
Всего	240	69	27	20	106	50	50	–

Сост. по: ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 373. Л. 26.

часть иностранных рабочих и специалистов работает действительно не так, как следовало, то это, главным образом, потому, что иностранцев не умеют правильно использовать»²¹.

Результатом неправильного производственного использования иностранной рабочей силы была неполная загрузка иностранцев, отсутствие учёта эффективности, а также пренебрежительное отношение рабочих и бригадиров к иностранным специалистам. Попытки перенести авральные методы работы периода строительства завода на станки и агрегаты в условиях технической безграмотности не приносили результатов и «посрамить» американских рабочих в этой сфере не удавалось. Из-за неприязни некоторой части советских рабочих к американским специалистам последние были вынуждены работать отдельно. Понадобились немалые усилия администрации, партийных, профсоюзных и комсомольских организаций для преодоления такого антагонизма и разъяснения целей приезда американских рабочих-специалистов²².

В августе 1930 г. в Сталинграде состоялся судебный процесс по делу избиения рабочего негра Робинсона Луисом и Брауном. На суде выступили 10 обвинителей, из них 5 представителей иностранных рабочих, работавших в разных городах СССР – интернациональная бригада газеты «Труд». Процесс получил политическую окраску и транслировался по радио во всех общежитиях и бараках СТЗ. Суд приговорил Луиса и Брауна к двум годам лишения свободы, однако, приняв во внимание, что «расовая вражда была привита им в силу капиталистической системы эксплуатации низших рас», изменил решение на высылку за пределы СССР²³.

Американские рабочие-специалисты создали в Сталинграде «Общество культурно-технической помощи Советской России». В январе 1931 г. группа американских рабочих на СТЗ объявила себя ударной бригадой им. Ленина. Редакция газеты «Даёшь трактор» по их инициативе начала издавать специальную вставку «Индустрия спарк» («Искра индустрии») на английском языке²⁴.

О том, какое внимание властные структуры уделяли работе с иностранными специалистами, свидетельствуют многочисленные постановления ЦК ВКП (б). Ещё XVI съезд ВКП (б) признал необходимым «расширение практики посылки за границу рабочих и специалистов и приглашение иностранных рабочих в СССР, обеспечивая полное использование их опыта и знаний на предприятиях Советского Союза»²⁵. Далее, 16 августа и 21 ноября 1930 г., ЦК ВКП (б) принял два постановления о работе среди иностранных рабочих, в которых содержались директивы партийным, профсоюзным и комсомольским организациям по преодолению пренебрежительного и недружественного отношения со стороны отдельных рабочих к иностранцам и вовлечения

их в ударные бригады, о выработке встречных промфинпланов и т. д. С целью преодоления изолированного положения иностранных рабочих ЦК ВКП (б) рекомендовал «периодически собирать их для заслушивания их жалоб и предложений»²⁶.

Однако, несмотря на все усилия местных властей, добиться полного выполнения принятых директив не удалось. Иностранные рабочие постоянно жаловались местным и центральным властям на тяжёлые жилищно-бытовые условия в Сталинграде. Так, в письме американского инженера Орлирода в ВАТО 11 октября 1930 г. отмечались «безобразные культурно-бытовые условия на тракторострое», ставшие причиной встречи директора Иванова с иностранными рабочими. На этой встрече американцы вполне корректно изложили свои жалобы, а Иванов обещал, что «если американские рабочие оправдают его надежды, то администрация дойдет даже до Москвы, для удовлетворения их нужд»²⁷.

Положение с питанием на СТЗ также вызывало многочисленные нарекания иностранных специалистов. В докладной записке начальнику иностранной политики ПТУ ВСНХ СССР М. Г. Гуревичу представители ВАТО отмечали «катастрофическое положение на СТЗ с питанием. Основные продукты отсутствуют, а те скудные количества продуктов, которые получаются, являются недоброкачественными. Такой способ снабжения иностранцев, при котором приходилось за каждой партией продуктов ехать в Москву, совершенно не годится»²⁸.

В воспоминаниях американского рабочего Д. Хоней, симпатизировавшего властям, отмечался факт создания на СТЗ группой иностранных специалистов комитета по организации забастовок, которые возникали во время перебоев в снабжении папиросами и некоторыми продуктами. Жена Д. Хоней не хотела мириться с этими бытовыми проблемами. Она стала «своеобразным организатором американок, жён других рабочих, и они вместе предъявляли претензии директору завода»²⁹.

Следует отметить, что местные власти делали всё возможное для удовлетворения элементарных запросов иностранцев: они жили в Нижнем, относительно благоустроенном посёлке СТЗ, в новых меблированных домиках из расчёта 12 м² на человека, питались в отдельной столовой, а их дети ходили в специальную школу для иностранцев. Имелись свой магазин, медпункт, баня. Иностранцами были заняты 124 квартиры, каждая из которых состояла из трех комнат, кухни, ванной комнаты, уборной. Все квартиры имели электрическое освещение, водопровод, канализацию и паровое отопление. Семейные рабочие занимали либо всю квартиру, либо, в зависимости от количества членов семьи, одну-две комнаты. Таким образом, в некоторых квартирах проживали две семьи или одна семья и холостой.

Были и так называемые квартиры-общежития, когда в одной квартире проживали от трёх до пяти американцев. Обстановка квартир включала «кровать с сеткой, матрацы, одеяла, столы, стулья, буфет, гардероб, посуду, графины для воды, электрические чайники, в семейных квартирах – электрические плиты». Для снабжения кипячёной водой в отдельной пристройке имелся титан, который давал горячую воду с десяти часов утра до шести часов вечера. На каждые две квартиры имелась одна уборщица, которая также производила и стирку белья³⁰.

Всё это резко контрастировало с положением советского пролетария, жившего с семьёй в бараке, где на человека приходилось по 2 кв. м. жилой площади. Баня, одна на огромный рабочий посёлок, явно не справлялась. Маленькой амбулатории тоже было недостаточно³¹.

Иностранцы считали условия своего проживания в Сталинграде некомфортными и потому часто обращались с жалобами дирекцию завода. На недостатки в работе с иностранными рабочими 23 марта 1931 г. обратил внимание ЦК ВКП (б) в специальном Постановлении, в котором говорилось о невыполнении партийными, профсоюзными и хозяйственными организациями директив ЦК от 16 августа и 21 ноября 1930 г.³²

В августе 1931 г. вышло новое Постановление ЦК ВКП (б) «О состоянии работы с иностранными рабочими и специалистами», предписывавшее крайкомам и обкомам ВКП (б) выделить ответственного инструктора, парткомам заводов – одного члена бюро, а ВЦСПС – создать бюро по работе с иностранными рабочими и специалистами³³.

Один из американских специалистов СТЗ, много лет работавший на заводе Форда, отмечал, что «производство тракторов постоянно лихорадит, а конвейер, самый смысл существования которого в непрерывном движении, в Сталинграде гораздо больше стоит, чем движется. В общей сложности время его движения составляло лишь около одной трети всего рабочего времени. Потоки деталей каждый день прерывались то тут, то там, то из-за особенно высокого процента брака, то из-за поломки станков, то из-за отсутствия воздуха в литейной и десятков других причин, почти всегда неожиданных, внезапных, замечаемых лишь тогда, когда уже поздно предотвратить прорыв потока, тем более, что завод живёт без минимально необходимых резервов деталей, станков, инструментов, штампов, моделей и т. д. Причём в случае возникновения отдельных прорывов все бросается к узкому месту, забывая об остальном производстве»³⁴.

Другой американский инженер указывал на пренебрежительное отношение администрации и рабочих к обслуживанию станков и оборудованию. Так, недостаток простых тряпок для вытирания масла привёл к серьёзным поломкам фрезерных станков, стоимость каждого из кото-

рых превышала 27 000 долларов³⁵. Из 3230 поломок за первый квартал 1931 г. 482 произошли по причине плохого ухода за станками и 170 – из-за безответственного обращения с механизмами и инструментами³⁶.

Американская журналистка Анна Луиза Стронг, побывавшая на СТЗ в 1930 г., писала о Мак Лине, работавшем ранее в США главным мастером в литейном цехе, а в Сталинграде оказавшемся не у дел. Лишь с приходом в цех нового начальника В. Вержинского положение изменилось: благодаря Мак Лиину брак снизился с 65–75 % до 10–19 %, а сам он в необходимые дни работал по 14 часов³⁷.

К концу первой пятилетки число иностранцев на предприятиях города постепенно уменьшалось. Одной из причин отказа от услуг иностранных специалистов стало получение с середины 1930-х гг. достаточно компетентных инженерно-технических работников из советских вузов и техникумов. К 1 января 1933 г., по данным иностранного бюро ВЦСПС, на СТЗ оставалось 147 иностранных рабочих, на СЗК – 54, на Красном Октябре – 21 чел.³⁸ По тем же источникам, зарплата лучших иностранных рабочих на 15–20 % превосходила заработок советских рабочих³⁹. Имело место и возвращение части иностранных специалистов на родину раньше оговоренного в договоре срока по причине неудовлетворительных условий труда и неустраиваемости в бытовых вопросах.

Несмотря на то, что процент иностранных специалистов от общего количества трудившихся на промышленных предприятиях Нижне-Волжского края был низким, не более 1–2 %, их вклад в строительство и реконструкцию промышленных предприятий был довольно высоким. Они принимали непосредственное участие в проектировании, строительстве и пуске СТЗ и СЗК, в реконструкции заводов «Красный Октябрь» и «Баррикады», вносили рационализаторские предложения. Иностранцы, наравне с советскими коллегами, участвовали в ликвидации имевших место на всех предприятиях «прорывов» и обучали советских работников современным методам работы.

Примечания

- 1 См.: Чолахян В. А. Индустриальное развитие Нижнего Поволжья (конец XIX в. – июнь 1941 г.): исторический опыт и уроки. Саратов : Научная книга, 2007 и др.
- 2 Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 7297. Оп. 38. Д. 289. Л. 65–74.
- 3 Першин Н. И., Трушин И. А., Козлов А. И., Журкович В. А. Первенец советского тракторостроения. Волгоград : Ниж.-Волж. книж. изд-во, 1980. С. 14.
- 4 Там же. С. 22.
- 5 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5674. Оп. 1. Д. 26. Л. 6.

- ⁶ См.: Центр документации новейшей истории Саратовской области (далее – ЦДНИСО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 175. Л. 27.
- ⁷ РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 72. Л. 7.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Российский Государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 748. Л. 5.
- ¹⁰ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 763. Л. 13.
- ¹¹ См.: Торгово-промышленная газета. 1929. 2 июня.
- ¹² См.: РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 100-а. Л. 1–2, 7–8.
- ¹³ Там же. Д. 72. Л. 4–5.
- ¹⁴ См.: Там же. Л. 5.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Чолахян В. А. Указ. соч. С. 158.
- ¹⁷ См.: Журавлёв С. В. Иностранцы в Советской России в 1920–1930-е гг. М. : РОССПЭН, 2000. С. 281–282.
- ¹⁸ См.: Резаненко О. О. Иностранцы на промышленных предприятиях Сталинграда в конце 1920-х – 1930-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2018. С. 77–78.
- ¹⁹ Sutton A. C. Western Technology and Soviet Economic Development, 1930 to 1945. Stanford (California, USA) : Stanford University, 1973. P. 185–186.
- ²⁰ Цит. по: Сибиряк В. На стройке социалистического общества. М. : Мысль, 1932. С. 48.
- ²¹ Там же.
- ²² См.: РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 72. Л. 47 об.
- ²³ См.: Труд. 1930. 31 авг.
- ²⁴ См.: Правда. 1931. 6 февр.
- ²⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) : в 16 т. 9-е изд., доп. и испр. Т. 5. М., 1984. С. 156.
- ²⁶ Рубинер Ф. Партийно-массовая работа среди иностранных рабочих. М. : Мысль, 1932. С. 89–90.
- ²⁷ РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 712. Л. 23 ; Д. 732. Л. 7.
- ²⁸ Там же. Д. 732. Л. 46.
- ²⁹ Хоней Д. Б. Я уехал из Америки. Волгоград : Кн. изд-во, 1962. С. 144, 160.
- ³⁰ См.: Резаненко О. О. Указ. соч. С. 102–103.
- ³¹ См.: РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 712. Л. 24.
- ³² См.: Рубинер Ф. Указ. соч. С. 90–91.
- ³³ См.: Там же. С. 92–93.
- ³⁴ РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 72. Л. 27.
- ³⁵ См.: Правда. 1931. 8 мая.
- ³⁶ См.: Известия. 1931. 21 мая.
- ³⁷ См.: Сибиряк В. Указ. соч. С. 49.
- ³⁸ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 39. Д. 60. Л. 4, 7, 8.
- ³⁹ Там же. Д. 91. Л. 17.

Образец для цитирования:

Чолахян В. А. Иностранцы на промышленных предприятиях Нижнего Поволжья в 1920–1930-е годы // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 128–133. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-128-133>

Cite this article as:

Cholakhian V. A. Foreign Specialists at the Industrial Enterprises of the Lower Volga Region in the Late 1920s–1930s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 128–133 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-128-133>

УДК 81.27+908(470.44)

Язык как фактор сохранения исторической национальной самоидентичности жителей Саратовской области (по итогам переписи 2010 года)

М. Ю. Сушко

Сушко Марина Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и культуры, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., ceirjvfhbyf@mail.ru

В статье рассмотрены изменения в этническом составе населения Саратовской области за период 2002–2010 гг. Изучены и выявлены тенденции языковой и национальной самоидентификации основных этносов на территории Саратовской области. На основе привлечения данных Всероссийской переписи населения 2010 г., отмечен рост укрепления позиций русского языка как основного языка общения на территории области, а также сохранения «национальных» языков общения среди народов Кавказа и Средней Азии.

Ключевые слова: этнические процессы, язык, этнос, этническая самоидентификация, расселение народов.

Language as a Factor of Preservation of Historical National Self-Identity of Inhabitants of the Saratov Region (Based on the Results of the 2010 Population Census)

M. Y. Sushko

Marina Y. Sushko, <https://orcid.org/0000-0002-0937-1372>, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politehnicheskaya St., Saratov 410054, Russia, ceirjvfhbyf@mail.ru

In the article the alteration of ethnic makeup in Saratov Region in 2002–2010 is examined. Tendencies of linguistic and national self-identity of primary ethnic groups in Saratov Region are scrutinized and determined. Based on the results of the 2010 nationwide population census, the strengthening of the Russian language as primary lingua franca across the region has been registered, as well as persistence of the so-called “national” languages among the peoples of Caucasus and Central Asia.

Keywords: ethnic processes, language, ethnos, ethnic self-identity, population distribution.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-134-138>

Россия – федеративное государство, «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ»¹. В исторически сложившемся многообразии этносов и культур на территории Саратовской области заключается огромный потенциал развития нашего региона. Основой социально-политической стабильности и безопасности в области служит сохранение национальных и языковых традиций в рамках единого государства.

В одном из Посланий Президента Российской Федерации Федеральному Собранию

(2003 г.) справедливо подчеркивалось, что «удержание государства на обширном пространстве, сохранение уникального сообщества народов при сильных позициях страны в мире является первоочередной задачей в развитии «сильной и богатой» России»².

Для самостоятельного развития собственных этнокультурных и иных потребностей этническая группа стремится к самоопределению. Такая мотивация заложена в самой сущности этнической общности и связана в первую очередь с полноценной реализацией ее потребностей: развитием и сохранением национальной культуры, языка, благополучным взаимодействием с другими этносами в обществе, возможностью реализовывать в полной мере все свои гражданские и культурные права³.

В настоящее время одной из актуальных проблем является формирование и всестороннее развитие личности в системе этнических отношений. Культура межэтнических отношений представляет собой совокупность мировоззренческих, нравственных, эстетических и языковых ценностей нашего общества. Составной частью социальной идентичности выступает этническая идентичность, которая выражается в осознании своей принадлежности к определенной этнической общности. Взаимосвязь языка и этнической идентичности – одна из основных проблем изучения исторического социального сознания. Именно язык издавна рассматривается как один из важнейших факторов этнической идентичности⁴.

При Всероссийской переписи населения 2010 г. было выделено 146 отдельных (самостоятельных) народов (этносов) России⁵. Из них только 80 можно отнести к коренным народам России, 28 – к народам стран ближнего зарубежья и 38 – дальнего зарубежья. По численности населения коренные народы России, кроме русских, составляют около 19,2 млн чел. (13,4 % населения), народы стран ближнего зарубежья – около 5,9 млн чел. (4,2 %), дальнего – 1 млн чел. (0,7 %), еще 5,6 млн чел. (3,9 %) не указали своей национальности⁶. При этом значительно увеличилась, по сравнению с советским периодом проведения переписей, доля лиц других национальностей (по данным на 2010 г. в Саратовской области эта цифра составила 15,883 тыс. чел.⁷.

Среди областей Приволжского федерального округа данный показатель наиболее высокий.

Это свидетельствует об увеличении миграционных потоков на постсоветском пространстве и, в частности, того, что территория области находится в зоне активного перемещения представителей разных этносов. К числу «экзотических» этносов, отмеченных по стране в целом, относятся баски – 6 чел., габонцы – 13, коморцы – 1, сантомийцы – 3 чел. и т. д.⁸

За постсоветский период неуклонно увеличился и показатель лиц «не указавших национальность». В переписи 2002 г. «не указавших национальность» оказалось около 1 %, в 2010 г. – уже почти 4 %⁹.

В Саратовской области «не указавших» национальность 64,9 тыс. чел., т. е. 2,6 % от всей численности населения¹⁰. По этому показателю Саратовская область занимает 3-е место в ПФО после Республики Башкортостан (97,5 тыс. чел.) и Ульяновской области (67,8 тыс. чел.)¹¹. Больше всего таких лиц в городах Саратове (24,0 тыс. чел.), Энгельсе (15,3 тыс. чел.), Балашове (3,2 тыс. чел.), Красноармейском районе (3,0 тыс. чел.)¹².

Среди городского населения людей, не указавших свою национальность, больше, чем среди селян. Подобная тенденция может быть связана с ослаблением у людей желания к национальной самоидентификации. Возможно, это стремление закрепиться на новой территории проживания и «сродниться» с «коренными» этносами.

Люди с неуказанной национальностью по численности стали вторым «квази-народом» России после русских¹³. Переписные листы на них составили на основе административных источников. Подобная практика существовала и в 2002 г., а к 2010 г. это было законодательно разрешено. «Закон «О Всероссийской переписи населения» разрешает в целях обеспечения полноты сбора сведений о всех лицах в случае их отсутствия весь период проведения переписи населения (с 14 по 25 октября 2010 г.) или отказа сообщить о себе сведения получить из административных источников данные только о поле и дате рождения. Это необходимо для получения точной информации о численности населения и формирования итогов о возрастном-половом составе»¹⁴.

Как справедливо отмечает С. В. Уставщикова (крупный саратовский исследователь по проблемам демографии, народонаселения), «значительное число лиц, не указавших национальность, можно считать основным отличительным итогом учета переписью 2010 г. национального состава населения. Этот факт, безусловно, влияет на качество анализа национального состава населения по регионам»¹⁵.

Больше всего на территории региона проживает русских – более 2 млн чел. (почти 88 %)¹⁶. Основной национальностью в области являются русские, их доля в населении возросла в результате миграционного притока из стран СНГ

и Балтии, идущих процессов ассимиляции. Абсолютная же численность русских сократилась в результате естественной убыли (превышения смертности над рождаемостью), миграционного оттока в другие регионы России и в дальнее зарубежье¹⁷. Далее по убыванию: казахи – 76 тыс. чел. (3 %), татары – около 53 тыс. чел. (2,2 %), украинцы – около 42 тыс. чел. (1,7 %), армяне – около 24 тыс. чел. (1 %), азербайджанцы – около 15 тыс. чел. (0,6 %), чувашаи – 12 тыс. чел. (0,5 %), мордва – 11 тыс. чел. (0,4 %)¹⁸.

За межпереписной период произошло сокращение численности украинцев в области на 37,6 %. В большей мере это связано именно с ассимиляционными процессами, чем с оттоком украинцев из Саратовской области. Украинцы в 1989 г. были вторым по численности народом в нашем крае. Число назвавших себя украинцами сократилось на 58,8 % к переписи 2010 г. Украинцы по численности населения переместились в 1989 г. со второго на четвертое место, пропустив вперед казахов и татар¹⁹.

На численность других «крупных» народов области (мордва, чувашаи, белорусы, башкиры, молдаване, марийцы, немцы, евреи) в период 2002–2010 гг. в большей мере влияли ассимиляционные процессы и процессы естественного воспроизводства (естественная убыль населения), а не миграционные. Изменение численности армян, азербайджанцев, грузин, чеченцев, лезгин, табасарани некоторых других народов Северного Кавказа и республик Закавказья связано не только с миграционным оттоком из области, но и возможным их попаданием в категорию людей, «не указавших национальность», в результате специфического образа жизни. В области продолжает расти численность народов, еще недавно казавшихся «экзотичными» для региона. К 2010 г. численность большинства из них достигла 0,1 % в населении региона. Это такие народы, как корейцы, узбеки, курды, езиды, таджики, отмечается значительный рост численности дунган, киргизов, турок²⁰.

Из всех переписанных на территории области, 98 % являются гражданами России. Около 5 тыс. чел. – это иностранные граждане, причем большинство из них (86,6 %) имели гражданство стран СНГ. Более 40 тыс. чел. (1,7 %) не указали гражданство и 4,8 тыс. заявили себя лицами без гражданства²¹.

Общность языка – одно из важнейших условий формирования этносов; характерно, что названия народа и языка обычно совпадают. Смена языка той или иной группой населения уже говорит о далеко зашедших ассимиляционных процессах; вслед за ней обычно наступает и смена этнического самосознания. Одной из определяющих тенденций в языковой сфере многонационального региона является также двуязычие или многоязычие. Из общего числа лиц, указавших национальную принадлежность (2,457014 чел.)

русским языком как государственным владеют 2,452154 чел., что составляет 99,8 %²².

У наиболее многочисленных и давно проживающих в области народов сложилась своя география расселения. Так, русских больше проживает в Правобережье, где их доля составляет от 76,4 % в Петровском районе до 95,9 % в Турковском. В Левобережье их удельный вес ниже – от 39,9 % (40,9 % в 2002 г.) в Александрово-Гайском районе до 93,0 % – в Духовницком. И только еще в 4 районах Левобережья русских более 80 %: в Балаковском, Краснопартизанском, Ивантеевском, Пугачевском²³.

Доля русских везде очень велика, но выше всего она в городах Правобережья: от 97,1 % в Ртищеве до 89,7 % в Хвалынске. В областном центре русские составляют 91,6 % населения, 34,6 % (38 % в 2002 г.) всех русских, проживающих в области, сконцентрированы в Саратове. В Левобережье доля русских в городах ниже – максимальна она в Балаково (93,0 %), минимальна в Новоузенске (80,6 %)²⁴.

Во всех городах области доля русских выросла. Это связано как с миграционными, так и с ассимиляционными процессами, которые в городах проходят более интенсивно²⁵.

Среди городского населения показатель владения русским языком выше, чем среди селян. Показатель владения собственным языком среди русских абсолютен (табл. 1). Столь же высокие показатели по владению русским языком (от 97–99 %) демонстрируют по данным переписи основные этносы, населяющие область (азербайджанцы, армяне, башкиры, казахи, татары), а также «молодые» национальности – корейцы и чеченцы (см. табл. 1). Высокий процент знания русского

языка зафиксирован и среди малочисленных этносов на территории Саратовской области. В их числе – карачаевцы, коми, коми-пермяки, лакцы, цахуры, рутульцы²⁶. Происходящий на территории области процесс ассимиляции полностью подтверждается данными переписи населения.

Как справедливо отмечено в одной из статей А. П. Мякшева, посвященной историческим аспектам межнациональных отношений, «(в поздний советский период) ... русский язык продолжал оставаться мощным фактором единения советских этносов, основой функционирования всех институтов единого государства. Русский язык играл интегрирующую роль в возникновении и развитии новой исторической общности, одновременно придавал этому феномену очевидную этническую характеристику и выступал в качестве главного признака формирующегося советского суперэтноса»²⁷. Русский язык остается фактором единения и российских народов и на сегодняшний день. Также наблюдается стремление всех этносов, проживающих в области, закрепить свой статус как «коренной» национальности.

Среди самих русских по умению владеть языком и популярности (после русского языка) второе место занимает немецкий язык (1,3 % от общей численности русских), третье место – украинский (0,2 %), четвертое место – казахский язык (0,05 %)²⁸.

Показатель владения языком своей национальности демонстрирует нам уровень сохранения языковой этнической принадлежности и этнического самосознания. Высокий уровень этнического самосознания сохранили русские (99 %), азербайджанцы (52,3 %), армяне (51,5 %), татары (42,3 %)²⁹.

Таблица 1

Количество жителей Саратовской области, владеющих русским языком и языком своей национальности (по данным переписи населения 2010 г.), тыс. чел.

Национальность	Численность	Владеющие языками	Владеющие русским языком	% от общей численности национальности	Владеющие языком своей национальности	% от общей численности национальности
Русские	2151394	2150394	2.149620	99	2149628	99
Казахи	76007	75518	75282	99	28367	37,3
Татары	52884	52491	52343	98,9	22380	42,3
Украинцы	41942	41925	41877	99,8	9912	23,6
Армяне	23841	23663	23555	98,8	12268	51,4
Азербайджанцы	14868	14635	14434	97	7777	52,3
Чуваши	12261	12235	12209	99,5	4557	37,1
Мордва	10917	10903	10894	99,7	3465	31,7
Белорусы	8489	8485	8479	99,8	1817	21,4
Немцы	7579	7572	7562	99,7	48	0,6

Сост. по: Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: стат. сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Саратов : Саратовстат, 2012. С. 28–29. Рассматриваются народы, доля которых в населении составляет более 0,1%.

Ослабевают знания «национального» языка среди белорусов (21,4 %), украинцев (23,4 %), мордвы (31,7 %), казахов (37 %), чувашей (37,1 %), немцев³⁰. Среди последних перечисленных национальностей усиливается тенденция называть «родным» русский язык (табл. 2). Так, например, это показатель среди украинцев составил 80 %, белорусов – 80,3 %, мордвы – 59,4 %, немцев – 89,6 %, чувашей – 50 %, казахов – 35 %³¹.

Таким образом, причисляя себя к национальному «большинству» на территории области, многие представители «русских» стараются сохранить национально-культурную принадлежность через владение языком своей национальности, но при этом не называют его «родным».

Наблюдается в нашей области процесс языкового обмена. Так, к примеру, растет число казахов, владеющих татарским языком (0,4 %), и наоборот татар, владеющих казахским языком (0,7 %)³². Эту тенденцию можно объяснить особенностями географического расселения и религиозного соседства двух народов. Казахи – второй по численности населения народ в области. Проживают они на юго-востоке Заволжья. В Александрово-Гайском районе их доля в населении составляет 54,1 % (52,1 % в 2002). Значительно представительство казахов в Новоузенском районе – 40 %, Питерском – 23,6 %, Дергачевском – 22,1 %, Ровенском – 18,3, Озинском, Ершовском, Краснокутском, Перелюбском, Федоровском, Советском, Марксовском (в каждом более 10 % от численности всего населения). Доля казахов увеличивается в районах Правобережья, в частности, Калининском, Крас-

ноармейском (по 3,4 %), Лысогорском, Новобурасском, Саратовском (более чем по 1 % численности населения соответствующего района). Татары – третья по численности населения национальность в области. Наибольшая доля татар в Дергачевском (18,4 %), Базарно-Карабулакском (8,9 %), Петровском (8,8 %), Хвалынском (5,8 %) районах³³.

Таким образом, национальная структура Саратовской области в 2002–2010 гг. менялась под воздействием общих тенденций миграции на постсоветском пространстве, стремлении этносов упрочить свои позиции на месте проживания. И главным интегрирующим фактором выступает язык, как механизм общения народов.

Языковые процессы свидетельствуют о нарастании процесса усиления роли и значения русского языка не только как языка межнационального общения. Русский язык становится мощным фактором межэтнической интеграции, что, в свою очередь, может способствовать складыванию единой общности. По мнению А. П. Мякшева, «в основе советской идентичности объективно находился русский язык – язык межнационального общения, позволяющий представителям различных этносов ощущать свою одинаковость, похожесть, близость, причастность к особой культуре и духовности»³⁴.

Наличие этнической идентичности и в современный период российской демократии помогает человеку в обретении смысла жизни, обеспечивает чувство сопричастности, предоставляет психологическую поддержку и ощущение безопасности, содействует повышению самооценки. Этническая принадлежность зада-

Таблица 2.

Количество представителей наиболее многочисленных национальностей Саратовской области по родному языку (по данным переписи населения 2010 г.), тыс. чел.

Национальность	Численность	Владеющие родным языком	Владеющие русским языком как родным	% от общей численности национальности	Владеющие языком своей национальности как родным	% от общей численности национальности
Русские	2.151394	2.149589	2.148791	99,8	-	-
Казахи	76007	75782	26609	35	46122	60,6
Татары	52884	52744	15869	30	36736	69,4
Украинцы	41942	41888	33720	80,3	8135	19,3
Армяне	23841	23778	5024	21,1	18709	78,5
Азербайджанцы	14868	14818	2771	18,6	11927	80,2
Чуваши	12261	12248	6104	50	6136	50
Мордва	10917	10909	6485	59,4	4393	40,2
Белорусы	8489	8477	6819	80,3	1652	19,4
Немцы	7579	7571	6797	89,6	768	10,1

Сост. по: Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: стат. сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Саратов : Саратовстат, 2012. С. 28–29. Рассматриваются народы, доля которых в населении составляет более 0,1%.

ется вместе с рождением, умением говорить на родном языке, культурным окружением, в которое он попадает и которое задает общепринятые стандарты поведения и самореализации личности. Для миллионов людей этническая идентичность – это сама собой разумеющаяся данность, не подлежащая рефлексии, через которую они себя осознают и благодаря которой могут ответить сами себе: «Кто я и с кем я?»³⁵.

Таким образом, важным условием сохранения гражданского мира и целостности государства является утверждение в структуре общественного сознания идеи общегражданской идентичности, не исключающей стратегии поддержания культурного разнообразия, т. е. позитивного отношения к наличию различных этнокультурных групп и адаптации социальных институтов к их потребностям.

Примечания

- 1 Конституция Российской Федерации. Ст. 3. М., 1993.
- 2 Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации в 2003 году. URL: <https://www.ru.wikisource.org/> (2003) (дата обращения: 24.04.2018).
- 3 См.: Ходорова Ю. Ю. Межэтнические отношения в Саратовской области : Оптимизация механизмов регулирования : автореф. дис. ... канд. полит. наук : М., 2003.
- 4 См.: Донцов А. И., Стефаненко Т. Г., Уталиева Ж. Т. Язык как фактор этнической идентичности // Вопросы психологии. 1997. № 4. С. 75–86.
- 5 См.: Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года : стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области (Национальный состав и владение языками, гражданство...). Саратов : Саратовстат, 2012. С. 6–8.
- 6 См.: Богоявленский Дмитрий. Перепись 2010 : этнический срез. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema01.php> (дата обращения: 30.04.2018).
- 7 См.: Национальный состав и владение языками, гражданство... С. 8.
- 8 См.: Уставщикова С. В. Этнический состав населения Саратовской области, расселение народов // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Науки о Земле. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 43.
- 9 Там же.
- 10 См.: Национальный состав и владение языками, гражданство... С. 8.
- 11 Там же. С. 4,8.
- 12 Там же. С. 118,155.
- 13 См.: Богоявленский Дмитрий. Указ. соч.
- 14 «Вопросы и ответы» о Всероссийской переписи населения. URL: <http://www.perepis-2010.ru/faq/> (дата обращения: 24.04.2018).
- 15 Уставщикова С. В. Указ. соч. С. 44.
- 16 См.: Национальный состав и владение языками, гражданство... С. 8.
- 17 См.: Национальный состав населения Саратовской области : стат. сб. по ВПН 2010 г. Саратов : Саратовстат, 2012. С. 49.
- 18 См.: Национальный состав и владение языками, гражданство... С. 8.
- 19 Национальный состав населения Саратовской области : стат. сб. по ВПН 2010 г. С. 49.
- 20 Там же.
- 21 Названа самая «молодая» национальность в Саратовской области. URL: <http://www.saratov.bezformata.ru/listnews/natcionalnost-v-saratovskoj-oblasti/9377154/> (дата обращения: 24.04.2018).
- 22 См.: Национальный состав и владение языками, гражданство... С. 24.
- 23 Там же. С. 115–199.
- 24 Там же.
- 25 Там же. С. 47.
- 26 См.: Национальный состав и владение языками, гражданство... С. 25.
- 27 Мякишев А. П. Национально-языковое строительство в Советском Союзе в послевоенный период : основные направления и тенденции // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 48.
- 28 См.: Национальный состав и владение языками, гражданство... С. 28.
- 29 Там же. С. 28–29.
- 30 Там же.
- 31 Там же. С. 30–31.
- 32 Там же. С. 28.
- 33 См.: Уставщикова С. В. Указ. соч. С. 49.
- 34 Мякишев А. П. Указ. соч. С. 48.
- 35 Факторы становления этнической идентичности. URL: http://www.revolution.allbest.ru/psychology/00384978_0.html (дата обращения: 05.05.2018).

Образец для цитирования:

Сушко М. Ю. Язык как фактор сохранения исторической национальной самоидентичности жителей Саратовской области (по итогам переписи 2010 года) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 134–138. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-134-138>

Cite this article as:

Sushko M. Y. Language as a Factor of Preservation of Historical National Self-Identity of Inhabitants of the Saratov Region (Based on the Results of the 2010 Population Census). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 134–138 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-134-138>